

Персидские сказки

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория

УДК 398(=222.1)
ББК 82.3(0)-6
П27

Серия «Bibliotheca mythologica»
Составитель *В. Харитонов*

Персидские сказки / сост. Н. Османов. — Екатеринбург: У-Факто-
П27 рия, 2007. — 448 с. — (Bibliotheca mythologica).

ISBN 978-5-9757-0052-0

УДК 398(=222.1)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-9757-0052-0

- © Османов Н., составление, 2006
- © Прокофьев К., Касьяненко А., обложка, макет, 2006
- © ООО «Агентство прав «У-Фактория», издание на русском языке, 2006

Волшебные сказки

Мирза Масту-Хумар и Биби-Мехрнегар

Было ли так или не было — кроме Аллаха, никого не было. Жил-был падишах, и не было у него детей. Посмотрел он однажды в зеркало и увидел на виске седой волос. Падишах опечалился, вызвал везира и говорит:

— Что ты скажешь? Я уж начал стареть, а детей у меня все нет. Кто же займет мой престол?

Везир стал утешать его:

— Пусть здравствует падишах — центр вселенной! Мой очаг тоже пуст — ведь и у меня нет детей. Это воля Всевышнего. Если Аллах захочет, то вскоре дарует тебе ребенка!

Падишах в гневе вскочил и закричал:

— Всегда ты льстишь и говоришь неправду, чтобы угодить мне! Даю на размышление сорок дней. Если за это время жена не забеременеет — я велю казнить тебя!

Незадачливый везир раскаялся в своих необдуманных словах и вернулся домой раздосадованный и печальный.

Все дни, назначенные падишахом, везир провел в беспокойстве. Он все повторял: «О правосудный Аллах! Как же мне быть? Что делать?»

И вот наконец настала сороковая ночь. В полночь слышит везир: кто-то зовет его. Душа у него ушла в пятки: почудилось ему, что пришли его убивать. Открыл он дверь, видит — стоит дервиш* весь в белом. Дал он везиру яблоко и гранат и сказал:

* Дервиши — члены мусульманских религиозных братств. В народе их нередко считали колдунами и волшебниками.

— Владыка послал это вашим женам: гранат — для супруги падишаха, яблоко — для твоей жены. Съедят они плоды, и на сороковой день жена падишаха понесет сына, а твоя жена — дочь. Как вырастут эти дети — так поженятся.

Сказал это дервиш и исчез.

А везир обрадовался так, что и сказать нельзя, и подумал: «Отдам-ка я гранат своей жене — пусть сын родится у меня. А яблоко дам жене падишаха». И он, не дождавшись утра, тут же направился к падишаху и рассказал ему о случившемся.

И вот спустя сорок дней обе женщины забеременели. Через девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут жена везира родила девочку, прекрасную, как лик солнца.

А жена падишаха уже должна была рожать, как вдруг раздался голос:
— Приготовьте золотой таз!

Слуги принесли золотой таз, и из чрева шахини выползла черная змея. Жена падишаха от ужаса упала без памяти, с трудом ее отходили.

Услышал везир об этом и подумал: «Это судьба», но и виду не подал, что у него такие мысли.

Змею — сына падишаха — назвали Мирза Масту-Хумар, а дочь везира — Биби-Мехрнегар. Шах, конечно, разгневался, но делать было нечего.

И вот стали дети подрастать. Когда уже пришла пора их женить, шах обратился к везиру:

— Ты отдашь свою дочь за моего сына!

Везир побоялся послушаться повеления шаха, и детей поженили.

В брачную ночь, когда жениха и невесту оставили вдвоем, сын падишаха вдруг скинул змеиную кожу и оказался прекрасным восемнадцатилетним юношей. А под утро он снова надел эту кожу и превратился в змею.

Прошло немного времени, и падишах прослышал, что его сын выходит из кожи змеи в облике красивого юноши. Он позвал к себе невестку и сказал ей:

— Ты должна что-нибудь придумать, чтобы мой сын не прятался больше в змеиную кожу!

Биби-Мехрнегар вернулась домой и спросила мужа:

— В каком пламени сгорает змеинная кожа?

Мирза Масту-Хумар ответил:

— Эту кожу можно сжечь только в огне от шелухи лука и чеснока, перемешанной с солью. Но если сгорит моя кожа — ты меня больше не увидишь.

Биби-Мехрнегар и внимания не обратила на слова мужа и в следующую же ночь, когда Мирза Маст вышел из змеиной кожи, она спалила ее.

Кожа еще горела, когда подошел к жене Мирза Масту-Хумар и сказал ей:

— Все-таки ты сделала свое дело — сожгла мою кожу! Не видать тебе меня теперь, пока ты не износишь в поисках семь пар стальных башмаков, не изорвешь семь железных платьев, не изломаешь семь железных посохов и не изжуешь семь шкатулок кандаруна*.

Сказал это Мирза Масту-Хумар и исчез.

Семь дней собиралась Биби-Мехрнегар в путь. Она купила семь пар стальных башмаков, семь железных платьев, семь железных посохов, семь шкатулок кандаруна и тронулась в путь через пустыню.

Шла она, шла и встретила со страшным дивом**. И взмолилась она:

— О Аллах, что мне делать?

Вдруг раздался таинственный голос:

— Девушка! Брось диву шкатулку, чтобы он не тронул тебя.

Мехрнегар так и сделала, а потом снова отправилась в путь. Тут, откуда ни возьмись, опять навстречу ей див. Она и на этот раз бросила диву шкатулку и пустилась бежать.

Словом, не стану вам долго рассказывать, а странствия Биби-Мехрнегар длились то ли два, то ли три года. Она повстречала семерых дивов, побросала им семь шкатулок. А ее железные посохи, стальные башмаки и железные платья к тому времени сносились и порвались. И вот в тот день, когда изорвалась седьмая пара башмаков, она остановилась у родника. Устала она, присела на берегу, чтобы умыться и освежиться. Вдруг видит — к роднику идет рослая чернокожая служанка с кувшином.

— Чья ты служанка, сестрица? — говорит Биби-Мехрнегар.

— Я служанка Мирзы Масту-Хумара, — отвечает та.

— А где он сам?

— Да вот здесь! — И служанка показала ей на огромный сад. — Он готовится к свадьбе с дочерью своей тетки.

— А для кого ты несешь воду? — спросила Биби-Мехрнегар.

— Для Мирзы Масту-Хумара. Он хочет помыться.

* Кандарун — жевательная масса, приготовляемая из ароматических смол

** Див — злой дух

— Да не случится с тобой никогда беды! — сказала Биби-Мехрнегар. — Дай кувшин мне, я хочу напиться.

Служанка протянула ей кувшин, а Биби-Мехрнегар незаметно бросила в него перстень — подарок мужа. Потом она отпила немного воды и вернула кувшин негритянке.

Служанка возвратилась домой и стала поливать на руки Мирзе Масту-Хумару. Тут прямо в ладонь к нему упал перстень. Он посмотрел, узнал свой перстень, обернулся к служанке и спрашивает:

— Откуда это?

— Не знаю, — отвечает та. — Только вот у родника сидела девушка-чужеземка — она напилась воды из кувшина.

Мирза Маст понял, в чем дело, вышел из сада и увидел на берегу родника Биби-Мехрнегар.

— Как ты очутилась здесь? — спросил он. — Знаешь ли, что ты смела, как львица! Ведь это край дивов и гулей*. Мой отец, мать, семь братьев и тетка — дивы. Увидят они тебя — проглотят живьем. А теперь слушай: если моя тетка узнает о твоём приходе, она тут же убьет тебя. Можно только сказать, что ты — моя служанка.

Он покрасил лицо Мехрнегар черной краской, прочитал какое-то заклинание, подул на девушку — и она тут же превратилась в булавку. Он приколот эту булавку к одежде и вошел в дом. Окружили его все обитатели дома и стали кричать:

— Человеком пахнет!

— Я привел служанку для новобрачной, — говорит Мирза Маст. — Дайте слово не обижать ее, и я верну ей прежний облик.

Поклялись они, тогда Мирза Маст опять прочитал то же заклинание, и девушка предстала перед ними такой, какой она была прежде. Повел он ее к своей будущей теще и говорит:

— Тетушка, дорогая! Эту служанку я привел для твоей дочери.

— Ах ты негодяй! — закричала она. — Моей дочери не нужна служанка!

Стал тут просить ее Мирза Масту-Хумар оставить у себя девушку, и она в конце концов согласилась, а он тихонько говорит Мехрнегар:

— Что бы тебе ни приказали, ты исполняй все без расспросов.

С этими словами дал он ей прядь своих волос и прибавил:

— Случится с тобой какая-либо беда — сожги один волосок.

* Гуль — злой дух, оборотень, нападающий на путников

На другой день тетка дала Мехрнегар метлу, унизанную жемчугом, и наказала:

— Подмети этой метлой двор. Но горе тебе, если упадет хоть одна жемчужина, — я тебе тогда покажу!

Взяла Мехрнегар метлу, только раз провела ею по земле, как рассыпались все жемчужины. Она тут же сожгла волосок, и тотчас предстал перед ней Мирза Масту-Хумар. Он собрал жемчужины, связал их в метлу и подмел двор. Затем он вручил метлу Мехрнегар со словами:

— Отдай тетушке.

Стала она возвращать метлу, а тетка и спрашивает:

— Что, кончила подметать?

— Да.

— Это не твоих рук дело — это сделал негодяй Мирза Маст! — закричала тетка.

На другой день дала она Мехрнегар сито с наказом:

— Полей двор водой через это сито!

Как ни старалась Мехрнегар — ничего у нее не получилось. Сожгла она волос, явился Мирза Маст, полил двор и сказал:

— Ступай, отдай моей тетушке сито!

Стала она возвращать тетке сито, а та опять спрашивает:

— Что, уже все?

— Да, все, уже полила, — отвечает девушка.

— Не твоих это рук дело — это сделал негодяй Мирза Маст! — опять говорит тетка.

На третий день тетка дала Мехрнегар шкатулку.

— Это шкатулка «играй-танцуй», — сказала она. — Ступай туда-то и отдай ее моему брату. А у него возьмешь шкатулку «хватай-сажай» и принесешь ее мне. Увидишь в пути ясли для коня — насыпь туда костей. Увидишь привязанную собаку — брось ей соломы. Увидишь закрытую дверь — не трогай, пусть остается закрытой. Увидишь открытую дверь — проходи мимо. В пути ты увидишь яму, полную грязи и крови. Будешь проходить мимо нее — зажми нос пальцами и иди своей дорогой.

Биби-Мехрнегар отправилась в путь. И вздумалось ей из природного любопытства заглянуть по дороге в шкатулку. Приподняла она крышку — вдруг выскочили из шкатулки музыканты и танцоры, стали петь, играть и танцевать. А были это карлики и карлицы, и ей никак не удавалось их изловить и запереть снова в шкатулку. Тогда она быстро сожгла

волосок. Явился Мирза Масту-Хумар, поймал человечков, спрятал их в шкатулку и говорит:

— Что бы ни приказывала тебе тетка, делай все наоборот. Солому положи коню, кости брось собаке, перед каждым домом произноси приветствие, все закрытые двери открывай, открытые — закрывай. Не делаешь так — несдобровать тебе! Как завидишь яму, наполненную грязью и кровью, скажи: «Жаль, что руки у меня заняты, а то обмакнула бы я пальцы в этот мед и поела немножко». Шкатулка «хватай-сажай» стоит на полке — она накрыта перевернутой чашей. Будешь отдавать шкатулку «играй-танцуй», скорей хватай с полки другую шкатулку и беги. Да смотри, ни в коем случае не открывай ее!

И пошла Биби-Мехрнегар своей дорогой. Она наложила коню соломы, бросила костей собаке, закрытые двери она открывала, а открытые — закрывала. Подойдя к яме с грязью и кровью, она сказала: «Жаль, что руки у меня заняты, а то обмакнула бы я палец в мед и поела». У каждого дома произносила она приветствие.

Наконец она отдала шкатулку «играй-танцуй» ее владельцу, проворно схватила из-под чаши шкатулку «хватай-сажай» и пустилась бежать. Не успела она пробежать и нескольких шагов, как за ее спиной раздался громкий голос:

— Открытые двери, хватайте ее!

— Зачем нам хватать ее? — ответили двери. — Ты нас никогда не закрывал, а она закрыла.

Затем раздался другой приказ:

— Закрытые двери, хватайте ее!

— Зачем же нам хватать ее? — ответили двери. — Ты нас всегда оставлял закрытыми, а она открыла.

— Собака, хватай ее! — раздался снова голос.

— Зачем мне хватать ее? — отвечала собака. — Ты кормил меня соломой, а она дала костей.

— Хватай ее! — приказали коню.

— Зачем мне хватать ее? — отвечал конь. — Ты давал мне кости, а она положила мне соломы.

Наконец голос раздался еще раз:

— Грязь и кровь, хватайте ее!

А они в ответ:

— Зачем нам хватать ее? Ты нас называешь грязью, кровью, а она назвала медом!

Ну, что там долго рассказывать — уцелела девушка и вручила тетюшке шкатулку «хватай-сажай». Та спросила девушку:

— Ты отдала шкатулку «играй-танцуй»?

— Да, — ответила Мехрнегар.

— Не твоих это рук дело! — закричала тетка. — Это опять сделал негодяй Мирза Маст!

И вот настал день свадьбы. Тетка говорит:

— Нужно на пальцах служанки зажечь свечи, чтобы освещать путь, по которому пройдут новобрачные.

И правда, на пальцах Биби-Мехрнегар зажгли десять свечей. Идет она впереди новобрачных, плачет и жалуется:

— Мирза Маст, мои пальцы горят!

— Нет, Мехрнегар, — отвечает Мирза Маст, — это мое сердце горит!

Наконец прибыли новобрачные в дом жениха. Мирза Маст шепотом говорит Мехрнегар:

— Не выдай себя этой ночью! Простись со всем в доме: с мышами, собаками и кошками, с кастрюлями, чашками и горшками, с дверями и стенами.

Когда настала полночь, Мирза Маст отрезал голову новобрачной и положил ее ей на грудь. Потом он взял тростинку, иголку, щепотку соли, немножко морской пены, посадил на плечо Биби-Мехрнегар и взлетел в воздух.

Но случайно в ту ночь Биби-Мехрнегар позабыла проститься с камнем весом в полмана*. Не успели они еще удалиться от дома, как камень стал перекатываться, подкатился к дому тетки и закричал:

— Мирза Маст отрубил голову твоей дочери и убежал с Биби-Мехрнегар!

Тетка и ее муж бросились в погоню за ними. Оглянулся Мирза Маст назад, видит: вот-вот схватят их и убьют! Протянул он руку, бросил тростинку и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана!** Как только упадет эта тростинка, пусть вырастет тростниковая чаща, чтобы и шагу нельзя было ступить!

* Ман — мера веса, равнявшаяся в разное время от 3 до 6,5 кг.

** Шахмардан — дословно «шах храбрецов», эпитет халифа Али. Шииты (последователи одного из основных толков ислама) признают этого халифа имамом, т. е. главой всех верующих, почитают его заступником и защитником в бедах. Джам — Джамшид, легендарный царь. Сулейман — библейский царь Соломон. По мусульманским преданиям, Сулейман обладал властью также над царством духов.

И в самом деле, встали непроходимые заросли тростника, и тетка со своим мужем застряли в них. Вскоре оглянулся Мирза Маст второй раз и опять видит: вот-вот догонят их. Тогда бросил он иголку и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только упадет эта иголка на землю, пусть вырастет чаща игл, чтобы шагу нельзя было ступить!

И правда, тут же появилась чаща игл. Трудно стало тетке и ее мужу пробираться. Но Мирза Маст увидел, что они и эту чащу одолели. Тогда высыпал он соль и произнес:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только эта соль упадет на землю, пусть появятся солончаки, чтобы шагу нельзя было ступить дальше!

Земля превратилась в солончаки, и тетка с мужем с трудом пробирались через них, изранив все ноги.

Снова оглянулся Мирза Маст и увидел: опять вот-вот нагонят их. Бросил он тогда морскую пену и сказал:

— Во имя Шахмардана, во имя Джама и Сулеймана! Как только эта пена упадет на землю, пусть разольется здесь море, чтобы шагу нельзя было сделать дальше.

И тут же разлилось кругом бурное море, пошли по морю волны, на волнах пена закипела. Тетка и ее муж остановились на берегу моря, а переправиться-то не могут. Тетка давай звать Мирзу Масту-Хумара:

— Племянничек! Дорогой! Как вы прошли через это море? Скажи нам, чтобы и мы могли переправиться!

— А мы, — отвечал он, — перешли по тем вот камням, которые видны в воде. Ступайте и вы так!

Ступили они на клочки морской пены и утонули.

А Мирза Масту-Хумар и Биби-Мехрнегар прибыли в родную страну. Там они украсили город и семь дней и семь ночей играли свадьбу; и стали они жить весело, припеваючи.

Так же, как исполнились их желания, пусть исполнятся и ваши.

Было так или не было — кроме бога, никого не было. Жил-был падишах, и было у него три дочери. И вот как-то дочери попросились у отца к тетке погостить. Отец разрешил, и девушки нарядились в новые платья, навели красоту и пустились в путь.

Дорога вела через пустыню. Шли они, шли и пришли к реке. Как ни старались сестры перейти ее вброд, ничего не выходило. Тут видят они, что подходит к ним негр — черный-пречерный безобразный арап. спрашивает он их:

— Хотите переправиться на тот берег?

— Да, — ответили девушки разом.

— Я вас переправлю, — продолжал негр, — но с уговором, что каждая из вас поцелует меня.

Старшая и средняя сестры подумали: «Здесь нет никого, кто бы мог увидеть это и разгласить. Поцелуем его, зато переправимся на тот берег!» Поцеловали они негра и оказались на противоположном берегу.

Но младшая сестра не согласилась. Она сняла чулки, вошла в воду и перешла реку. Там она сказала сестрам:

— Я расскажу отцу, как вы целовали негра!

Растерялись сестры, подумали: «Спаси Аллах, а что, если она расскажет? Плохо тогда будет!» И сговорились убить ее. Как только негр ушел, схватили они сестру за ноги и за руки, отрубили ей голову, оттащили к реке и сбросили вниз.

Пришли они к тетке, а та их спрашивает:

— Где же ваша младшая сестра?

— Нездоровится ей, вот она и не пришла, — ответили сестры.

Погостили у тетки старшие сестры, вернулись домой.

— Где младшая сестра? — спросил отец.

— У тетки осталась, — ответили они.

Прошло несколько дней, и что же: из капли девичьей крови выросла на берегу тростинка. Проходил мимо пастух, срезал ее и смастерил свирель. Стал он дуть в свирель, вдруг оттуда послышался голос:

Играй живее, пастушок,
Повеселее, пастушок!
Убийцы на меня напали,
А сами негра целовали*.

Пастух очень удивился этому: «Что за чудо? Ничего не понимаю!»
А свирель все поет одно и то же.

И вот однажды поехал везир падишаха на охоту и встретился с пастухом, а тот в это время как раз играл на свирели. Везиру понравилась его игра, остановился он и прислушался. Слышит голос:

Играй живее, пастушок,
Повеселее, пастушок!
Убийцы на меня напали,
А сами негра целовали.

Удивился везир, купил у пастуха свирель и стал дуть в нее. Оттуда раздался голос:

Играй живее, мой везир,
Повеселее, мой везир!
Убийцы на меня напали,
А сами негра целовали.

Везир заиграл опять — снова раздалась те же звуки. Тогда он отнес свирель к шаху и отдал ему со словами:

— Поиграй на ней — она говорит человеческим голосом.

Заиграл падишах и слышит:

* Здесь и далее стихи даны в переводе А. В. Старостина.

Играй живее, мой отец,
Повеселее, мой отец!
Убийцы на меня напали,
А сами негра целовали.

Все диву дались! И кто бы ни играл на ней, свирель обращалась именно к этому человеку. Стала она переходить из рук в руки и попала наконец к старшим сестрам. И тут свирель заговорила:

Играй живее, подлая,
Повеселее, подлая!
Вы двое на меня напали,
А сами негра целовали.

Задрожали сестры от страха и говорят друг другу: «Это наша сестра». И чтобы свирель не выдала их, они сломали ее и выбросили в сад.

Но по милости Аллаха из обломков свирели вырос крупный и сочный арбуз, такой хороший, что шах сам каждый день стал поливать его и ухаживать за ним.

Вздумалось как-то шаху пойти в баню, и велел он дочерям:

— Пришлите этот арбуз мне в баню.

Дочери сорвали арбуз, положили на поднос и отослали отцу. Падишах достал нож и стал было разрезать арбуз, вдруг слышит крик:

— Это моя голова! А это моя рука!

Куда ни приставит нож — слышит жалобный крик. Удивился тут падишах и обратился к арбузу:

— Ответь, ради Аллаха: ты джинн, пери* или человек? Кто бы ты ни был, отвечай!

— Я не джинн и не пери, — говорит арбуз, — я твоя дочь. Сними с арбуза тонкую корочку, и я тебе все расскажу.

Шах взял нож и снял с арбуза тонкую-претонкую корочку. И что же: предстала пред ним его младшая дочь, о которой уже давно не было ни слуху ни духу. Хотел шах обнять дочь, видит — а она совсем голая! Тотчас же послал он во дворец за платьем, а потом дочь рассказала отцу все свои злоключения.

* Джинн — злой дух, демон Пери — доброе волшебное существо в образе прекрасной женщины, охраняющее людей от злых духов

Вернулся шах во дворец в гневе и немедленно потребовал старших дочерей. Но что он им ни говорил — они все начисто отрицали, клялись венцом и троном отца, что все это чистейшая ложь. Тогда по приказу шаха привели двух норовистых мулов, привязали к их хвостам косы старших дочерей и пустили мулов в степь.

Затем шах выдал младшую дочь за нареченного. Город разукрасили и семь дней и ночей жгли огни. И молодые зажили счастливой жизнью. Они остались там, а мы пришли сюда.

Жил в Магрибе* один падишах. Как-то, когда цирюльник брил его, взглянул падишах в зеркало и подумал, что уж начал он седеть, а детей у него нет. Вызвал он везира и сказал:

— О везир! Найди заклинание или какое-нибудь другое средство, чтоб не позднее чем через год у меня родился ребенок. Не найдешь — велю отрубить тебе голову.

Слушай же дальше. В это самое время по воле Аллаха, откуда ни возмись, появился у дворцовых ворот дервиш. Он разбил там палатку и повесил на жердь дервишский посох и рог. Как ни уговаривали его нукеры**, суля большие деньги, покинуть это место, он не соглашался и лишь повторял: «Я хочу видеть самого падишаха. У меня к нему неотложное дело». Пришлось сообщить падишаху:

— Явился какой-то дервиш и разбил палатку у дворца. Как ни просили мы его собрать свои пожитки и уйти, он не соглашается и все время твердит: «Хочу видеть самого падишаха».

— Приведите его, — приказал падишах.

Ввели слуги дервиша. Тот запустил руку в карман халата, вытащил яблоко и отдал падишаху со словами:

— Одну половину съешь сам, а другую отдай царице. Пусть она, когда будет есть, пожелает зачать ребенка. Мне же дай расписку: если у вас родится дочь, то она будет моей. Если же родится сын, — один год будет проводить у меня, другой — у тебя.

* Магриб — северо-западная часть Африки.

** Нукеры — вооруженная стража, телохранители.

Подумал падишах: «Если и сбудутся его слова, то разве посмеет какой-то дервиш забрать моего сына или дочь?» И вручил дервишу расписку. В ней говорилось: «Если благодаря чудесной силе этого яблока у меня родится ребенок, то, коли это будет дочь, — она принадлежит дервишу. Если же родится сын, то один год будет проводить он у меня, а другой — у дервиша».

Отдал падишах расписку, дервиш распрощался и ушел. А падишах сделал все, как сказал дервиш: половину яблока взял себе, а другую отдал жене. Съели они это яблоко, и вскоре по воле судьбы царица зачала и родила сына. Его назвали Михр-Афарином.

Сын вырос. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он в совершенстве овладел всем тем, что необходимо для царского сына: искусством верховой езды, стрельбы из лука, письмом, рисованием, — и не было среди сверстников равного ему.

За эти пятнадцать лет о дервише не было ни слуху ни духу. Но в один прекрасный день он появился у ворот дворца. Как и в первый раз, разбил палатку, повесил рог и кашкул* и начал громко читать молитвы. Ему стали предлагать деньги, чтобы он ушел, но дервиш отвечал: «Хочу видеть падишаха». Сообщили об этом царю, и приказал он ввести дервиша.

Дервиш вошел. Как увидел его падишах — сразу узнал и сказал:

— Дервиш! Любимец бога! Где же ты пропадал все эти годы? Почему не навестил нас?

— Странствовал я, — ответил дервиш. — И вот пришел за сыном. Пятнадцать лет он у тебя пробыл, а теперь должен пробыть пятнадцать лет у покорного раба твоего.

— Что это за речи? — удивился падишах, а дервиш отвечал:

— Все, что угодно, можешь ты сделать, но не можешь пренебречь своей распиской.

— Дорогой, — сказал шах, — ну что за слова? Откажись-ка от расписки. Я заплачу тебе отступного сколько угодно.

— Сохрани бог, — ответил дервиш, — ведь по твоей расписке сын на пятнадцать лет принадлежит мне. Ты говоришь «нет»? Хорошо! Посмотрим, к кому из нас подойдет сначала шахзаде**, вернувшись из школы.

* Кашкул — чашка из кокосового ореха, которую носят нищенствующие дервиши для сбора подаяний.

** Шахзаде — царский сын, принц.

И вот настал полдень. Сын падишаха, как пришел из школы, бросился к дервишу, обнял его за шею и закричал:

— Милый отец, где же ты был до сих пор?

Видит шах — спорить бесполезно, и отдал он сына дервишу.

Дервиш и шахзаде вышли из города и подошли к какой-то горе, а в горе была пещера. У входа ее встретился царскому сыну какой-то благообразный старец и сказал:

— О юноша! Этот дервиш — колдун. Он заведет тебя в пещеру, а потом велит принести муку, замесить тесто и испечь хлеб в тануре*, который стоит там же. Ни за что не соглашайся и отвечай ему: «Сначала ты замеси тесто и выпеки хлеб, чтобы, глядя на тебя, я мог поучиться, а потом уж я и сам справлюсь с этим делом». Когда он приготовит тесто, принесет его и начнет прилеплять лепешки, быстро схвати его за ноги и сунь в печь вниз головой, а сам немедленно ложись сверху. Целый час из танура будут слышны душераздирающие вопли. Все это время ты, ради Аллаха, не подымай головы. Поднимешь голову — умрешь в ту же секунду.

Поцеловал шахзаде руку старца, а затем вошел в пещеру. Видит — пещера длинная-предлинная, конца ей нет. Тут же стоит танур, а из него вырывается пламя. Дым, слава богу, поднимался вверх**.

— Возьми-ка муки, замеси тесто и испеки хлеб, — обратился дервиш к шахзаде.

— Не умею я! — отвечал тот. — Ты мне сначала покажи, чтобы я мог поучиться, а потом уж я и сам смогу.

Дервиш замесил тесто, потом подошел к тануру. Когда стал он прилеплять лепешки, шахзаде схватил его за ноги, опрокинул в танур и тотчас навалился на заслонку. Из танура раздались ужасные крики, но юноша не поднял головы, пока не прошел целый час, а потом встал и пошел по пещере. Сколько он увидел там золота и камней, накопленных дервишем, — один Аллах ведает. Взял он, сколько мог, и вышел наружу.

Видит шахзаде — едет какой-то всадник. Подъехал тот и обратился к шахзаде:

— Куда ты идешь? Пойдем со мной, будешь мне спутником.

* Танур — особая печь для выпечки лепешек. Лепешки прилепляют изнутри к раскаленным стенкам танура.

** Дым, поднимающийся вверх, считается хорошей приметой.

Шахзаде принял приглашение, и отправились они вместе. Так дошли они до другой пещеры. Всадник слез с коня, передал шахзаде поводья и наказал:

— Я спущусь в эту пещеру, а ты оставайся здесь три дня. В первый день я закричу, на второй день — тоже крикну. Если и на третий день ты услышишь мой крик, то, значит, все хорошо, оставайся здесь до моего возвращения. А если до захода солнца не услышишь крика — садись на коня и уезжай.

И он спустился в пещеру. Слушает шахзаде первый день. И правда — закричал всадник, будто лев зарычал. «Ну вот — это первый раз», — говорит шахзаде.

На второй день опять раздался крик. «А вот и второй раз», — сказал шахзаде.

Настал третий день. Ждет шахзаде — нет крика. Настал полдень — ничего не слышно. Солнце склонилось уже к закату, а крика все нет. И вот перед самым заходом раздался крик всадника, но он не был похож на прежние — он походил на рев разъяренного дива.

Немного погодя из пещеры показалась голова всадника. Весь он был в ранах, по лицу текла кровь. Всадник воскликнул:

— Да благословит тебя Аллах, шахзаде. Убедился я, что ты благородный человек. Да будет тебе известно, что в этой пещере находилась заколдованная девушка. Три дня я сражался с дивом, заколдовавшим ее, убил чудовище и спас девушку. Пойдем теперь со мной, посмотрим на нее.

Спустились они вместе в пещеру и увидели девушку, прекрасную, как полная луна. Забрали всадник, шахзаде и девушка все, что хотели и могли, и вынесли из пещеры. Всадник сказал шахзаде:

— Давно уж ты ничего не слышал об отце. А отец твой ослеп, проливая по тебе слезы. Возвращайся к нему скорее.

Дал он юноше какой-то лист и продолжал:

— Искроши этот лист, натри им глаза отцу — и он прозреет.

Простились они и расстались.

Когда шахзаде вернулся в родную страну, он убедился в правдивости слов всадника: падишах, оплакивая разлуку с сыном, ослеп от пролитых слез. Шахзаде тотчас искрошил лист, натер глаза отцу, и тот прозрел.

Сын подробно рассказал отцу о всех своих приключениях: о том, как дервиш оказался колдуном; о том, как погубил он этого злодея; о встрече с всадником, который спас заколдованную дивом девушку; и наконец, о том листе, который вылечил глаза падишаха.

Падишах созвал всех вельмож, везиров и старейшин страны. Они сначала отправились в пещеру, в которой был убит дервиш-колдун, забрали все сокровища и привезли их во дворец. Потом падишах снова созвал везиров и вельмож и объявил:

— Я стар. А сын мой, как вы убедились, достойный и доблестный муж и сможет управлять государством. Я уступаю ему свой трон, сам же удаюсь от мира и буду служить Богу.

Все ответили:

— Хвала тебе и слава! Если это угодно Аллаху, да будет так!

Шахзаде занял престол отца, творил правый суд и царствовал справедливо. Да осуществит Аллах чаяния каждого страждущего.

Давным-давно жил один охотник. Ни птица, ни зверь не могли спастись от него.

Умирая, охотник сказал жене:

— Не видел я проку от своего ремесла. И вот, покидая этот мир, прошу тебя — спрячь подальше от взоров сына мою охотничью снасть: лук, стрелы и рыболовную сеть. Не допускай сына к этому ремеслу, пусть не будет он охотником. Он — единственная память обо мне в этом мире, ты сама знаешь, как я люблю его. А я, хоть и прославился как охотник по всей земле, всю жизнь едва сводил концы с концами.

Жена отвечала: «Хорошо».

Когда отошел муж в тот мир, жена спрятала охотничьи принадлежности в чуланчик. Она замазала дверь глиной, наглухо забила окно и заделала отверстие для дыма в крыше.

Вскоре сын охотника подрос, и мать отдала его в ученье к столяру. Но он ничему не научился. Забрала она его от столяра и отдала к кузнецу, только он и там ничему не научился. Посылала она его и к меднику. Но куда бы юношу ни определяли, он ни к чему не был способен.

Словом, что там долго рассказывать, в один зимний день мать попросила:

— Сынок, поднимись на крышу, смети снег*.

Он поднялся на крышу и стал мести. Подметая, он заметил, что комнат у них пять, а кровель шесть. Сколько он ни бился, никак не мог

* В Иране крыши плоские, глинобитные. После снегопада их обычно подметают

понять, в чем дело. Стал он приглядываться — и что же? У всех комнат на крыше было отверстие для дыма, а у одной не было.

Он пробил отверстие и спустился в комнату, и — что за диво! — там он нашел две стрелы, лук и рыболовную сеть. И больше ничего. Выломал он замазанную глиной дверь и вышел наружу. Придя к матери, он пристал с расспросами:

— Мать! Почему ты замазала глиной эту дверь? Что это за охотничья снасть? Кем был мой отец? Почему ты никогда не рассказывала мне о его ремесле?

Как ни старалась мать вывернуться, ничего не вышло. Ей ничего не оставалось, как ответить:

— Твой отец, сынок, был охотником. А спрятала я оружие и замазала глиной дверь по его завещанию. Не хотел он, чтобы ты пошел по его стопам. Ведь он сам не видел проку от этого ремесла и еле-еле сводил концы с концами.

— Нет, нет! — перебил сын мать. — Если сын не наследует ремесла отца, то он не мужчина!

На другой день с восходом солнца он перекинул через плечо лук со стрелами, взял тенета и двинулся в поле. Шел он, шел и остановился у родника. Здесь он расставил тенета, а сам сел в засаду, в заросли. Сидит он, глядит по сторонам и думает: «Вот сейчас буду я с добычей!»

И вдруг видит, откуда ни возьмись, бежит по степи газель. Подбежала она к роднику, напилась воды и тут увидела силок. Только подошла она поближе, как сын охотника натянул петли, и газель была поймана.

Газель оказалась очень красивой, шкура ее была украшена полосами и пятнами, и юноша ликовал. Обвязал он ей шею веревкой и повел в город. У городских ворот ему повстречался всадник. Подъехал тот поближе, увидел газель и поразился ее красотой. Спешился он и спросил:

— Ты продаешь эту газель?

Но сын охотника был смысленный юноша. Он ответил:

— Нет, не продаю.

— Продай, — стал настаивать тот, — я отдам все, что бы ты ни попросил.

— Не продам! — повторил юноша, а потом все-таки спросил: — А сколько ты дашь?

— Десять туманов*.

* Туман — золотая монета, равная 10 серебряным риалам.

— Не продам.

Всадник дошел до ста туманов, но юноша не соглашался. Тогда всадник с раздражением сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему! А чего ж ты все-таки хочешь?

— Хочу поднести газель шаханшаху и получить большой подарок.

— Будь ты проклят! — пробурчал всадник.

Подумать только! А всадник этот был не кто иной, как шахский везир правой руки.

Сын охотника шел, шел и пришел ко дворцу. Он сказал привратнику и фаррашам*:

— Передайте шаханшаху, что явился охотник и привел газель удивительной красоты.

Доложили они, и шах приказал:

— Введите.

Предстал сын охотника перед шаханшахом, поклонился низко и подарил газель. Шаханшах приказал:

— Передайте везиру, пусть немедленно явится.

Везир вошел. Узнал его сын охотника и призадумался: понял, что дело плохо. А шаханшах обратился к везиру:

— Скажи, чем же мы одарим этого охотника?

Везир ответил:

— Да буду я жертвой за тебя! Эта газель — самец. Надо бы приказать привести самку с такими же полосами и пятнами на шкуре. Тогда можно одарить охотника как угодно. Ведь самец в одиночестве зачахнет от тоски, если же ему достать подругу — все пойдет совсем по-другому.

Сказал шаханшах:

— А везир неплохо придумал. Ступай, юноша, приведи точно такую же газель, но самку. Тогда я вознагражу тебя.

Сын охотника поник головой и со слезами на глазах и горечью в сердце вышел из дворца. Расстроенный, вернулся он домой и прилег. А мать его стала ворчать:

— Тридцать лет твой отец занимался охотой и даже на хлеб не мог заработать. Умирая же, завещал спрятать от тебя охотничью снасть. Но я не сумела этого сделать... Посмотрим, чем все кончится.

Не поужинав, юноша заснул под ворчание матери. На другой день еще солнце не вышло из-за гор, как он собрал охотничьи принадлежно-

* Фарраш — дворцовый слуга.

сти и двинулся в путь, в степь. Расставил он тенета у того же родника и спрятался в зарослях. Словом, что там долго рассказывать, — поймал он, как и в прошлый раз, газель — подругу вчерашней. То был самец, а это — самка. Газели паслись в этой степи и всегда бывали вместе.

Сын охотника был несказанно рад. Привязал он газель на веревку и двинулся к городу. Дошел до городских ворот и опять встретил вчерашнего всадника — шахского везира. Всадник подъехал к юноше:

— Эй, юноша! Продаешь газель?

— Нет, не продаю.

— Сто туманов дам.

Короче говоря, дошел он до тысячи туманов, но юноша не согласился, а отправился прямо в царский дворец. Войдя, он низко поклонился шаханшаху и поднес ему газель-самку. Увидел шах газель, обрадовался:

— Чудесно! Ты привел прекрасную газель. Пусть войдет везир!

Вошел везир. Шаханшах радостно сказал:

— Говори же, везир, чем мы одарим его?

Пораскинул юный охотник умом и решил, что везир придумает новую хитрость. И в самом деле, везир сказал:

— Да буду я жертвой за вас! Жаль, если у шаханшаха, обладателя двух газелей с красивыми полосами и пятнами, не будет ласки. Пусть сын охотника принесет ласку, тогда мы подарим ему коня.

Шах сказал:

— Везир-то дело говорит. Пойди, юноша, добудь ласку. Тогда и будет тебе подарок.

И снова сын охотника покинул дворец со слезами на глазах и обидой в сердце. Придя домой, он не стал есть и сразу же заснул, удрученный заботами. А во сне увидел он пророка Хызра*, который спросил его:

— Отчего ты так горюешь, юноша?

— Да буду я жертвой за тебя! К чему слова, когда и так все ясно. Два дня подряд ходил я на охоту и каждый раз ловил по газели. Отвел я их шаханшаху, но он не вознаградил меня. Мало того, приказал он достать ласку.

— Не горюй, — отвечал пророк. — Завтра с восходом солнца отправляйся во дворец и скажи шаханшаху: «Вели дать мне два мана гороха и три мана изюма из кладовой везира. Если все это возьмут из запасов кого-нибудь другого, а не везира, то ласку поймать не удастся». Возьми с собой горох и изюм и, выйдя из городских ворот, начни

* Хызр — пророк, помогающий людям, оказавшимся в бедственном положении.

их разбрасывать. Так иди, пока не дойдешь до родника в четырех фарсангах* от города. Садись там и жди. Ласки будут приходить парами. Одну пару из них ты и принеси шаханшаху.

Рано утром юноша встал и отправился во дворец. Он попросил два мана черного гороха и три мана изюма, заявив:

— Все это должно быть выдано из личных запасов везира. Если же возьмут из кладовых кого-нибудь другого, то поймать ласку не удастся.

Дали ему все, что он попросил. Сын охотника все делал так, как велел ему святой Хызр. Как только вышел он из ворот, стал разбрасывать горох и продолжал это делать, пока не добрался до родника в четырех фарсангах от города. Там он заснул от усталости. А когда проснулся, видит — Аллах! — вся степь покрыта ласками. Каждая горошинка и изюминка по воле Хызра превратилась в пару ласок. Они шли вслед за ним, а теперь сгрудились все в одном месте.

Юноша отобрал лучшую пару ласок и вернулся в город. И опять у городских ворот он встретился с тем же всадником — везиром шаха. Тот закричал:

— Юноша! Ты не уступил мне газелей, так продай же мне ласок! Я отдам все, что тебе угодно, и похваляю тебя перед шаханшахом. Да еще посоветую дорого уплатить тебе за газелей. А для шаханшаха принесешь другую пару ласок.

Не согласился сын охотника, а везир пригрозил:

— Лучше не связывайся со мной, а то пожалеешь!

Пошел юноша во дворец к шаханшаху и отдал ему ласок. Посмотрел шах, удивился прекрасным ласкам и спросил:

— Везир, чем же мы одарим этого сына охотника?

Тот отвечал:

— Да буду я жертвой за шаханшаха, обладателя двух красивых газелей с пятнами и полосами и двух чудесных ласок. Жаль только, что у него нет трона из слоновой кости, скрепленного гвоздями из того же материала.

Приуныл сын охотника, понял, что везир этот не даст ему житья и все его труды пропадут даром. Шаханшах же, видя, что везир льет воду на его мельницу, сказал:

— Что ж, юноша, везир говорит правду. Даю тебе десять дней срока. Ты должен раздобыть такой трон. Достанешь — отдам все, чего только твоя душа пожелает. Не достанешь — голова с плеч долой!

* Фарсанг — мера длины, равная приблизительно 6 км.

Видит сын охотника — незачем сюда больше ходить. Удрученный, побрел он из дворца. Едва он дошел до дома, как упал без памяти и за-
снул мертвым сном. Опять увидел он во сне святого Хызра и давай жа-
ловаться. А Хызр стал утешать его:

— Не горюй и не плачь. Пойди завтра утром во дворец и скажи пади-
шаху: «Если тебе нужен такой трон, какого нет ни у кого на свете, то
исполни, что я тебе скажу. Прикажи предоставить в мое распоряжение
семьсот верблюдов, нагруженных вином везира. Отдай под мое начало
всех кузнецов и столяров страны. Топоры и пилы пусть им дадут золо-
тые, а кузнецам инструмент — серебряный. Пусть пять тысяч погонщи-
ков нагрузят ослов и мулов съестными припасами и сопровождают нас.
Все припасы надо взять из кладовых везира. Если, не дай бог, будет там
хоть на грош имущества другого человека, то трон из слоновой кости не
достать». После этого, — продолжал Хызр, — отправляйся в Индию,
там и водятся слоны. В одной пустыне в Индии бьет ключ, а рядом с ним —
озеро. Вели людям отвести воду из этого озера и тотчас вылить туда вино,
привезенное на верблюдах. При этом надо запрудить ручьи, впадающие
в озеро, чтобы вино не смешалось с водой. Слоны вместо воды напьются
вина, опьянеют и упадут без памяти. Вот тогда ты и прикажи столярам
и кузнецам убить слонов и изготовить трон из слоновой кости.

Тут сын охотника проснулся и от радости не мог заснуть до самого
утра. Рано утром отправился он во дворец и попросил у шаханшаха все,
что велел ему Хызр:

— Отдай в мое распоряжение семьсот верблюдов, груженных вином
везира, всех столяров и кузнецов страны с золотым и серебряным ин-
струментом. Нас должны сопровождать пять тысяч погонщиков мулов
и ослов со съестными припасами. Все это должно быть взято из имуще-
ства везира. Тогда я раздобуду трон, которого желает ваше величество.

Падишах приказал дать юноше из казны везира все, о чем он просил.
И отправился сын охотника со всем этим в далекую Индию. Он шел по
пути, указанному Хызром, пока не добрался до родника и озера. Тут он
приказал отвести всю воду из озера и вылить туда вино. Слоны по обык-
новению пришли к озеру на водопой, но, напившись вместо воды вина,
опьянели и упали замертво. Набросились на них столяры и кузнецы, по-
убивали и смастерили трон, о котором говорил шах. Потом покинули они
Индию и двинулись обратно в Иран.

Шли они, шли и прибыли к воротам столицы. Здесь юноша сполна рас-
считался с мастеровыми, продал вьючных животных и инструмент. Все это

он обратил в деньги, а себе оставил лишь десять верблюдов, чтобы погрузить на них эти деньги. Потом юноша отпустил всех мастеровых, оставив только двести человек, чтобы донести трон. Деньги он отослал матери, а сам с мастеровыми, которые несли трон на плечах, отправился во дворец.

— Вернулся сын охотника с троном, который ты велел раздобыть, — доложили падишаху.

Обрадовался шах и сказал везиру:

— Встречайте его, введите его во дворец со всеми почестями.

Все, кто был во дворце, — придворные, вельможи и везиры — вышли встречать сына охотника. Вступил юноша в тронный зал в блеске и великолепии, а за ним внесли трон и установили его в зале. Шах воссел на него и спросил везира:

— Чем же вознаградим мы этого охотника?

Поцеловал везир землю и ответил:

— Да буду я жертвой за шаханшаха, средоточие вселенной, обладателя пары пятнистых и полосатых газелей, пары ласок и престола из слоновой кости, скрепленного такими же гвоздями! Жаль только, что не женат шаханшах на дочери царя пери. Если бы этот охотник смог привезти для шаха дочь царя пери, то любая награда была бы мала. Если же он не сможет этого, то пусть все пропадет даром. Ведь коли доставит он сюда дочь царя пери, то ты станешь падишахом над всеми людьми и джиннами.

Падишах в душе одобрил эти слова: «До чего же у меня хороший везир! Он только тем и занят, что думает о моем величии и могуществе». А сыну охотника сказал:

— Через десять дней ты должен доставить мне дочь царя пери. И тогда ты станешь моим везиром правой руки.

И на этот раз юноша вернулся домой со слезами на глазах, с горечью в сердце. От горя он почти не притронулся к еде и вскоре заснул. А во сне увидел святого Хызра и стал плакать.

— Ну, сынок, а на этот раз о чем слезы? — обратился к нему Хызр. Он ответил:

— О пророк! К чему слова, когда все и так ясно?

— Не горюй, — сказал Хызр, — завтра пойдешь к падишаху и скажешь: «Десяти дней мало. Дай срок в сорок дней». Как выйдешь ты за городские ворота и пойдешь по степи, встретится тебе человек с чоуганом* в одной руке и мячом — в другой. Бьет он чоуганом по мячу, мяч

* Чоуган — род клюшки. Употребляется при игре в поло, распространенной в Иране.

катится по степи, а человек догоняет его и снова ловит. Этот человек предложит тебе дружбу. Возьми его в спутники и отправляйся дальше. Пройдешь немного и увидишь старца, который стоит на одной ноге, а на плече держит целую скалу. Он тоже пойдет вместе с тобой. Затем ты подойдешь к реке шириной в два фарсанга. Чуть подальше русло ее сужается и вся вода уходит в землю через узкое отверстие. Попроси старика запрудить скалой реку в этом самом месте. Тогда из отверстия, в которое ушла река, выползут два муравья и также присоединятся к тебе. Муравьи начнут беседовать с тобой и дадут тебе пучок волос. Потом доберешься ты до города. Его жители голодают по вине одного человека, который пожирает всю муку на мельницах. Забери и его с собой. И только после этого ты придешь в город, где живет дочь царя пери. Тебе дадут пять поручений. Ты выполнишь их все с помощью своих спутников и добьешься своей цели.

Проснулся сын охотника и до утра не мог заснуть от радости. А рано поутру отправился во дворец. Падишах продлил срок до сорока дней, а юноша обещал, что, как только пройдут эти сорок дней, он привезет дочь царя пери. А не привезет — так голова с плеч долой.

Отправился сын охотника в путь. Вышел он в степь, видит, и правда — сидит на земле мужчина, протянув длинные-предлинные ноги, и держит в одной руке мяч, а в другой — чоуган. Бьет он чоуганом по мячу, потом бежит за ним на другой край пустыни и успевает подхватить этот мяч.

Подошел сын охотника, приветствовал его:

— Дружище, не хочешь ли быть моим спутником?

— Почему же нет? Пошли.

Отправились они вдвоем и встретились со старцем. Тот стоял на одной ноге и держал на плече скалу.

Подошел к нему юноша, приветствовал его и предложил:

— Отец, не хочешь ли быть моим спутником?

— Почему же нет?

Двинулись они втроем и так подошли к реке. Видят: большая, широкая река, а уходит в узкое отверстие.

Сын охотника предложил:

— Отец! Брось-ка скалу в эту реку и поверни воду в пустыню.

Старец сбросил в отверстие скалу с плеча, и вода потекла в пустыню.

А из отверстия выползли два муравья. Они заговорили:

— О сын охотника, салам алейкум!

Ответил юноша на приветствие, а муравьи дали ему пучок волос и сказали:

— Коли будет тебе трудно — спали один волосок, и мы тотчас явимся.

Пошли они дальше и пришли к какому-то городу. Видят: все люди там бледные и худые, лица ни на ком нет. Обратились путники к первому встречному и спросили:

— Почему жители этого города такие бледные и истощенные?

А тот отвечает:

— Здесь появился какой-то человек. Он пожирает все съестное, что появляется в городе. Стоит только смолотить на мельнице зерно — он уж тут как тут! Так и слижет языком всю муку прямо с жернова.

— Покажите-ка мне этого человека! — попросил юноша.

Забрал он его с собой, и отправились они вчетвером. Шли они, шли и наконец прибыли в город, где жила дочь царя пери. Посмотрел юноша и видит: у городских ворот высится несколько пирамид из человеческих черепов. Спросил он:

— Почему эти пирамиды сложены из черепов?

Ему ответили:

— Уже тысячи юношей сватались к дочери царя пери. Девушка дает им несколько поручений и говорит: «Я выйду замуж за того, кто сумеет их выполнить. А не выполнит — так велю отрубить голову и уложить в пирамиду».

Сын охотника молвил: «Да поможет нам Аллах» — и вошел в город. Прибыв к дворцу девушки, он попросил разрешения войти. Когда ввели его, девушка сказала:

— О юноша! Разве не жаль тебе своей молодости? Ведь ты вступил на опасный путь! Знаешь ли ты, за каким делом пришел? Разве не видел сложенные из черепов пирамиды?

Юноша ответил:

— Да буду я жертвой за тебя! Видел я пирамиды и знаю, куда пришел. Я явился, чтобы посватать тебя за иранского шаха и увезти.

— Не будет так, — отвечала девушка, — ты вернешься ни с чем!

Слушай же дальше. Своих спутников юноша оставил на расстоянии фарсанга от города: и того, что с чоуганом, и того старика, который держал на плече целую скалу, и обжору, заставившего голодать целый город, сам же остался один.

Солнце уже склонялось к закату, когда царская дочь сказала ему:

— У меня есть несколько поручений. Во-первых, найди человека, который отвезет от меня послание к шаху Ирана и на заре вернется с ответом. Во-вторых, сумей до рассвета разобрать и засыпать отдельно в три закрома три тысячи манов пшеницы, ячменя и проса, которые я велю смешать вместе. Третье дело такое: в фарсанге от города стоит крепость, которую построил в давние времена чародей Бахман. По окружности она тянется на целый фарсанг, у нее тысяча и одна башня, высотой в тысячу локтей каждая. Отыщи-ка человека, который за ночь снесет эту крепость до основания. А четвертый мой приказ — приведи человека, который съест за ночь тысячу четыреста баранов, тысячу лепешек и тысячу манов вареного риса.

Подумал сын охотника немного и ответил:

— Хорошо, будет сделано.

Потом они уселись и стали беседовать. Прошла часть ночи, и юноша сказал:

— А написала ты письмо к шаху Ирана? А то я хочу его отправить и получить ответ для тебя.

Девушка взяла калам*, составила письмо к иранскому шаху и отдала юноше, он в свою очередь отдал его человеку с чоуганом и сказал:

— Любимый друг мой! Прошу тебя, вернись с ответом до рассвета.

Девушка тем временем велела смешать по тысяче манов пшеницы, ячменя и проса в одном закроме. Затем она обратилась к юноше:

— До утра пшеницу, ячмень и просо нужно отделить друг от друга и засыпать в отдельные закрома.

— Хорошо, будет сделано, — ответил сын охотника.

А девушка тотчас вызвала главного повара и приказала:

— Сию же минуту изжарить тысячу четыреста баранов и сварить в масле тысячу манов риса! Держать все это наготове!

Сын охотника в тот же миг сжег один волосок из того пучка, что дали ему муравьи. И что же? Перед ним и правда появились два муравья и приветствовали его. Юноша взмолился:

— Друзья мои! Времени мало, а дел много. До утра нужно отделить друг от друга пшеницу, ячмень и просо и засыпать в разные закрома.

— Это пустяки! — ответили муравьи. — Зачем так торопиться? Здесь работы всего на час.

* Калам — тростниковое перо, которым писали прежде в Иране

Они немедленно созвали всех муравьев тех мест, и часу не прошло, как пшеница, ячмень и просо были отделены друг от друга.

Тут к царской дочери вошел повар и доложил:

— Все, что ты приказала, готово.

Обернулась девушка к охотнику:

— Господин! Пусть придет твой человек и съест все кушанья.

Вышел юноша и привел человека, заставившего голодать целый город. Он усадил его, говоря:

— О Али! Садись, ешь.

И тот уничтожил все, что только было приготовлено. Юноша и девушка между тем приятно проводили время за беседой и вином. Вдруг из кухни раздались громкие крики. Девушка спросила у главного повара:

— Эй, дядя, что там случилось?

Тот поклонился и ответил:

— Удивительный человек! Он сожрал все, что мы сварили, и еще просит. Он клянется, что не наелся.

Девушка сказала:

— Клянусь Аллахом, ты победил, сын охотника!

Юноша знал это заранее, но он хотел, чтобы царская дочь сама своими глазами убедилась во всем, и они вместе пошли на кухню.

Не успели они вернуться в покои девушки, как явился с ответом гонец, отправленный к шаху Ирана. Девушка знала почерк иранского шаха и, как только раскрыла письмо, признала его руку. А юноша предложил ей:

— Пойдем посмотрим теперь, что стало с пшеницей, ячменем и просом.

Пришли они, видят, что пшеница, ячмень и просо лежат в отдельных закромах, как того требовала царская дочь.

Осталась крепость, которую надо было разрушить до утра. Но юноша еще вечером попросил того человека со скалой на плече снести крепость. А сам приятно проводил время за вином и беседой. И вот выбрал он минуту и предложил:

— Посмотрим, что с крепостью.

Вышли они из города и зашагали. Вдруг видят: человек, который должен был разрушить крепость, спит мертвым сном и храпит так, что на небесах слышно. Растолкал юноша старика, тот вскочил, огляделся по сторонам и направился к крепости. Поддел он ее плечом, поднял на двести локтей и отбросил на полфарсанга. Раздался страшный грохот, на

десять фарсангов вокруг земля зашаталась. Все думали, что произошло землетрясение.

Увидев такой оборот дела, царская дочь дотронулась до плеча юноши и воскликнула:

— Хвала тебе, ты достоин всех благ!

Они вернулись в город и провели целую неделю за вином и беседой. Через неделю юноша приказал собираться в Иран. Богатый и величественный караван двинулся в путь.

Когда до столицы остался один переход, шаханшаху Ирана сообщили:

— Сын охотника подъезжает во главе богатого каравана. Готовься к встрече.

Падишах приказал всем везирам и придворным встретить сына охотника и дочь царя пери. Юноша и царская дочь торжественно вступили в столицу. Целую неделю праздновали их прибытие. Потом шах вызвал везира и спросил:

— Этот сын охотника выполнил много моих поручений. Как же подобает наградить его?

Везир ответил:

— Если шаханшах, обладатель пары прекрасных газелей, пары ласок, трона из слоновой кости, взявший в жены дочь царя пери, — если такой государь будет знать кое-что, то не будет на земле равного ему по величию и мощи.

Падишах опять спросил:

— А что это за «кое-что», которое я должен знать?

Везир, не долго думая, молвил в ответ:

— Ты, конечно, знаешь, что везиром его величества твоего отца был мой отец. И если Аллах, слава ему, через этого юношу устроил другие наши дела, то неплохо бы нам знать, как поживают на том свете его величество, твой покойный отец, и мой отец. Этот сын охотника должен привезти с того света письмо о том, что они там делают. А уж после этого вели украсить город и справить свою свадьбу с дочерью царя пери.

Видит падишах: ладно он придумал. Ведь неплохо получить весть от покойного отца. Обратился он к сыну охотника и говорит:

— Ну, юноша, везир дело говорит. Нужно в кратчайший срок привезти с того света письма от моего отца и его отца. Или хотя бы только от моего отца. Сын охотника после некоторого раздумья ответил:

— Очень хорошо! Завтра принесу вести от них. А сейчас пойду готовиться к путешествию на тот свет.

Вернулся юноша вечером домой и занялся приготовлениями в трудный путь с помощью святого Хызра. Стал он жаловаться матери на свою долю:

— Слава Аллаху, у меня теперь есть все. Но, увы, у этого легковерного шаха коварный везир. Он все время вредит мне, то и дело выдумывает новые козни.

И он рассказал матери обо всем от начала до конца: о полосатой и пятнистой газели, о ласке, о троне из слоновой кости, о дочери царя пери — и добавил:

— А теперь он такое от меня требует, что не под силу ни одному человеку. Придумал, чтобы я привез письма от их отцов с того света.

Помолчала мать, подумала, а потом сказала:

— Ох, сынок! Если ты исполнишь это желание, он придумает что-нибудь новое. Уж лучше ты сам что-нибудь придумай!

Сын лег в постель, только было ему не до сна. После долгих раздумий он решил избавиться от шаха и его везира. Встал он утром, пошел во дворец и попросил:

— Прикажите десять дней возить дрова на тысяче верблюдов и складывать их за городскими воротами.

Падишах согласился и велел, чтобы тысяча верблюдов десять дней возили дрова. На десятый день к вечеру юноша велел привести всех плотников страны. Явились плотники и по указанию сына охотника воздвигли на дровах трон. Юноша явился к шаху и сказал:

— Пусть все воины и вельможи выйдут за городские ворота.

Исполнили это. Вместе с придворными и войском явились музыканты и певцы. Тогда сын охотника обратился к шаху:

— Ваше величество, вам нужно вместе с везиром подняться на трон и сесть там вдвоем. Туда я и принесу письма ваших отцов.

Падишах и везир поднялись наверх, сели на трон. Сын охотника поднялся за ними и попросил шаха:

— Прикажите певцам и музыкантам играть и петь, а воинам и вельможам пить вино за здоровье вашего величества. Скоро придет письмо.

Падишах по указанию юноши повелел:

— Певцы и музыканты! Играйте и пойте. Воины и вельможи! Пейте вино.

Тут сын охотника спустился вниз и велел, чтобы дровяную гору подпалили с четырех сторон. Шах и везир сгорели в пламени и сами отбыли к своим родителям.

А сын охотника направился во дворец и воссел на шахский трон. Он приказал семь дней украшать город, а потом сыграл свадьбу с дочерью царя пери. Он стал одним из лучших царей мира, так как испытал превратности судьбы, вкусил и зной и холод. Да исполнятся наши чаяния так же, как исполнились желания сына охотника.

Шах и везир

В давние времена был один город, а в том городе жил некий шах, и была у него жена несравненной красоты. Падишах ее любил, и она тоже была к нему всем сердцем привязана. У падишаха был еще везир, завистливый и подлый. Везир задыхался от любви при виде жены падишаха, но не смел никому открыть эту тайну, потому что знал: если до падишаха дойдет это — его изрубят на мелкие куски. Но он день и ночь думал о том, как бы устранить падишаха, самому занять его место и соединиться с той женщиной.

Прошло некоторое время, и вот однажды в город пришел дервиш, который много повидал на своем веку и многое знал. Дервиш каждый день посреди городской площади устраивал сборища, собирал вокруг себя народ и выделял всякие штуки, так что люди прикусывали пальцы от удивления. Шах доложили, что пришел некий дервиш и делает такие дела. Падишах позвал везира и говорит ему:

— Пойди посмотри, кто этот дервиш, что делает и что ему здесь надо.

Везир пошел, повидал дервиша, вернулся к падишаху и сказал:

— О падишах! Этот дервиш знает несколько фокусов, которыми добывает себе на хлеб.

Падишах сказал:

— Приведи его ко мне, чтобы я тоже посмотрел, что он там делает, какие штуки.

Везир пошел к дервишу и привел его к падишаху.

Увидел падишах фокусы дервиша и удивился, но ему сказал:

— Да ничего тут нет особенного, я получше видел.

Дервиша это задело, он и говорит:

— Раз ты так думаешь, вели всем уйти из комнаты, и я тебе такое покажу, что до самого дня воскресения из мертвых будешь от удивления держать во рту палец.

— Выйдите все вон, — молвил падишах, и все вышли из комнаты.

Когда падишах и дервиш остались вдвоем, дервиш сказал:

— О падишах! Ты сейчас увидишь, как я выйду из своей телесной оболочки и войду в другую оболочку. Вели принести курицу, чтобы я смог это тебе показать.

Принесли курицу, дервиш ее задушил, потом вышел из своей телесной оболочки и вошел в тело курицы. Падишах видит: удивительно! Курица была мертвая — стала живая и начала кудахтать, а дервиш походил как мертвец и упал в углу комнаты.

Прошло несколько минут, и дервиш снова вышел из оболочки курицы и вошел в свою оболочку. Курица упала мертвая на землю, а дервиш ожил.

Падишах оцепенел от удивления, сказал «господи помилуй!» и начал упрашивать дервиша, чтобы тот за любую цену научил его делать эту штуку. Дервиш ответил:

— Дай мне за это большой кувшин золота.

Падишах согласился и дал дервишу большой кувшин золота. Дервиш сказал:

— Я ставлю еще одно условие. Ты никому не должен об этом говорить и никого не должен учить этому.

Согласился падишах, и дервиш научил его этому фокусу и добавил:

— Кувшин золота пришли мне ночью, когда совсем стемнеет, чтобы везир ничего не знал.

Падишах теперь, когда он всему научился, стал быстро входить то в одну, то в другую оболочку. Везир узнал об этом и догадался, что это дервиш его выучил. Ночью тайком послал он за дервишем и говорит ему:

— Что хочешь тебе дам, выучи меня тоже той штуке, которой ты выучил падишаха.

Дервиш, который был давно влюблен в дочь везира и в этой одежде и с этими фокусами пришел в город, чтобы ею завладеть, сказал:

— Я научу тебя при том условии, что ты отдашь мне свою дочь в жены.

Везир сперва заупрямился, но потом согласился, пошел к своей дочери и все ей рассказал. Дочь говорит:

— Батюшка! Я никогда этого не сделаю, никогда я не стану женой дервиша, иначе мне стыдно будет людям на глаза показаться. Ты скажи дервишу, что если он хочет взять твою дочь в жены, пусть по обычаю нашего города принесет большой кувшин золота.

Везир говорит: «Ладно». Назавтра позвал он дервиша и сказал ему:

— Я готов отдать тебе свою дочь, но она не хочет, говорит, пусть принесет за меня большой кувшин золота.

— Я принимаю это условие, — отвечает дервиш.

Везир тут потихоньку обратился к дочери:

— Сделай вид, что согласна, когда я добьюсь своего, я его околпачу!

А дервишу везир сказал:

— Иди носи кувшин, учи меня тому колдовству, забирай дочь и уходи!

Дервиш обрадовался и так все и сделал, но, когда он хотел взять девушку за руку и увести, везир говорит:

— Нет, так нельзя, я ведь везир самого падишаха, меня тут каждая собака знает. Надо все приготовить, оповестить весь народ, потом подождать сорок дней и устроить свадьбу.

Стали они спорить, везир под каким-то предлогом выгнал дервиша из дому, и дервиш, в горе от любви к той девушке, ушел в пустыню.

Теперь послушайте о везире. После того как он обманул бедного дервиша и выучился у него той штуке, пошел он к падишаху и сказал:

— О падишах! Тот фокус, который ты знаешь и который я теперь знаю тоже, не надо делать часто и перед кем попало, ведь тебя уважать перестанут. Давай, чтобы его не забыть, как останемся с тобой вдвоем, так и будем делать его.

Падишах ответил:

— Правильно говоришь!

Прошло несколько дней после этого разговора, и как-то раз везир обратился к падишаху:

— Давай поедем на охоту и никого с собой не возьмем. Захотим перейти в тело какого-нибудь животного или птицы — перейдем, и никто не увидит.

Падишах согласился, и они вдвоем поехали на охоту. Везир отъехал с падишахом на несколько фарсангов от города, невдалеке показалась деревня. В этот момент везир увидел газель, поскакал за ней, метко пустил стрелу, и газель, мертвая, упала на землю. Потом он сказал:

— Падишах, а ну-ка, вселись в ее тело!

Падишах говорит:

— Правильно!

Сошел с коня и вселился в газель. Как только он это сделал, везир вошел в телесную оболочку падишаха, а тело везира упало бездыханным. Везир, который теперь имел облик падишаха, тотчас же сел на коня и поскакал в деревню. Жители деревни из уважения к падишаху выстроились перед ним. А он им сказал:

— Мы охотились с везиром, но вдруг ему стало плохо, и он умер. Пусть три-четыре человека из вас пойдут отнесут сейчас его тело в город и отдадут его жене и детям.

И крестьяне отнесли тело везира в город. Жена и дети поплакали горько и предали тело земле.

Между тем везир, у которого был облик падишаха, подъехал ко дворцу. Во дворце раздался крик: шах приехал! Сбежались со всех сторон слуги и приживальщики, вплоть до самых последних лизоблюдов, стали низко кланяться, подхватили у дверей его стремя, помогли ему сойти с коня. Везир сразу пошел в гарем. Та самая любимая жена падишаха, в которую был влюблен везир, как увидела издали, что шах идет, побежала ему навстречу. Но как только она подбежала, видит: это только облик и одежда падишаха, а души падишаха, запаха падишаха у этого человека нет. И не могла она понять, что случилось, почему он ей стал неприятен. Но везир, который вошел в одежду, кожу и тело падишаха, как увидел красоту и стройность той женщины, приосанился и про себя сказал: «Все мои труды, все мои мучения были только для того, чтобы соединиться с этой женщиной. Слава богу, я этого добился!»

Но чем жарче он ее ласкал, тем больше она его избегала, близости с собой не допускала и день и ночь была в горе и печали. День и ночь она думала о том, почему этот человек ей неприятен, и о том, как его оставить и убежать.

А теперь послушайте, что случилось с падишахом. Когда вселился он в тело газели, а везир вселился в его тело, падишах понял: везир его обманул — и испугался, что везир сейчас пустит стрелу и навсегда с ним разделается. Поэтому он обратился в бегство и несся по степи, пока не достиг какого-то леса. Там он увидел на земле под деревом мертвого попугая, обрадовался, тотчас вышел из газели, вошел в тело попугая, полетел и сел на дерево среди других попугаев.

Прошло несколько дней. Как-то раз он перелетал с другими попугаями с дерева на дерево и вдруг видит птицелова, который ставит силки. Другим попугаям он тотчас же сказал:

— Этот птицелов против вас силки ставит, лучше улетайте отсюда!

Они все улетели, а сам он спустился на землю, сделал вид, будто ничего не понимает, потихоньку, потихоньку пошел, пошел — и попал в силки.

Птицелов обрадовался, прибежал, схватил попугая. А попугай посмотрел на него и подумал, что птицелов ему как будто знаком. Порылся он в памяти и вспомнил: это же тот самый дервиш, который научил его переходить из одного тела в другое. Однако он и вида не подал и говорит птицелову:

— Если хочешь извлечь из моей поимки выгоду, отнеси меня в такой-то город и продай тамошнему падишаху за сто ашрафи*.

Птицелов видит: попугай назвал тот самый город, в котором живет дочь везира, и того падишаха он знает. Слова попугая пробудили в нем надежду, и он подумал: «Правильно он говорит, пойду-ка я туда, продам попугая и, если удастся, пожалуюсь шаху на везира!»

Взял попугая, принес в тот город, пошел к падишаху.

Падишаху попугай понравился, и он спросил:

— Сколько за него хочешь?

— Сто ашрафи, — отвечает тот.

Во время разговора в сердце птицелова закралось подозрение, что это не может быть тот самый падишах. Поведение и нрав у него были как будто везира. Однако он не подал вида, отдал попугая и взял сто ашрафи. А падишах тут же позвал слугу и послал с ним попугая жене, чтобы попугай ее забавлял.

Когда попугая принесли в гарем, он очень обрадовался при виде своей жены, но увидел, что жена похудела и в большой печали.

Попугай сказал:

— Госпожа, почему вы такая задумчивая? Почему такая худая?

Отвечает:

— Дядюшка попугай! Не касайся моих сердечных дел! У меня такое горе, что я никому о нем не могу рассказать!

Попугай говорит:

— Расскажи мне.

Она отвечает:

— А чем ты мне можешь помочь?

— Может быть, помогу, — говорит попугай, — расскажи!

* Ашрафи — золотая монета весом около 4 г.

Долго он так настаивал, а она отказывала. В конце концов она сказала:

— Я была женой падишаха и любила его, всем сердцем была к нему привязана. Но вот однажды шах поехал с везиром на охоту. Потом сообщили, что везир на охоте умер. Когда после этого шах вошел в гарем, я увидела: того, что мне в нем нравилось, в этом человеке нет. Я поняла: тут есть какая-то тайна, и с того дня уже целый месяц день и ночь я не знаю покоя, все время погружена в горестные мысли. А этот человек делает все, чтобы я его полюбила, но безуспешно, и я хочу только бежать отсюда!

Попугай сказал:

— Госпожа, понюхай меня и посмотри, не пахну ли я так же, как твой муж?

Женщина подошла к попугаю, понюхала его и прямо остолбенела от удивления.

Закричала:

— Да ведь это запах самого падишаха!

Тут попугай говорит:

— Я и есть сам падишах! — И все подробно ей рассказывает.

Жена выслушала и воскликнула:

— Что же делать?

Отвечает:

— Сегодня вечером, когда везир к тебе придет, ты оставь открытой дверцу моей клетки, а потом улыбнись ему, сделай вид, что тебе весело. Тогда он тебя спросит, чего ты хочешь. Ты отвечай, что ты хочешь всей душой быть с ним вместе, как раньше. Но он, мол, после того как вернулся с той охоты, стал с тобой не таким, каким был прежде. Тогда он скажет: «Да нет, я нисколько не изменился», — а ты тут ответишь: «Если это так, то научи меня тому фокусу, которому учил тебя дервиш». Когда он согласится, я уж тут все остальное сделаю.

Жена падишаха так и поступила. Когда мнимый падишах согласился научить ее тому колдовству, она тотчас велела принести и убить черную собаку. Потом везир вышел из тела падишаха и вселился в собаку. Тут же падишах вышел из тела попугая, вселился в свое тело и сказал:

— О подлый везир! Ты меня предал, и достойным наказанием тебе будет оставаться до конца дней твоих черной собакой!

Жена падишаха обрадовалась, а падишах сейчас же послал за дервишем.

Когда дервиш пришел, он все ему о себе рассказал, а дервиш в свою очередь рассказал падишаху о своей любви к дочери везира. Потом падишах назначил дервиша своим везиром и дал ему в жены дочь прежнего везира.

А злокозненного везира, который обратился в собаку, привязали на конюшне, каждый день бросали ему кость и крепко били палкой, пока он не издох.

Наверху — простокваша, внизу — сыворотка, а сказка наша — выдумка.

Сказка о дочери портного и сыне падишаха

Жил-был портной, и было у него три дочери. Пришел к нему однажды сын падишаха и говорит:

— Сшей мне кабу* из цветов.

Портной пошел к старшей дочери и сказал ей:

— Сегодня в лавку приходил шахский сын и заказал кабу из цветов.

Как мне быть?

Девушка ничего не поняла и не смогла ответить.

Прошла ночь, настал следующий день. Портной пошел к себе в лавку, сел и стал думать. До вечера просидел он в раздумье, но так ничего и не решил. Этим вечером он пришел к средней дочери и рассказал ей о заказе шахзаде. Но она тоже ничего не поняла и не нашла никакого решения.

Прошла ночь. Днем портной опять отправился в свою лавку, опять думал до вечера, но так и не догадался, в чем дело. А вечером явился он к младшей дочери и рассказал ей обо всем.

Ответила она ему:

— Так ведь тут и думать нечего. Как только завтра явится шахзаде, скажи ему: «Чтобы сшить цветочную кабу, нужны ножницы, нитки и наперсток из цветов. Если ты дашь мне все это, то я сошью».

На четвертый день явился шахзаде. По ответу он догадался, что у портного должно быть три дочери. В первую ночь он советовался со старшей, во вторую — со средней, но те ничего не смогли понять. А в третью ночь он говорил с младшей дочерью, и это она придумала ответ.

* Каба — длинная верхняя мужская одежда.

И шахзаде влюбился в младшую дочь, еще не видя ее, и послал ее сватать.

Слушай же дальше. Дочь брата падишаха была помолвлена с шахским сыном. И вот до нее дошли слухи, что шахзаде посылает сватов к дочери портного. Она решила расстроить во что бы то ни стало это дело и стала допытываться, кто должен нести подарки от шахзаде к невесте. Узнала она, что шахзаде посылает девушке поднос со всевозможными яствами. Обезумела принцесса от ревности, пришла к слуге, дала ему много денег и попросила:

— Съешь сам оттуда горсточку риса, крыло курицы и отпей немножко шербета!

Слуга выполнил ее просьбу, а потом понес угощение к дочери портного. Видит она: к блюдам кто-то притронулся. И решила девушка, что шахзаде прислал ей остатки своего ужина, не стала есть и ответила стихами:

На доньшке налит шербет,
А рису — горсти даже нет;
Прислали курицу без крыльев —
Таков, владыка, твой привет!

Сколько ни ломал шахзаде голову, не смог понять, что это значит. На другой день он купил красивые башмаки и велел отнести их девушке. Дочь дяди узнала об этом, пришла к слуге, который должен был отнести башмаки, дала ему много денег и попросила:

— Сначала надень сам эти башмаки, походи в них побольше, пусть изнасятся. А потом уж отнеси их ей.

Слуга так и сделал. Принес дочери портного изорванные башмаки, а девушка и надевать их не стала, вернула.

После помолвки дочь дяди стала подсылать к жениху людей, и те говорили шахзаде, что девушка, мол, никуда не годится. Так продолжалось до самой свадьбы.

И вот шахзаде и девушку ввели в брачный покой. Но он даже не взглянул на нее и лег спать. Утром новобрачная рассказала об этом свекрови. Та знала: в этот день ее сын поедет в сад желтых цветов. А было у него три сада: желтых цветов, красных цветов и белых цветов. Шахзаде каждый день гулял в одном из них, и на этот раз очередь была за садом желтых цветов. Свекровь сказала девушке:

— Садись на буланого коня и отправляйся в сад желтых цветов. Как подъедешь к саду, постучи в ворота. Откроет тебе шахзаде, ты попроси у него букет желтых цветов, и он даст их тебе. Как только получишь букет — тут же поворачивай обратно и не говори больше ни слова.

Девушка так и поступила. Она села на буланого коня, поехала к саду желтых цветов и постучала. Шахзаде открыл ворота, а она говорит:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде пошел, нарвал букет желтых цветов, подал его девушке и хотел было заговорить с ней, но она вскочила на коня и ускакала.

На следующий день свекровь сказала:

— Сегодня мой сын будет в саду белых цветов. Садись на белого коня, поезжай в сад белых цветов, постучи в ворота, шахзаде тебе откроет, а ты попроси букет белых цветов. Он сорвет цветы и даст тебе; смотри же, ничего не говори и быстро поворачивай назад.

Девушка вскочила на белого коня, постучалась в ворота сада. Шахзаде открыл и вышел ей навстречу. Девушка и на этот раз произнесла:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде нарвал белых цветов, связал их в букет и отдал девушке. Хотел с нею заговорить, но она вскочила на коня и ускакала.

На третий день мать шахзаде сказала девушке:

— Сегодня садись на гнедого коня, отправляйся в сад красных цветов и постучись в ворота. Как выйдет мой сын, ты, как раньше, попроси букет красных цветов. Он даст цветы тебе, а ты скажи: «Мой пояс затянут слишком туго, я не могу развязать — разрежь его». Как принесет он нож, ты подставь руку под него, чтобы порезать палец. А как порежешься, закричи: «Ой, мой палец! Ой, мой палец!» Потом бери букет, садись на коня и скачи прочь.

Девушка так и сделала. Оседлала гнедого коня, поскакала к саду, постучалась, и шахзаде открыл ей. Она произнесла:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде нарвал букет цветов и дал девушке, а та говорит:

— Мой пояс затянулся слишком туго, и я не могу развязать узла.

Возьми нож, разрежь пояс.

Шахзаде принес нож и хотел разрубить узел, но девушка подставила под нож руку и поранила большой палец. Закричала тут она:

— Ой, мой палец! Ой, мой палец!

Потом вскочила на коня и ускакала.

Когда вернулся шахзаде домой, девушка подняла крик:

— Ой, мой палец! Ой, мой палец!

Шахзаде поразился: понял он, что это крик той самой девушки, что приезжала в сад. А ведь шахзаде все эти ночи не спал из-за любви к девушке, которую увидел в саду! Он подошел поближе и посмотрел попристальнее, видит: да, это та самая девушка, которая приходила в сад желтых цветов, в сад белых цветов и в сад красных цветов.

Заплакал шахзаде от радости и спросил:

— Девушка, что же все это значит?

Рассказала она ему обо всем, а шахзаде обнял ее и поцеловал.

И вот на семь дней и ночей украсили город и сыграли свадьбу.

Точно так же, как эта девушка и шахзаде достигли своих желаний, да исполнятся желания всех влюбленных.

Во времена пророка Мусы* жил один человек. Только и делал он, что носил воду. Возьмет свое ведро и кричит по улицам:

— Эй! Кому воды?

Однажды пришел он к пророку Мусе:

— О Муса! Ведь и я, и старшина купцов — рабы Аллаха. Почему же он так богат и могуществен, что и счета не знает своим сокровищам, а у меня нет даже стона, чтобы обменять его на вздох!

Ответил ему пророк Муса:

— О человек, в первый день творения владыка мира начертал участь каждого создания своего на его челе, и невозможно это изменить. Твоя доля — носить воду, а старшине купцов досталось в удел богатство.

Прошел день. На другой день собирался Муса подняться на гору Тур**. Водонос преградил ему дорогу:

— О Муса! Когда поднимаешься на гору Тур, передай Богу мой поклон и спроси его от моего имени: «О Аллах! Нельзя ли чуточку подправить начертанное тобою на моем челе? До каких же пор мне носить воду и бедствовать?»

Муса ответил:

— О человек! Предначертанное Аллахом неизменно до самого Судного дня.

* Муса — библейский пророк Моисей.

** Тур — гора Синай, на которую, по преданию, поднимался пророк Моисей, чтобы беседовать с Богом.

Но бедняга водонос не унимался:

— Ты попроси! А там видно будет — можно изменить или нет.

Поднялся пророк Муса на гору Тур. Долго он там молился и, когда уже возвращался назад, услышал голос:

— О Муса! Почему же ты не передал просьбу нашего раба?

— Владыка! К чему речи там, где и так все ясно? Ведь ты сам все лучше знаешь.

Снова раздался голос:

— О Муса! Пойди скажи нашему рабу, что мы исправили начертанное на его челе.

Бедный водонос был вне себя от радости. Возблагодарил он Бога и, как всегда, взял ведро и отправился на поиски заработка.

И вот, слушай дальше. Взял водонос на другой день ведро и веревку и собрался идти в город. Но тут посмотрел он на ворота купеческого старшины — а тот готовился выдать свою дочь за сына везира. Подошли слуги купца к водоносу и велели ему наполнить водой бассейны. Он вошел в дом и до полудня носил воду. В полдень же пришла жена купца и увидела, что все бассейны наполнены водой. Стало ей жалко водоноса, и она сказала:

— Дорогой муж! Сегодня у нас праздник. Этот бедняга водонос постарался на славу, наполнил водой все бассейны. Хорошо бы оставить его на обед. Ведь от нас не убудет.

— Что ты, жена! — ответил муж. — Как может этакий мужлан, в одних лохмотьях, быть нашим гостем?

А жена в ответ:

— Не свалится же небо на землю, если он наденет твою одежду!

Купец отвечал:

— Ну что ж! Неплохо придумано!

И вот принесли водоносу богатое платье, кашмирскую шаль на пояс и роскошную чалму. И сказали ему:

— Переодевайся и оставайся к обеду.

Оделся водонос и сел за свадебный стол.

А при заключении брачного договора присутствовали падишах, везиры, эмиры и шахзаде. Вдруг повернулся падишах к купцу, показал на водоноса и спрашивает:

— А это кто?

Старшина растерялся: «О Аллах, если скажу правду — мне несдобровать». Замаялся он было, потом нашелся и ответил:

— Это сын моего брата. Приехал из Ахваза* повидаться со мной. Шах ему и говорит:

— Странно! У тебя такой стройный и красивый племянник, а ты выдаешь дочь за сына везира. Так дело не пойдет! Пусть твоя дочь выйдет замуж за племянника. А за сына везира я отдам свою дочь.

И вот, не сходя с места, заключили брачные договоры дочери падишаха и сына везира, дочери купца и водоноса, который теперь стал ее двоюродным братом. Что же было делать? Ведь решение судьбы все равно что скоропостижная смерть — не отвертишься.

Гости разошлись, а купец пришел к жене и сказал:

— Вот видишь, какую беду мы навлекли на себя!

Жена ответила:

— Ну что ж, делать нечего. Этот водонос беден. Дадим ему сто туманов, и он от радости забросит шапку под самое небо. Уплатим ему отступного за развод.

А у купца одна только дочь и была. И вот пришел он к водоносу и говорит:

— Дружок, будем считать, что ничего и не было, возьми-ка сто туманов, оставь себе одежду и дай развод моей дочери.

Но водонос стал препираться:

— Отец! Что за разговоры? Вот пойду сейчас, пожалуюсь падишаху! Ведь он видел все своими глазами.

Пришлось купцу отступить:

— Ладно, дружище, ведь мы шутим!

Теперь послушай, что случилось в первую брачную ночь.

Кончился свадебный пир, потушили огни и жениха с невестой ввели в покой для новобрачных. А жена купца с соседками давай подглядывать в окошко: как этот неотесанный водонос будет вести себя с ее избалованной дочкой. И видят: водонос не подходит к новобрачной, не обращает на нее внимания. Сначала он воздел руки к небу, затем собрал в углу ковры, снял одежды и голый пал ниц. Он катался по полу, перекатываясь из угла в угол, и бормотал какую-то молитву. Прислушались они получше и слышат:

— Господи, и вправду исправил, хорошо исправил!

И продолжал кататься по полу и без конца повторять эту фразу.

Жена пошла к мужу и стала жаловаться:

— Одна беда за другой! Он еще и сумасшедший!

* Ахваз — город на юге Ирана.

Взяла она мужа за руку и подвела к окошку:

— Смотри!

Купец взглянул и убедился в справедливости слов жены: водонос катался по полу и приговаривал: «Исправил, хорошо исправил». И он, как и жена, решил:

— Да, наш зять сошел с ума!

Открыли они дверь и вошли в комнату. Но водонос, увлеченный своим занятием, не заметил их. Он все катался по полу и бормотал молитвы. Постояли муж и жена, посмотрели на него, потом подошли к нему, взяли за руки и остановили со словами:

— О человек! Заклинаем тебя Богом, который превратил тебя из вчерашнего бедного водоноса в племянника и зятя купеческого старшины, объясни нам свое поведение. Что это такое?

Водонос оделся, сел и рассказал все о своей встрече с пророком Мусой. Убедились купец и его жена, что это воля Аллаха. Поневоле они примирились с судьбой и возблагодарили Бога.

А несчастная дочь их сидела все это время в углу, удрученная. Стали они утешать ее:

— Аллах даровал тебе счастливую долю. Ты просватана самим Богом.

И купец полюбил бывшего водоноса, как своего сына.

Сказка о купеческой дочери и мулле

Жил в давние времена один купец. Никто не мог сравниться с ним богатством. И была у него единственная дочь Нуш-Афарин. Еще был у него приемный сын по имени Ходадад, которого он подобрал ребенком на улице.

Купец очень любил свою дочь и специально для нее взял в дом учителя-муллу. А учитель этот был дурной и подлый человек. Он влюбился в девушку и, пользуясь своим положением, стал заигрывать с ней.

В это время купец по воле неба должен был отправиться путешествовать. Собрал он пожитки и двинулся в путь, повернувшись спиной к родному городу, лицом к чужим краям.

В отсутствие отца учитель почувствовал себя увереннее и стал приставать к девушке, обнаружил свои намерения. Та пыталась пристыдить его:

— Ты же нам вместо отца родного, ты мой наставник к тому же, что это за разговоры?

Но на низкого душой учителя это не подействовало. С каждым днем он становился все настойчивее, он начал даже угрожать девушке:

— Если будешь упорствовать, я напишу отцу, что ты завела с кем-то шашни.

Но девушка не уступила: делай, говорит, что хочешь.

Тогда негодяй учитель и вправду написал купцу: «После вашего отъезда дочь предалась любовным утехам с каким-то юношей и забыла ученье и уроки».

Купец в ответ прислал письмо Хоодададу: «Отвези девушку по имени Нуш-Афарин в пустыню и убей ее там. А ее окровавленную рубашку пошли мне».

Хоодад забрал Нуш-Афарин и отправился в пустыню. Дорогой одолели его сомнения: «Кто знает, а вдруг сестра невиновна? Зачем же мне брать на душу грех?»

И признался он во всем сестре. Потом подстрелил он из лука голубку, окропил ее кровью рубашку и, вернувшись домой, отправил отцу.

А бедная Нуш-Афарин осталась в пустыне. Питалась она ягодами, а по ночам спала на деревьях — так и жила. Она переходила с одного места на другое и наконец добрела до чистого родника. В жизни не видала она такой прозрачной воды. Понравилось ей там, и стала она днем собирать по рощам плоды, а на ночь залезала на старое дерево у родника. Она забиралась туда и в полуденный зной, спасаясь от жары.

И вот в один прекрасный день сын падишаха той страны вздумал поохотиться. Выехал он со свитой, слугами и охотничьим снаряжением и вдруг видит — бежит красивая пятнистая газель. Погнался за ней шахзаде, а сопровождать себя никому не велел. Впереди добыча, шахзаде — за ней, так они и скакали. Но вот газель исчезла из виду, а шахзаде и его конь выбились из сил.

Остановился шахзаде, и оказался он как раз у того самого родника. Сошел он с коня, а утолив жажду, взглянул в воду и увидел отражение девушки. А девушка была прекрасна, как полная луна. Поднял шахзаде голову и воскликнул:

— Кто ты? Джинн, ангел или человек?

А девушка ему в ответ:

— Не джинн я и не ангел, а просто человек.

— Спускайся вниз! — приказал шахзаде.

Девушка говорит:

— Дай мне платье, чтобы я могла одеться, тогда спущусь.

Подал ей шахзаде одежду, она оделась, сошла вниз, и юноша усадил ее позади себя на коня. Они присоединились к свите, а потом все вместе поехали в город. Шахзаде пошел к отцу и рассказал ему о погоне за газелью на охоте и о девушке. А когда привел он ее к падишаху, тот сказал:

— Если будет на то воля Аллаха, пусть эта девушка станет твоей судьбой.

На другой же день устроили свадебное пиршество, и Нуш-Афарин сочеталась браком с шахзаде. Любили они друг друга, как Лейли

и Меджнун*, и любовь их росла с каждым днем. Вскоре Бог даровал им сына, через два года у них родился второй, и зажили они счастливо.

Однажды ночью шахзаде вернулся во дворец и увидел, что Нуш-Афарин чем-то огорчена и плачет. Он спросил:

— Что тебя печалит, о чем плачешь?

— Ведь у меня есть отец и мать, и я скучаю по ним, — сказала Нуш-Афарин, — я уже давно не видела их, ничего о них не слышала, никаких вестей от них нет.

Шахзаде ответил:

— Стоит ли из-за этого огорчаться и плакать? Я дам тебе все необходимое на дорогу, поезжай к своим родителям и оставайся у них, сколько тебе захочется. А потом возвращайся домой.

Нуш-Афарин поблагодарила мужа и успокоилась.

Наутро собрали все, что было нужно в дорогу, и решил шахзаде отправить с женой своего везира и нескольких слуг, чтобы они сопровождали ее в пути.

Отъехали они несколько переходов от города, и вот однажды ночью, на стоянке, когда люди отдыхали, везир вошел в шатер Нуш-Афарин и заговорил о своей любви к ней.

— Что это за речи? — сказала Нуш-Афарин. — Шахзаде тебя благодетельствовал, а ты хочешь отплатить ему черной неблагодарностью?

А везир отвечает:

— Это все пустые слова! Ты должна ответить на мою любовь. А не будет по-моему — отрублю головы твоим сыновьям.

— Все равно не бывать этому! — воскликнула Нуш-Афарин. — Делай что хочешь!

И бессердечный везир отсек головы обоим невинным мальчикам. Но Нуш-Афарин не уступила, и везир продолжал настаивать:

— Если будешь медлить, то и твоя голова так же слетит!

Видит Нуш-Афарин, что выхода нет, и ответила:

— Подожди немного, я совершу омовение и приду к тебе.

Собрала она потихоньку сколько могла денег и драгоценных камней и вышла из шатра будто на омовение. Была темная ночь, и Нуш-Афарин пошла в степь — куда глаза глядят.

* Меджнун — арабский юноша, потерявший рассудок от любви к Лейли. Его имя стало символом безумно влюбленного. О любви Меджнун и Лейли на протяжении многих веков слагали песни и поэмы

Шла она до утра, шла весь следующий день и не знала, куда идет. К вечеру набрела она на стадо овец, подозвала пастуха и попросила: — Зарежь овцу и зажарь шашлык.

Пастух сначала было не соглашался, но она дала ему много денег и уговорила. Он зарезал овцу и зажарил шашлык, и Нуш-Афарин поела. Потом попросила она пастуха выпотрошить и вымыгть бараний сычуг. Натянула Нуш-Афарин его на голову вместо шапки и сказала пастуху:

— Давай поменяемся платьем!

Пастух согласился, и она надела его платье и пошла дальше.

Шла она, шла и пришла в родной город. Постучала в двери родительского дома и спросила:

— Вам слуга не нужен?

Ей ответили:

— Если ты умеешь искусно готовить — оставайся.

Так осталась она в доме отца за повара и стала готовить вкусные блюда.

А теперь послушай, что произошло с шахзаде, везиром и пастухом.

Утром везир понял, что Нуш-Афарин никогда не вернется. Он разорвал на себе одежду и начал громко причитать:

— Ночью напали разбойники, унесли все богатства, убили мальчиков, а заодно увели и их мать.

Вернувшись в город, он рассказал то же самое шахзаде.

Шахзаде долго горевал, а затем сказал:

— О везир! Я не успокоюсь, пока не найду и не накажу этих разбойников!

— Я всюду с тобой! — ответил ему везир.

Они облачились в одежды дервишей, покинули родной город и двинулись в пустыню. Шли, шли и остановились на ночь в каком-то караван-сараяе.

А послушай-ка, что было с пастухом. Как только Нуш-Афарин ушла, пастух бросил стадо на произвол судьбы, а сам отправился в путь. Шел он, шел и очутился около того же караван-сарая, где остановились шахзаде и везир. Увидев двух дервишей, он подошел к ним с приветствием:

— О любимцы Аллаха! Куда путь держите?

— Мы бедные дервиши, странствуем по белу свету. Оставайся с нами эту ночь!

Пастух согласился. Уселись шахзаде, везир и пастух в кружок, и шахзаде обратился к пастуху:

— Давай рассказывать о своих приключениях. Тогда нам не будет скучно.

— Начните лучше вы, — ответил пастух.

И шахзаде рассказал, как он поехал на охоту, увидел у родника девушку и привез ее в город. Поведал он и о женитьбе на этой девушке, и о том, как у них родилось двое мальчиков. «Но однажды, — продолжал он, — я застал жену плачущей. Она тосковала по родителям. Пришлось мне отпустить ее вместе с детьми к родителям, а везира я послал сопровождать ее. Но вскоре тот вернулся и сказал, что разбойники убили детей, ограбили караван и увели жену».

Второй дервиш начал свою историю с того дня, как он стал везиром. Он рассказал о том, как сопровождал жену и детей шахзаде, как напали разбойники, убили мальчиков, ограбили караван и увели их мать.

Пастух сказал:

— Днем я пас овец, что были у жителей села, а по вечерам пригонял стадо в селение. Долго я жил так, но вот недавно пригнал я на пастбище овец и здесь предстала передо мной девушка, прекрасная, как полная луна. Она сказала, что голодна, и дала мне денег. Я зарезал овцу, приготовил шашлык, она поела, а потом нахлобучила на голову вместо шапки бараний сычуг, поменялась со мной одеждой и ушла. А мне невольно стало пасти овец. Бросил я стадо и с тех пор странствую: может, удастся еще хоть один разок взглянуть на эту девушку. То ли это был джинн или пери, то ли небесный ангел, так она была прекрасна и так щедра. За одну овцу, красная цена которой пять туманов, она заплатила сто туманов. Да вдобавок свое богатое платье обменяла на мои ветхие и грязные лохмотья. Обезумел я от любви к ней, пустился странствовать по пустыням и вот здесь встретился с вами.

Тут шахзаде предложил ему:

— Любимец Аллаха, пойдем вместе с нами!

Утром двинулись они в путь втроем. Шли они, шли и прибыли в тот самый город, где жил купеческий старшина. Остановились на главной площади и начали уличное представление.

По городу быстро прошел слух, что трое дервишей показывают на площади всякие зрелища. И как-то Нуш-Афарин взбрело в голову: «Пойду-ка посмотрю на этих дервишей».

Пришла она на площадь. Как увидела их, так сразу узнала и, вернувшись домой, попросила хозяина:

— Разреши мне на один вечер пригласить в гости этих дервишей.

— Ладно, делай так, как тебе хочется, — разрешил купец. — Иди и приглашай!

Нуш-Афарин отправилась на площадь и попросила дервишей прийти вечером в гости. И вот вечером они явились в дом купца и уселись в кружок. Повели беседу о том о сем, тут Нуш-Афарин ввязалась в разговор и предложила:

— Рассказали бы вы о своих приключениях!

А надо вам сказать, что подлый учитель-мулла все еще жил у купца. Он только и делал, что ел да спал без просыпа. Он тоже подсел в круг и вступил в беседу.

Девушка снова предложила:

— Пусть каждый вечер кто-нибудь рассказывает о своих злоключениях. Начнем с хозяина дома — господина купеческого старшины.

Начал купец:

— Была у меня единственная дочь. Был и сын, которого я подобрал на улице, усыновил и назвал Хоададом. Для дочки я даже взял учителя, уж очень я любил ее. Неожиданно пришлось мне отправиться по торговым делам в дальние страны. И вот однажды получил я письмо от учителя: «От прежней скромности и целомудренности твоей дочери ничего не осталось. Она ведет дурную жизнь и предается наслаждениям». Словом, писал он, что дочь моя стала блудницей. Тогда я написал Хоададу, чтобы отвел он девушку в поле, убил ее и прислал мне ее окровавленную рубашку. И Хоадад, повинувшись моей воле, отвел девушку в степь, убил ее, а окровавленную рубашку прислал мне. С тех пор я не перестаю горевать и лить слезы по дочери, днем и ночью только и думаю о ней, страдаю из-за ее гибели.

Подумай-ка, а этот подлый учитель сидел тут же и слушал.

Прошел этот вечер, наступил следующий. На этот раз очередь рассказывать была за учителем. И он начал:

— Я как раз и есть учитель той девушки. Я жил в доме господина купеческого старшины, ел за его столом. Когда дочь, которую отец так лелеял, что даже взял специально для нее учителя, стала проявлять склонность к разврату, я из преданности написал купцу. Он же написал Хоададу и велел наказать распутную дочь по заслугам. Хоадад, по воле отца, отвел ее в пустыню, убил и отослал отцу окровавленную рубашку.

Прошла и эта ночь. Настал третий вечер. Начал свой рассказ шахзаде, облаченный в дервишские одеяния:

— Да будет вам известно, что я — второй сын падишаха восточной страны. Однажды захотелось мне поохотиться. Отправился на охоту, взяв

все необходимое. На охоте увидел я газель удивительной красоты и захотел поймать ее живой. Погнался я за ней, а спутникам не разрешил следовать за собой. Впереди газель, за нею — я, так мы и скакали по степи, пока не очутился я перед родником у подножия какой-то горы. Слез я с коня, чтобы напиться, подошел к роднику, взглянул на воду и увидел девушку, прекрасную, как пери, как ангел. Посмотрел на дерево, вижу — там сидит эта девушка. Это, оказывается, ее отражение было в воде. Я сказал ей: «Кто ты, девушка? Слезай скорей!»

Но она попросила у меня какую-нибудь одежду. Я подал ей все, что было можно, она оделась и слезла с дерева. Тут я отказался от охоты, вернее, охоту на газель заменил охотой на девушку. Усадил ее вместе с собой на коня и поскакал к спутникам, и все вместе мы вернулись в город. Я пошел, рассказал обо всем отцу и показал ему девушку. Понравилась она ему, и нашел он ее достойной быть моей женой. Разукрасили город на целых семь дней, и сыграл я свадьбу с девушкой, которую звали Нуш-Афарин. Любил я ее больше жизни. По воле Аллаха родились у нас два сына.

Но однажды ночью вижу я: плачет жена горькими слезами — все глаза выплакала. Стал я спрашивать, о чем она горюет, а она говорит: «Ведь у меня есть и отец и мать, а я многие годы ничего о них не слышала. Я тоскую о них». Я ей ответил: «Слезы делу не помогут. Все готово, собирайся утром и поезжай к родителям».

Собралась она в дорогу, а у меня был везир, которому я доверял как себе. Велел я ему вместе с нукерами и рабами сопровождать жену. Выехали они, но через несколько дней везир вернулся в разорванных одеждах и, плача, рассказал, что ночью на караван напали разбойники. По его словам, разбойники убили детей, забрали все легкое по весу и дорогое по цене и увели Нуш-Афарин. Услышал я это, надел дервишскую одежду и отправился странствовать вместе с везиром. Думал я напасть на следы этих разбойников, наказать их и вернуть жену.

Кончил шахзаде свой рассказ, подивились все присутствующие, но ничего не сказали.

Прошла и эта ночь, настал четвертый вечер. Пришла очередь везира. Он так же подробно рассказал свою историю, начиная от службы у шахзаде.

На пятый вечер очередь дошла до пастуха. Он рассказал от начала до конца всю свою историю и довел до того, как оказался он в этом собрании.

Прошла пятая ночь, настал шестой вечер. Наступила очередь Нуш-Афарин. И рассказала она всю свою историю от начала до конца. Мулла и везир пришли в замешательство и стали было возражать:

— Не надо дальше рассказывать!

Но шахзаде и купец, которые уже собирались схватить их, не согласились. И девушка продолжала свой рассказ и дошла до последнего дня. Тут все так удивились, что слова молвить не могли. А надо вам сказать, что среди них присутствовали кадий* и правитель города. Окончила Нуш-Афарин свой рассказ и обратилась к кадию и градоправителю:

— Чего заслуживает тот, кто предал своего благодетеля, забыв его хлеб-соль?

И постановили те казнить двух предателей.

На другой день муллу и везира вывели на городскую площадь и повесили там, а на лбу у них написали: «Такова участь всякого, кто предаст своего благодетеля и забудет его хлеб-соль».

Купец совершил благодарственную молитву, обнял и поцеловал дочь. Пастуха купец хорошо наградил, шахзаде также получил богатые подарки от купца и от градоправителя. И отправился он вместе с женой, которая опять оделась в женское платье, в родные края.

Да исполнятся волею Аллаха чаяния всех!

* Кадий — судья.

Плешивый пастух и дочь кедхуды

Жил-был плешивый пастух, пас он коров. Утром он угонял сельский скот в степь, а вечером пригонял обратно в селение. Каждый вечер жители давали ему что-нибудь в плату.

Однажды дочь кедхуды* пошла с кувшином на плече за водой. Увидел ее плешивый пастух и влюбился будто не одним, а сотнею сердец. А девушка попросила его:

— Подойди-ка, помоги мне поднять кувшин на плечо!

Пастух так обрадовался, что и сказать нельзя. Стал помогать ей поднять кувшин, взял да и поцеловал ее. Вернулась девушка домой и говорит матери:

— Сегодня плешивый пастух поцеловал меня в губы.

А мать ее была мудрой женщиной. Она сказала:

— Ну, душенька! Не было этого.

Слушай же, что было с плешивым. Вернулся он в селение, пригнал коров хозяевам, потом пришел домой и говорит матери:

— Матушка, я люблю дочь кедхуды. Пойди посватай ее.

Сколько мать ни твердила: «Сынок, ведь это дочь кедхуды, а мы бедняки, у которых ничего нет», — плешивый стоял на своем:

— Как только завтра взойдет солнце, ты должна пойти и посватать за меня дочь кедхуды!

И бедной женщине ничего не оставалось, как согласиться:

— Хорошо, пусть только настанет утро.

* Кедхуда — сельский староста.

А у жителей этой деревни был такой обычай. У кедхуды посреди двора лежал большой камень. Если кто-нибудь из селения собирался жениться или свататься, он приходил и садился на этот камень. И люди уже знали, что человек хочет жениться или пришел сватать.

Мать плешивого сдержала слово и, как только сын угнал коров в степь, села на тот самый камень. А жена кедхуды была женщина разумная и сообразительная. Она помнила вчерашние слова дочери о том, что ее поцеловал плешивый пастух. Увидела на камне мать пастуха и подумала: «Понятно! Вчера поцеловал дочь, а сегодня прислал мать сватать ее».

Она вызвала слуг и приказала:

— Нет ли остатков вчерашнего ужина? Отнесите их матери плешивого пастуха да прибавьте еще два риала*.

И вот слуги принесли матери плешивого пастуха деньги и остатки ужина. Бедная женщина не осмелилась сказать, зачем приходила, поднялась и ушла не солоно хлебавши. Вечером плешивый, едва вернулся с пастбища, первым делом спросил:

— Ну, чем меня обрадуешь? Согласна дочь кедхуды?

Мать опять стала его отговаривать:

— Ведь мы, сынок, бедные. Недаром говорят: по одежке протягивай ножки. Давай-ка пойду я завтра и посватаю тебе дочь твоего дяди.

Но плешивый показал ей палку и пригрозил:

— Если завтра не пойдешь и не посватаешь дочь кедхуды, то я образумлю тебя вот этой штукой!

И беззащитная женщина поневоле согласилась.

Рано поутру она направилась к дому кедхуды, села опять на камень, и на этот раз ей удалось изложить свою просьбу. Жена кедхуды была женщиной не только рассудительной, но и ласковой. Она ответила:

— Я-то со своей стороны согласна, но надо получить согласие кедхуды.

Вечером, когда кедхуда пришел домой, жена и говорит ему:

— Кедхуда, приходила мать плешивого пастуха сватать нашу дочь. Я дала согласие, теперь все зависит от тебя. Не мешает тебе знать, что плешивый очень влюблен и к тому же поцеловал девушку. Это не шуточное дело, и отвязаться будет не так-то легко.

Кедхуда был человек добрый и сострадательный. Он ответил жене:

— Плешивый беден, у него нет ничего за душой: ни дома, ни имущества, ни достатка. Мы не скажем ему «нет», а попросим заработать

* Риал — серебряная монета весом 4,1 г.

денег, построить дом — словом, обеспечить жизнь. Тогда пусть и забирает девушку.

Плешивому дали знать, как обстоит дело. Обрадовался он так, что и сказать нельзя. На другой день не стал пасти коров и сказал матери:

— Я иду странствовать, зарабатывать деньги!

Как ни просила его мать: «Не покидай меня, старуху, на произвол судьбы, оставайся здесь, Аллах милостив», — плешивый только отвечал:

— Нет, это невозможно.

Так он покинул родные края и отправился бродить по белу свету. Странствовал он, странствовал и вот однажды встретился с каким-то дервишем. Спрашивает его дервиш:

— Куда идешь, плешивый? Хочешь быть моим слугой?

— Хочу!

— А сколько возьмешь за день?

— Сколько тебе не жалко!

— Что ж, пошли!

Шли они, шли и остановились у родника. Тут дервиш говорит плешивому:

— Ты постой здесь, а я зайду к себе домой и вернусь.

И видит плешивый: сказал дервиш какое-то заклинание, спустился в родник и исчез. Спустя некоторое время дервиш высунулся из родника и говорит:

— Плешивый, пошли!

Тот спрашивает:

— Куда идти-то?

А дервиш ему в ответ:

— Закрой глаза!

Тут прочитал он заклинание и говорит:

— Теперь пойдем со мной!

Плешивый повторил заклинание и вместе с дервишем погрузился в родник. Раскрыл он глаза и видит: чудесное место — сад и роща, каких он никогда не видел. А дервиш говорит плешивому:

— Смотри хорошенько и сопровождай меня повсюду.

Пошли они вместе, пришли ко дворцу. И увидел там плешивый девушку, прекрасную, как полная луна. Дервиш принес какую-то книгу и говорит девушке:

— Я отлучусь из дому на сорок дней, пойду на охоту. До моего возвращения обучай плешивого по этой книге, чтобы он мог легко читать ее.

— Хорошо, — ответила девушка.

В то же мгновение дервиш исчез. А девушка стала умело обучать плешивого. И вот однажды говорит она ему:

— Если отец узнает, что ты хорошо выучил эту книгу, — он погубит тебя.

— Что же мне делать? — говорит плешивый.

А девушка в ответ:

— Вернется отец и спросит тебя: «Выучил книгу?» Ты отвечай «да». Но когда он велит тебе прочесть, ты читай все наоборот: встретишь «алиф», говори «ба»*. И он решит, что ты ничему не научился.

Прошло сорок дней. Дервиш пронесся, как вихрь, и появился перед ними. Первым делом он обратился к дочери:

— Выучил плешивый книгу?

А девушка ответила:

— Удивительный человек! Как его ни учи, все равно ничего до него не доходит.

Дервиш ткнул пальцем на букву «алиф»:

— Это что?

Плешивый ответил:

— Это «ба».

Дервиш спросил у него много букв и убедился, что плешивый так ничему и не выучился. Повернулся дервиш к дочери и говорит:

— Этот для нас не годится. Принеси кошель с деньгами, я рассчитаюсь с ним, пусть себе идет на все четыре стороны.

И он дал ему сто туманов:

— Ты нам не подходишь.

А теперь послушай, что это была за книга. Эта книга была о магии, все в ней было, а плешивый выучил ее наизусть. Вернулся он в родное селение и говорит матери:

— Матушка, возьми эти деньги, позови зодчего и мастеров, пусть строят дом. На остальные расходы я дам денег в скором времени.

И занялся плешивый постройкой дома, а он захватил с собой план дворца дервиша. Никто в мире не видел ничего подобного! Плешивый велел построить дом по образцу этого дворца.

Ночью, оставшись с матерью наедине, он долго беседовал с ней и наконец сказал:

* «Алиф» и «ба» — названия первой и второй букв арабско-персидского алфавита.

— Матушка! Завтра с восходом солнца я превращусь в верблюда. А ты возьми меня за уздечку, отведи на базар и продай за сто туманов. Но ни за что не отдавай уздечки. Даже за тысячу туманов не отдавай.

Настал день, и плешивый превратился в верблюда. Мать взяла его за уздечку, отвела на базар и продала за сто туманов. А уздечку оставила у себя. Возвращается она вечером домой, а навстречу ей идет плешивый и говорит:

— Отдай сто туманов зодчему.

Поздно ночью, оставшись вдвоем, они стали мирно беседовать. Перед сном плешивый сказал матери:

— Матушка! Завтра с восходом солнца я превращусь в мула. Отведи меня на базар и продай за тысячу туманов. И ни за что не отдавай уздечки.

Поднялась старуха рано утром, — а плешивый уж превратился в мула. Мать взяла его за уздечку и повела. Пришла она на базар, а навстречу ей идет из бани купец. Купец видит — ведут великолепного мула, выступающего горделиво, как павлин. Спрашивает купец старуху:

— Матушка, сколько просишь за мула?

— Тысячу туманов.

Удивился купец.

— Эй, старуха! Да простит бог грехи твоего отца. У меня сто мулов, и ни за одного я не заплатил более тридцати — сорока туманов. Твой мул очень хорош, я дам тебе сто туманов, но не тысячу.

Старуха же ответила:

— О купец! Этот мул стоит две тысячи туманов. За один час он доставит тебя до любого уголка земли и обратно.

Еще больше удивился купец:

— Не может этого быть! Но если это правда, то я даю две тысячи туманов.

— Так испытай, — говорит старуха, — отправляйся на нем в Туркестан.

Купец привел старуху с мулом к себе домой и дал ей расписку: «Если мул за один час вернется из Рума*, я обязуюсь отдать две тысячи туманов».

* Рум — первоначально так называлась на Востоке Византийская империя, позднее — Малая Азия, Турция. В Средние века то же название носил город Конья в Малой Азии.

А в Руме у купца был брат. И захотелось ему узнать, как этому брату там живет. Позвал он жену и говорит ей:

— Изжарь-ка поскорей яичницу!

А сам он тем временем набросал письмо.

Яичницу изжарили и положили в судок. Купец запечатал письмо, отдал нукеру:

— Садись на мула. Этот мул за час должен доскакать до Рума и вернуться обратно.

Не успел нукер как следует стать ногой в стремя, как очутился в незнакомом городе. Спрашивает он:

— Дружище, что это за город?

— Это город Рум, — отвечают ему.

— А где находится такой-то караван-сарай?

Ему показали, и он вошел в комнату брата хозяина. Посмотрел тот и удивился: буквы не успели еще как следует высохнуть. А затем спросил:

— Эй, нукер, что у тебя еще?

Нукер отдал судок с яичницей. Видит: теплая еще яичница. Поел, написал ответ брату, нукер снова сел на мула и вскоре очутился на базаре перед домом хозяина. Увидел купец его и пришел в замешательство. Он хорошо отблагодарил нукера, дал ему много денег и сказал:

— Ни за что никому не говори о том, что у меня такой мул.

А старухе он сказал:

— Матушка! Ты просила за мула тысячу туманов. Вот тебе сверх этого еще пятьсот.

Старушка получила деньги и вернулась домой.

А купец приказал кучеру постелить под ноги мула ковер и давать ему вместо соломы и сена сахар и пряности.

Прошло несколько дней. Однажды ночью жена говорит купцу:

— Да будет радостен твой дом! Тебе попался такой мул, а ты ни разу не взглянул на него, не убрал за ним.

— Верно говоришь, — ответил купец. — Утром я пойду в конюшню и сам присмотрю за мулом.

Пришел он рано утром в конюшню, подошел к мулу. И что же он видит? О Аллах! Мул стоит прекрасный, как павлин, распутивший хвост. Расчесал купец ему гриву и вдруг заметил — мул тычется мордой в какую-то дыру. Купец закричал нукеру:

— Ты что, перестал ухаживать за мулом?

— Как перестал?

И вдруг купец видит: морда мула стала делаться все тоньше и влезать в отверстие.

— Что это случилось с мулом? — закричал он.

Смотрят — голова мула уже целиком пролезла в дыру. Поднялся тут шум и крик, глядят — и шея мула исчезла в дыре. Все стали кричать:

— Что это с мулом?

Но тут и туловище мула стало тонким и скрылось в дыре. Купец закричал:

— Эй, нукеры! Бегите, хватайте мула. Он весь влез в дыру.

Ухватились они за хвост мула и оторвали его. А тут и дыра в стене исчезла.

Купец кричит:

— Немедленно ломайте стену!

А нукер отвечает:

— Я, хозяин, не каменщик! Давай-ка лучше никому об этом не рассказывать, ведь все равно никто не поверит. Да еще скажут, что ты сошел с ума.

А теперь вернемся к матери плешивого. Видит она, прошло уже несколько дней, а сына все нет. Стала она горевать, тут в один прекрасный день и появился плешивый, идет, улыбается.

— Сынок, да буду я жертвой за тебя, где ты пропадал? Я очень беспокоилась.

А постройка дома тем временем подходила к концу. Плешивый и говорит матери:

— Матушка, завтра встань пораньше. Я обернусь боевым бараном, а ты отведи меня на базар и продай за двести туманов. Но смотри, не продавай ошейника!

Рано утром старуха с бараном направилась на рынок. Пришла она туда, и вдруг подходит к ней дервиш-колдун. Баран от страха задрожал как ивовый лист и подумал: «Горе мне! Этот дервиш изрежет меня на куски!»

Обратился дервиш к старухе:

— Мать! Сколько просишь за барана?

— Двести туманов.

— Бери двести туманов и отдай мне барана вместе с ошейником.

— Барана продаю, а ошейник нет, — ответила старуха.

— Ладно, набавь цену за ошейник. Почему бы тебе не продать его?

Собралась толпа. Стали люди говорить старухе:

— Мать, ведь ошейнику-то грош цена.

Надоело старухе спорить, и она уступила, выговорив себе прибавку. А дервиш схватился за ошейник, заскрипел от гнева зубами и двинулся в путь вместе с бараном. Шли они, шли, пока не пришли к тому роднику. Дервиш опустился в родник, пришел во дворец и говорит дочери:

— Ах ты бесстыдница! Ты, оказывается, лгала мне. Вы сговорились с этим проклятым плешивым, и ты научила его моему колдовскому искусству! Уж я вам воздам по заслугам. Иди неси нож!

Девушка пошла, но вместо ножа принесла лохань. А он говорит ей:

— Иди неси кинжал!

Но девушка и на этот раз принесла что-то другое. Короче говоря, чего бы ни просил дервиш, девушка приносила совсем не то. Наконец дервиш так разгневался, что собрался было сам пойти за ножом, чтобы зарезать барана, и выпустил из рук ошейник. Баран в тот же миг превратился в голубя и взлетел в воздух. Дервиш обернулся ястребом и погнался за ним. Летят они — впереди голубь, позади ястреб. Нагоняет ястреб голубя, хочет схватить его, но тут голубь обернулся букетом цветов. А в это самое время сидела на краю водоема дочь купца. Букет упал как раз в подол ее платья. Ястреб же снова стал дервишем, остановился перед тем домом и стал громко читать молитвы:

— О Али, помоги! Цветы в подоле девушки — мои.

Девушка отвечает:

— Хорошо, дервиш. Я уплачу тебе за цветы.

Но дервиш не соглашался. Тогда рассердилась девушка и бросила букет дервишу. А цветы превратились в целый ман проса и рассыпались по всему дому и саду. Дервиш же обернулся курицей с цыплятами, и склевали они все зернышки.

Но одно зерно затерялось в лепестках розы. Сколько ни искала курица, не нашла его. А тут уж люди собрались, смотрят, дивятся. Как вдруг уцелевшее зернышко стало лисой. Накинулась она на курицу с цыплятами и съела их. Тогда купец крикнул:

— Хватайте лису!

Ее схватили и стали заклинать:

— Во имя Аллаха, который даровал тебе такую силу и умение, раскрой нам свою тайну!

Превратилась лиса в плешивого пастуха, и рассказал он им всю свою историю с того времени, когда пас он коров. Рассказал, как влюбился

в дочь кедхуды, бросил свое занятие и отправился странствовать. Рассказал о встрече с дервишем и обо всем, что произошло после того, даже о своем колдовском искусстве, которому его научила дочь дервиша.

Оттуда плешивый пошел к себе домой. Теперь он уже был богат, так богат, что ударит рукой по земле — посыплются жемчуга. К тому времени и дом был построен. Собрались все старики селения и устроили свадьбу такую пышную, что пиршество продолжалось несколько дней.

Так же, как исполнилось желание плешивого пастуха, да исполнятся все чаяния страждущих.

Было ли так или не было, а жил в давние времена лоточник. Были у него жена да сын, которого звали Бахрамом. Сынишку еще не отняли от груди, как отец его скончался. Вдова не стала выходить замуж и отдала все свои силы на воспитание сына. И вот юноше исполнилось восемнадцать лет. К этому времени мать продала все, что было накоплено мужем, и у них ничего не оставалось, кроме кошелька с тремя сотнями дирхемов*. Эти деньги были отложены на черный день.

Проснулась мать как-то утром и разбудила Бахрама:

— Сынок! Вот уже шестнадцать лет, как твой отец приказал долго жить. Твоя мать осталась вдовой ради тебя. С помощью Аллаха, смилив свои желания, я не помышляла о новом замужестве и вот вырастила тебя. Теперь тебе пора начинать самостоятельную жизнь. Займись-ка ремеслом отца! Пойди на базар, купи что-нибудь и перепродай — так и заработаешь на жизнь.

Сказала она это, поднялась, взяла с полки кошелек, вытряхнула из него сотню дирхемов и вручила Бахраму со словами:

— Возьми, уповай на Аллаха и иди торговать.

Бахрам взял деньги и кошель и вышел из дому. Прошел он городской майдан, вышел на базар, осмотрелся по сторонам — что бы ему такое купить? И тут видит он: завязали мальчишки в мешок кошку и собираются утопить ее в реке. Кошка в мешке мяукала, и Бахраму стало жаль ее. Он подошел к ребятишкам и сказал:

* Дирхем — серебряная монета весом около 3 г.

— Зачем зря обижаете тварь? Развяжите мешок, пускай себе идет, куда ей хочется!

— Если тебе жаль ее, — ответили они, — выкладывай сто дирхемов, и кошка будет твоей!

Бахрам отдал им сто дирхемов и выпустил кошку из мешка. А кошка, как только очутилась на свободе, поцеловала ногу юноши, потерялась о нее и сказала:

— Добро не будет забыто!

И пошла, оглядываясь на Бахрама.

Вечером, когда Бахрам вернулся домой с пустыми руками, мать спросила его:

— Ну, что ты делал? Что купил, что продал?

Бахрам рассказал обо всем, а мать в ответ только промолчала.

Утром она пришла к нему и так сказала:

— Сынок! Ты спас животное, это хорошо. Животные появились на свете раньше нас и облегчили нам жизнь. Мы обязаны помогать в беде тем из них, которые не вредят нам. Но ведь надо подумать и о собственной жизни. Я дам тебе и сегодня сто дирхемов. Иди, начинай торговать!

— Ладно, — ответил Бахрам, взял деньги и вышел из дому.

Не дошел он еще до городского майдана, как увидел: надели ребята ошейник на собаку, бьют ее и волокут, чтобы сбросить с городской стены. Бахрам пожалел собаку, подошел к мальчишкам и стал просить:

— Не обижайте ее! Ведь собака — преданное животное! Снимите ошейник, и пусть идет куда глаза глядят.

— Если тебе так ее жаль, — ответили ему, — купи ее и освободи.

Бахрам заплатил сто дирхемов и освободил собаку. Собака повертелась вокруг Бахрама, повиляла хвостом и заговорила:

— О человек! Ты, верно, сын благородной матери, ты совершил добро — добро и пожнешь!

И пошла, оглядываясь на Бахрама.

Как и вчера, Бахрам вернулся домой пристыженный, с опущенной головой, с пустыми руками. Он выслушал от матери те же упреки, но на этот раз мать была построже.

И на третий день мать опять дала ему сто дирхемов и напутствовала:

— Сегодня надо наконец заняться куплей-продажей!

Взял Бахрам деньги и вышел из дому. До вечера бродил он по базару, а ничего не купил и не продал, устал и сел у стены, чтобы немножко

отдохнуть. И вдруг видит он: несколько человек разводят огонь и собираются сжечь на нем какой-то ящичек. Подошел он к ним и спросил:

— А что в этом ящичке? Зачем вы хотите сжечь его?

— В нем красивое и изящное животное.

— Так не сжигайте его, пусть идет своей дорогой!

А те ему в ответ:

— Если тебе так жаль эту тварь, то отдай сто дирхемов, и ящик будет твой. Тогда делай что хочешь.

Бахраму ничего не оставалось, как заплатить деньги. Хотел он было приоткрыть крышку ящичка, а люди говорят:

— Нельзя его здесь открывать! Отнеси за город.

Понес Бахрам ящичек за город, открыл его — и что же? Оттуда выползла змея. Он испугался и хотел бежать, но тут змея заговорила:

— Куда бежишь? Ты не сделал мне зла, а, наоборот, спас от огня и смерти. Мы, змеи, никогда не кусаем и не жалим того, кто спас нас. Иди себе своей дорогой!

Тут Бахрам сел в сторонку и схватился за голову. Ведь он отдал последние сто дирхемов, чтоб освободить змею. Сидит он, удрученный, и не знает, что ж ему сказать матери.

Увидела змея юношу в такой печали, догадалась, что есть у него свое горе, и спросила:

— Почему ты такой невеселый и хмурый?

Рассказал ей Бахрам обо всем, а змея и говорит:

— Я тебя вознагражу. Мой отец — змеиный царь, а я — его единственный сын, и он меня любит больше жизни. Подожди здесь, я приведу его и расскажу, как ты меня спас. «Не будь тебя, — скажу, — я превратилась бы в золу и очаг твой погас бы». Когда я кончу, отец спросит у тебя: «Чем отблагодарить тебя за твою доброту?» Ты попроси печать Сулеймана. Ни на что другое не соглашайся, только это проси.

И вот змея рассказала отцу обо всем, ничего не тая. Змеиный царь несказанно обрадовался, что его сын остался жив, и говорит Бахраму:

— Проси у меня за свое доброе дело чего пожелаешь!

Тут Бахрам и ответил:

— Если хочешь наградить меня — подари мне печать Сулеймана.

А печатью Сулеймана, скажу я вам, называют перстень Сулеймана, потому что на камне этого перстня написаны заклинания.

— Кто тебе рассказал о перстне Сулеймана? — спросил змеиный царь. — Он переходил после Сулеймана от отца к сыну и наконец

достался мне. А переходит он из одних рук в другие с наказом не отдавать его неблагородному человеку, потому что, если узнает об этом злой див, он завладеет перстнем и перевернет весь мир. Перстнем должен владеть человек храбрый и с чистым сердцем.

— Может быть, я подойду, — говорит Бахрам.

Долго продолжалась их беседа, и в конце концов змеиный царь отдал Бахраму перстень, но предостерег его:

— Не вздумай проболтаться кому-нибудь о перстне! Носи его всегда с собой и храни так, чтобы никто о нем не узнал.

Бахрам взял перстень, попрощался со змеиным царем и пошел. Догадала его змея:

— Юноша! А ты спросил, что это за перстень?

— Нет, — говорит Бахрам.

— Так вот, надень его на средний палец, потри — выскочит оттуда черный человек. Что ты ему ни прикажешь — все достанет, будь то даже птичье молоко.

Обрадовался Бахрам и, так как был голоден, тут же стал пробовать. Надел перстень на средний палец, потер и попросил плова. Тотчас из перстня выскочил черный раб с блюдом плова. Наелся Бахрам досыта и отправился домой.

Мать очень беспокоилась, что сына долго нет, и, увидев его, засыпала вопросами:

— Почему ты так поздно пришел? Где пропадал до сих пор?

Бахрам в подробностях рассказал матери о своих приключениях и кончил словами:

— Отныне мы будем как сыр в масле кататься.

Мать очень обрадовалась:

— Чем же ты теперь займешься?

— А вот сломаю эту хижину и построю большой дворец.

— Нет, сынок. Пусть хижина стоит на память — ведь в ней мы жили с твоим отцом. А дворец можно построить рядом — я останусь здесь, а ты поселишься во дворце.

— Ну, так и быть, — отвечал Бахрам.

И вот для него был построен дворец и обставлен всем, что нужно. Потекла его жизнь в достатке. И сыт он был, и одет — только жены ему не хватало. И вот как-то проходил он мимо шахского дворца, увидел царскую дочь и подумал: «Лишь она достойна меня!»

Вернувшись домой, он послал мать сватать царевну. Та отправилась во дворец, и стража пропустила ее к управителю. Но женщина

попросила допустить ее к падишаху. Впустили ее к падишаху, и тот спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я пришла сватать твою дочь за своего сына.

— А кто твой сын? — спросил шах.

— Мой сын — юноша достойный!

— Да разве я выдам дочь за первого встречного? — разгневался шах и хотел было казнить старуху, но потом подумал и послал за везиром.

— Что мне делать с ней? — спросил он везира.

— О падишах! — отвечал везир. — Брось на ее пути камень, которого она не сможет поднять. Назначь такой выкуп, который она не сможет уплатить, и тогда она сама откажется.

— Верно ты придумал, — ответил падишах и обратился к женщине: — У того, кто просит мою дочь, должно быть немало добра. Он должен отдать семь верблюдов, нагруженных золотом и серебром, за материнское молоко, семь алмазов — на диадему невесте, семь жбанов с царским золотом выкупа, семь кусков златотканой парчи с жемчугами для брачной комнаты.

— О падишах! — отвечала женщина. — Это же пустяки. Замени число семь хоть на семьдесят! Можешь даже и еще что-нибудь прибавить!

— Так неси выкуп и забирай дочь! — сказал ей шах.

Бахрам при помощи перстня приготовил все, что от него требовали. Невесту привели в дом жениха и семь дней и семь ночей праздновали свадьбу. Город украсили, зажгли факелы, и Бахрам стал зятем шаха.

А теперь оставим их и поговорим о сыне туранского* шаха. Он тоже был влюблен в эту принцессу и даже несколько раз посылал к ней сватов. Он любил ее как безумный, и все знали об этом. Услышав, что девушку выдали за какого-то лоточника, шахзаде очень опечалился. А потом начал допытываться и доискиваться, что это за юноша и почему падишах выдал свою дочь за мелкого торговца. И выяснил, что юноша уплатил золотом и серебром огромный выкуп, назначенный падишахом.

«Надо узнать, как он раздобыл все это», — сказал себе шахзаде и решил во что бы то ни стало отнять принцессу.

* Туран — старое название страны, лежащей к востоку от реки Амударья, Туркестан.

И вот он послал в этот город старую колдунью. Он дал старухе много денег и напутствовал:

— Отправляйся, разужнай как следует, откуда у него такие сокровища. Если приведешь ко мне девушку, то заплачу тебе столько серебра, сколько ты сама вешишь!

Колдунья отправилась в путь и прибыла в тот город. Она отыскала дом Бахрама, запомнила его, пришла туда через несколько дней и постучала. Слуги открыли дверь и спросили:

— Кого тебе нужно?

— Хозяина этого дома.

Ее провели к принцессе, и она начала:

— Я странствую по белу свету и вот прибыла в ваш город. Дозволь мне отдохнуть в твоём доме, а потом я снова двинусь в путь.

— Прекрасно, — отвечала принцесса, — оставайся, сколько тебе захочется.

И вот колдунья лестью и хитростью опутала ее и постепенно стала ее наставницей, и принцесса делилась с нею всеми своими тайнами. Когда старуха вошла в полное доверие, она приступила к делу.

— Хотя твой отец и падишах, но уступает богатством твоему мужу, простому лоточнику. Ты не знаешь, откуда у него такие сокровища? — спросила она принцессу.

— Нет, — ответила та.

— Так надо узнать. Спроси его об этом — не то пожалеешь когда-нибудь.

Ночью в постели жена стала выпрашивать у Бахрама:

— Ты — сын лоточника, и только. Откуда же у тебя эти сокровища?

Рассердился муж:

— Тебе не положено это знать.

Но с этого времени жена стала хуже с ним обращаться, все меньше выказывала любви. В конце концов Бахраму ничего не оставалось, как рассказать ей о перстне.

— А сейчас, — добавил он, — перстень лежит на полке в нашей спальне.

Тут он строго наказал ей об этом никому не говорить.

А жена рассказала старухе. И вот однажды, когда все были заняты, колдунья вошла в спальню, взяла с полки перстень и отнесла сыну туранского шаха. Тот надел перстень на палец, потерял его и приказал:

— Принеси сюда дворец и принцессу.

Негр выполнил его приказание.

Увидел туранский шахзаде принцессу и возликовал. Он тут же хотел сыграть свадьбу, но принцесса не соглашалась. Она попросила отсрочку в сорок дней.

А теперь оставим их и поговорим о Бахраме.

В тот день, когда старая колдунья украла перстень и дворец с принцессой был перенесен в Туран, Бахрам верхом возвращался домой. Едет он и видит — нет ни дворца, ни принцессы. Пошел Бахрам в домик матери, стал расспрашивать ее. Понял он, что перстень похитили и что это дело рук туранского шахзаде. Огорчился Бахрам и испугался. Вышел он из города, сел у развалин какого-то дворца, голову повесил. Сидит, раздумывает.

И вот как раз в это время змея, собака и кошка пришли навестить его — они иногда приходили к нему. Поняли они, в какую беду попал Бахрам. Тут змея сказала собаке и кошке:

— Этот человек сделал нам много добра, спас от смерти. Я хорошо вознаградила его. Теперь ваша очередь. Отправляйтесь-ка в Туран и принесите перстень.

Собака и кошка двинулись в путь. За ними пошел и Бахрам. Через несколько дней они прибыли в Туран и разыскали сад туранского шахзаде. Собака осталась в саду, а кошка вошла во дворец и нашла принцессу в покоях шахзаде. Та сказала кошке:

— Сын падишаха носит перстень за пазухой. Когда он ложится спать, перстень кладет в рот, чтобы никто не смог его похитить. До того как пройдет сорок дней, нужно во что бы то ни стало похитить перстень.

Кошка передала это собаке, а та научила ее, как украсть перстень.

На следующую ночь собака и кошка пробрались во дворец. Собака спряталась в дальнем углу, а кошка, по ее совету, села в засаду на кухне. Вскоре поймала она мышь и говорит ей:

— Видишь, я могу откусить тебе голову, уничтожить тебя. Если ты хочешь жить — должна оказать мне одну услугу. Пойди опусти свой хвост в перец, а потом мы пойдем в спальню шахзаде, ты поднесешь свой хвост к его носу, и он чихнет.

Мышь, готовая ради спасения жизни на все, ответила:

— Ладно, все будет сделано.

Кошка пошла впереди, открыла дверь, а сама вышла. Собака и мышь вошли в комнату, видят — сын падишаха спит. Мышь осторожно взобралась к нему на грудь и поднесла свой хвост к его носу. Чихнул шахзаде,

да так, что перстень выпал. Собака на лету подхватила его и побежала в сад, а мышь скрылась в свою норку. Кошка уже ждала в саду, и вместе с собакой они выбежали из городских ворот, выбежал вслед за ними и Бахрам. Тут собака и отдала ему перстень.

Бахрам был вне себя от радости. Он надел перстень на средний палец и приказал отнести на прежнее место дворец, себя с женой и друзей.

А сын туранского падишаха не успел закрыть рот, как видит: ни перстня нет, ни принцессы. Тут он понял, что его одурачили, похитили перстень прямо изо рта.

Спросил Бахрам жену:

— Кто обманул тебя?

Рассказала она ему обо всем, а Бахрам говорит:

— Не нужно поддаваться лести всяких старух, не то и ты и я попадем в беду.

Огорчилась принцесса и пообещала:

— Больше этого не будет!

Бахрам запас все, что нужно было, на всю жизнь, а перстень бросил в глубокое море, чтобы им не мог завладеть подлый человек.

Тут и конец сказке о лоточнике и перстне Сулеймана. Ее рассказывают старики, а я рассказал вам, чтобы запомнили и передали другим.

Сказка о шахзаде Исмаиле и Араб-Занги

Жил в давние времена юный шахзаде Исмаил. Он был заядлым охотником и проводил большую часть времени на охоте. А был он храбр и бесстрашен.

И вот однажды увидел он во сне девушку, прекрасную, как полная луна, и сразу же влюбился в нее. Проснулся он утром и стал плакать. Утешала его мать, утешала, но тщетно. Не пьет, не ест шахзаде, только тоскует да горюет.

А был у него конь под кличкой Камар, прославившийся среди знати и черни. Встал Исмаил однажды утром, сел на коня Камара, поскакал в степь.

— Пока не найду свою возлюбленную, не вернусь, — сказал он.

Как ни просила, как ни плакала мать: «Сынок, куда же ты уходишь? Зачем обрекаешь меня на разлуку?» — ничего не помогло: покинул шахзаде родные края и отправился странствовать по белу свету.

Ехал он, ехал и остановился в горном ущелье. А на вершине одной горы стоял дворец, да такой, что ни во сне, ни наяву не увидишь. У подножия горы — родник.

Шахзаде сошел с коня, накормил его ячменем, напоил чистой водой и сел у воды.

А теперь послушай, что это был за дворец. Это была крепость Араб-Занги. А у Араб-Занги в подчинении было сорок храбрецов, и кто бы ни проезжал мимо крепости — одинокий ли путник или целый караван, — они нападали на него и грабили. И как раз в тот момент, когда шахзаде Исмаил остановился у подножия горы у родника, на башне стоял сам

Араб-Занги, высматривал, не появится ли кто-нибудь на дороге. А надо вам сказать, что эти сорок храбрецов по очереди дежурили на башне, каждый по два часа.

И видит Араб-Занги: к роднику у подножия горы подъехал на крупном коне рослый юноша, остановился у родника и спешился. Араб-Занги вызвал трех храбрецов и сказал:

— Идите к роднику и разузнайте, кто этот юноша, чего он хочет. Спросите, как он смеет останавливаться и отдыхать здесь. Поднимите его с места и приволоките сюда.

Пошли они втроем к роднику, спросили Исмаила:

— Эй, юноша, кто ты, куда держишь путь? Как дерзнул ты ехать этой дорогой? Разве ты не знаешь, что здесь владевает Араб-Занги? Даже лев не смеет показываться в этих местах: кто является сюда, тот не уходит живым.

Шахзаде притворился глухонемым и объяснил жестами: «Я не слышу, подойдите поближе и растолкуйте».

Те подъехали почти вплотную. Тогда шахзаде схватил двух из них, как котят, за шиворот, стукнул лбами друг о друга и раскроил им черепа. А третьему он отрезал ухо и положил на ладонь со словами:

— Пойди сообщи обо всем своему господину.

У Араб-Занги от этого зрелища глаза на лоб полезли. Он сам сел на коня, надел латы и с тридцатью храбрецами поскакал к роднику. А шахзаде Исмаил сел на Камара, обнажил саблю и преградил им дорогу, как лев:

— Я один, а вас тридцать. Не геройство для тридцати выйти против одного. Выходите по одному!

Видит Араб-Занги — правду говорит шахзаде — и согласился. Десять воинов один за другим выходили на ристалище, и всех убивал Исмаил. Тогда выступил сам Араб-Занги.

Сначала они обменялись ударами копий, затем стали бороться. Семь дней подряд они боролись. На восьмой день шахзаде Исмаил ударил Араб-Занги оземь и сел ему на грудь. Он собирался уже отрубить ему голову, но вдруг увидел — плачет враг. Шахзаде спросил:

— О юноша, зачем ты плачешь? Если хочешь что-нибудь завещать — скажи.

Араб-Занги отвечал:

— Не юноша я, а девушка! Вот уже двадцать лет я разбойничаю здесь. Я сражалась и боролась со многими доблестными юными мужами. Всех я одолевала и дала клятву перед Богом, что выйду замуж за того, кто

сумеет бросить меня оземь. До сих пор я одолела триста храбрых мужей. А ты хочешь убить меня, даже не узнав, кто я!

Она подняла рубашку и показала грудь, подобную прекрасным хрустальным шарам. Затем она сняла шлем, и тугие косы ее упали до пояса. Видит шахзаде — это и вправду девушка. Освободил он ее, поцеловал и стал упрекать:

— Почему же ты сразу все не сказала?

— Ну, что было, то прошло!

Взялись они за руки, поднялись во дворец, сели и стали есть, пить и веселиться. Они очень любили друг друга, вместе ходили на охоту, а вечером опять веселились.

Так прошло несколько лет. И вот как-то ночью шахзаде снова приснилась та самая пери, ради которой он покинул дом. Наутро он простился с Араб-Занги и сел на Камара. Сколько Араб-Занги ни упрашивала:

— Друг мой, куда ты уходишь, что случилось? Оставайся здесь! Чего бы ты ни пожелал — хоть птичьего молока, — все раздобуду!

Шахзаде ей только отвечал:

— О Араб-Занги! Захочет Бог — и мы снова встретимся с тобой. Я потерял кое-что и должен найти, а до этого я не смогу успокоиться.

Сел он на коня Камара, покинул дворец Араб-Занги и поскакал через пустыню. Несколько дней и ночей ехал он пустыней, где не было ни воды, ни травы. Наконец он подъехал к какому-то городу. На ночь шахзаде остался за городской стеной и разбил маленький походный шатер, который всегда возил с собой.

На другой день дочери падишаха этой страны захотелось поохотиться. И она с охотничьим снаряжением, свитой и слугами отправилась на охоту. Не успела она выехать из города, видит — у ворот стоит маленький походный шатер. «Это какой-нибудь путешественник», — решила она и подозвала к себе одного человека из свиты:

— Пойди и узнай, кто это.

Сама же стала наблюдать издали. Посланец подъехал к палатке и спросил:

— Кто ты? Куда держишь путь?

— Я путешественник, странствую по свету.

Вернулся посланец к царской дочери и доложил о том, что слышал. Она велела привести шахзаде, и тот предстал перед ней.

Слушай же теперь, что произошло дальше! По воле неба одновременно с Исмаилом та красавица также видела сон. Ей приснился

Исмаил, и она тоже влюбилась. Посмотрели шахзаде и принцесса друг на друга один раз и уж не могли глаз отвести — принцесса ведь и была та девушка! Они переговаривались взглядами, словно уже много лет были знакомы и давно влюблены.

Девушка не хотела, чтобы кто-нибудь догадался об этой тайне, и велела шахзаде спрятаться у ее старой няни. Попрощались они и расстались. Девушка поехала на охоту, а шахзаде отправился в свой шатер.

На закате девушка вернулась с охоты во дворец. А шахзаде вошел в город и стал разыскивать дом няни принцессы. Ему указали этот дом, он постучал в дверь и попросился переночевать. Сначала ему отказали, но он раскрыл кошель с деньгами. Нянька увидела золотые монеты и уступила:

— Прошу, дорогой!

Впустила она его, отвела в лучшую комнату в доме. В полночь шахзаде оделся, взял саблю и направился во дворец принцессы. Приблизился он к дворцу и видит — стоит стража из десяти человек с обнаженными мечами. Он выхватил саблю, уложил всех десятерых и вошел во дворец.

Девушка увидела Исмаила, обняла его, поцеловала, и сели они пировать. И вот во время пира она сказала шахзаде:

— Надо нам хорошенько все обдумать. Ведь как только отец узнает об этом, он велит изрубить нас в куски. Самое дурное, что ты убил стражников, — одна беда на другую.

Призадумалась девушка и сказала:

— Один только выход есть — отдаться на милость няни.

Тут же среди ночи послали за ней, привели и попросили помочь в беде.

— Положитесь целиком на меня, — ответила нянька, — и предавайтесь веселью.

Промолвила она так и вышла. А утром надела чадру и вошла к падишаху:

— Да буду я жертвой за тебя, благословенный шах! Этим десяти неблагодарным стражникам у дворца принцессы отрубили головы. Никому не известно, кто это сделал, а отрубила-то я!

Шах удивился:

— Расскажи-ка, как это произошло!

— Так вот, стражники уже давно договорились между собой похитить принцессу. Я узнала об их гнусных намерениях, подружилась с ними и стала жаловаться им: «Я так настрадаюсь с ней, что прошу вас избавить меня от нее. Я сделаю все, что вы потребуете». Так я их успокоила,

и мы договорились на вчерашнюю ночь. Напоила я их сверх всякой меры, и повалились они мертвецки пьяными. Потом я оттащила их в сторону и отрубила им головы.

Услышал падишах это, поблагодарил старуху и одарил ее как следует. После этого няня стала старшей в гареме и все время просиживала там, никуда не отлучаясь, — то-то была она довольна!

Каждую ночь после первой стражи она приводила шахзаде во дворец принцессы, а наутро вводила к себе. И вот как-то ночью шахзаде загрузил по родной стране и сказал девушке:

— Ведь у меня в родном краю есть дом и достаток, близкие и родные. Так до каких же пор мне тайком, ночью, с тысячью предосторожностей пробираться сюда из дома няни? Давай отправимся в мою страну.

Девушка одобрила его слова. Утром она вызвала главного конюшего и приказала оседлать будто для охоты двух самых резвых шахских коней. Конюший сделал все, как ему было велено. Принцесса же вошла в сокровищницу, забрала оттуда самое легкое по весу, но дорогое по цене. Потом шахзаде и принцесса сели на коней, покинули город и поскакали через пустыню.

Ехали они, ехали и наконец достигли горы, где был родник. Остановились они и условились отдыхать и нести стражу поочередно. Так они и поступили. И вот, когда спал шахзаде, положив голову на колени принцессы, взглянула она — о Аллах! Что это такое? Всюду, насколько видит глаз, по пустыне в погоне за ними скачут всадники.

Слушай же дальше. В то утро, когда убежали шахзаде и принцесса, шаху доложили, что шахзаде Исмаил провел в городе несколько дней и увез принцессу. Шах приказал послать погоню из десяти тысяч воинов с десятью военачальниками во главе каждой тысячи.

Увидела девушка погоню, заплакала, и горючие слезы стали капать на лицо шахзаде. Исмаил проснулся и увидел, что девушка плачет. Спрашивает он ее о причине слез, а она только рукой машет в сторону пустыни. Оглянулся Исмаил, увидел всадников и говорит:

— Не горюй, с нами Аллах!

Потом выхватил саблю, вложил ноги в стремя и бросился на всадников. Он разгромил их и погнал назад — до самых городских ворот. Потом вернулся к принцессе, и они вдвоем поехали ко дворцу Араб-Занги, а та, узнав о прибытии шахзаде Исмаила и принцессы, выехала навстречу и встретила их со всей торжественностью. Все они прибыли во дворец Араб-Занги и провели там целый год, пируя и веселясь.

А шахзаде снова загрустил по родной стране и обратился к Араб-Занги и Биби-Пери (так звали принцессу):

— Уже долгие годы я не был в родной стране, поедем к нам!

И та и другая согласилась. Покинули они втроем дворец Араб-Занги и направились в страну Исмаила.

Когда подъехали они к городу, падишаху сообщили:

— Шахзаде Исмаил едет вместе с Араб-Занги и Биби-Пери.

Шах приказал встретить их достойно, и их торжественно, с почетом ввели в город.

Прошло немного времени, и падишах влюбился в Араб-Занги, да буд-то не одним, а ста сердцами. Поведал он об этой тайне везиру, а везир тот был человек подлый и к тому же ненавидел шахзаде. Сказал он шаху:

— Пока жив шахзаде Исмаил, Араб-Занги для тебя недоступна. Сначала надо расправиться с шахзаде, а затем уже подумать о своих желаниях.

И решил шах погубить сына. Как-то раз он приказал приготовить особое кушанье для себя и шахзаде, а в тарелку сына велел насыпать яду. Но Араб-Занги была женщиной очень догадливой и прозорливой. Она всей душой любила шахзаде, и они во всем советовались друг с другом. И вот Араб-Занги говорит ему:

— Пойдешь сегодня вечером в гости к отцу — будь осторожен. Если тебе положат кушанья, которого еще никто не попробовал, — не ешь!

Вечером по распоряжению шаха принесли два блюда какого-то особого кушанья. А шахзаде есть не стал, дал сначала кусочек кошке отведать. Она тут же распухла, упала и околела. Встал шахзаде и сказал в гневе:

— Это что — гостеприимство?

Покинул он вместе с Биби-Пери и Араб-Занги дворец, и поселились они в крепости, что была в двух фарсангах от города. А везир не переставал нашептывать шаху всякие подозрения и сомнения:

— Шахзаде поселился в этой крепости и поднял против тебя восстание! Надо слать палача, чтобы тот выколол шахзаде глаза и вложил их ему в руку. А потом пусть отправляется, куда ему заблагорассудится!

Легковерный шах так и поступил: отправил главного палача, и тот выколол Исмаилу глаза и вложил их ему в руку. Так и побрел несчастный шахзаде по пустыне, не зная сам, куда идет. Шел он, шел и остановился у родника, заснул, потом проснулся и опять уснул. Лежит он так, ни спит ни бодрствует, и вдруг слышит разговор двух голубок. Одна другой говорит:

— Сестрица, знаешь ты этого юношу? Это шахзаде Исмаил. Отец его, влюбившись в Араб-Занги, поддался лживым наговорам коварного везира и велел выколоть глаза сыну. И вот он держит глаза свои в руках! А теперь если он спит, то пусть проснется, а если бодрствует, пусть будет помышленее. Упадут сейчас с дерева два листочка. Если искрошить их, натереть ими глаза, а затем вложить глаза на место — прозреет шахзаде.

Они не кончили еще ворковать, как раздался шелест падающих листьев. Шахзаде тут же поднял их и сделал так, как советовала голубка. И сразу же он прозрел. Только поспешил он и вложил правый глаз на место левого, левый — на место правого, и оказались глаза косыми. Но Исмаил был рад и этому!

Несколько дней шахзаде не прикасался к пище, так голодным и двинулся в путь. Шел он, шел и дошел до какой-то мельницы и обратился к хозяину:

— Отец, не примешь ли гостя?

— Гость глаза дороже! — отвечает мельник.

— Отец, — говорит тогда шахзаде, — я уже несколько дней ничего не ел и вот-вот умру от голода!

Мельник слыл человеком бывалым и знал, что человеку, не евшему несколько дней, нельзя сразу давать много еды — иначе он заболеет. Первый день он дал ему немного пищи, на другой — чуть больше. И только через три-четыре дня, когда шахзаде оправился, он накормил его как следует.

Однажды шахзаде спросил у мельника:

— Отец, у тебя есть сын?

— Нету.

— Хочешь усыновить меня?

— Конечно, я усыновляю!

А шахзаде при этом говорит:

— Но с одним условием: будешь кормить меня досыта.

— Сколько же тебе надо? — спрашивает мельник.

— В день барашка, ман пшеницы, два мана лепешек из пшеничной муки.

У мельника не было детей, и он согласился. Зажили они на диво! Только однажды видит шахзаде: сидит мельник и плачет.

— Отец, о чем ты плачешь? — спросил он.

— Как же мне не плакать? У падишаха был сын по имени Исмаил, а у того — две жены, прекрасных как луна. Одну звали Араб-Занги,

другую — Биби-Пери. Шах влюбился в Араб-Занги и хотел взять ее себе. Но сын стоял на его пути. Тогда он велел ослепить его и прогнать из столицы. А Араб-Занги, узнав об этом, восстала и собрала войско. Вот уже сколько времени вместе с Биби-Пери ведут они войну против шаха! Все юноши убиты, и вот вышел указ о новом наборе в войско: тот, у кого нет сына, должен сам выступить на войну. И вот явились сегодня стражи, схватили меня за шиворот и требуют — пошли, мол, сына на войну, а нет, так сам иди!

Обрадовался шахзаде этим вестям, в особенности же верности Араб-Занги, и говорит:

— Отец, что пользы лить слезы! Пойди лучше раздобудь коня да меч и не тужи ни о чем.

Пошел мельник, нашел клячу и ржавую саблю и принес ее шахзаде. Сел тот на коня и поехал на поле брани.

И что ж он видит? Араб-Занги сражается как львица! Она смешала правый и левый фланги, центр и тыл вражеского войска. Из сраженных ею образовались целые курганы. Посмотрела она в пылу битвы на другой край поля и вдруг видит — едет верхом юноша, похожий на шахзаде Исмаила. Не поверила Араб-Занги своим глазам, посмотрела еще раз попристальнее — и верно, едет ее возлюбленный, только глаза у него косые.

Шахзаде же в это время стал петь газели*, чтобы Араб-Занги совсем убедилась, что это он.

Наконец они встретились и условились, что завяжут притворный бой друг с другом, а потом разойдутся. Затем Араб-Занги расправится с шахом, а шахзаде — с везиром.

Так и поступили. Араб-Занги вместе с частью воинов поскакала во дворец. Там они убили шаха. А шахзаде отправился к дому везира и наказал его по заслугам. Затем они вышли к народу и велели украсить город. Потом сорок дней и ночей шахзаде праздновал свадьбу с Араб-Занги. А после этого сорок дней и ночей справляли его свадьбу и с Биби-Пери. А как только шахзаде воссел на престол, вызвал он мельника и сделал его везиром правой руки. Затем Исмаил веселился и пировал, творил правый суд и царствовал справедливо.

Да исполнит Аллах желания всех страждущих!

* Газель — лирическое стихотворение-песня

Жил-был лентяй. Он никогда не двигался со своего места, даже ел и пил в постели, а еду ему клали прямо в рот. Невмоготу стало матери, задумала она найти такое средство, чтобы сына делу выучить.

И вот как-то купила она несколько яблок. Одно яблоко положила прямо у постели лентяя, другое — чуть дальше, третье — посреди комнаты, четвертое — у порога, пятое — в дехлизе*, шестое — еще где-то, седьмое — за дверью дома.

Проснулся лентяй, увидел яблоки.

— Матушка, — говорит он, — подойди, подай яблоко.

— Бездельник, — раскричалась она, — возьми да ешь!

Лентяй поднял, съел и видит: очень вкусно. С трудом дотянулся он еще до одного яблока. Наконец встал с постели, начал подбирать и грызть яблоки. Увидел он яблоко в дехлизе, поднял и съел. Когда он подобрал следующее яблоко, мать сказала:

— Одно лежит и на дворе.

Лентяй вышел из дому, а мать и заперла за ним дверь. Начал лентяй просить и умолять пустить его в дом, но мать только отвечала:

— Не бывать тому. Ступай и выучись делу. Тогда и впусти тебя.

— Дай мне хоть поесть чего-нибудь, — говорит он, — а то ведь я умру с голоду.

Мать вынесла ему одно яйцо, горсть муки, моток шерстяной пряжи и рог. Отдала она все это сыну, поцеловала его, и они расстались.

* Дехлиз — коридор, сени перед жилым помещением.

Двинулся лентяй в путь. Только вышел он из города — полил дождь. Сбросил он одежду, чтобы она не промокла, скатал в сверток и сел на него. Когда дождь перестал, он оделся и пошел дальше.

Идет он своей дорогой, вдруг навстречу ему див. Видит див, что одежда путника сухая, удивился он и спрашивает:

— Как это твоя одежда не промокла?

— А я шейтан, — отвечает ему лентяй. — А у шейтана одежда не мокнет.

— Врешь ты. Если правду говоришь — давай померимся силами.

— Хорошо, — говорит лентяй.

— А как мериться будем? — спрашивает див.

— Вот зажму я камень в кулаке, — отвечает лентяй, — и раскрошу его в порошок.

— И я сделаю то же самое, — расхрабрился див.

— Так начинай ты первым, а я погляжу!

Див поднял камень, сжал его в кулаке, разломил на четыре куска и предложил:

— Теперь давай ты, а я погляжу.

А лентяй набрал в горсть муку, а камень украдкой спрятал в карман. Потом он показал диву муку:

— Смотри, что я сделал с камнем.

Видит див — плохо дело, испугался он, но не захотел ударить в грязь лицом и говорит:

— Хорошо, испытаем силу на чем-либо другом.

— На этот раз, — сказал лентяй, — сожми камень в кулаке так, чтобы он превратился в масло.

Попытался было див, но ничего у него не вышло. А лентяй сжал в кулаке яйцо, раздавил его, из кулака и потекли желток и белок. Див испугался, попятился и пустился наутек.

Пошел лентяй дальше. Вдруг видит — стоит перед ним замок.

Постучался он и слышит ужасный рев:

— Кто это?

— Открывай, это я, — крикнул лентяй.

— А кто ты?

— Сам-то ты кто? — кричит в ответ лентяй.

— Я — вождь дивов, а это мой замок, — раздалось изнутри.

— А я — шейтан, — ответил лентяй. — Открой дверь.

— Ты сильнее или я? — спрашивает див.

— Конечно я.

— Сейчас посмотрим, — зарычал див.

И див засунул руку под мышку, вырвал волос, очистил его от грязи и сказал:

— Это мой волос. Покажи-ка ты свой.

Лентяй вытянул из мотка шерстяную нитку и показал диву:

— А это мой волос.

— На этот раз не вышло, — говорит див. — Давай придумаем новое испытание.

Лентяй ему в ответ:

— Крикни-ка, посмотрим, чей голос грознее.

Испустил див ужасный рев. А лентяй взял в рот рожок, да как затрубит — превзошел дива. Див от страха сорвал засов с дверей и убежал.

Вошел лентяй в сад, отдохнул несколько дней и снова пустился в путь. Шел он, шел и остановился около одной деревни. Помылся он в роднике и взобрался на дерево. Видит, идет к роднику черная рабыня с кувшином.

Посмотрела она в воду, увидела отражение белого человека и подумала, что сама стала белой. Обрадовалась рабыня и сказала себе: «Побегу-ка я к госпоже, скажу, что я стала белой. Пусть больше не называет меня черной служанкой!»

Тут лентяя на дереве разобрал смех. Услышала рабыня, посмотрела наверх и говорит:

— Кто ты?

— Я — шейтан.

— Откуда ты явился?

— С того света.

— Если ты правду говоришь, — продолжала рабыня, — то скажи, куда понесли нашего покойного хозяина — в ад или в рай?

Лентяй покачал головой и отвечает:

— В ад.

— Ой-ой! Почему же?

— А потому что у него нет денег. Из-за этого его бросили в адское пламя. Увидел он меня и попросил: «Расскажи о моем состоянии жене и детям моим».

— Как же ему можно помочь? — спрашивает рабыня.

— Очень просто — пошлите ему денег.

- А как это сделать?
- Дайте мне, а я передам.
- Да продлит Бог твою жизнь!

С этими словами бросила она кувшин, побежала к своей госпоже и передала ей весь разговор. Госпожа велела рабыне привести лентяя. Дала она ему триста туманов.

— Тебе, верно, нетрудно будет передать, — сказала она. — Да скажи: если ему еще нужно, то я найду, пусть не тревожится. Скажи, что наличными у меня сейчас больше нет.

— Очень уж долго туда идти пешком, — говорит лентяй. — Дали бы мне коня, я бы быстрее доехал.

Женщина дала ему коня, подвесила к седлу хурджин* с деньгами и напутствовала его добрым словом.

Прошло немного времени, вернулись трое ее сыновей. Когда мать рассказала им о случившемся, они очень разозлились, что ее так обманули, и поколотили рабыню. Потом они сели на коней и поскакали вдогонку за лентяем. Видит лентяй — поднялась вдали пыль и скачут в той пыли три всадника прямо к нему. Он сразу понял, в чем тут дело, и погнал коня что было мочи.

Подскакал он к роднику. А там сидел какой-то человек и мыл требуху на продажу. Лентяй спешился и говорит ему:

- Ты что здесь сидишь? Ведь едут, чтобы схватить тебя!
- Кого схватить?
- Да вот, смотри, скачет охрана, чтобы схватить и казнить тебя.
- Что же мне делать? — взмолился незнакомец.
- Садись на моего коня и скачи, — посоветовал лентяй.

Незнакомец вскочил на коня и был таков. А лентяй нахлобучил на голову бараний сычуг и стал мыть требуху. Тут подскакали три всадника и видят: какой-то человек моет бараньи желудки.

- Не видел ли ты верхового? — спросили они.
- Как же, только что проехал здесь.

И он прибавил, что с ним был какой-то хурджин. Братья поскакали за продавцом требухи в надежде схватить его.

А лентяй взял хурджин с деньгами и зашагал к родному городу. Пришел он домой и постучался в дверь. Увидела мать, что сын вернулся, и кричит:

* Хурджин — переметная сумка из домотканой шерсти.

— Не пущу я тебя домой!

— Матушка! Да ведь я тебе деньги принес.

— Да разве ты такой человек, чтобы заработать деньги?

Потряс лентяй хурджин — зазвенели там монеты. Мать открыла дверь и впустила его.

Вот и наша сказка вся.

Наджма и царская дочь

Жил в давние времена юноша по имени Наджма, был он погонщиком верблюдов. И вот однажды пас он верблюдов в степи, подошел к роднику, напился да и заснул тут же неподалеку.

А как раз в это время царская дочь выехала на охоту. Остановилась она у того самого родника и, напоив коня, влезла на дерево, чтобы нарвать фруктов. Тут проснулся Наджма и вернулся к источнику, чтобы напиться еще раз. Увидел он в воде отражение девушки, сидящей на дереве, и сразу влюбился в нее, да будто не одним, а ста сердцами. А девушка, увидев Наджму, тоже влюбилась.

Слезла принцесса с дерева, села на коня и возвратилась во дворец. А Наджма остался у родника. Зарыдал он и начал петь чарбейты*:

У родника, где расцвели цветы,
Двух пташек видя дивной красоты
И их птенцов, вздохнув, подумал я:
«Пройдет неделя, сбудутся мечты!»**

И правда, в конце недели исполнилось его желание. А случилось это так. Царская дочь была уже во дворце, а Наджма все сидел у родника и проливал слезы. Наконец вернулся он из степи в город и через несколько

* Чарбейт — народная песенно-стихотворная форма, состоящая из четырех строк. Чарбейты обычно поются дуэтом-диалогом.

** Увидеть двух птиц сразу считается в Иране добрым предзнаменованием (одна птица, наоборот, предвещает беду).

дней отправился ко дворцу принцессы и сел прямо перед ним на улице. Девушка выглянула из окна и стала петь чарбейты:

Пусть я ничтожный прах у ног Творца,
Но что красивей этого лица?
Наджма — прекрасный юноша, о боже,
Когда он сядет вновь у стен дворца?

Ворота дворца были закрыты, и Наджма смог ответить лишь так:

Ах, столяру я руки обрублю,
Чтоб двери делал он — я не стерплю.
Пусть никогда дворец не будет заперт,
И я увижу ту, кого люблю.

Девушка же опять выглянула из окна и произнесла:

Наджма, ты душу близкую нашел,
Все говорят, что храбр ты, как орел,
Коль ты влюблен и жаждешь быть с любимой,
То почему на столяра ты зол?

Услышал Наджма эти слова, и кровь бросилась ему в голову. Схватил он аркан и стал высматривать, где бы подняться во дворец.

Брожу я вокруг дворца, от страсти пьян,
Но поднимусь, забросив вверх аркан.

А девушка в ответ поет:

Я жду тебя, любимый, дорогой,
Я жду тебя, прекрасный месяц мой.

Наджма забросил аркан, поднялся по веревке к девушке и обнял ее. А падишах, отец девушки, узнал об этом и послал палача с приказом:

— Принеси мне голову Наджмы.

Пошел палач, а Наджма увидел его и запел чарбейт:

В кольчуге вниз идет он. Не пойму:
Идет он вниз — не к горю ль моему?
Кинжал и меч сжимает он в руках —
Ах, он идет, чтобы убить Наджму.

Посмотрел палач на Наджму и видит: красивый юноша, стройный и статный. И подумал: «Поведу-ка я этого юношу живым и невредимым к падишаху. Может быть, пожалеет он его молодость и помилует».

И он повел Наджму, живого и невредимого, к падишаху. Как вошел Наджма к падишаху, так запел:

За облаками почему луна?
Зачем душа неверью отдана?
Коль хочешь ты влюбленного убить,
Так убивай — душа тоски полна!

Принцесса сильно испугалась. В страхе она явилась вслед за Наджмой во дворец и пропела:

Отец, зачем пугаешь ты меня?
Иль Судного ты не боишься дня?
Ведь на себя беду ты навлечешь,
Без всякого суда Наджму казня!

Не успела девушка до конца допеть эти стихи, как все присутствующие закричали, что надо убить Наджму, так как он поступил вероломно. Принцесса опять запела чарбейт:

Когда же кончится моя тревога?
Придет ли к счастью черная дорога?
Согласны все — пора казнить Наджму,
А ведь Наджма — он тоже верит в Бога!

Был среди везиров шаха один отличавшийся мудростью. Он посоветовал:

— Если казнят Наджму, то о нем и принцессе пойдут дурные слухи. Хорошо бы сделать так, чтобы Наджма сам оказался причиной своих бед.

— Как же это сделать? — спросил шах.

— Брось его в яму, а мимо нее вели провести сорок девушек в одинаковых одеждах, среди которых должна быть и принцесса. Если Наджда узнает и отличит принцессу, то придется ее выдать за него замуж.

Сорок девушек оделись в одинаковые одежды и прошли мимо ямы. Среди них была и принцесса. И вот царская дочь подошла к яме, села на камень и плотнее завернулась в чадру.

Тут со дна ямы раздался голос Наджды, запел он чарбейт:

О мусульмане! Я от бед умру,
Хоть рядом ты, и все ж не быть добру:
Сними чадру, чтоб я лицо увидел, —
Зачем же прикусила ты чадру?

Девушка заплакала и ответила чарбейтом:

Ах, кто из вас подобно мне скорбит?
И кто страдает от таких обид?
Друзья, враги — одно лишь говорят:
Кто столько стерпит, счастьем позабыт?

Тут все убедились, что Наджда узнал царскую дочь. Тогда шах созвал мудрецов со всей страны и сказал им:

— Надо поручить Наджде такое дело, какое он не в силах будет выполнить. Только тогда мы сможем избавиться от него.

Много мнений было высказано. Наконец кто-то предложил:

— Отсюда до Багдада семьсот фарсангов. Надо потребовать, чтобы он за четыре дня принес из Багдада стеклянный сосуд.

Все одобрили. Вызвали Наджду и говорят ему:

— Ты за четыре дня должен принести из Багдада стеклянный сосуд. Не выполнишь этого — не видать тебе девушки.

Наджда согласился. Два дня прошло, а он уже возвращался из Багдада с сосудом. Молва о нем распространилась по всему городу.

Видят — не вышло дело. Но тут нашлась какая-то старуха, пообещала:

— Я все устрою.

Пошла она навстречу Наджде и говорит:

— Жаль мне тебя. Так ты стараешься — и все понапрасну!

— А что случилось? — спрашивает Наджда.

Старуха ему в ответ:

— Принцесса скончалась вчера ночью.

Услышал это Наджда, задрожали у него руки, сосуд выпал и разбился. Вошел он в город и видит, что солгала старуха. Тогда он обратился к ней:

Скажи, в чем виноват я пред тобой?
Злодейка! Лучше б быть тебе немой!
О женщина! Что сделал я тебе?
Убей ее, Господь небесный мой!

Но не растерялся Наджда и второй раз отправился в Багдад. Там опять купил сосуд и вернулся, напевая:

Для милой сердцу я сгорю в аду,
Замерзну в царстве мрака я во льду.
Чтоб для нее найти башмак красивый,
Семьсот фарсангов за ночь я пройду!

* * *

Ища стекло, дошел я до Багдада,
Купил — разбил, и с горестью нет слада.
Еще стекло мне сделай, стеклодув,
В два дня, — тогда обещана пощада.

Видят шах и его приближенные, что Наджда во второй раз вернулся со стеклянным сосудом. Опять шах созвал везиров и вельмож:

— Принес Наджда из Багдада сосуд. Как же теперь быть?

Посоветовали шаху приближенные:

— Посадим его снова в яму. Навьючим сорок верблюдов грузом и прогоним мимо ямы. Если он скажет, что находится во выюках, то надо отдать ему принцессу. Если не ответит — то некого и винить.

Посадили Наджду в яму. Потом навьючили сорок верблюдов: снизу положили сахар, посередине — руту, а сверху — цветы. Думали, что Наджда сумеет назвать один-два товара, но не все три — невозможно это!

И вот сидит опять Наджда в яме. Мимо ямы погнали сорок навьюченных верблюдов. Повод первого верблюда дали в руки плешивому мальчику, и тот повел караван. Наджда же все отгадал и начал петь:

Везут благоуханные цветы,
И сахар там, и рута — видишь ты?
Ведет плешивый мальчик караван,
Я прав — кто не признает правоты?

Наджму вытащили из ямы и говорят ему:
— Все равно, дружище, не выйдет дело.

Собрались, пораскинули умом и решили: нужно одеть сорок девушек в одинаковые одежды. Среди них должна быть и принцесса. Наджма должен сесть у городских ворот, а мимо него пройдут сорок девушек. Если он опять узнает свою возлюбленную, то она без всяких промедлений будет отдана ему.

Отправился Наджма, сел у городских ворот, а мимо него пошли сорок девушек. Он стал петь:

Сидит Наджма у городских ворот,
А мимо черноокая идет,
Идет моя любимая и плачет...
Кто знает все приметы — все поймет.

Наджма подошел к сорока девушкам, одетым в одинаковые платья и с одинаковыми украшениями. Он притронулся к платью принцессы, и все люди закричали:

— Делать нечего, надо отдать девушку за него.

Видит падишах, что весь народ просит выдать дочь за Наджму, и согласился. И устроили большой пир, а потом заключили брачный договор Наджмы с принцессой.

Так же, как исполнилось желание Наджмы, пусть исполнится и ваше, во имя Аллаха.

В ущелье Шули я проник ветерком,
И дом Шафанун облетал я кругом
И знаю, что любит она всей душой
Того, кто пришел к ней ночью порой.

Жил юноша стройный и статный по имени Камала. Был у него гнедой конь. И вот как-то сел Камала на коня и решил прогуляться. Сам того не зная, держал он путь мимо дворца Шафанун, а Шафанун была дочерью падишаха. Взглянула Шафанун на стройный стан Камалы и влюбилась, да будто не одним сердцем, а тысячью сердец. Посмотрела она на Камалу и говорит:

— Может быть, ты сойдешь с коня и погостишь этой ночью у меня?

Камала ответил чарбейтом:

Дорога далека, осел мой хром,
Боюсь камней — я еду со стеклом.
И если ты за свой боишься груз,
Ты не бросай камней — нет блага в том!

Она ему ответила тоже стихами:

Я камень не бросала — это ложь.
Твой путь далек, и хром осел. Ну что ж?

Камала взмолился:

— Прости меня, но недалеко отсюда находится мой враг. Я сначала должен поехать расчитаться с ним, хотя я сам изнываю от тоски по тебе, да будет тысячу раз моя жизнь жертвой за тебя.

К неверным еду в дальние края,
Что, коль останусь в зимнем царстве я?

Шафанун ответила:

— Говорить не о чем. Если даже ты не вернешься и сто лет, то будет Шафанун верна тебе — воды не замутит.

Коль в зимнем царстве будешь ты сто лет,
Моих покоев не минуешь, нет.
Я буду сахаром кормить коня,
Дам миндаля, не то что ячменя.
На свежем клевере он будет спать,
Велю я золотом его ковать.
Тебя кормить я буду как царя,
Посуда — из фарфора, янтая.
На стол я шкуру барса положу,
До дня Суда тебя я удержу.

Произнесла она эти стихи и добавила:

— Сойди же с коня.

Так она уговаривала, что Камала спешился. Коня его поставили в стойло, а самого повели в покои принцессы. Вечером вместо скатерти постелили они леопардовую шкуру, расшитую золотом, и сели ужинать. После ужина Шафанун проговорила:

Так убери же скатерть, помолись,
Восславив Бога, низко поклонись.

А потом спросила Камалу:

— Где ты будешь спать?

На крыше ль спать, под крышей ты готов?
Спать в цветнике иль спать среди цветов?

Камала ответил ей:

— Я лягу спать только в покоех Шафанун. Но опасаясь я врагов. Наконец легли они почивать и условились, что Камала встанет и двинется в путь с пением петухов.

Пораньше разбуди, петух, меня,
Чтоб оседлать пораньше мне коня.

Утром петухи пропели, но Шафанун не захотела будить Камалу. Она только спела:

О петушок, не пой, не рассвело,
Мне с милым расставаться тяжело.
Коль запоешь, пусть онемеешь ты,
Пусть ты ослепнешь, заболеешь ты.

На восходе солнца Шафанун разбудила Камалу и сказала:

В путь иди, ведь ночи нет следа,
И на небе лишь одна звезда.

Камала сел на коня и попросил у возлюбленной ту леопардовую шкуру, которая вечером служила им вместо скатерти. Шафанун сказала ему:
— Я бы отдала эту шкуру тебе, но ее помнят мои братья, они ее знают. А если они увидят ее у тебя, то не одобровать тебе.

Он ответил:

— Ничего. Мне нравится эта леопардовая шкура, на которой мы с тобой ужинали, и я хочу сохранить ее на память.

Шафанун нехотя отдала ему шкуру. А Камала бросил ее на коня как попону, сел в седло и сказал:

Верблюд навьючен, покажи мне путь!
Что ж на меня не хочешь ты взглянуть?
Мне ничего не надо от тебя,
Лишь аромат твой я хочу вдохнуть!

Но на горе у Шафанун был плешивый слуга, по натуре подлый и неблагодарный. Он донес братьям на Шафанун и раскрыл им всю тайну от

начала до конца. Рассказал об ужине на леопардовой шкуре и о том, как Камала взял ее на память. И решили братья убить сестру.

А Камала все ехал и ехал. Шафанун не вынесла разлуки и поехала вслед за ним. Камала же в это время достиг стоянки братьев Шафанун. Те узнали леопардовую шкуру и предложили ему:

— Сойди с коня, отдохни немного! Ведь здесь много скота, и у нас есть свежее молоко и брынза.

И сказали они такие стихи:

У нас есть скот, останься, посиди,
Пирушка ждет — останься, посиди.
Из двух баранов приготовлен плов.
Уважь наш род, останься, посиди.

Камала хотел было спешиться, но тут подросла Шафанун и проговорила:

Скот пойман, мой любимый, не садись.
И пир тут будет мнимый — не садись.
Они тебя на ужин угостят
Стрелой неотразимой, — не садись.

Как бы там ни было, но братья Шафанун уговорили Камалу сойти с коня, а затем вероломно убили его. Не вынесла этого Шафанун, покончила с собой. Собрались окрестные жители, вырыли рядышком две могилы и похоронили их.

А плешивый слуга раскаялся в содеянном зле. Понял он, что по его вине не стало двух юных жизней. В отчаянии пришел он к этим могилам и вырыл между ними могилу себе. Убил он себя и завещал похоронить на этом месте. Там его и похоронили.

Спустя год на могилах Камалы и Шафанун выросли два кипариса, а на могиле плешивого — куст терновника с густыми колючими ветками. Кипарисы клонились друг к другу, будто стремились переплестись ветвями, но мешал терновник, выросший между ними.

Пришел туда однажды добрый человек собирать терновник на топливо. Взял он свой топор да и срубил колючий куст. Как только он срубил его, кипарисы сплелись друг с другом. И с тех пор всякий, кто видел, принимал их за одно дерево.

Перстень Сулеймана

Было ли так или не было — кроме бога, никого не было. Однажды в одном древнем городе брел по улице юноша. Вдруг он слышит, кричит какой-то дервиш:

— Тот, кто купит эту скатерть за сто дирхемов, никогда не обнищает!

А у юноши всего и было-то сто дирхемов в кармане. Но ему захотелось купить скатерть, и он подошел к дервишу. Поздоровался он с ним, а дервиш ему и говорит:

— Стоит лишь хозяину скатерти расстелить ее, как появятся любые яства, каких только ему захочется: и плов, и челов*, и суп, и шашлык.

Юноша заплатил дервишу сто дирхемов, взял скатерть и пошел домой. Дома он расстелил скатерть, так как был очень голоден и хотел есть. Но каково же было его удивление, когда там оказались кошка и мышь!

— Надо оставить их, — решил он. — Когда-нибудь пригодятся.

Потом он сел и стал есть такие яства, которые ему раньше и во сне не снились. Наевшись, он свернул скатерть и стал размышлять: «Хорошо бы постранствовать!»

И он вышел через городские ворота и пошел бродить по свету, пока не остановился на берегу какой-то реки. Здесь он расстелил скатерть и сел подкрепиться. Тут, откуда ни возьмись, появился какой-то дервиш и стал предлагать юноше обменять скатерть на перстень. Юноша спросил о тайне перстня, а дервиш говорит:

* Челов — кушанье из риса.

— Если ты потрешь этот перстень, появятся четыре раба и исполнят любое твоё желание.

Понравилось это юноше, и обменял он свою скатерть на перстень. Только отошел дервиш на какую-нибудь сотню шагов, юноша надел перстень — а это был перстень Сулеймана — и провел по нему пальцем: тотчас предстали перед ним четыре белолицых раба. Юноша приказал им немедленно отобрать у дервиша скатерть. Они повиновались и силой отняли скатерть. Юноша бросил перстень в карман, взял скатерть подмышку, но тут дервиш снова подошел к нему и предложил:

— Хоть ты и отнял у меня скатерть, ты мне нравишься, и я предлагаю тебе поменять скатерть на мой брусочек.

Юноша спросил о тайне бруска, и дервиш ответил:

— Ударить им оземь, и сейчас же вырастет на этом месте высокий дом с богатым убранством.

Юноша согласился и поменял скатерть на брусочек. Не прошел дервиш и ста шагов, как юноша взял из кармана перстень и потер его пальцем. Перед ним тут же предстали четыре белолицых раба, и юноша приказал немедленно отобрать у дервиша скатерть. Рабы не заставили себя ждать, отняли у бедняги скатерть и принесли юноше.

И вот юноша снова пустился в путь, пока не остановился в местности, где был прохладный воздух и журчали ручьи. Стукнул юноша о землю брусочком, и тотчас возник перед ним прекрасный дворец, какого еще никто в мире не видел. Он вошел внутрь и потер свой перстень — тут же четыре раба явились к его услугам. Потом раскинул он скатерть и наелся досыта, до отвала, а наевшись, приказал рабам отправиться к падишаху той страны и пригласить его вместе с придворными на пир. Рабы повиновались и пригласили падишаха со свитой.

Падишах был человек добрый и согласился. И вот однажды, когда стояла хорошая погода, выехал он со свитой и придворными в степь и еще издали увидел высокий дворец. Шах и его везиры вошли внутрь и остолбенели, так как никогда не видели ничего подобного.

Юноша расстелил скатерть, и на ней появились все яства, какие только можно представить. Шах удивился еще более. Рабы между тем обслуживали гостей. После обеда шах и спутники его попрощались с юношей и покинули дворец.

Шах был проницательный человек, он догадался, что все богатства этого юноши от перстня. И он стал думать, как бы похитить у него этот перстень.

А у шахского везира была дочь, очень красивая собой. Решил он познакомиться ее с юношей. И вот везир говорит однажды дочери:

— Пойди к юноше и укради перстень, когда он заснет.

— Хорошо, — ответила дочь и отправилась во дворец юноши.

А девушка эта очень нравилась ему, и стал он с нею миловаться да целоваться, пока не отправились они почивать. Потом они легли спать вместе. Однако вскоре девушка проснулась, вытащила из его кармана перстень и вернулась домой.

Проснулся юноша, а девушки рядом нет. Сунул было руку в карман, чтобы вызвать рабов, но перстня и след простыл. Огорчился он, опечалился, сел в уголок и голову повесил. Но тут из свернутой скатерти выскочила кошка, подбежала к нему и говорит тихим голосом:

— Я научу тебя. Послушаешь меня — получишь снова свой перстень.

— Хорошо, я буду следовать твоим советам, — ответил юноша.

— В полночь, — начала кошка, — насыпь мыши на хвост перцу и пошли ее в дом везира. Дочь везира кладет перстень на ночь в рот, чтобы никто не мог его похитить. Пусть мышь поднесет ей к носу хвост: девушка чихнет от перца, перстень и вылетит изо рта. А мышь принесет перстень тебе.

Обрадовался юноша этим словам и поцеловал кошку. Ночью он насыпал мыши на хвост перцу и отправил ее в дом везира. Мышь украдкой пробралась в комнату девушки. Видит, девушка, прекрасная, как букет цветов, лежит в постели. Приблизилась она к ней и поднесла хвост к ее носу. Девушка вдруг громко чихнула, и перстень выпал у нее изо рта. А мышь тотчас схватила его, побежала во дворец юноши и отдала ему.

Юноша себя не помнил от радости. Потер он пальцем перстень Сулеймана, и перед ним появились четыре белолицых раба.

— Пойдите и немедленно приведите сюда дочь везира, — приказал он.

Тут же девушка оказалась перед ним. Юноша повернулся к ней и спрашивает:

— Что это ты натворила?

Зарыдала девушка и стала просить прощения. Юноша поцеловал ее и простил. Обнял он ее, и стала она его женой, а он — ее мужем.

Так же, как исполнились желания юноши, пусть исполнятся и ваши.

Джастик из горошинки

Было так или нет — жили-были муж с женой, бездетные. Что они ни делали — так и не было у них ребеночка. В один прекрасный день приходит к ним какой-то дервиш и говорит:

— Возьмите ман гороха, насыпьте в котел, поставьте котел в танур — через несколько дней каждая горошина превратится в ребеночка.

Жена взяла ман крупного гороха, насыпала в котел, поставила в танур. Прошло два-три дня, заглянула она в котел и видит: все горошины уже сами перекатываются. Вынула котел, поставила посреди комнаты, а горошины вдруг высыпались оттуда.

Жена обрадовалась, а муж испугался и говорит:

— Что я буду делать со всеми этими детьми? Послезавтра одному понадобятся туфли, другому — шапка, третьей — косынка, четвертому — рубашка! Где я все раздобуду, чтобы их кормить и одевать?

Взял метлу да и выметел весь горох вон из дома. Все горошины покатались в разные стороны, и только одна осталась лежать около танура. Жена как увидела, что весь горох выметен вон, закричала:

— Не мог ты хоть одну горошину оставить?

Муж отвечает:

— Верно, а я и не подумал.

Тут горошина, лежавшая около танура, услышала это и сказала:

— Батюшка! Я здесь!

Подошли они, подобрали ее. Горошина раскололась, и из нее выскочил малюсенький ребеночек. Отец и мать назвали его Джастик.

Однажды Джастик заметил, что мать его призадумалась. Спрашивает:

— О чем ты думаешь?

Мать отвечает:

— Погонщик ослов не пришел сегодня, обед твоего отца остался здесь.

Джастик говорит:

— Давай я ему отвезу.

Удивилась мать.

— Да разве ты сможешь?

— Очень даже смогу, — отвечает Джастик.

И он настаивал, пока мать не положила отцовский обед в переметную суму, не надела суму на осла и не посадила Джастика ослу на шею. Осел пошел тропкой, которой ходил каждый день. Когда замедлял он шаг, Джастик кусал его за ухо, и осел шел быстрее, пока не пришел на поле, к отцу Джастика. Отец пахал. Джастик закричал:

— Батюшка! Я тебе обед привез! Иди сюда, сними меня с осла.

Подошел отец, снял его с осла и принялся за обед. А Джастик пошел к пашне и говорит:

— Батюшка, обед я тебе привез, а теперь давай за тебя пахать буду.

Отец говорит:

— Да разве ты можешь?

— Очень даже могу, — отвечает Джастик.

Только начал Джастик пахать, нога быка сразу провалилась в землю. Спустился он посмотреть, в чем дело, и увидел: нога быка попала в зарытый кувшин. Быстро разрыл он вокруг землю и видит, что кувшин полон ашрафи.

Закричал он:

— Батюшка, иди сюда, я клад нашел!

Отец подошел, видит — верно. Говорит:

— Кувшин-то полон ашрафи.

Откопал его и отнес домой.

А Джастик спрашивает:

— Батюшка, разве это золото не принадлежит падишаху? Живо давай его сюда, я отнесу.

Отец отвечает:

— Зачем ему? Это все наше, падишах в золоте не нуждается.

Не согласился Джастик, поднял крик. Мать поняла, что он их осрамил, и говорит:

— Сейчас уже вечер, а утром я тебе все отдам, ты и отнесешь.

Утро еще не наступило, а уж Джастик открыл глаза и сказал:

— Матушка, живо носи золото.

Делать нечего, мать пошла, взяла кошель, набрала железок, медных денег, битого стекла и насыпала туда. Потом говорит Джастик:

— Ну вот, бери, носи падишаху.

Тот подумал, что это золото, взял кошель и сказал:

— Матушка, дай мне еще хлебец и кислого молока, чтобы мне по-есть, если проголодаюсь.

— Ладно, — отвечает мать.

Дала ему хлебец и кислого молока. Джастик пустился в путь и шел, пока не разыскал дворец падишаха. Увидел он великолепное здание, толпы телохранителей и рабов и подумал: «Я-то воображал — падишах такой же, как мы, а оказалось совсем не так. Дам ему половину золота, не больше».

Развязал кошель, чтобы поделить золото, и видит: матушка-то провела его, в этом кошелье золота как раз и нет. Закричал он:

— Эй, падишах! Эй, падишах!

Несколько рабов выбежали и спрашивают:

— Что кричишь?

Отвечает:

— Разве вы все, пять вас тут или шесть, падишахи?

— Нет, — говорят, — мы и все, кого ты здесь видишь, его рабы и слуги. А падишах восседает на золотом троне.

— Хочу я его видеть, — говорит Джастик.

Пошли те к падишаху и сказали ему:

— Тут пришел малюсенький человечек, хочет вас видеть.

Падишах согласился:

— Пусть войдет.

Джастик вошел к падишаху, видит: сидит падишах на золотом троне, у пояса — сабля в дорогой оправе, на голове — усыпанная жемчугами корона, на груди — не меньше трех манов драгоценных камней нашито, по правую и левую руку от него стоят ряды рабов с серебряными булавами. Шах его спрашивает:

— Ну-ка, говори, пострел, какое у тебя ко мне дело?

Джастик растерялся, не знал, что сказать, и ответил:

— Матушка мне дала с собой хлебец и кислого молока, вот я принес, давай вместе покушаем.

Как сказал он это, телохранители стали дивиться:

— Разве шах ест хлеб и кислое молоко?

— Так что же он ест? — спрашивает Джастик.

Говорят:

— Плов с курицей, мясо, жареную курицу — вот что-нибудь такое.

А шах между тем разгневался, велел бросить Джастика в тюрьму. Сидит бедный Джастик в тюрьме и шепчет:

— Хорошо бы пойти к падишаху, поговорить с ним. Сейчас пойду к падишаху, поговорю.

Тюремщик пришел к падишаху и сказал ему, что Джастик такие слова бормочет. Падишах велел:

— Приведите его.

И Джастика снова привели к падишаху. Сказал падишах:

— О чем это ты хотел со мной поговорить?

Джастик прямо на ухо ему зашептал:

— Ты меня в тюрьму бросил, смотри, другой раз так не делай!

Падишах рассердился и говорит:

— Прогоните этого невежу!

Джастик пришел домой и обо всем от начала до конца рассказал отцу с матерью. На следующий день Джастик обратился к матери:

— Матушка, давай я отнесу отцу обед в поле.

Взял и отнес. Когда отец принялся за обед, Джастик, как прошлый раз, стал пахать. Но на этот раз бык сразу испачкал ему лицо землей. Он побежал к отцу и спрашивает:

— Батюшка! Где тут вода, лицо помыть?

Отец показал ему вдали родник и сказал:

— Иди туда, помой лицо, но, смотри, головы не поднимай.

Это он потому так сказал, что там была яблоня, и, если бы Джастик ее увидел, он влез бы на нее, сорвал яблоко и попался бы владельцу яблони. Джастик пошел мыть лицо к роднику, а там яблоки и яблоня отражались в воде. Как он это увидел, поднял голову и полез на дерево. Сорвал яблоко, хотел его съесть, но тут подбежал владелец яблони, который оказался косматым дивом. Как увидел он Джастика, так закричал:

— Ты чего на чужое дерево залез? Давай сюда яблоко!

Джастик спустился с дерева, чтобы своими руками отдать яблоко. Див схватил его, положил в карман, принес домой, отдал своей матери и говорит ей:

— Зажарь его на вертеле! Когда приду, я его съем.

Мать дива развела огонь в тануре, дала Джастику две золотые игральные кости и сказала:

— Играй с ними, но, смотри, не бросай их в танур!

А кости эти были не простые. Всякий, кто брал их в руки и играл ими, с каждой минутой рос, пока не становился ростом и обличьем как див. Джастик как взял кости, так сразу нарочно бросил их в танур. Потом пошел к матери дива и говорит:

— Я не знаю, как это получилось, но кости выскользнули у меня из рук и упали в танур.

Мать дива растерялась, побежала вынимать кости из танура, а Джастик поддал ей сзади, и она туда упала. Джастик быстро задвинул заслонку танура и влез на столб, который там был. Тут как раз вошел див. Почуял: пахнет жареным. Отодвинул он заслонку танура, поел немного и говорит:

— Хе-хе! Вкусно! Я так и думал, что из этого постреленка получится хорошее жаркое!

Джастик на столбе рассмеялся и кричит:

— Ты ел сейчас жаркое не из постреленка, а из своей матери!

Ошалел див и спрашивает:

— Как ты туда забрался?

Тот отвечает:

— У меня крылья выросли.

Див опять спрашивает:

— Как же это они у тебя выросли?

— Да я натер тело нефтью, а потом подошел к огню — они и выросли.

Поверил див, пошел, намазал все тело нефтью, сунулся в устье танура и, конечно, сразу весь вспыхнул. Закричал:

— Ой, я горю!

А Джастик говорит:

— Ну и гори!

Короче говоря, див сгорел, Джастик спустился со столба, собрал деньги и драгоценные камни дива и отнес батюшке с матушкой — обрадовал их тем, что у них сын проворный, хоть и ростом меньше пол-аршина.

Букет цветов, Мугул-Дохтар моя,
Приди ко мне скорей, тоскую я.
Мугул-Дохтар в душистый сад пришла,
А локоны — что ворона крыла.
Мугул-Дохтар влюбилась всей душой,
Решила пальчики покрасить хной.
Как с места встанет девица-краса,
Так падает до самых пят коса.
Она верблюдов взглядами пасла,
Крутила мельницу и хлеб пекла.

Жил в Иранской земле падишах, справедливый и мудрый. Увидел он как-то во сне Мугул-Дохтар и влюбился в нее, будто не одним, а тысячью сердец.

Проснулся он утром и пустился странствовать по белу свету, забыл о троне и венце, жене и детях, пошел бродить по всей земле. Странствовал он целых четыре года, но так и не встретил Мугул-Дохтар. Отчаялся он, вернулся в свою столицу и опять занял шахский престол.

У падишаха был сын, прекрасный, как ясный месяц. Он ходил еще в школу, когда тоже увидел во сне Мугул-Дохтар. Тут же собрал он все, что нужно для путешествия, и пустился в дорогу, в пустыню, в поисках Мугул-Дохтар.

Шел он, шел, и повстречалось ему стадо коз. Хозяином этого стада был Хана-Рум — отец Мугул-Дохтар. Увидел их шахзаде и начал петь:

Два стада коз я подарить готов
И с ними двух отважных пастухов —
Все Хана-Руму принесу я в дар,
Чтоб только получить Мугул-Дохтар.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Произнес он эти бейты*, поел и пошел дальше. Повстречалось ему стадо овец. Он спросил:

— Чьи овцы?

Отвечают ему:

— Мугул-Дохтар.

И шахзаде опять стал петь:

Овец два стада я отдать готов
И родичей моих — двух пастухов, —
Все Хана-Руму принесу я в дар,
Чтоб только получить Мугул-Дохтар.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.
Стада баранов я отдать готов
И с ними — двух белуджей-пастухов.
Верблюду хорошо жевать траву,
А я иду и смерть к себе зову.
И мне вовек покоя не найти,
Пока Мугул не встречу на пути.
Все Хана-Руму ведь несу я в дар,
Чтоб только получить Мугул-Дохтар.

Тут шахзаде сошел с дороги и пошел куда глаза глядят. Шел он, шел и заблудился. Сорок дней и ночей питался он лесными ягодами да травой, а на сороковой день явился к нему на помощь сам святой Хызр и повел его прямо к воротам столицы Хана-Рума, отца Мугул-Дохтар. У ворот шахзаде увидел сорок нищих дервишей, подошел к ним и спросил:

— Что вы здесь делаете? Что с вами случилось?

* Бейт — двустишие.

А они ему отвечают:

— Мы сорок дервишей — сорок сыновей падишахов. Все мы влюбились в Мугул-Дохтар и вот дошли до такого состояния.

Посмеялся над ними шахзаде, а потом вошел в город и остановился у дворца Мугул-Дохтар.

А Мугул-Дохтар каждую пятницу по вечерам ходила на кладбище и читала молитвы над могилами усопших. И случилось так, что шахзаде прибыл в город как раз в пятницу вечером. Мугул-Дохтар велела оседлать кобылицу и поехала на кладбище. А шахзаде увидел ее на улице и пропел:

Ах, вот Мугул-Дохтар, цветок степной,
 На кобылице едет предо мной.
 Взгляни же на Меджнуна, на меня,
 Я от любви горю, как от огня.
 Приди, о нежная Мугул моя,
 Твоей судьбой навеки стану я.

Посмотрела девушка на шахзаде и сказала:

— Кто ты? Как же ты не побоялся вступить в мой город? Как ты отважился петь эти стихи?

Промолвила она это, а сама обняла его за шею, а шахзаде обнял ее. Тут пошли у них объятия да поцелуи.

Наконец девушка сказала:

— Я хочу поехать на кладбище, прочитывать молитвы. Едем вместе! И шахзаде поехал с ней.

А те сорок нищих дервишей увидели шахзаде, обнимающего девушку, и охватила их ревность. Взяли они свои дервишские топорики, набросились на него и поранили. Шахзаде потерял сознание. В это время подъехал к ним Хана-Рум, отец девушки, и спросил:

— Кто ранил этого шахзаде?

Ему ответили:

— Те самые сорок дервишей, которые расточили все свое имущество, впали в нищету из-за любви к твоей дочери.

Хана-Рум отдал приказ слугам:

— Этой ночью примите шахзаде как следует. А утром я сам приду.

Настала ночь. Положил шахзаде меч между собой и Мугул-Дохтар, и они заснули.

Настало утро, вскочила девушка и побежала от шахзаде: она бежит, а он за ней. Девушка вбежала в какую-то комнату, сбросила все свои украшения и прижалась к стенке.

А шахзаде начал петь:

Мугул-Дохтар, ты любишь сердце жечь!
С камнями яркими монгольский меч!
Ты от меня бежала почему?
И клятву не сдержала почему?
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Тогда девушка выбежала в другую комнату и стала красить хной руки и ноги, а шахзаде и тут не отстал от нее. Увидел, что она красит хной руки и ноги, и запел:

Мугул-Дохтар, о мой цветок степной, —
Ты красишь руки, красишь ноги хной.
Но на меня рычишь ты, словно лев,
И говоришь: «От Бога этот гнев»!
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Дошел до Хана-Рума слух, что шахзаде влюбился в его дочь и поет ей песни, и приказал он привести его к себе. Явился шахзаде, оказал ему должные почести и говорит:

— Богатством ли, силой ли, на завтра или через сто дней — все равно я заберу твою дочь!

А Хана-Рум отвечает:

— А много ли у тебя силы и богатства? Вот только сегодня был здесь падишах Кашмира и сватался. Вернулся он домой и вновь прибудет с выкупом через сорок дней, чтобы забрать дочь. Если ты раньше него принесешь достойный выкуп, то девушка будет твоей. А нет, так через сорок дней приедет падишах Кашмира и увезет ее.

Стал тут шахзаде от радости прищелкивать пальцами и петь:

Два стада коз я подарить готов
И с ними двух отважных пастухов —

Все Хана-Руму ведь несу я в дар,
Чтоб только получить Мугул-Дохтар.

Хан ответил:

— Прекрасно. Если ты придешь раньше падишаха Кашмира, то девушка будет твоей, а если он придет раньше тебя, то отдадим Мугул-Дохтар ему.

Шахзаде хотел было уже проститься, но тут вступила в разговор мать девушки:

— Мать выдает свою дочь замуж! Ты пропел Хана-Руму, а мне не хочешь спеть?

А шахзаде ей:

— Прекрасно, спою и для тебя. — И начал:

Нет у меня арабского коня,
И верь мне, тот майдан не для меня,
Но если конь мне будет славный дан,
Я пронесусь на нем, как ураган,
А весь Шираз — то будет наш майдан
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Шахзаде вернулся в родной город и начал просить отца:

— Ты четыре года искал Мугул-Дохтар, много потратил сил и труда, но не смог найти ее. Я же нашел. Дай мне денег, я хочу жениться на ней.

Падишах засмеялся в ответ:

— Денег тебе дам я, а девушку ты приведешь для себя! Как нашел девушку, так найди и деньги! И тогда уж приводи свою Мугул-Дохтар.

Услышал это шахзаде, рассердился и снова отправился бродить по пустыням. Шел он, шел, пока не остановился у водоема. Он отдохнул немного, напился воды и заснул, а когда проснулся, услышал звон колокольчиков каравана. Встал на ноги и видит: это погонщики отца ведут караван, и звон колокольчиков оглушает небеса.

Караван приблизился, видит шахзаде — все мулы нагружены ларцами и шкатулками. Он подозвал старшего погонщика и говорит:

— Караван должен повиноваться мне!

Караванчики попробовали сопротивляться, но он силой захватил караван и двинулся в путь. За сутки проходил он сорок фарсангов. В пути

захотелось ему узнать, что же лежит в шкатулках. Приподнял он крышки и видит: все шкатулки пустые! Отпустил он погонщиков с мулами, а сам побрел в пустыню, размышляя так: «Все в руках Аллаха! Захочет он — даст и тому, у кого ничего нет за душой». Настала темная ночь, и он запел:

Я шел, и у дороги я присел.
О боже, как печален мой удел!
Как страшно ночью, не видна луна!
Аллах! Надежда на тебя одна!

Шел он, шел, и повстречался ему караван, идущий из города Хана-Рума в Кашмир. Он спросил:

— Кто предводитель этого каравана?

— Предводитель этого каравана — раджа Кашмира, — ответили ему. — Он взял замуж Мугул-Дохтар, дочь Хана-Рума, и везет ее в Кашмир.

Шахзаде подошел к паланкину Мугул-Дохтар, остановил его и запел:

Мугул-Дохтар с жемчужною серьгой,
Во всем покорный буду пленник твой.
За пол-лепешки, мяса два куска
Пусть правит мной всегда твоя рука!
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Послушай, что случилось дальше.

В Кашмире свекровь невзлюбила Мугул и замыслила погубить ее. Она приготовила разные сласти, подмешала к ним яду и хотела дать их Мугул-Дохтар. Но случайно в это время вошел ее мальчик, положил сласти в карман, съел их и умер. И распространилась молва, что Мугул-Дохтар приносит несчастье. Прослышал шахзаде об этом и обрадовался. Поднялся он на крышу дворца кашмирского падишаха и стал петь:

Иль ты не видишь — губ цветок поблек,
Ты для меня что винограда сок.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

А потом пошел к матери кашмирского падишаха и сказал ей:

— Ты знаешь, что твоя невестка приносит несчастье? Ведь она погубила уже семерых.

Мать падишаха быстро сообразила и предложила шахзаде:

— А не сможешь ли ты ее увезти?

— Нет, не стану я этого делать, — ответил он.

— Даю сто туманов.

— Нет, не хочу, — повторяет шахзаде.

Ну, что там долго рассказывать — дошла она до тысячи туманов. Только тогда шахзаде согласился. И вот ночью, когда падишах спал, он вошел во дворец, взвалил Мугул на плечо и был таков.

Купил он за триста туманов семьсот рабов-негров, вооруженных мечами, посадил на коня Мугул, сел сам и начал петь:

Мугул-Дохтар, со мною ты в саду,
Тебе подобной в мире не найду.
В саду царя, средь зелени густой,
Ты блещешь, как светильник золотой.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Мугул-Дохтар, цветок, тебя зову!
Приди — я лишь одной мечтой живу,
Приди, с тобой поедем мы в Хиву.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Мугул-Дохтар, душистый мой цветок,
Я без тебя на свете жить не мог.
Тобой я, как шербетом, напоен,
Как Хана-Рум мне стал теперь смешон.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Ты — сливы белоснежные цветы,
И яблоня в цветах прекрасных ты,
Ты абрикос чудесной красоты.
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Мугул-Дохтар, ты новый мой цветок,
Ведь новый год, ты знаешь, недалек.
И где ж твое сочувствие ко мне —
Ведь так печально бремя этих дней!
Приди, о нежная Мугул моя,
Твоей судьбой навеки стану я.

Едет он, а сам поет, так и въехал в родной город. Отец узнал об этом и подумал: «Шахзаде один-одинешенек, без гроша в кармане раздобыл Мугул-Дохтар, — значит, он очень способный человек!»

И он уступил ему царство и власть, а сам удалился от мира и предался служению Богу. Когда шахзаде занял престол отца, велел он украсить город, семь дней и семь ночей угощал весь народ, а потом женился на Мугул-Дохтар.

Так же, как исполнилось желание шахзаде, да исполнятся желания всех влюбленных.

Жил-был один падишах, и было у него два сына. Только когда умер он, отреклись подданные от его наследников и выбрали правителем кого-то другого. А сыновья падишаха поделили между собой отцовское наследство и разошлись в разные стороны.

Прошло два или три года, а старший сын уж промотал все свое состояние. Младший же отправился в другой город и занялся торговлей. Стал он получать большую прибыль и приумножил свое состояние. Но оставим его, такой случай не диковинка, давайте лучше поговорим о старшем.

Старший брат остался без гроша, и частенько ему приходилось скрести ложкой по дну кастрюльки. Пришел он как-то к жене и говорит:

— Ведь у тебя есть драгоценные перстни — продай один за тысячу туманов, испытаю-ка я судьбу! Может, и нам счастье улыбнется, и мы заживем в достатке.

А у жены был один-единственный перстень с рубином. Продала она его за тысячу туманов, а деньги отдала мужу. Шахзаде взял деньги и отправился в другой город.

Встретил он в пути человека с красивой белой кошкой на руках. Попривалась кошка шахзаде, и он купил ее за триста туманов.

Прошел шахзаде еще два фарсанга, встретился ему другой путник, который вел за собой красивую охотничью собаку. Он купил и ее за триста туманов. Потом он купил за триста туманов попугая. И осталось у него всего-навсего сто туманов. Сказал себе шахзаде: «Хватит причуд! Сохраню-ка я хоть эти деньги, авось разбогатею».

Шел он, шел и очутился у ворот какого-то города. И встретился ему заклинатель змей, а у того была красивая змея с разводами и крапинками на спине. Шахзаде купил и ее за сто туманов.

Шахзаде, еще не войдя в город, почувствовал сильный голод. Вспомнил тут он, что у него в кармане нет ни гроша, и очень опечалился. Догадалась об этом змея, повела его к своему отцу и говорит:

— Этот юноша купил меня за сто туманов у заклинателя змей и выпустил на свободу. Ты должен в награду за это отдать ему свой перстень.

Змей отдал шахзаде перстень, а сам говорит:

— Как захочется тебе чего-нибудь, поверни перстень три раза вокруг пальца, и твое желание исполнится.

Прежде всего шахзаде пожелал, чтоб появилась скатерть с разными яствами — и она появилась. Он поел сам, а потом накормил кошку, собаку и попугая и отправился в город.

Идет шахзаде по городу, видит — перекресток. А кругом на стенах развешан шахский указ: «Тот, кто построит посреди озера дворец с золотыми дверями и рамами, тот получит в жены мою дочь — самую прекрасную девушку на свете».

Шахзаде благодаря своему перстню построил дворец и женился на принцессе. Узнала она о чудодейственной силе перстня и стала просить шахзаде, чтобы он превратил ее волосы в золотые. Муж выполнил ее просьбу, и вот каждый день расчесывает принцесса косы и бросает в озеро один-два золотых волоска.

Однажды ветер принес один волосок в соседнюю страну, и попал он прямо к падишаху. А тот был молод, и жены у него не было. Разузнал он, чей это волос, вызвал старую колдунью и наказал ей во что бы то ни стало привести к нему эту девушку.

Колдунья отправилась в тот город и сумела войти в такое доверие к принцессе, что та стала рассказывать старухе обо всех своих тайнах. Узнала колдунья от принцессы тайну перстня, украли его, повернула трижды вокруг пальца и вместе с принцессой очутилась у падишаха.

Вернулся шахзаде с охоты и видит: ни жены, ни дворца. Понял тут он, что украли его перстень, и стал допытываться, чьих рук это дело. Он позвал кошку, собаку и попугая и послал их искать перстень. Попугай полетел прямо во дворец падишаха и увидел там принцессу, а собака и кошка ночью забрались во дворец, украли перстень и отнесли его шахзаде, а он вернул на прежнее место и дворец и жену.

Но тут вспомнил он о своей первой жене, у которой взял перстень с рубином и продал за тысячу туманов, и привез ее к себе. Тут стала принцесса ревновать и завидовать и говорит шахзаде:

— Я не буду любить тебя, если ты даже все горы обратишь в золото. Я не хочу быть второй женой!

Шахзаде поневоле развелся с принцессой и стал жить со своей прежней женой, а принцесса вышла замуж за другого.

Обе женщины подружились и стали жить как сестры.

У одной родился сын, у другой — дочь, и они женили их и дожили до глубокой старости, до седых волос — всё любовались на своих внуков.

Корова с белой метинкой на лбу

У одного человека был сын, Гургин по имени, и очень он этого сына любил. Мальчик еще не умел отличать левую руку от правой, когда его мать умерла. Прошел год после смерти матери, и отец Гургина взял другую жену. Через девять месяцев эта женщина родила мальчика, и у Гургина появился сводный брат.

С того дня, когда этот мальчик родился, и особенно когда он подрос и эта женщина прочно обосновалась, как говорится, пустила корни в доме, она начала преследовать и мучить Гургина. Больше всего ее злило то, что насколько Гургин был рослым, красивым, белым и розовым, настолько ее сын был низеньким, безобразным, желтым и слабым. В конце концов Гургин стал у нее в доме мальчиком на побегушках. Всю работу по дому она взвалила на него. Кормила его черствым, заплесневелым хлебом, одевала в лохмотья. А отец Гургина все не решался сказать жене: «Ах ты нечестивая! Это мой сын, не смей его мучить!»

Эта женщина дошла до того, что заставила несчастного Гургина, как пастуха, каждое утро выгонять на пастбище стадо коров и овец и вечером пригонять их обратно. В дом она его не пускала, спал он в стойле и смотрел за коровами, овцами и ослами. А своему сыну она говорила, что ниже его достоинства разговаривать с Гургином, и не велела ему ни в чем уступать. Гургин все это видел и слышал и удивлялся малодушию своего отца.

Однажды в поле, около полудня, Гургин проголодался, сунул руку в суму, хотел взять хлеба и поесть и увидел: хлеб так зачерствел, что превратился в камень. Сколько он ни держал его во рту, как ни пытался

разжевать, хлеб не становился мягче. Вынул он кусок хлеба изо рта, бросил на землю, сел и задумался.

А в стаде была корова с белой метинкой на лбу, которая очень любила Гургина. Когда эта корова увидела, что Гургин призадумался, она замычала, подошла к нему и сказала человеческим голосом:

— Эй, Гургин! О чем ты думаешь?

Он ответил:

— О своей злой доле!

Она опять спросила:

— А в чем дело?

И Гургин рассказал корове с белой метинкой на лбу все от начала до конца. Выслушала корова и говорит:

— Не огорчайся! На свете так плохо не бывает. А сейчас встань, вымой хорошенько мои рога, приложи губы к моему правому рогу и попей оттуда, сколько душа пожелает, меда, а из левого рога — масла.

Гургин сказал: «Хорошо» — и так и сделал. Наелся из рогов коровы такого меда и такого масла, какого никогда и не пробовал. Когда он насытился, корова сказала:

— Как проголодаешься, так же делай, но только чтобы об этом никто не знал. Если узнают, мы с тобой пропадем.

И пошла у Гургина хорошая жизнь. Каждый день, как проголодается, прикладывает он губы то к правому, то к левому рогу коровы и пьет мед и масло. От такой еды стал он розовый и белый, кровь с молоком. Мачеха удивляется, почему Гургин спит в стойле, пасет стадо, ест черствый хлеб, а лицо у него как яблоко, а ее сын не работает, ест все жирное и сладкое, а лицо у него как гнилой лимон. От этих мыслей и огорчений у нее чуть чахотка не сделалась. В конце концов стала она подозревать: на пастбище что-то неладно. Кто-то там помогает Гургину, подкармливает его. Чтобы разузнать, в чем дело, говорит она однажды сыну:

— Отправляйся сегодня вместе с Гургином на пастбище и гляди в оба, что он там делает и что ест в полдень.

Приготовила много еды, завернула и дала сыну. Пришли они оба на пастбище. Наступил полдень, и мальчишка говорит Гургину:

— Обедать будешь?

Отвечает:

— Нет, мне не хочется, а ты, если хочешь, ешь и на меня не обращай внимания.

Мальчишка съел свой обед, собрал посуду и стал высматривать, что будет есть Гургин. Прошло около часа, и он увидел, как Гургин пошел в середину стада, выбрал одну корову, вымыл ей рога и стал рога сосать. Когда они вечером вернулись домой, мальчишка обо всем рассказал матери. Мать сказала:

— Раз так, ты завтра опять пойдешь с ним, и если увидишь, что он не обедает, ты тоже не обедай; что он ни сделает, ты делай то же самое и обязательно пососи рога той коровы.

Мальчишка согласился. На следующий день отправились они с Гургином в путь, пришли на пастбище, и, когда наступил полдень, мальчишка говорит:

— Обедать будешь?

Гургин отвечает:

— Не буду, ты ешь и не обращай на меня внимания.

Но тот не стал есть и ждал, пока не увидел, что Гургин, как вчера, пошел, вымыл корове рога и стал их сосать. Через некоторое время Гургин наелся вдоволь и пошел к ручью попить, а мальчишка между тем подошел к корове, чтобы тоже пососать из рога, но корова его крепко лягнула, и он полетел на землю. Он сейчас же вскочил и не подал вида, что обо всем догадался, пока не пришел вечером домой и не рассказал обо всем матери. Мать поняла, что все идет от коровы, и стала следить за коровой и Гургином.

Однажды ночью Гургин проголодался и пошел в стойло к корове пососать меда, а мачеха отправилась за ним. Как только он приложил губы к рогу коровы, мачеха схватила его за руку и закричала:

— Ты что делаешь?

Отвечает:

— Ничего особенного, мою корове голову.

Мачеха тут говорит:

— Хорошо! Ты любишь эту корову? Так я ж тебе покажу!

Сказала это, пошла в свою комнату, легла на постель и притворилась больной. Послала тут же врачу письмо и написала ему: «Когда тебя ко мне приведут, ты скажи, что единственное средство от моей болезни — мясо коровы с белой метинкой на лбу».

Под вечер отцу Гургина на городском базаре говорят:

— Что ты тут сидишь? Твоей жене совсем плохо, она стонет так, что на небе слышно!

Тот перепугался и тут же послал за врачом. Врач пришел и сказал:

— Она тяжело больна. Нужно зажарить сердце и печень коровы с белой метинкой на лбу и дать ей съесть.

Отец Гургина говорит:

— Ладно, завтра утром зарежем корову с белой метинкой на лбу, мясо сами будем есть, а сердце и печенку дадим ей.

Гургин, когда это услышал, так огорчился, будто все горе мира стало камнем и легло ему на сердце. Через час немного пришел в себя, встал и отправился в коровник, чтобы проститься с коровой до встречи в день воскресения из мертвых и последний раз пососать меда и масла. Но только он вошел в стойло, не выдержал и стал лить слезы обильно, как весенняя туча. Корова говорит:

— Почему ты плачешь?

Отвечает:

— Как же мне не плакать, когда тебя завтра убьют, а я без тебя жить не могу.

Корова спрашивает:

— Почему же меня хотят убить?

Тут он ей все рассказал, а она говорит:

— Не плачь, меня не могут убить! Я тебя только вот о чем попрошу: когда тебе велят принести веревку, чтобы связать мне ноги, ты принеси гнилую веревку, а в том месте на огороде, где меня хотят резать, насыпь кучку золы. Когда увидишь, что я встала с земли, вскакивай мне на загравок и хватай меня за рога. До остального тебе дела нет.

Гургин согласился. Утром все проснулись, и отец Гургина говорит ему:

— Принеси веревку!

Тот пошел и принес из коровника гнилую веревку. Не забыл и золы насыпать на огороде. Потом отец сказал Гургину:

— Пока я буду точить нож, вы с братом мне помогите, свяжите корове ноги.

Гургин с братом связали корове ноги и повалили ее на землю около кучи золы. Отец Гургина наточил нож и подошел к корове. Как только он поднял руку, чтобы вонзить ей нож в горло, корова рванулась, разорвала гнилую веревку, ударила всеми четырьмя ногами в кучу золы и запорошила ею глаза всем стоявшим вокруг. Гургин тут же вскочил корове на спину, она вылетела из ворот и понеслась, как ветер, в поле, к тростниковым зарослям. Там она опустила Гургина на землю и говорит:

— Сорви тростинку и сделай из нее флейту с семью отверстиями. Я тебя оставляю на опушке этого леса, а сама уйду. Как с тобой что-нибудь случится или ты проголодаешься, поиграй на флейте, и я тут же приду и все для тебя сделаю.

Она ушла, а Гургин остался там. Раз в день он играл на флейте, королева приходила, поила его медом и маслом и уходила.

Но послушайте, что это был за лес. Лес принадлежал падишаху той страны, а падишах подарил его своей дочери, чтобы она, как ей надоест гулять в саду, приходила туда. Прошло два-три дня после появления там Гургина, и дочь падишаха, которую звали Роушанак, пришла в тот лес погулять со своими сверстницами. Гургин, как увидел их издали, сразу залез на дерево. Девушки собрались около этого дерева, танцевали, бегали вокруг, играли в кошки-мышки, и не знаю уж, как случилось, но Роушанак вдруг заметила на дереве Гургина.

Видит: ну и юноша! Ну и молодец! Ну и богатырь! Такого красавца она еще не видывала! Она побледнела, ноги у нее подкосились, она потеряла сознание и упала. Девушки подумали, с ней что-то случилось, стали ее трясти и растирать. Как она очнулась, повели ее домой во дворец. Но Роушанак все время думала о Гургине и была как зачарованная.

Роушанак была настолько прекрасна, что слухи о ее красоте распространялись по многим городам. Сыновья падишахов со всех сторон приезжали просить ее руки, привозили подарки, но она всем отказывала, и отец ей говорил:

— Почему ты так поступаешь, дочь моя? В один прекрасный день ты все равно должна будешь стать чьей-нибудь женой, и чем скорее пойдешь в дом мужа, тем лучше!

Роушанак отвечала:

— Мне ни один из них не нравится, я к тому пойду, кто похитит сперва мое сердце!

В тот день, когда она увидела Гургина, она сказала отцу:

— О отец! Мне снилось, что кто-то мне говорит: «Твой будущий муж — в твоём собственном лесу, на дереве». Только его руки я прошу у тебя.

Отец сказал:

— Кто посмеет войти в этот лес?

Она ответила:

— Я не зря этот сон видела!

На следующий день после разговора с Роушанак падишах послал в лес десять своих телохранителей. Они отправились туда. Когда Гургин их увидел, он влез на дерево. Они подошли к этому дереву и говорят:

— Эй, юноша! Живо слезай! Тебя требует к себе падишах.

Гургин отвечает:

— Я не слезу.

Телохранители рассердились:

— Ах ты не слезешь? Так мы тебя сейчас оттуда стащим!

Только они собрались лезть на дерево, как Гургин заиграл на флейте, и появилась корова с белой метинкой на лбу. Двух или трех боднула рогами, и они разбежались, пошли к падишаху и все ему рассказали. Падишах говорит:

— Пойдите захватите его врасплох!

И телохранители однажды ночью, когда Гургин спал под деревом, напали на него, выхватили у него из кармана флейту и притащили его к падишаху. А падишаху Гургин очень понравился, он благословил свою дочь и велел готовить свадьбу. Но Гургин ему сказал:

— Я возьму твою дочь в жены только при том условии, если мне отдадут мою флейту.

Падишах велел принести флейту, и Гургин заиграл на ней. Появилась корова с белой метинкой на лбу. Гургин все ей рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы на моей свадьбе был также и мой отец.

Корова пошла и привела отца. Когда он пришел, начали праздновать свадьбу. Семь суток весь город был разукрашен. Жениха и невесту посадили на слона и возили по городу. Падишах усыновил Гургина, и, так как он не имел сыновей, Гургин стал его наследником.

С неба на землю упало четыре ароматных яблока: одно для Гургина, одно для Роушанак, одно — чтобы эта сказка дошла до нас, и одно — чтобы эта сказка распространилась по всему свету.

Было ли так или не было, а жили-были муж и жена, и была меж ними любовь да ласка. У них росли мальчик и девочка — сын годом старше дочери.

Когда детям исполнилось одному — семь, а другому — восемь лет, их мать умерла. Опечалились муж и дети, но что поделаешь? Судьба нередко так оборачивается.

И вот прошла неделя, минуло сорок дней, а потом и целый год после смерти матери. Отцу ничего другого не оставалось, как привести в дом новую жену, чтобы та прибирала и ухаживала за ним и детьми. Он так и сделал.

Новая жена постепенно завладела домом, связала мужа по рукам и ногам, заткнула ему рот. Что бы ни говорила, что бы ни приказывала жена, муж не смел и сказать: «Что ты делаешь? Что болтаешь?»

Отец по ее милости бросил заботиться о детях и сам стал для них чем-то вроде буки.

Но ей и этого было мало, и она каждую ночь поднимала скандал. И вот однажды ночью, когда наконец лопнуло у мужа терпение, он спросил:

— До коих пор ты будешь омрачать наши дни? Из-за тебя мы и глотка воды не можем сделать! Из-за куска хлеба я днями и ночами надрываюсь на огороде, в саду, в поле — нет мне покою, как собаке, которой подпалили ноги. И добытый с таким трудом кусок хлеба по твоей милости превращается в яд!

— Не кричи и не выходи из себя, — отвечает ему жена. — Пока над нами вращается небосвод, каждую ночь будут повторяться такие ссоры.

Хочешь зажить спокойно, без препирательств и ругани, — избавь меня от сына, погуби его!

— Да как же так можно! — поразился муж. — Как я посмею?

— А очень просто, — ответила она, — я научу тебя.

Прошло с тех пор не так уж много времени, и отец с сыном решили отправиться за хворостом в сад, за огородом. И вот жена сказала им:

— Сегодня у вас будет такой уговор: кто больше соберет хворосту, тот отрубит голову другому.

— Ладно, — согласился отец.

Ничего не ответил сын, волей-неволей пришлось ему согласиться с этим.

Жена же научила мужа, что надо делать, дала им узелок с едой и проводила.

Пришли отец с сыном в сад, стали собирать хворост. Когда стемнело, отец сказал сыну:

— Неси свою вязанку — нам пора уж идти.

Сын притащил вязанку. Смотрит отец — сын-то больше собрал, но и виду не подал, а только сказал ему:

— Я страсть как хочу пить. Возьми-ка кувшин, что стоит у порога садовой сторожки, и принеси воды из родника, чтобы я смог утолить жажду.

Сын пошел к роднику за водой, а отец тем временем переложил из его вязанки в свою целую охапку, и его вязанка стала больше, чем у сына. Когда сын вернулся с водой, отец предложил:

— А ну поглядим, чья вязанка больше?

Смерили они и видят — отец собрал больше. Убил он тогда родного сына, а голову его положил вместе с дровами и принес домой, чтобы показать жене. А жена взяла голову и не моргнув глазом бросила ее в котел, чтобы сварить обед.

В полдень из мектеба* вернулась дочь и говорит мачехе:

— Дай пообедать, я должна опять пойти в мектеб!

— Котел стоит на очаге в кухне. Возьми миску, пойд и положи себе немножко.

Пошла девочка на кухню, подняла крышку котла и задрожала от страха: видит, из похлебки торчат волосы брата. Закрыла она скорей котел,

* Мектеб — мусульманская школа, где дети получали начатки знаний.

заплакала, пошла в мектеб и рассказала учительнице обо всём. Та стала ее утешать:

— Мачехи всегда творят такие злодеяния и будут творить. Не горюй, дым от этого костра выест ей глаза! Ты только, смотри, в рот не бери мяса брата. Собери его кости, зарой под розовым кустом с той стороны, что обращена к кыбле*, поливай куст каждую ночь розовой водой и читай сорок дней молитвы. И больше ни о чем не беспокойся!

Девочка все так и сделала: собрала кости брата, зарыла их под кустом розы со стороны кыблы. В течение сорока дней она приходила по ночам туда с зажженной свечой, садилась под кустом, поливала его розовой водой и читала молитвы.

На сороковую ночь, под самое утро, когда кончила девочка молиться, вдруг подул резкий ветер, небо посветлело, и из бутона розы выпорхнул соловей. Он сел на ветку и залился трелью:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня сгубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

Остолбенела девочка от удивления, а соловей вспорхнул и полетел; сел он на крыльце лавки продавца гвоздей и запел:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня сгубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

— Ахсан!** — закричал продавец гвоздей. — Как красиво ты поешь! Ради Аллаха, спой еще разок.

— Дай мне гвоздей, — ответил соловей, — и я спою.

* Кыбла — сторона, к которой обращаются мусульмане при молитве.

** Ахсан — возглас одобрения, соответствующий нашему «браво».

Получил соловей гвозди, пропел еще раз, а потом полетел к лавке продавца иголок и начал там петь:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня сгубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

— Ахсан! — закричал лавочник. — Как красиво ты поешь! Спой еще разок.

— Дай пачку иголок, спою еще!

И соловей пропел еще за иголки. Потом он полетел к лавке кондитера и запел:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня сгубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

— Спой еще раз, — стал упрашивать его кондитер.

— Дай леденец, тогда спою!

Спел соловей за леденец, а потом полетел в родной дом, сел на ограде рядом с комнатой отца и стал петь:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня сгубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

Отец поразился и попросил:

— Спой еще раз!

— Закрой глаза и открой рот, — был ответ.

Отец закрыл глаза и разинул рот. А соловей быстро всыпал ему в рот гвоздей. Застряли они в горле у отца, и он задохнулся. А соловей перелетел поближе к комнате мачехи и начал петь:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня стубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

— Ай-я-яй, — удивилась она. — Что это ты такое пел? Спой-ка еще раз, послушаю, о чем это ты говоришь!

— Открой рот и закрой глаза, — ответил соловей.

Мачеха послушалась, а он всыпал ей в рот иголок, и она тоже задохнулась.

Потом соловей полетел к розовому кусту. Прилетел он и видит: сидит сестра за прялкой и прядет. Он сел к ней на плечо и запел:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня стубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

— Ахсан! Ахсан! Как красиво ты поешь! Ты даришь мне жизнь и радуешь сердце. Спой еще раз!

— Открой рот, — ответил соловей.

Девочка открыла рот, соловей положил туда леденец и снова запел:

Кто же я — меня ты спросишь? Я скиталец-соловей,
Возвратился с горных склонов я, страдалец-соловей.
Мачеха меня стубила злобной хитростью своей,
И убил меня, коварно обманув, отец-злодей.
Но зато сестра омыла розовой водой меня
И под розою зарыла, злых родителей кляня.

Сказка наша кончилась, а ворона до своего гнезда так и не долетела.

Было ли это так или не было, в давние времена жил в Хорасане* один человек, и звали его Абдаллах из Балха. У этого человека был сын по имени Бу-Али, которого считали большим лодырем и бездельником. Днем и ночью он шатался по улицам, обителям дервишей и расспрашивал всех, кого видел, о том о сем, но все это не приносило ему ни копейки дохода, и люди не ставили его ни в грош. Сколько ни уговаривали Бу-Али его родные и близкие, друзья и приятели заняться каким-нибудь ремеслом, научиться зарабатывать себе на хлеб насущный, ничего не помогало.

Однажды Бу-Али пришел к отцу и сказал ему:

— Отец, я больше не могу оставаться в этом городе. Я хочу отправиться в путешествие, посмотреть новые города и узнать, что там есть такого, чего нет в нашем краю.

— То, что ты знаешь, — отвечал отец, — достаточно для тебя. Только Аллаху суждено знать все, и никто не может знать столько, сколько он.

— Да, правда твоя, — говорит Бу-Али, — и я не сомневаюсь, что никто не достигнет такого совершенства в знаниях, как сам Господь Бог. Но человек может превзойти всех других тварей в мудрости и учености...

Много ли, мало ли прошло после того разговора, только как-то Бу-Али пришел опять к отцу и сказал ему:

— Сегодня ночью я видел сон: будто сижу я верхом на облаке и мчусь по небу. Наконец достиг я молочного моря, прилег на его берегу, напился молока вдоволь и сразу так потолстел, что тесно мне стало в мире.

* Хорасан — северо-восточная часть Ирана.

— Ты ездил во сне верхом на облаке, — рассудил отец, — значит, тебе предстоит путешествие, молочное море — это знание, ты пил молоко из этого моря и стал толстым — значит, ты станешь большим ученым и слава о тебе разнесется по всей земле. Давай-ка поедем с тобой в другой город, там я поручу тебя какому-нибудь ученому, и он научит тебя всему, что сам знает.

Взял он Бу-Али за руку и вышел из города. Прошли они два-три фарсанга по сухой и знойной пустыне, очень устали и тут издали увидели родник, вокруг которого росли огромные старые деревья. Подошли они к этому роднику, напились воды, умылись и легли отдохнуть под деревьями. Лежит отец Бу-Али на земле да кряхтит:

— Ох!

Вдруг из дупла одного дерева вылез какой-то безбородый человек и говорит:

— Что тебе надо от меня, зачем ты меня зовешь?

— Я никого не зову, — отвечает Абдаллах. — Устал я, умылся, прилег сюда отдохнуть, да и сказал: «Ох!»

— А я подумал, что ты меня зовешь! — говорит безбородый. — Скажи-ка, кто вы такие, чего вы ищете, что вас привело сюда?

Старик из Балха ответил:

— Этот мальчик — мой сын. Он не желает заниматься никаким ремеслом, хочет только знать все, что есть в мире, совать свой нос в каждую дыру, выискивать что-нибудь новое, запоминать виденное.

Безбородый внимательно оглядел Бу-Али, видит, мальчик может ему пригодиться.

— Если это так, как ты говоришь, пусть мальчик останется у меня, — говорит он отцу, — я его научу всему тому, что сам знаю.

Абдаллах согласился, оставил Бу-Али под деревом и воротился в город.

А безбородый взял Бу-Али за руку и втащил его через дупло внутрь дерева. Там он провел мальчика через какие-то двери в огромный сад, а в саду стояло много домов. Безбородый провел юношу в одну из комнат и сказал ему:

— Вот твоя комната, ты будешь жить здесь; в другие комнаты дома ты не должен ходить. Я знаток «кимия» и «симия» и буду учить тебя этим наукам. Если ты окажешься усердным и хорошо запомнишь все, что я буду тебе рассказывать, и, как говорится, сумеешь из воды выйти сухим, я оставляю тебя здесь у себя, а если нет — прогоню тебя так, что и духа твоего здесь не останется.

Выслушал это Бу-Али и очень обрадовался. «Это место, — подумал он про себя, — и есть то море, что снилось мне!»

Остался Бу-Али там и начал прилежно учиться.

Прошло несколько дней. Однажды безбородый отправился в пустыню, а Бу-Али один-одинешенек сидел в своей комнате. Вдруг открылась дверь и вошла девушка, до того красивая и прелестная, что, казалось, она говорит луне: «Незачем тебе всходить — ведь я уже здесь!» Идет она, величаво да плавно, а Бу-Али от удивления рот раскрыл, сидит, будто к месту пригвожденный. «Что это за девушка, — думает он, — как она здесь появилась?»

Наконец пришел он в себя и спрашивает:

— Девушка, кто ты такая и что ты здесь делаешь?

— Я — дочь безбородого! — отвечает девушка. — С первого же дня, как только ты пришел сюда, к моему отцу, я влюбилась в тебя! Запала мне в сердце любовь к тебе, и я очень беспокоюсь за твою судьбу. Сегодня я пришла сюда раскрыть тебе одну тайну. Вот она: если ты хочешь уйти отсюда целым и невредимым, хорошенько запоминай все, чему бы ни учил тебя отец, но и виду не подавай, что все это понял и запомнил. Притворяйся простофилей и прикидывайся дурачком. Ты ему говори: «Мне трудно, я не понимаю того, чему вы меня учите; у меня ничего не выходит. Лучше покажите мне что-нибудь полегче, чтобы я мог запомнить!» А сам будь начеку и запоминай хорошенько все — это пригодится тебе в жизни. Если мой отец узнает, что ты запомнил и понял все, чему он учил тебя, и твоя голова хорошо соображает, он возьмет да и бросит тебя в одну из бочек, наполненных кислотой. Эти бочки находятся в подземных складах, а подземные склады где-то под этими комнатами, а может быть, под его собственной комнатой. Там внизу стоят тысячи бочек с кислотой, и в каждой бочке заключен какой-нибудь юноша, и я не знаю, что отец хочет делать с ними.

Однажды я спросила его, для чего он все это делает? А он ответил, что хочет укрепить, сделать сильными и более здоровыми сердца, мозг и души всех этих юношей, потом привить их души к своей душе и таким образом сделаться бессмертным и вечно оставаться живым. Но он говорил, что еще не успел довести этого опыта до конца. Итак, ты запоминай все, чему бы он тебя ни учил, но не говори, что ты запоминаешь.

Бу-Али девушка тоже полюбилась. Он внимательно выслушал ее добрые советы и каждый день разными хитростями выпытывал

что-нибудь у безбородого. Девушка тоже помогала Бу-Али, он и у нее учился разным премудростям.

Однажды, когда безбородый опять отправился в пустыню, девушка пришла к Бу-Али и принесла ему все книги отца.

— Все знания мой отец берет отсюда, — сказала она юноше.

Бу-Али прочитал и хорошенько запомнил все, что было написано в этих книгах, и в скором времени превзошел безбородого в знаниях и мудрости.

Стал он все чаще подумывать, как бы избавиться от участи тех юношей, что находились в бочках с кислотой, и уйти из дома безбородого восвояси. Он все прикидывался дурачком и притворялся, что совсем не разбирается в науках, которым учил его безбородый. Долго безбородый ничего не мог поделывать с Бу-Али. Наконец он совсем выбился из сил и сказал юноше:

— В тот день, когда я встретил тебя с твоим отцом, мне показалось, что ты человек смысленый и сможешь пригодиться мне, но, как видно, мои надежды не оправдались, а мои труды и уроки пропали даром!

Затем он взял Бу-Али за руку, вывел из дома, провел через дерево и оставил в безводной пустыне. Безбородый думал, что Бу-Али умрет там от голода и жажды.

А родители Бу-Али тем временем сидели у себя дома и вспоминали сына.

— Как долго мы не видели нашего сына! — говорили они.

И в это самое время в дверях показался Бу-Али. Все обрадовались, начали его обнимать и целовать, а потом спрашивают:

— Надолго ли ты пришел?

— Насовсем, — отвечает Бу-Али. — Я пришел помогать вам, стать вашей опорой и поддержкой, положить на пользу людям то, чему я научился.

Затем он обратился к отцу:

— Знай, что я не тот Бу-Али, что прежде. Я теперь столько знаю, что вы просто не поверите, пока сами не убедитесь.

Прошло несколько дней, и Бу-Али сказал отцу:

— Батюшка мой, говорят, в нашем городе старший кадий очень любит оленей. Я приму облик оленя, а ты поведи меня к нему и продай за триста ашрафи, но смотри, ни в коем случае не отдавай недоуздка. Если отдашь недоуздок — мы пропали. И не забудь сказать судье, что олень не ест, как другие, траву и зелень, а питается сахаром и сладостями.

Отец Бу-Али так и сделал. Он привел оленя к дому старшего кадия, и тот, как только вышел из дому и увидел оленя, сразу решил купить его — олень ему очень понравился. Он подошел к отцу Бу-Али и спросил:

— Почему продаешь оленя?

— Отдам за триста ашрафи, — отвечал старик. — Но знай: олень питается леденцами и сахаром, а травы не ест.

Кадий заплатил триста ашрафи и купил оленя. Абдаллах собирался было снять с шеи оленя недоуздок, но кадий остановил его. Абдаллах говорит:

— Я продаю оленя без недоуздка.

— Оленей всегда продают вместе с недоуздками, — возразил кадий.

— Наш обычай таков! — отвечал Абдаллах. — Хочешь — покупай, хочешь — нет!

Кадью ничего не оставалось делать, как согласиться. Он передал оленя своим слугам, и те повели его на конюшню, поручили конюху и строгонастрого наказали ему:

— Олень не ест травы. Вместо клевера и соломы давай ему сахар и леденцы.

— Вот тебе на! — удивился конюх. — Где это видано, чтобы оленя кормили сахаром и леденцами? Самим-то никогда не достается ни сахару, ни леденцов, а тут оленю давай — еще чего не хватало!

Слуги кадия и все, кто там был, говорят конюху:

— Не болтай глупостей! Олень старшего кадия — старший кадий среди оленей, и поэтому он будет питаться леденцами и сахаром.

Волей-неволей конюх повел оленя в конюшню.

— Ну, — прикрикнул он на оленя, — прежде чем дать тебе леденцов и сахару, я угощу тебя кнутом!

Сказал это конюх и начал искать кнут. Нашел, замахнулся на оленя — но не тут-то было! Подпрыгнул олень, да так, что вся конюшня наполнилась пылью из-под копыт, взлетел в воздух и при этом так боднул конюха, что тот растянулся на земле. Когда осела пыль, конюх еле живой поднялся на ноги, глядь, а оленя уж и след простыл. Начал он тут кричать:

— Где олень, где олень? Куда делся олень?

Затрясся конюх от страха, побежал к кадию и еле-еле выговорил:

— Я повел оленя в конюшню. Вдруг он сорвался с места, боднул меня, потом взлетел в воздух и исчез.

— Врешь, собака! — говорит кадий грозно. — Олень не может взлететь и скрыться из глаз! А ну, признавайся, что ты сделал с оленем?

— Раз или два я хлестнул его кнутом, — сказал конюх, — вот тогда он подпрыгнул, поднял страшную пыль и исчез. Я больше не видел его.

— Что ж, — ответил кадий, — я привяжу тебя в конюшне вместо оленя.

Так он и сделал.

А отец Бу-Али вернулся домой и давай считать и пересчитывать деньги. В это время вошел Бу-Али и сказал отцу:

— Завтра я превращусь в красивого коня, и ты поведешь меня к дому градоправителя — он, говорят, любитель лошадей. Продай меня за пятьсот ашрафи, но не забудь забрать назад уздечку! Если отдашь уздечку — мы пропали, и ты больше никогда не увидишь меня.

— Хорошо, — согласился отец Бу-Али и на следующее утро повел к дому градоправителя прекрасного коня, подобного которому не сыскать в целом городе. Главный конюх градоправителя, как увидел коня, раскрыл рот от удивления. Он подошел к Абдаллаху и хотел уж прицениться, чтобы купить коня для своего хозяина, как вдруг, откуда ни возьмись, очутился рядом безбородый. А он изменил свой облик, и Абдаллах, отец Бу-Али, не узнал его. Но безбородый узнал их и понял, что Бу-Али обвел его вокруг пальца. Подошел он к Абдаллаху и спрашивает:

— Сколько просишь за коня?

— Пятьсот ашрафи без уздечки! — отвечает тот.

— Так и быть, возьми шестьсот ашрафи и отдай мне коня вместе с уздечкой! — говорит безбородый.

Словом, торговались они, торговались, и наконец безбородый предложил отцу Бу-Али тысячу ашрафи. Не выдержал тот — очень уж любил он деньги — и уступил ему коня вместе с уздечкой.

А Бу-Али сразу узнал безбородого и понял, что если тому удастся заполучить его, то не будет ему спасения и придется ему расстаться с жизнью. Но как он ни смотрел на своего отца, как ни подмигивал ему — не отдавай, мол, уздечку! — ничего не помогло. Отец Бу-Али ничего не понял, а может, и не хотел понимать.

И вот безбородый повел Бу-Али в облике коня домой, а дорогой говорит ему:

— Здорово тебе удалось притвориться простофилей и дурачком! Вскружил ты, видно, голову моей дочери, что она показала тебе дорогу

и подземные ходы и научила тебя всему, что я знаю! Но знай, что я всему этому научился не для того, чтобы так легковерно и так просто передать это человеку и открыть ему тайны всех вещей.

Наконец дошли они до дома безбородого, позвал тот дочь и говорит:

— Эй ты, подлая, ты раскрыла тайны моих книг этому человеку, чтобы он стал моим соперником и сжил меня со свету! Живо принеси мне острый нож!

Девушка подумала: «О Аллах, он хочет убить такого красивого юношу!»

Пошла она, взяла нож, направилась к отцу и тут вдруг упала на землю и притворно закричала: «Ой, ой, я сломала себе ногу!» Безбородый растерялся, испугался и подбежал к дочери, чтобы помочь ей подняться. Тут конь стряхнул с морды уздечку, обернулся голубем и взлетел ввысь. Увидел это безбородый, превратился в сокола и полетел за голубем. Голубь видит, что сокол настигает его, опустился на землю около дворца падишаха, превратился в алмаз и пристал к короне падишаха.

Сокол же принял облик дервиша, подошел к трону падишаха и поцеловал перед ним землю.

— Чего ты хочешь? — спросил его падишах.

— Вон тот алмаз, что пристал к твоей короне.

— На что тебе алмаз, старик? — удивился падишах. — Лучше я дам тебе кошелек золота.

— Нет, — отвечает дервиш, — если хочешь одарить меня, то лучше дай то, что я прошу!

— Что ж, забирай алмаз, возьми его! — согласился падишах.

Дервиш подошел снять камень с короны падишаха, а алмаз упал на пол и превратился в гранатовые зернышки.

Дервиш обернулся петухом и начал клевать зернышки, но одно из зернышек превратилось в шакала, и тот задушил петуха.

Смотрят все — глаз не могут отвести, рты от удивления раскрыли — что будет дальше? Вдруг шакал исчез, а на его месте появился высокий, стройный, красивый юноша.

— Кто ты такой? — спрашивает падишах. — И что означает все то, что мы видели?

Бу-Али рассказал им свои приключения от начала до конца — от корочки до корочки.

Обрадовался падишах, что в его стране появился такой мудрец, и говорит:

— О ходжа* Бу-Али, если бы я нашел невесту для своего сына — девушку красивую и умную, то сегодня же отдал бы свою дочь за тебя. Но я дал слово, что пока не женю сына, не выдам замуж и дочери. Вот ты, я вижу, знаешь все, ты большой мудрец, помоги-ка найти умную, знающую, но при этом красивую девушку.

— Что ж, я знаю такую девушку! — сказал Бу-Али.

Пошел он и привел дочь безбородого. Падишах увидел ее и сразу понял, что это как раз такая девушка, которая нужна его сыну, — красивая и ученая.

Падишах велел украсить город. Он отдал свою дочь Бу-Али, а на дочери безбородого женил своего сына. Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу и жгли праздничные огни.

А Бу-Али все стали называть «ходжа Бу-Али» — ведь он был знатоком всех наук и премудростей**.

Вот и вся сказка о Бу-Али, который овладел тайнами наук и передал другим людям.

Да достигнете вы исполнения своих желаний, как он достиг исполнения своих.

* Ходжа (почтительное обращение) — учитель, мудрец, господин.

** Прототип героя сказок о Бу-Али — Абу Али Ибн Сина (ок. 980—1037), или Авиценна, арабский философ и врач.

Заколдованный замок

Было так или нет, у падишаха страны Хаверан* было три сына. Старшего звали Афруз, среднего — Шахруз, а младшего — Бехруз. Однажды они сидели со своими приближенными и говорили о том о сем, пока речь не зашла об удивительных местах на земле и городах, которые стоит посмотреть. Тут всем трем сыновьям падишаха очень захотелось отправиться вместе в дальнюю дорогу, побродить по белу свету, посмотреть удивительное и невиданное. На том они и порешили. Пошли к отцу, поцеловали перед ним землю и попросили у него разрешения отправиться в дальние страны. Падишах им ответил:

— Хорошо вы это задумали! Ведь недаром наши мудрые старцы говорили: «Лучше странствовать, чем зря дома сидеть». Объехать весь свет — очень хорошо, человек при этом видит много интересного и запоминает то, что ему потом пригодится. Поезжайте, погуляйте, посмотрите разные страны, поговорите с мудрыми, многоопытными людьми и от каждого чему-нибудь научитесь. Как говорят мудрецы, с каждого хирмана** возьмите колос, чтобы ваш хирман был больше любого другого. Но если вы поедете и в вашем путешествии достигнете стоящего на самой границе города Нигаристан, не заезжайте в него и поскорее поворачивайте отсюда, потому что это нехороший город и всякий, кто туда приедет, становится несчастным. Хуже всего то, что неподалеку от города, на холме, за каменной стеной, стоит дворец, который называется «Заколдованный

* Хаверан — сказочная страна.

** Хирман — ток, гумно, площадка, на которой ссыпают зерно, складывают хлопок и т. д.

замок». Всякий, кто в него войдет, все потеряет. Десятки юношей не слушали советов стариков и ходили туда. Они теряли жизнь и богатство, и до сих пор еще так не бывало, чтобы кто-нибудь приехал в город Нигаристан и не пошел бы в заколдованный замок. Еще раз говорю: сыновья мои! Будьте начеку, не дай бог, чтобы ваша нога ступила в город Нигаристан и вы пошли в заколдованный замок!

Сыновья низко ему поклонились, облобызали перед ним землю и сказали:

— Повинуемся! Душой и сердцем внемлем приказу падишаха!

Падишах расцеловал каждого и молвил:

— Поезжайте, будьте здоровы, да хранит вас Бог!

На следующий день утром сыновья встали пораньше, сели на добрых коней, выехали из ворот города и поехали по дороге. Но каждый раз, когда они вспоминали речи отца и его строгий наказ, они начинали думать: «Такое ли уж опасное место город Нигаристан и заколдованный замок? Почему отец не велел нам туда ехать? Откуда он все это знает? Сам там был, слышал от кого-нибудь или в книге прочитал? Почему он не сказал нам больше, не объяснил, что за город Нигаристан и что это за заколдованный замок?»

Такие соблазнительные мысли приходили им все время в голову и лишали их покоя.

Проходили дни, проходили месяцы, они проезжали через города и деревни, ехали из города в город, из деревни в деревню, пока однажды не выехали на зеленую, веселую равнину, которая издали манила пышными садами. Можно было догадаться, что за садами скрывается город, обильный водой и благодатный. Они проехали еще немного, въехали в сады и меж деревьев увидели зубцы и башни городских стен, вздымавшиеся к небесам. Навстречу стали попадаться люди, шедшие из города. Сыновья падишаха у них спросили:

— Что это за город?

Им ответили:

— Это город Нигаристан.

Тут все трое вспомнили речи отца, вздрогнули и застыли на месте... Наконец Афруз сказал:

— Это тот самый город, стоящий на границе. Отец строго наказывал нам не ездить в эти места. Однако же, как видно, город стоит посмотреть. Да и сама судьба привела нас сюда. Не знаю, что нам делать, входить в город или не входить?

Младший брат, Бехруз, ему ответил:

— Как это ты не знаешь, что делать? Нужно выполнить наказ отца и, не взглянув на этот город, сейчас же повернуть назад!

Средний брат сказал:

— Раз мы уже здесь, неплохо бы подъехать к городским воротам и заглянуть туда, а потом уехать.

Тут опять заговорил старший брат:

— Я не думаю, что это тот самый город, куда нам не велел ездить отец. Тот город должен лежать в развалинах, а в этот, такой красивый и цветущий, по-моему, всякий может войти. Мы уехали из дома, чтобы видеть все достойное обозрения, а этот город, конечно, стоит того, чтобы на него посмотреть. Я полагаю, нам надо туда заехать, и, если это тот самый Нигаристан, о котором говорил отец, мы в заколдованный замок не пойдем, ночевать в городе не будем, верхом въедем в эти ворота и, не сходя с коней, из других ворот выедем...

Долго они так спорили, пока вдруг не заметили, что уже подъехали к самым городским воротам. Как увидели ворота и украшения над ними, так и прикусили от удивления пальцы. А как заглянули через ворота в самый город — прямо остолбенели... Видят: да, это тот самый город Нигаристан, стоящий на границе, о котором говорил отец.

Афруз, самый старший брат, сказал:

— Наш отец не велел нам ездить в этот город. Но он или не знал, что это за город, или думал, что мы еще беспомощные дети и если кто на нас нападет, то мы будем побеждены и попадем в плен. Он не знает, что если кто столкнется с нами лицом к лицу, ему не сдобровать. Каждый из нас в стрельбе из лука, владении мечом и борьбе стоит десяти богатырей! — сказал и еще прибавил: — Будь что будет! Я еду в город!

Средний брат молвил:

— Я еду с тобой!

А самый младший говорит:

— Я поневоле еду с вами, ведь мы едем вместе. Если перед нами дорога — надо вместе по ней ехать, а если перед нами яма — надо вместе туда падать!

И вот все три брата вступили в город. Такого они еще никогда не видывали! Дворцы и дома, сады и цветники поражают взор, над каждой дверью, на каждом перекрестке, на каждой стене такие картины нарисованы — глаз не оторвать! Но послушайте, какие там люди! Одни — белые, розовые, крепкие, одеты они в новые красивые одежды, говорят,

смеются, веселы, с вечера до утра у них праздник, горя не знают. Эти веселые и красивые чаще всего встречаются на улицах, а другие, которых гораздо больше, чем первых, работают на них, и они, несчастные, голодные, оборванные, худые, живут в полуразвалившихся домишках на окраинах, никто на них и внимания не обращает.

Братьям очень понравился город, и они решили в нем провести несколько дней. Два или три дня там пробыли и совсем другие стали — точно охмелели. Ни о чем не заботились, веселились и только и хотели, что петь и плясать.

Однажды, находясь в веселом расположении духа, старший брат Афруз сказал двум младшим:

— Я все думаю о том, почему отец не хотел, чтобы мы поехали в этот город. Разве он завидовал нашим удовольствиям?

Средний брат ответил:

— Может быть, этот город был раньше разрушен и отец с тех времен об этом знает, а о сегодняшнем дне ничего не знает?

Младший брат сказал:

— Может быть, он знает о чем-нибудь плохом в этом городе, с чем мы еще не встречались?

Не буду вас утруждать передачей их разговора, но долго они разговаривали. В конце концов они совсем прижились в городе.

Однажды Афруз говорит:

— Братья! Место здесь неплохое, и, вероятно, заколдованный замок такой же, а отец просто зря наказывал нам не ходить туда. Надо нам в него тоже заглянуть, а если вы со мной не пойдете, я один пойду и скоро вернусь.

Шахруз ответил:

— Я в замок не войду, но до его подножия с тобой поеду.

Бехруз сказал:

— Если уж вы оба пойдете, то и я с вами.

Встали тут братья, сели на коней и отправились искать заколдованный замок. Но у кого они ни спрашивали, как к нему проехать, все показывали дорогу, а потом давали один и тот же совет: «Туда лучше не ездите, это, говорят, плохое место; из юношей, ходивших туда, никто не возвращался таким же, каким уходил». И каждый житель города Нигаристана, попадавшийся им навстречу, сообщал о заколдованном замке что-нибудь новое. Один говорил:

— Зимой там вместо снега и дождя падают с неба камни и молнии, а летом из дверей и окон бьет пламя.

Другой говорил:

— Падишах дивов заточил в этот замок дочь шаха пери и хочет ее уговорить стать его женой. Но падишах боится, что, если дорогу в замок отыщет какой-нибудь богатырь, он увезет красавицу, и потому на всякого, кто приходит к замку, нападают дивы.

Многие говорили:

— Дочь китайского императора похитили и держат там в цепях. К ней приставлена крепкая стража, чтобы ее никто не мог освободить.

Иные говорили:

— В том замке, в подземелье, заточена девушка по имени Чильгис («Сорок кос»). Ее привязали за косы к столбу, чтобы не убежала. Она там будет, пока не придет богатырь Джахантиг и не освободит ее.

Один или два человека сказали:

— Этот замок принадлежит дочери китайского императора. Она очень красива, но ни за кого не идет замуж и пойдет только за того, кто ответит на все ее вопросы. До сих пор никто еще не смог ответить ей на все вопросы, а тем, кто сватался, но на вопросы не ответил, отрубают головы, насаживают на пики и выставляют их головы на зубцах крепостных стен. Кроме того, многих юношей там околдовали, и некоторые из них окаменели до пояса, а иные — с головы до ног.

Встречные рассказывали трем братьям обо всем этом, а им все больше и больше хотелось увидеть заколдованный замок. Пересказывать тут все — долго, и, короче говоря, Афруз спросил у тех людей, которые рассказывали о замке:

— Все, о чем говорите, вы видели своими глазами?

Ответили:

— Нет! От отцов слышали, а из нас никто туда не ходил, потому что там — китайская граница и крепость за знаменитой китайской стеной.

В конце концов Афруз, Шахруз и Бехруз выехали из города Нигаристан по направлению к заколдованному замку. Издали увидели они на холме за мощной каменной стеной замок, вздымающийся к небу... Добрались до вершины холма. У самой стены сошли с коней и привязали их к дереву. С великими трудностями взобрались на стену, спустились с нее и оказались по ту сторону стены у подножия замка. Ворота замка были закрыты, и никого там не было. Братьев почему-то вдруг охватил страх, они хотели уже вернуться, но Афруз подумал и сказал:

— Раз мы сюда приехали, надо все-таки заглянуть в замок. Если вы боитесь, оставайтесь здесь и ждите меня. Я туда схожу и быстро вернусь.

Шахруз и Бехруз сказали:

— Нет, брат, давай уйдем отсюда! Мы не можем войти туда, этот замок нагоняет на нас страх, давай же уйдем отсюда!

Афруз ответил:

— Нет уж, как сказал мужчина, так он и должен поступать. Будьте здесь, я скоро вернусь.

Концом меча поднял засов, раскрыл ворота и вошел в замок. Шахруз и Бехруз, дрожа от страха, ждали его у ворот замка. Прошло два или три часа, а его все нет. Они встревожились. Шахруз сказал:

— По-моему, с нашим братом случилось несчастье. Побудь здесь, а я схожу в замок. Если мы вернемся оттуда с ним вместе, сразу уедем, а если я войду в замок и тоже не вернусь — ты не ходи за мной, сразу отправляйся в наш город, к отцу, и все ему расскажи.

Бехруз спросил:

— Почему же мне не пойти за тобой, если ты не вернешься?

Шахруз ответил:

— Потому что, я боюсь, ты тоже пропадешь с нами, и к горю отца прибавится еще одно горе, он останется совсем без сыновей, дом его опустеет, очаг погаснет. Во всяком случае ты один должен у него остаться, чтобы в старости у него была поддержка!

С этими словами Шахруз вошел в ворота замка и тоже пропал... Бехруз, когда увидел, что средний брат тоже не появляется, хотел поступить, как он сказал, и вернуться к отцу, но потом подумал: «Это было бы неблагородно! Пойду-ка я в замок, и, если они попали в плен, я, может быть, смогу их освободить!»

Вошел Бехруз в ворота замка и видит: стоит огромное здание, в нем много айванов* и комнат, стены всюду покрыты росписью, полы — из мрамора и порфира. Очень ему сперва понравилось на все это смотреть, но потом он вдруг подумал: «Я ведь пришел за своими братьями и сейчас же потерял голову перед этими картинами, да так, что и забыл о братьях! Стою как околдованный! Вот уж правильно прозвали этот замок заколдованным!»

Двинулся с места и пошел искать братьев. Переходил с айвана на айван, из комнаты в комнату, пока не дошел до комнаты, которая была больше других, и увидел: его братья стоят там смятенные, прикусив от удивления палец, перед какой-то картиной. Обрадовался он при виде братьев.

* Айван — крытая терраса.

Посмотрел вокруг и видит: что за прекрасные картины! Про себя сказал: «Здесь нужен знаток, чтобы во всем этом разобраться! Похоже, эти картины начертала рука самого пророка Мани*!»

Потом подошел к братьям и взглянул на то изображение, на которое они смотрели. Тут сердце у него упало, и он тоже оцепенел от удивления. Все трое смотрели на картину, пока не стемнело. Ночь провели там же, в замке, страдая от голода и жажды. Когда взошло солнце и стало совсем светло, снова подошли к картине. На этот раз Бехруз осмотрел ее и увидел рядом с ней надпись на китайском языке, шедшую сверху вниз: «Мей-Куй-Гуль, дочь китайского императора». Как прочитал, повернулся к братьям и говорит:

— Это портрет дочери китайского падишаха, и она сама сейчас находится в этой стране, а мы неизвестно чего остолбенели здесь перед ее лишенным души изображением!

Афруз на это сказал:

— Правильно ты говоришь! Я влюбился в ту, что здесь нарисована, и пока я не приду к ее порогу, сладостный напиток жизни будет мне горек! Будь что будет, а я сейчас же сажусь на коня и буду день и ночь гнать его, пока не доберусь до Китая. Там я пойду к китайскому императору и скажу ему, что я — царевич и прошу руки его дочери, и прибавлю: или возьми этот меч и отсеки мне голову, или отдай мне твою дочь! А вы оба сейчас же возвращайтесь отсюда к нашему отцу и все ему обо мне расскажите.

Младшие братья сами влюбились в ту девушку, но они не смели сказать об этом открыто и потому промолвили:

— Нет, мы не можем допустить, чтобы ты поехал один. Мы едем с тобой.

Сколько он ни уговаривал их не ездить, они отвечали:

— Мы должны ехать!

В конце концов все трое направились из заколдованного замка в сторону китайской столицы. Много они разных городов проехали, пока не добрались до столицы Китая и не остановились там в караван-сараях. На следующий день Афруз пошел в баню, хорошенько вымылся, умастил волосы, надел новые одежды, приготовил подарки и собрался идти к императору. Но тут средний брат Шахруз ему сказал:

* Мани — полулегендарный пророк, основатель религии манихейства (III в. н. э.). Манихейские храмы были украшены настенной живописью, и потому самого Мани считали искусным художником.

— Этак у тебя ничего не получится. Ведь император, наверное, не захочет отдать дочь какому-то пришельцу. Ты лучше проберись к его дочери и заставь ее полюбить тебя. Когда ты ее приманишь и поймаешь в силки, тогда — согласится ее отец или не согласится — все равно она станет твоей женой.

Афруз на это ответил:

— Нет, я так не поступлю. Я знаю, что никто не может пробраться к этой девушке.

Короче говоря, пошел он во дворец китайского императора, представился главному придворному и попросил разрешения видеть императора. А тот мало кого пускал к себе и придворному ответил:

— Разузнай, проверь хорошенько, правду ли он говорит, что он сын шаха. Спроси у него, привез он мне послание от отца или отец на него разгневался и он сюда приехал просить моего посредничества, чтобы я их примирил. Или, может быть, он ищет убежища в моем дворце? Во всяком случае, если он привез какое-нибудь послание, отбери и принеси мне.

Когда придворный вышел к Афрузу и стал его обо всем расспрашивать, тот огорчился и сказал:

— Все это не то и не так! Я возмечтал поехать в Китай и повидать там императора. Есть у меня, конечно, к нему просьба, но я не могу никому, кроме него, об этой просьбе сказать.

Долго они вели переговоры. В конце концов император разрешил Афрузу прийти. Тот пришел, низко поклонился, сложил к ногам императора подарки, постарался, насколько можно, быть сладкоречивым и выказать покорность. Когда император увидел, что Афруз говорит правду, что он действительно царский сын, стал обходиться с ним очень милостиво и сказал:

— Ты мне вроде как племянник. Раз ты приехал ко мне, не подобает, чтобы ты останавливался в караван-сараях. Я велю приготовить для тебя целый дом.

Потом обратился к слуге:

— Приготовь для шахзаде один из моих домов с садом, рабами, служанками, привратником и евнухами, чтобы он не оставался в караван-сараях.

Афруз согласился, но не сказал, что он не один, а с братьями, которые тоже остановились в караван-сараях. Несколько дней он прожил в том доме, который ему отвели. За это время он подружился с рабами

и служанками и стал их потихоньку расспрашивать о Мей-Куй: какая она, собирается ли замуж или нет? Влюблена ли в кого-нибудь или кто-нибудь в нее влюблен? Есть ли у нее нареченный жених? Насчет этого одна из служанок, которая все хорошо знала о Мей-Куй, сказала ему:

— Царевна во всей обширной китайской стране по красоте не имеет себе равной, и насколько она прекрасна, настолько же разумна. Она хочет выбрать такого жениха, который ей нравился бы. Много царевичей приезжало свататься, но ни одного из них она не пожелала, и даже сын индийского падишаха ей не понравился.

Афруз спросил:

— А ее отец что говорит об этом?

Ответила девушка:

— С отцом она так условилась, что всякого, кто к ней посватается, она хорошенько порасспросит и, если он окажется разумным, станет его женой, хотя бы он был нищий, а если он невежда — не пойдет за него, хотя бы он был падишахом.

Оставим пока Афруза и поговорим теперь о Шахрузе и Бехрузе.

Когда они оба увидели, что старший брат не появляется три или четыре дня, они забеспокоились и подумали: а что, если, не дай бог, император рассердился на Афруза и убил его или бросил в темницу?

Огорченные, встревоженные, разыскали они дворец китайского императора, пришли к главному придворному и спросили его о брате:

— Что стало с тем человеком, который несколько дней назад приходил сюда?

Тот им ответил:

— Император предоставил в его распоряжение дом с садом, рабами и служанками. Ему хорошо живется.

Братья попросили у него, если можно, разрешить им пойти повидать Афруза. Придворный спросил:

— Разве вы ему родственники?

Те говорят:

— Да, он наш старший брат.

Тогда придворный провел их к Афрузу. Тому их приход был очень неприятен. Младшие же братья, как увидели, что старший жив и здоров, очень обрадовались. Посидели с ним часа два, поговорили и ушли. Рассказал придворный китайскому императору об этом посещении, и тому не понравился поступок Афруза: почему он ничего не сказал о братьях, почему оставил их в караван-сараях? После этого император перестал

принимать Афруза с прежним почетом и уважением, совсем иначе стал к нему относиться.

В конце концов терпение Афруза кончилось, и он однажды спросил придворного:

— Если я попрошу о чем-нибудь императора, он не рассердится? Можно мне все прямо ему сказать или надо сказать сперва кому-нибудь другому, чтобы ему потом передали?

Придворный ответил:

— Нет, он не рассердится. Но нужно сперва спросить у него разрешения, а потом уже обращаться с просьбой.

Афруз спросил разрешения и пошел к императору. Вошел, поклонился в землю, облобызал порог. А император был в тот день в хорошем настроении. Двух людей, которых он считал колючками на своем пути, ему удалось устранить хитростью, две-три добрые вести о подобных делах пришли с разных концов страны, да к тому же из Кашмира, из Индии, привезли красивую рабыню. И он был не прочь поговорить с кем-нибудь или исполнить чью-нибудь просьбу.

Царевич как увидел, что император весел, подумал: «Судьба благоприятствует исполнению моего желания!»

Прежде чем говорить, еще раз поклонился в землю и снова попросил разрешения. Император у него спросил:

— Почему в тот день, когда ты к нам приехал, ты не сказал, что с тобой еще два брата, и не попросил, чтобы я их поместил у себя? Ведь эти братья не хотели оставить тебя одного, с другого конца света пришли с тобой, в трудную минуту были около тебя. Почему ты покинул их, когда тебе повезло? Мне не нравится этот твой поступок!

Афруз тут понял, почему император с ним не так милостив, как прежде. А тот ему еще сказал:

— Говори, чего ты от меня хочешь? Денег? Почестей?

Афруз ответил:

— Я прошу у тебя того, что выше всего этого, того, чтобы ты меня сделал рабом своего порога!

Император обратился к придворному и говорит:

— Он, очевидно, просит руки Мей-Куй? Объясни ему хорошенько, какая она, моя дочь Мей-Куй. У меня, ведь с ней большое несогласие. Я хочу, чтобы она стала женой падишаха или шахзаде, богатого, а она не соглашается, хочет, чтобы ее будущий муж был умный и разумный. Говорит: «Я стану женой умного нищего, но не стану женой глупого

падишаха». Пять лет назад, когда умерла ее мать и она была в большом горе, я ей обещал, что отдам ее только за того, кого она сама полюбит, с тех пор ее и не неволю. Скажите этому шахзаде: если он очень хочет взять мою дочь в жены, пусть пойдет к ней, чтобы она на него посмотрела и кое о чем его спросила. Если он сможет ей на все вопросы ответить — его желание будет исполнено, а если нет — ни за что дочь не отдам.

Афруз выслушал, поклонился в землю и вышел из дворца. На следующий день он возложил на голову усыпанную изумрудами корону, надел тканые золотом одежды, опоясался мечом в драгоценной оправе и направился к дому Мей-Куи, который примыкал к императорскому дворцу. Видит: место тихое и покойное, у дверей стоит всего один привратник, голосов не слышно. Вошел он в комнату, где находилась та девушка. Как посмотрел на нее, так сразу потерял сознание и упал. Принесли розовой воды, брызнули ему в лицо, он очнулся и увидел: она во сто раз прекраснее, чем ее изображение в заколдованном замке! Опять потерял сознание, пришел в себя, поднялся и, задыхаясь, бледный, подошел к ней.

Девушка не подала виду и милостиво его приветствовала. Но когда она увидела, что он совсем не может ей отвечать, она вышла из комнаты и позвала служанку:

— Сестрица, принеси этому царевичу апельсинового шербета, чтобы он пришел в себя.

В тот день она больше не выходила к Афрузу и велела передать, чтобы шахзаде приходил завтра и что на этот раз она не будет его больше тревожить.

Несколько дней подряд Афруз приходил на час, на два в дом дочери императора и понемногу стал привыкать к ней, мог теперь уже держать себя в руках. Тогда Мей-Куй его спросила:

— Чего вы от меня хотите?

Афруз стыдливо опустил голову и начал рассказывать о себе, как он захотел объехать всю землю, попросил у отца на это разрешения, а тот ему сказал: «Поезжай куда хочешь, но только не в город Нигаристан и не в заколдованный замок». Потом он рассказал, как он увидел в заколдованном замке портрет, и как сердце его стеснилось от любви, и с какими трудностями он добрался сюда. Все он о себе рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы вы согласились стать моей женой.

Девушка ответила:

— О шахзаде! Знай и ведай, что я одна-единственная, любимая-драгоценная дочь отца. Когда мне исполнилось одиннадцать-двенадцать лет,

со всех концов света стали приезжать ко мне свататься падишахи и шахазаде. Отец хотел отдать меня в жены какому-нибудь богатому и всесильному падишаху, но моя мать сказала: «Двенадцатилетней девочке рано выходить замуж» — и не разрешила отцу меня выдавать.

Пять лет назад она тяжело заболела. Когда поняла, что не будет жить, сказала мне: «Доченька! Я покидаю тебя, и вот что я должна тебе сказать на прощание: не обольщайся пышностью и богатством жизни, которую ты ведешь у отца! Если захочешь выходить замуж, выходи за человека разумного, хотя бы он был низкого происхождения. В дом неразумного человека не вступай, хотя бы он был падишахом над всеми падишахами. Хоть я и жена императора, но мне эта жизнь никогда не нравилась. Я всегда жила точно соловей, заточенный в золотую клетку, украшенную драгоценными камнями. Пусть клетка стоит десять тысяч ашрафи — что толку?» Договорила моя мать все это и скончалась... После ее смерти я день и ночь плакала.

Отец меня спросил: «Почему ты плачешь?» Я ответила: «Потому что матери, моей заступницы, не стало. Я теперь боюсь, ведь все ко мне сватаются, ты меня кому захочешь, тому и отдашь в жены, продашь меня за богатство, власть, воды и земли! И я на всю жизнь погружусь в безысходную печаль!»

Тогда отец промолвил: «Разве ты совсем не хочешь выходить замуж?»

Я сказала: «Хочу, но мне не хочется стать женой неразумного человека!»

Отец огорчили мои слова, но я так много плакала, что он надо мной сжалился и сказал: «Будь покойна, я тебя ни за кого не стану выдавать насильно; как тебе кто-нибудь понравится, за него и выйдешь замуж».

Потом отец, чтобы разумные, но бедные люди не нашли ко мне пути, повелел построить у китайской стены семь городов и семь замков и в каждом замке повесить мой портрет. Он надеется, что среди тех, кто будет просить моей руки, найдется один — разумный и вместе с тем богатый.

Каждый год приходит ко мне несколько человек. Я им задаю вопросы, и, когда вижу, что они не могут на них ответить, я им отказываю. Теперь твой черед. Я задам тебе несколько вопросов. Если ты на них сможешь ответить, я стану твоей женой, если же не ответишь — должен будешь расстаться с короной и головой.

Афруз ей сказал:

— Хорошо, я согласен; спрашивай что хочешь!

Девушка задала ему вопросы, но Афруз ответил на них неправильно. Тогда она промолвила:

— Ты проиграл! Уходи той же дорогой, которой пришел!

Афруз в смятении и великом горе пошел к главному придворному императора, обо всем ему рассказал и прибавил:

— Я хочу, чтобы император поговорил обо мне с дочерью, сказал ей: пусть она, несмотря ни на что, станет моей женой.

Придворный ответил:

— Я не думаю, чтобы император согласился сказать ей это.

Так оно и вышло. Назавтра Афруз пошел к императору и изложил ему свою просьбу, а тот ему отказал. Когда Афруз отчаялся и увидел, что никто уже ему ничем не сможет помочь, он не выдержал, тут же рухнул на землю и отдал Богу душу.

* * *

А иные люди все совсем иначе рассказывают. Так говорят: когда царевич Афруз пришел в дом дочери китайского падишаха и сказал ей: «Я хочу взять тебя в жены», она ему ответила:

— Многие приходили и просили моей руки. Я им всем говорила: совершите три подвига. Если совершите — хорошо, я стану вашей женой, а если нет — я велю вам отрубить голову и выставить ее на стене замка. Теперь я тебе скажу: пожалей лучше свою молодость и возвращайся домой. А если не хочешь, соверши три таких подвига: во-первых, возьми эту хрустальную чашу, наполни ее водой в царском источнике, к которому ведут сорок ступеней, и принеси мне, не пролив ни единой капли. Во-вторых, из кувшина, простоявшего семь лет, выпей семь чаш вина и при этом не опьяней. В-третьих, сыграй с нашими знатоками семь партий в шахматы и ни одной не проиграй.

Старший сын падишаха и средний сын не смогли этого сделать и были убиты. Но младший сын, когда девушка все это ему сказала, попросил сорок дней отсрочки, вышел из дворца и направился к некоему старцу. Старец его спросил:

— О юноша! Что тебя тревожит?

Шахзаде обо всем ему рассказал. А старец владел волшебным перстнем царя Сулеймана. Дал он царевичу перстень и говорит:

— С помощью перстня царя Сулеймана ты можешь все это сделать.

Юноша все три подвига совершил, взял девушку в жены и привез домой к отцу...

А иные еще иначе рассказывают.

Говорят: когда три сына падишаха вошли в тот замок и увидели изображение дочери китайского императора — всем сердцем, нет, сотней сердец ее полюбили. Отправились в Китай, чтобы ее увидеть. Ехали по дорогам, переносили тяготы, пока не прибыли в китайскую столицу. Сразу пошли к тамошнему падишаху, представились ему и говорят:

— Мы — сыновья такого-то падишаха.

Китайский падишах был к ним очень милостив, но когда он догадался, что старший царевич собирается посвататься к его дочери, тяжело вздохнул и промолвил:

— Моя дочь — в заточении, в таком-то замке, и никто ее не сможет увидеть, кроме человека храброго и отчаянного. На его челе должно быть начертано: «Мне суждено освободить ту девушку». Вы же лучше откажитесь от этого дела, ведь иначе вы все погибнете!

Старший брат не послушал совета китайского падишаха и вместе с двумя младшими братьями поехал к названному замку. Оставил их обоих у ворот, а сам вошел в замок, чтобы посмотреть, что там такое. Вошел он в замок и увидел огромное здание. В нем много разных комнат. Переходил он из комнаты в комнату, пока не дошел до одной, в которой увидел девушку. Девушка сидела там одиноко на троне, и на ногах у нее были колодки. Когда она увидела вошедшего шахзаде, она сказала:

— Юноша! Зачем ты сюда пришел? Берегись, не подходи ко мне, уходи лучше! Если не уйдешь, сейчас сюда ворвутся дивы, схватят тебя и убьют!

Юноша ее не послушал и подошел к девушке. Тогда она сказала:

— Раз уж ты подошел ко мне, я задам тебе три вопроса. Если ответишь на них — меня освободишь и сам спасешься, а если не ответишь — будешь заточен в темное подземелье!

Задала ему три вопроса. Он на них не ответил. Ей пришлось хлопнуть в ладоши, чтобы пришли люди и увели его в темное подземелье.

Когда младшие братья увидели, что старший долго не выходит из замка, средний пошел за ним, и со средним случилась та же беда, что и со старшим. Дошел черед до самого младшего брата. Когда он вошел в замок, в комнаты не пошел, решил сперва походить по саду. А в саду он увидел старуху. Подошел к ней, поздоровался и все, что нужно было, у нее спросил. Потом пошел в комнаты, к девушке. Та сперва сказала ему то же, что говорила двум старшим братьям, а потом спросила его:

— Скажи-ка, что в этой накрытой покрывалом клетке?

Юноша ответил:

— Попугай.

Она опять спросила:

— Какое животное, прикованное цепью, спит под моим троном?

Он ответил:

— Лев.

А она его еще раз спросила:

— Кто прав, роза или сосна?

Юноша ей ответил:

— Права сосна, потому что роза ее предала.

И рассказал ей сказку о розе и сосне. (Я, сказочник, расскажу вам ее потом, потому что это совсем особая история.) Когда он ответил и на третий вопрос, девушка очень обрадовалась, и колодки с ее ног спали сами собой. Она протянула руку под трон, сняла с хвоста льва связку ключей, дала ее юноше и сказала:

— Пойди возьми из такого-то сундука меч, принеси его и стань с этим мечом около меня. Всякому, кто ко мне подойдет, руби голову.

Юноша так и сделал. Появился косматый див, и он прикончил дива одним ударом. Взял тут юноша девушку за руку, освободил своих братьев, и они все вместе отправились во дворец китайского падишаха. Падишах обрадовался и отдал свою дочь в жены младшему брату. Семь дней и ночей весь город был украшен, жгли плошки. Через сорок дней три брата вместе с дочерью китайского шаха отправились к своему отцу.

Теперь, когда вы все это узнали, вернемся к нашему рассказу. Где же мы остановились? О чем говорили? Ах да! Мы сказали: Афруз пришел в отчаяние, увидел, что никто ничем не сможет ему помочь, не выдержал, тут же упал и отдал Богу душу.

* * *

Китайский император позвал придворного и сказал ему:

— Пойди приведи одного из братьев этого царевича, пусть он увидит, что случилось с его старшим братом!

Придворный пошел и привел среднего брата, Шахруза, к телу старшего брата, Афруза. Шахруз долго рыдал и плакал, потом с помощью слуг императора вынес тело брата из дворца и предал его земле.

Прошло несколько дней, и Шахруз стал понемногу забывать о своем горе. Тут запало ему в душу желание увидеть Мей-Куи и посвататься к ней. Встал, приготовил подарки и пошел в дом дочери китайского императора.

Не буду я вас утомлять длинным рассказом, но с ним случилось то же несчастье, что и с Афрузом, и он также скончался перед императорским тронem. Послали за Бехрузом. Он пришел и предал тело Шахруза земле. Остался теперь Бехруз один-одинешенек и не знал сперва, что ему делать. Возвратиться в родную страну Хаверан и поведать отцу о гибели его двух старших сыновей? Или остаться здесь, чем-нибудь заняться и провести тут быстротечную жизнь? Или тоже просить руки царевны и разделить горестную судьбу братьев? Или попытаться за них отомстить? Целыми днями думал он об этом и в конце концов решил: «Я ведь тоже стремлюсь к этой девушке. Пойду-ка попрошу ее руки. Но я-то уж сумею ее добиться!»

Встал, пошел к придворному и попросил разрешения повидать дочь императора. Придворный ей все передал, она разрешила, и Бехруз отправился в дом Мей-Куи. Как увидел ее красоту, так остолбенел, прикусил от удивления палец. Потом собрал все силы, низко ей поклонился и сказал:

— Я младший сын падишаха страны Хаверан, брат Афруза и Шахруза. Я пришел сюда и надеюсь, что понравлюсь дочери императора и она согласится стать моей женой.

Девушка промолвила:

— Что я говорила другим, то скажу и тебе. Сперва расскажешь мне все о своей жизни, потом ответишь на мои вопросы. После этого я дам тебе испытание. Если сможешь пройти через все это — стану цветом твоего сада.

Бехруз ей все о себе рассказал, ничего не утаил. Когда он кончил, Мей-Куи стала задавать ему вопросы.

* * *

В этом месте иные сказочники рассказывают, что, когда дочь китайского императора задала ему вопросы, Бехруз попросил сорок дней отсрочки для ответа. Она разрешила, он вышел из дворца и отправился искать птицу Симург Премудрый*. Ему сказали, Симург Премудрый

* Симург — легендарная птица.

живет на краю света, на горе Каф*. Пришлось ему надеть железные сапоги, взять железный посох и пойти к горе Каф. День и ночь шел. Дошел до Кашмира. Там, в долине, приглянулся ему высокий кипарис, и он решил под ним отдохнуть. Только положил голову на землю, сразу вскочил от птичьего щебета и видит: на одной из ветвей дерева гнездо, а в гнезде — птенцы Симурга. Огромный змей ползет вверх по дереву и хочет этих птенцов проглотить. Бехруз пожалел птенцов, выхватил меч из ножен и рассек змею живот. Потом спокойно заснул под деревом. Между тем Симург прилетел, увидел под деревом спящего человека и сразу подумал, что это враг его птенцов. Полетел, взял в когти большой камень и хотел бросить его с высоты на голову Бехруза, но птенцы завопили:

— Не бросай! Он нам не враг! Он ведь уничтожил нашего врага!

Симург обрадовался и стал ждать, когда Бехруз проснется. Когда же тот проснулся, Симург его спросил:

— Говори, чего ты хочешь за то доброе дело, которое ты совершил?

Бехруз ответил:

— Если можешь, подними меня в воздух и отнеси на гору Каф. Мне надо там повидать птицу Симург Премудрый и кое о чем ее спросить.

Симург согласился, поднял Бехруза в воздух и опустил на землю на горе Каф перед Симургом Премудрым. Бехруз спросил у него все, о чем спрашивала Мей-Куй, получил на все вопросы ответы, снова сел на Симурга и вернулся поскорее в Китай, так как сорокадневная отсрочка уже истекала. Прямо с дороги явился к Мей-Куй — пусть она, мол, спрашивает, что хочет.

* * *

Первый вопрос был такой:

— Скажи-ка, без чего ни одно растение, ни одно животное, ни один человек не могут жить? Мало этого — оно дает жизнь, много этого — оно убивает.

Бехруз ответил:

— Это вода.

Тогда она спросила:

— Что такое: сколько ни несется, никуда не приходит?

* Гора Каф — мифическая горная цепь, которая по мусульманским представлениям окружает землю.

— Это ветер, — отвечает Бехруз.

Она опять спрашивает:

— Что такое: каждая частица этого дает рост, а сама меньше не становится?

— Земля.

Мей-Куи еще спрашивает:

— Что такое: как его ни много, а станет меньше, потом совсем исчезнет?

Отвечает:

— Огонь.

Она опять спрашивает:

— Какой это город построен из четырех вещей и стоит на двух столбах? В нем есть властелин, а у властелина — два смотрителя. В верхнем квартале города — семь ворот и один сторож, есть там еще два доносчика и двое караульных?

Отвечает:

— Город — это человек, который создан из воды, воздуха, земли и огня и стоит на двух ногах. Душа — его властелин, смотрители — два глаза, верхний квартал — голова, семь ворот — семь отверстий глаз, ушей, носа и рта, сторож — разум, который оберегает человека от дурных поступков, два доносчика — два уха, два караульных — две руки, которые охраняют тело.

И еще раз она его спросила:

— Кто друг человека, который не имеет языка, не ищет превосходства и прямо в глаза говорит хорошее и плохое?

Бехруз отвечает:

— Зеркало.

О чем она ни спрашивала, на все получала ответы. В конце концов она сказала:

— Молодец! Хорошо на все ответил, теперь еще тебе осталось завтра и послезавтра пройти через два испытания. Сейчас уходи, а завтра придешь.

Бехруз ушел и на следующий день пришел снова. Видит: девушка сидит на троне и ничего не говорит. Служанка, которая стояла около трона, ему объяснила:

— О шахзаде! Сегодня тебе будет такое испытание: Мей-Куи будет молчать и ничего не скажет, пока на небо не взойдет первая звезда. Если есть у тебя доблесть, сделай что-нибудь необыкновенное, чтобы Мей-Куи по собственному желанию заговорила, промолвила хоть одно слово.

Бехруз ничего на это не ответил. Прошло немного времени, и он сказал:

— Послушай, служанка, тебе говорю, к тебе обращаюсь, у тебя спрашиваю. Выслушай этот рассказ и рассуди по правде и справедливости.

В некие времена три друга — столяр, портной и дервиш — отправились вместе в дальнюю дорогу. Они хотели побывать в разных городах, повидать то, на что стоит посмотреть. Шли они, шли и пришли в темное и страшное ущелье. Очень они устали и решили там заночевать. После ужина дервиш сказал: «Друзья! Я больше вашего видел и слышал в жизни, и я вам наверно скажу, что здесь водятся воры. Нам надо по очереди караулить ночью наши вещи. Давайте разделим ночь на три стражи, и в каждую кто-нибудь один из нас не будет спать и будет сторожить наши котомки, чтобы воры их не унесли».

Те двое согласились. В первую стражу должен был бодрствовать столяр, во вторую — портной, а в третью — дервиш. Два друга легли спать, а третий, столяр, остался караулить. Посидел он, посидел и стал клевать носом. Испугался, что заснет, и стал думать: «Как мне быть, чтобы не уснуть?» Догадался, вынул из котомки топор, рубанок, молоток и другие инструменты, срубил сук и выточил из него фигурку девушки, даже глаза и брови ей сделал. Пока он этим занимался, кончилось время его стражи. Он разбудил портного, а сам улегся спать. Портной с трудом проснулся, сидел заспанный. Потом стал понемногу дремать. Начал он думать, как ему быть, чтобы разогнать сон. Увидел то, что сделал до него столяр, и обрадовался. Вынул из своей котомки иголку, нитки, наперсток, ножницы, материю, раскроил по мерке той деревянной фигурки кофточку, юбочку и шаровары, сшил все это и надел на нее. Пока он с этим возился, кончилась его стража. Он разбудил дервиша, а сам лег спать. Дервиш проснулся и видит: столяр сделал из дерева человечка, а портной человечка одел в златотканые одежды. Пригляделся и увидел: оба они показали свое мастерство лучшим образом. Если бы кто-нибудь увидел издали, никогда бы не подумал, что это деревянная фигурка. Тут дервиш сказал про себя: «Хорошо бы было, если бы я смог дать ей еще душу. Тогда, чтобы лучше сторожить и не уснуть, я мог бы пока поучить ее полезным вещам, которые ейгодились бы в жизни». Прочел он заклинание, дунул на нее, и девушка ожила. Дервиш стал ее воспитывать и успел научить ее многим хорошим вещам, пока солнце не поднялось над горами, не заглянуло в ущелье и два его друга не проснулись.

Как они обрадовались, как они удивились, когда увидели девушку живой, чистой, целомудренной, красивой, воспитанной и доброй! Но тут столяр стал спорить с портным. Каждый из них говорил: «Эта девушка существует благодаря мне! Она моя!» А дервиш пока молчал.

Кончив рассказ, Бехруз обратился к служанке:

— Послушай-ка, тебя спрашиваю, если бы ты была дервишем, как бы ты рассудила, кому должна принадлежать девушка?

Служанка тотчас же ответила:

— Конечно, столяру! Ведь ему первому пришло в голову выточить ее из дерева!

Служанка еще договорить не успела, как Мей-Куй закричала:

— Не болтай глупостей! Девушка, конечно, должна принадлежать дервишу, который дал ей жизнь, научил добру и воспитал ее!

— Правильно! — говорит Бехруз. — Когда три друга пришли к самому справедливому судье, тот решил: девушка принадлежит дервишу.

Сказав это, Бехруз, собравшись уходить, встал с места, а Мей-Куй промолвила:

— Ты выиграл, заставил-таки меня заговорить! Завтра последний день испытаний, сейчас уходи, а завтра снова придешь.

На следующий день Бехруз пришел и видит: девушка одета в простые одежды, ни золота, ни украшений на ней нет, лицо даже не подкрашено. Как увидела она Бехруза, сказала:

— О юноша! Ты с твоей силой, ростом и стройностью можешь найти девушку лучше, чем я. В этом саду гуляет девушка, которая в сто раз меня красивее, пойдй, посмотри на нее из окна и возьми ее в жены вместо меня!

Бехруз не повернул головы, не посмотрел в окно и сказал:

— Может быть, на свете есть девушка, которая в тысячу раз красивее, чем ты. Но я тебя хочу взять в жены. Ведь сердце — не голубь, это голубь может каждый день сидеть на другой крыше!

Когда Бехруз произнес эти слова, дочь китайского императора без страха встала, обняла его за шею и молвила:

— Знай и ведай, что никакой девушки в саду не было. Я это сказала, только чтобы тебя испытать. Братьям твоим говорила, но они оказались плохими. Как жаль, что с самого первого дня я не начала тебя испытывать!..

Короче говоря, пора нам кончать наш рассказ. Сообщили императору, что его дочь избрала в мужья Бехруза. Император разрешил им пожениться. Семь дней и семь ночей город был украшен, и все праздновали

эту свадьбу. У императора не было сыновей, и он назначил Бехруза своим наследником, а так как у падишаха страны Хаверан не осталось сыновей, кроме Бехруза, он стал также наследником и в Хаверане. Через сорок дней после свадьбы Бехруз и Мей-Куй поехали в страну Хаверан, в город Нигаристан. Когда они проезжали мимо заколдованного замка, велели разрушить его стены, картины уничтожить, а для бедных людей построить дома. Потом они вступили на землю Хаверана. Тут все люди как один сказали: надо по всему миру распространить добрые обычаи любви и дружбы. Сломали все копыя, перековали мечи на серпы. Любовь и мир установили повсюду, люди жили в покое, каждый занимался своим делом.

Кончилась сказка о заколдованном замке, которая много лет передавалась из уст в уста, пока сегодня не попала к нам и мы ее для вас не записали. И мы надеемся, что как в те времена люди добились исполнения желаний, так и вы тоже добьетесь.

Одежда, которую кто ни наденет — сто лет проживет

Было так или нет, в давние времена в некоем городе жил богатый купец. У купца был один-единственный сын, с которым мало кто мог сравниться по уму и способностям. Днем сын купца обычно гулял один в саду, а иногда садился на коня и ехал на охоту. Вернувшись с прогулки или охоты, он обедал, немного отдыхал и шел к своему учителю заниматься.

Однажды вечером в дом купца пришел незнакомый человек. По виду этого человека можно было предположить, что он многое повидал на своем веку и испытал всевозможные превратности судьбы. Купец принял его ласково и велел подать угощение. Когда ужин был съеден и скатерть убрана, купец, его сын и гость облокотились на мягкие подушки и стали разговаривать.

Незнакомец между прочим сказал:

— Во время того путешествия, из которого я сейчас возвращаюсь, я попал по дороге в дремучий лес. Деревья в этом лесу тянулись вершинами до самого неба, а их ветви сплетались, образуя сплошной покров. На деревьях свили себе гнезда разные птицы. Они перекликались, каждая своим голосом и напевом, и как будто поверяли друг другу сокровенные тайны. В самой середине леса я наткнулся на красивую зеленую хижину. Заглянул туда. Там сидела на корточках древняя, сгорбленная старуха, и перед ней стоял небольшой ткацкий станок. Старуха вырывала из головы волосы и ткала из них мягкую, нежную ткань. Самое удивительное было то, что, сколько она ни вырывала из головы волос, на их месте сейчас же вырастали другие, еще белее и нежнее. Остолбенеv от удивления, я долго смотрел на ее работу. Потом спросил у нее: «Послушай,

бабушка, для чего ты ткешь эту мягкую ткань?» Она подняла голову и ответила: «Всякий, кто сошьет из этой ткани одежду и наденет ее, проживет сто лет».

Выслушал все это купец и задумался. Он любил жизнь и мирские блага и тут же решил любым способом добраться до той старухи и купить у нее по любой цене несколько аршин волшебной ткани. Стал он спрашивать незнакомца:

— А далеко ли от нашего города тот лес? И в какой части леса стоит хижина старухи?

Незнакомец ответил:

— Лес в двадцати дневных переходах отсюда.

Купец сказал:

— Как бы там ни было, я сам поеду и добуду волшебной ткани.

В ту ночь купец не мог уснуть до утра и все думал о старухе и волшебной ткани. Как только взошло солнце, он сел на коня и поехал искать лес. Как ни старались сын и слуги купца отговорить его, не пустить — ничего не получилось. В конце концов один из слуг сказал потихоньку другим:

— Пусть себе едет. В лесу его сожрут хищные звери, и мы тогда спокойно поделим между собой его богатство.

Ехал купец, ехал, пока не доехал до леса. И с того времени, как вступил он в лес, вестей о нем больше не было. Прошел месяц, другой, третий со дня отъезда купца, и слуги уверились в том, что его разорвал в лесу тигр или барс. Они сели в кружок, поделили между собой имущество купца и стали бойко торговать на его деньги.

Увидел сын купца, что ему ничего не досталось и имуществом отца завладели слуги. Позвал он своего личного слугу и сказал ему:

— Пойди принеси мне поесть.

Слуга рассмеялся и ответил:

— Ваши распоряжения я больше выполнять не буду. До сегодняшнего дня вы были нашим хозяином, а теперь мы ваши хозяева и этот дом принадлежит нам. Живо вставай и гони овец на пастбище! Попаси их, а к вечеру возвращайся.

Сын купца посмотрел на слугу и скрепя сердце ничего ему не ответил. Он боялся, что, если станет он возражать, его убьют. Поневоле, опечаленный, выгнал он овец и пошел с ними на пастбище. А сыновья слуг пошли, забрали одежду, вещи и игрушки сына купца и стали играть и веселиться.

Когда наступил вечер, купеческий сын, утомленный и огорченный, пригнал овец домой, загнал их в хлев, съел скудный ужин и уснул в каморке, в которой раньше жил привратник. Проходили дни, недели, месяцы, и он, голодный, обиженный, должен был молчать и все сносить от распоясавшихся слуг. В конце концов чаша его терпения переполнилась, и он однажды решил оставить овец на пастбище и убежать в лес в надежде отыскать там отца или по крайней мере найти его кости.

Так он и сделал. Бросил овец на произвол судьбы и направился к лесу. День и ночь шел, ел траву, пил дождевую воду. Одежда его изорвалась, обувь изнасилась, лицо почернело от солнца. В конце концов, через немалое время, дошел он до того леса, облегченно вздохнул, вверился Богу и вступил под сень деревьев. Долго он шел, а когда уставал, разыскивал какое-нибудь дерево с плодами, садился под ним и ел плоды. Через день он дошел до середины леса и увидел там зеленую лужайку, поросшую цветами. В северной стороне лужайки в тени большого дуба стояла красивая зеленая хижина. Страх охватил купеческого сына, и он спрятался среди деревьев. В это время женщина в белой одежде показалась с западной стороны лужайки и направилась к хижине.

Купеческий сын понял, что она здесь хозяйка, но удивился, почему она молода и красива. Вышел из-за деревьев и пошел ей навстречу. Поклонился, поздоровался. Женщина в белой одежде его спросила:

— Кто ты и как ты нашел сюда дорогу?

Купеческий сын рассказал ей все о себе и своем отце и в заключение попросил ее оставить его здесь, потому что дома он не может больше терпеть притеснений слуг. Женщина взяла его за руку, привела в хижину и сказала:

— Знай, сынок, что вот уже сто лет я живу на этом месте. Лесные звери все делают для меня: мелют муку, пекут хлеб, стирают одежду. Горя я не знаю, и благодаря этому волшебному платью, сотканному из моих волос, я до сих пор не состарилась. Как видишь, я осталась молодой, только волосы у меня побелели.

Тут купеческий сын поцеловал руку старой женщины, а она принесла ему ужин и накормила его. Потом он лег в углу хижины, но долго не мог уснуть. В середине ночи дверь хижины открылась, и вошел карлик, ростом не более аршина. Он поздоровался, а женщина в белой одежде его спросила:

— Что нового в лесу? Что слышно?

— Ничего нового нет, — ответил карлик.

Через минуту дверь открылась, и вошел заяц. Он поздоровался, а женщина его спросила:

— Что нового в лесу?

Он ответил:

— Ничего особенного нет.

Еще через некоторое время в хижину вошла большая лягушка. Женщина в белой одежде и ее спросила:

— Что ты сегодня видела, что слышала?

Лягушка ответила:

— Ничего я нового не видела и не слышала.

Тут в хижину вошла лиса, поздоровалась и села в уголку.

Женщина опять спрашивает:

— Откуда ты пришла? Что слышала, что видела?

Лиса ответила:

— Сегодня слоны взбесились, подрались, друг друга побили, поубивали.

Женщина в белой одежде сказала:

— Ну, это не так важно. Слоны в этом лесу постоянно дерутся.

Не успела она договорить, как в комнату вошла какая-то странная птица, поздоровалась и взлетела на спинку кресла женщины. Та ее спросила:

— Ну, а ты что скажешь? Где сегодня была, что видела?

Птица ответила:

— Сегодня я летала и слышала от птиц, что лесные джинны схватили купца, который хотел тебя разыскать, и околдовали его.

Женщина спросила птицу:

— Как же они его околдовали?

Та говорит:

— Он ехал на лошади, джинны его позвали, он обернулся, и они вылили ему на голову чашу заговоренной воды. Купец поддался чарам, потерял разум, забыл свой дом, прошлую жизнь, родной город и сына. Сейчас он ни о чем не думает и только день и ночь служит шаху джиннов. Рубит для него лес, пашет землю, сеет пшеницу, больше ни о чем не может думать.

Женщина в белой одежде спросила:

— А можно развеять чары и спасти его?

Птица сказала:

— Да, можно. Если кто-нибудь сможет на закате солнца подойти к тому купцу, три раза ударить его веткой, сорванной с того дуба, который

растет около твоей хижины, и плеснуть на него водой из здешнего родника, чары с него спадут, и он освободится из лап джиннов.

Сын купца, когда это услышал, обрадовался и говорит про себя: «Я, уповая на Аллаха, освобожу отца от чар!»

Потом, успокоенный, он положил голову на подушку и уснул. На рассвете он проснулся, пошел к женщине в белых одеждах и пал к ее ногам с мольбой.

Она говорит:

— Что с тобой? Почему ты так тревожишься? Все, о чем попросишь, я тебе дам!

Тогда купеческий сын сказал:

— Прошлой ночью я слышал слова той птицы. Купец, о котором она говорила, что он в плену у джиннов, — мой отец. Разреши мне пойти, снять с него чары и освободить его. Мы оба будем тебе тогда служить.

Женщина в белых одеждах ему отвечает:

— Это все можно сделать.

Сказала, вышла из хижины, сорвала ветку с дуба и обратилась к лисе:

— Возьми этого мальчика и отвези его в страну джиннов.

Лисица подошла, купеческий сын сел ей на спину, и она быстро побежала. К полудню они прибыли в страну джиннов. Купеческий сын сошел с лисы и стал ходить среди полей пшеницы. Вдруг он увидел пахаря, сразу узнал в нем своего отца и радостно побежал к нему.

Подбежал он, поздоровался, а купец и внимания на него не обратил и продолжал пахать, как будто совсем не узнал своего сына. Тогда мальчик ему рассказал, что он вытерпел от слуг. Но отец пожал плечами и не сказал ни слова. Мальчик схватил его за полу и закричал:

— Идем же домой! За что ты на меня сердишься? Что я сделал? Я всегда был послушным!

А купец ему отвечает:

— Пойди прочь, я тебя не знаю и тех слов, которые ты говоришь, тоже не знаю. Что такое дом? Кто такие слуги? Кто ты сам? Уходи и оставь меня в покое.

Купеческий сын понял: его отец заколдован и не виноват, что так говорит. Стал ждать вечера. Когда солнце начало клониться к закату, сын взял чашу с водой и дубовую ветку, ударил отца, который уже собирался возвращаться к джиннам, этой веткой и вылил на него воду. Внезапно подул сильный ветер, поднялась пыль и деревья закачались. Потом все успокоилось. Купец снова обрел разум, оглянулся вокруг и, как только

увидел сына, бросился к нему, обнял, стал целовать и расспрашивать. Сын рассказал отцу обо всем, что с ним произошло, поведал о своем горе и несчастьях. Отец его приласкал, взял его за руки и сказал:

— Как же нам теперь добраться до хижины женщины в белых одеждах?

Тут подошла лиса и говорит:

— Садитесь оба мне на спину, и я вас доведу.

Они сели, лиса быстро побежала меж деревьев, и в полночь они были у хижины. Вошли они в хижину, видят — женщина в белых одеждах лежит мертвая на постели, а звери собрались вокруг нее и плачут. Лиса спросила, что случилось, а звери ей рассказали:

— Падишах джиннов пришел на закате, вырвал с корнем волшебный дуб и задушил женщину в белых одеждах. Он унес также всю белую ткань, которую соткала из своих волос та женщина. Она не хочет, чтобы эта ткань досталась купцу и его сыну. Он сказал:

— Человек не должен долго жить. Если он будет жить долго, порядок мира нарушится, мир скоро переполнится людьми и жить станет трудно. Люди должны приходить на землю постепенно, сколько-то времени жить, а потом уходить и давать место другим.

Вот потому-то он и убил женщину в белом, которая добрым колдовством соткала из своих волос волшебную одежду.

Купец и его сын выслушали этот рассказ, тяжело вздохнули, завернули тело несчастной женщины в ковер, вырыли в полу хижины яму и похоронили ее там. Из леса они отправились в свой родной город. Когда злые слуги узнали о возвращении хозяина и его сына, они захватили, что можно было, из денег и драгоценностей и убежали. А купец с сыном вернулись в свой дом и занялись торговлей.

Упрямая ворона

Было так или нет, жил когда-то один человек, абйар*, и было у этого человека много добра и денег. У него был еще сын по имени Мехрак — один-единственный, любимый-дорогой и очень простодушный и бесхитростный. Когда он вошел в лета, показались у него усы и борода, отец нашел ему жену, толковую и проворную.

Абйар жил хорошо, и каждый вечер у него на огонек собирались жена, сын и невестка и подолгу просиживали за ужином. Он был не только абйаром, но и старостой деревни, и все его слушались. Дни приходили, а время уходило, месяцы приходили, а годы шли, — состарился абйар и ослабел. Однажды вечером созвал он детей и сказал:

— Я кончил свои дела в этом мире и скоро навсегда закрою глаза. Мехрак, сын мой, тебе говорю! Не допускай, чтобы после моей смерти моя лампа погасла и мой дом лишился света, зря деньги не трать. Придерживайся золотой середины и, если когда-нибудь удача тебя покинет, возьми в руки мотыгу, начни пахать и сеять, ибо только земля дает благосостояние.

Прошло несколько дней, и абйар приказал долго жить. Мехрак занял место отца, но он не понимал, как надо себя вести, зря тратил деньги, пока однажды не узнал, что у него не осталось ничего, кроме коровы, и ее молоком придется им жить.

Ну и дела! Люди, которые ели курицу и молодого барашка, сели на сухой хлеб!

* Абйар — человек, который следит за распределением воды в оросительных каналах.

Однажды Мехрак вышел в поле и увидел молотильный ток. Вспомнил он, что отец ему наказывал: «Если удача тебя покинет, бери в руки мотыгу», — и подумал: «Надо непременно корову продать, запастись землей и семенами и заняться хлебопашеством». Так он и сделал. На деньги, вырученные за корову, купил землицы и добыл семян. Взял в руки мотыгу и принялся за дело...

Подошло время жатвы. Однажды утром Мехрак видит: прилетела черная ворона на его поле и портит посев. Взял Мехрак камень и бросил в нее. Ворона взлетела и села на черный камень на краю поля. Посидела, а когда Мехрак начал работать, снова перелетела на поле. Мехрак снова бросил камень. Ворона опять взлетела и села на черный камень. В конце концов извела она Мехрака, до самого вечера упрямо садясь на его посев. На следующее утро ворона продолжала ту же игру, пока Мехрак не сказал:

— Слушай, ворона! Что ты упрямишься попусту и портишь мой посев?

Ворона сказала:

— Я хочу над тобой посмеяться, по рукам и ногам тебя связать.

Мехрак ничего с ней не мог поделаться. Вечером рассказал жене все, что было днем. Жена говорит:

— Завтра утром, до того как к тебе прилетит ворона, возьми смолы, растопи и налей на черный камень. Когда ворона прилетит, сядет и прилипнет, хватай ее и сверни ей голову.

Мехрак сказал:

— Умница ты, жена! Хорошей штуке меня научила, так я и сделаю!

На следующий день, утром рано, принес смолы, растопил и налил на черный камень. Рассвело, потом взошло солнце. Через час появилась вчерашняя ворона и набросилась на пшеницу. Мехрак сидел тихо, пока солнце хорошенько не растопило смолу. Потом подобрал камень и бросил в ворону. Ворона взлетела на черный камень, и тотчас ее лапы прилипли. Мехрак подошел и схватил ее.

Хотел свернуть ей голову, а ворона и говорит:

— Зачем так делаешь?

Мехрак отвечает:

— Хочу над тобой посмеяться, по рукам и ногам тебя связать.

Ворона говорит:

— Отпусти меня, я больше тебе и твоему посеву вреда не причиню. Если убьешь меня, дети мои останутся без матери, будут тебя проклинать, и тебе самому тоже плохо придется.

Мехрака эти слова тронули, и он отпустил ворону. Ворона села на камень и сказала:

— Эй, Мехрак! Ты меня пощадил, и я тебе тоже добро сделаю. Дам тебе одно из своих перьев. Береги его, и если случится у тебя беда — пусти перышко по ветру. Куда бы оно ни полетело, иди за ним, пока не придешь ко мне. Как меня увидишь, я уж тебя в нужде не оставлю.

Мехрак сказал:

— Очень хорошо.

Взял перо, принес домой, дал жене и говорит:

— Принеси железный сундук и спрячь перо на дне сундука, может быть, пригодится на черный день.

Жена взяла перо и положила в сундук. Прошло несколько лет, и наступил засушливый год — дождя не было, земля ничего не родила, и пришлось Мехраку туго... Как-то жена ему говорит:

— Мехрак, а что, если тебе взять перо и пойти поискать ворону?

Мехрак ответил:

— Хорошо ты сказала. Пойди принеси перо.

Принесла она перо. Мехрак вышел из дому и пустил перо в воздух. Перо полетело, как будто его нес ветер, а Мехрак пошел за ним, пока не пришел на вершину горы к железному замку. Посмотрел, видит: спит там нечесаный и небритый див. Почуял див Мехрака, проснулся и говорит:

— Эй, сын человеческий, зубы белые, глаза черные! Зачем пришел?

Мехрак отвечает:

— За пером иду.

Див говорит:

— Тогда иди дальше.

Летело перо, летело и влетело в пещеру. Мехрак вошел за ним и сразу увидел ворону.

— А, Мехрак! Добро тебе, вспомнил меня, — говорит ворона.

Мехрак рассказал ей о засухе и своих заботах. Ворона сейчас же дала ему четыре-пять мешков пшеницы и говорит:

— Это вам всем пропитание на засушливый год.

Дала еще ему курицу и сказала:

— Эта курица с гнезда никогда не уходит и каждый день несет по золотому яйцу. Это тоже тебе, чтобы у тебя были деньги.

Пришел Мехрак домой радостный и веселый и обо всем рассказал жене. Жена говорит:

— Все это хорошо. Только ты никому не говори, что у нас такая курица есть.

Но Мехрак ее не послушал, повсюду ходил и всем показывал курицу, пока не узнал об этом деревенский староста. Послал староста к Мехраку человека спросить: «Слыхал я, мол, что у тебя есть чудесная курица. Дай мне ее посмотреть, я верну».

Пришлось Мехраку отослать свою курицу, а староста прислал ему обратно другую, похожую, но не ту, что несла золотые яйца. Мехрак видит — курица не та. Пошел к старосте отобрать свою курицу, а староста побил его палкой и выгнал.

Прошел год, и снова их настигла нужда. Жена говорит:

— Мехрак! Пойди поищи ворону!

Мехрак так же, как в первый раз, отправился к вороне и все ей рассказал. Ворона на этот раз дала ему котел и шумовку и сказала:

— Как проголодаешься, стукни шумовкой по котлу и попроси еды, какой захочешь, котел тебе ее даст.

Мехрак обрадовался, принес котел домой, и каждый вечер, каждый день, что они хотели, то из котла и брали. Однажды Мехрак сказал жене:

— Староста горько меня обидел, давай мы ему отомстим. Позовем его в гости и поставим перед ним сотню разных блюд, чтобы видел — хоть он и отнял у нас курицу, мы все-таки не хуже других.

Жена говорит:

— Ты что, сдурел? На этот раз он котел у тебя отберет, как тогда курицу.

Мехрак отвечает:

— Нет, я не отдам.

Пошел он, пригласил старосту с чадами и домочадцами. В полдень, когда сели обедать, староста видит: одно за другим ставят на скатерть всякие кушанья, разного сорта плов. Прикусил он палец от удивления. Говорит своему слуге:

— Пойди, потихоньку погляди, в чем там дело.

Слуга вернулся и сказал:

— Котел у них там стоит. Бьют по нему шумовкой, называют кушанья, и котел дает одно за другим.

Староста промолчал, доел обед и назавтра прислал человека к Мехраку: дайте, мол, нам котел ваш на пару дней. Мехрак хотел не давать — силой отняли и через два дня вернули другой такой же котел. Мехрак

видит — котел подменили. Пошел взять обратно свой котел, а староста опять его побил и выгнал.

Наступил третий год. Опять Мехраку пришлось туго. Собрался, пустил перо по ветру, как первый и второй раз, пошел искать ворону. Рассказал ей обо всем. Вороне очень жаль стало Мехрака, и она сказала:

— На этот раз я тебе такое дам, что и курицу и котел обратно получишь.

Дала ему тыкву и прибавила:

— Обидит тебя кто-нибудь, ты ударь рукой по тыкве и скажи: «Сто дубин в руках нагоняют страх». Из тыквы выйдут сто чернокожих гулямов*, каждый стоит сотни молодцов, и врага твоего изничтожат. Когда кончат дело, ты скажи: «Гулямы, спрячьтесь в тыкву, дубинки с собой возьмите». И все спрячутся в тыкву.

Взял Мехрак тыкву, домой не пошел, сразу направился к старосте.

— Ну, что слышно? — говорит староста.

Мехрак отвечает:

— Да ничего не слышно, я только пришел взять обратно свою курицу и свой котел.

Староста закричал:

— Бейте его, гоните его!

Как он это крикнул, Мехрак ударил рукой по тыкве и сказал: «Сто дубин в руках нагоняют страх». Высыпали чернокожие из тыквы, принялись колотить старосту и его слуг. Староста видит — сейчас убьют, кричит:

— Отдам я и курицу и котел!

Мехрак говорит:

— А ну, живо!

И добавляет: «Гулямы, спрячьтесь в тыкву, дубины с собой возьмите». И все они спрятались в тыкву. Забрал он и котел и курицу. Тут все крестьяне собрались и выбрали Мехрака старостой. Жена сидела дома, видит: идет Мехрак домой с курицей, с котлом, с тыквой, с посохом и шапкой старосты. Пришел, все ей рассказал. Жена обрадовалась, встала, заплясала по комнате.

Как у них желания исполнились, так пусть у всех исполняются.

* Гулям — раб, слуга, солдат гвардии, составленной из рабов.

Было ли так или не было — до бога никого на свете не было. В былые времена жил в одной стране могущественный падишах. Была у него дочь, красивая и добродетельная, прекрасная и прелестная, словно луч света. Так она была хороша, будто говорила луне: «Ты не всходи, ведь я сияю». Со временем подросла она, стала невестой. Начали появляться женихи. Царевичи, вельможи и сыновья богатых людей добивались ее руки, но девушка и ее отец всем отвечали: «Нам не нужно денег и богатства — слава Аллаху, золота и добра у нас хватает. Мы хотим человека ученого, который был бы мудрее всех».

Недалеко от дворца падишаха жила одна старая женщина, и был у нее сын по имени Бу-Али. Во всем мире никто не мог сравниться с ним мудростью, ибо он читал много книг и знал все, что написано в них.

Однажды Бу-Али сказал матери:

— Знаешь, матушка, жених, который нужен падишаху, — это я. Отправляйся ты к нему и сватай за меня его дочь.

— Хорошо, — сказала мать и отправилась к падишаху.

Поцеловала она землю перед тронем и передала падишаху слова своего сына. Падишах обратился к дочери и спрашивает:

— Что ты ответишь сыну этой женщины?

Девушка говорит:

— Пусть ее сын явится сюда, и мы посмотрим, что он знает!

Женщина пошла и привела Бу-Али.

Девушка обратилась к Бу-Али:

— Говорят, ты превосходишь своими знаниями всех людей? Правда ли это?

— Нет, — отвечает юноша, — это не так. Мир велик, может быть, где-нибудь другой человек знает больше меня!

Девушка спросила:

— Говорят, ты собрал в памяти знания всех людей? Правда ли это?

— Нет, — говорит Бу-Али. — Я не могу знать все, что им известно. На свете есть люди, которые знают намного больше меня.

Девушка сказала:

— Говорят, ты знаешь что-то, чего никто не знает? Правда ли это?

Бу-Али ответил:

— Да, может быть, это и так.

— Что же это такое? — спросила девушка.

— Я знаю то, что я ничего не знаю! — ответил юноша.

В это время вошел падишах и спросил дочку:

— Ну как, мудр ли этот юноша?

— Да, — ответила девушка, — я задала ему несколько вопросов, и он дал правильные ответы!

— Мне нет дела до твоих вопросов и его ответов, — молвил падишах. — Если этот юноша и правда мудрец, пусть он пойдет разузнает все о диве по прозвищу «Нет в мире» и сообщит мне.

— Повинуюсь! — ответил Бу-Али.

Вернулся он домой из дворца падишаха и говорит матери:

— Матушка, приготовь мне несколько ячменных лепешек и кувшин воды. Я отправляюсь на поиски дива «Нет в мире».

Вышел Бу-Али из города и прошел фарсанга три по пустыне, видит, идет навстречу старик. Поздоровались они, старик и спрашивает:

— О юноша, куда путь держишь?

— Я иду искать «Нет в мире», — отвечает Бу-Али.

— Но ведь ты сам признаешь, что того, кого ты ищешь, в мире нет, — заметил старик.

— Его нет для тех, кто не может найти его. И называют его «Нет в мире» только потому, что люди не могут найти дорогу к нему. Этот «Нет в мире» — див в образе человека. Он знает науки «химия», «сия» и «лимия», — отвечал Бу-Али.

Старик говорит:

— О юноша, не утруждай себя зря, вернись-ка лучше домой.

А Бу-Али отвечает:

— Мудрый человек никогда не пускается в путь зря, но если уж он отправился, то не поворачивает назад с полдороги и идет, пока не достигнет цели.

Сказал это Бу-Али и пошел дальше. Шел он дни и ночи, проходил пустыни и перебирался через горы. Наконец добрался он до подножия Памира. Осмотрелся и заметил вход в пещеру, а у входа сидит какое-то громадное косматое чудовище. Это и был див.

Подошел Бу-Али, поклонился ему, а див его спрашивает:

— Кто ты такой?

— Бу-Али.

— Знаю я тебя, — говорит див. — А скажи, для чего ты пришел сюда?

— Я ищу «Нет в мире», — отвечает Бу-Али.

— «Нет в мире» — это я, — сказал див. — О Бу-Али! Ты решил, что стал мудрецом, и захотел узнать у меня то, чего не смог узнать сам. Знай же, что наука — это бескрайнее море, и ты из этого моря еще и глотка не испил.

Затем он взял Бу-Али за ухо, заткнул его за пояс, словно нож, и унес в пещеру. А в пещере был дворец дива, и комнат там было — не счесть! Вошел див во дворец и крикнул:

— Мерджана, поди сюда! Этот человек пришел за мной. Брось его в яму и стереги. Он, как и те, что приходили раньше него, будет нам пищей. Еще много людей — да получше этого! — пойдут нам в пищу...

Мерджана эта была дочерью «Нет в мире». Она бросила Бу-Али в пересохший колодезь и каждый день приходила туда и спускала ему вниз хлеб и воду. Однажды Бу-Али сказал ей:

— О Мерджана, мне очень скучно здесь, прошу тебя, дай мне саз*, чтобы я мог поиграть на нем и попеть.

А Мерджана очень любила игру на сазе и песни. Она пошла, достала саз, принесла его Бу-Али, и тот каждый день, когда «Нет в мире» уходил в степь, брал саз, играл на нем и пел песни. Он пел и играл так хорошо, что завоевал сердце Мерджаны. Как-то Мерджана сказала Бу-Али:

— Мне нравится твое искусство. Ты должен каждый день играть для меня на сазе и петь песни.

* Саз — струнный музыкальный инструмент.

— А что я получу за это? — спросил Бу-Али.

— Я освобожу тебя из темницы!

— Нет, — возразил Бу-Али, — если ты меня выпустишь, твой отец сразу узнает об этом и помчится за мной быстрее ветра, быстрее молнии. Ты лучше помоги мне стать мудрым и померяться знаниями и силой с твоим отцом.

— Хорошо, — ответила девушка, — я принесу книгу отца, дам ее тебе — читай и учись всему, что там написано...

Дала Мерджана Бу-Али книгу отца, стал он ее читать и запоминать. Потом взял у Мерджаны калам и бумагу и на дне колодца переписал всю книгу. Как-то рано утром, когда «Нет в мире» ушел в степь, Бу-Али обернулся голубем и вылетел из пещеры. Посмотрел «Нет в мире» на небо и вдруг видит там голубя. «А что, если это Бу-Али?» — думает он.

Поспешил он в пещеру: шаг шагнет — семь фарсангов сделает. Примчался в пещеру и спрашивает Мерджану:

— Где Бу-Али?

— Он в колодце для пленников, — как ни в чем не бывало ответила девушка.

Подошли они к колодцу, посмотрели — а колодец пуст!

«Нет в мире» воскликнул:

— Скверная девчонка, ты полюбила этого юношу и выдала ему все, что я знал!

Сказал это див, превратился в сокола и полетел за голубем. А голубь увидел его, испугался, бросился во дворец шаха и спрятался в складках платья шахской дочери. Тогда сокол принял облик дервиша, взял такого же голубя, пришел во дворец и показал его принцессе:

— Голубка моего голубя залетела сюда — верните мне ее!

Только девушка хотела взять голубя, как он обратился в горсть проса и рассыпался по земле. Тогда дервиш обернулся петухом и начал клевать просо. Тут одно из зернышек проса выскочило из-под ног девушки, превратилось в шакала, и шакал съел петуха.

Так удалось Бу-Али уничтожить «Нет в мире».

Стоит принцесса, смотрит — глаз отвести не может. Вдруг видит, что шакал обратился в Бу-Али. Обрадовалась она, и все, кто там был, пошли и сообщили падишаху. Тот пришел к дочери и выслушал рассказ Бу-Али о его приключениях. Взял падишах руку дочери, соединил с рукой Бу-Али и спросил его:

— Чего ты еще хочешь?

— Кроме книг, мне ничего не нужно! — ответил Бу-Али.

Тогда падишах вместо жемчугов, золота и ковров отдал в приданое дочери все свои книги.

А Бу-Али послал за Мерджаной и, когда ее привели, отдал ее в жены своему брату Махмуду в благодарность за ее помощь.

Вот сказка о Бу-Али, слава о котором идет по всему миру.

Сказка о Малек-Джамшиде

Те, что ведут по порядку счет событиям, хранят в памяти разные истории и повествуют о прошлых временах, поведали нам, что жил-был некогда падишах. Он был очень богат, войско его было хорошо вооружено, казна полна, а подданные довольны. И было у падишаха два везира, с которыми он советовался во всех делах. Был у падишаха и сын, наделенный всеми талантами, по имени Ахмад.

У первого везира тоже был сын, красивый, благовоспитанный и благородный. Звали его Малек-Джамшид. Сыновья падишаха и везира учились в одном мектебе и с самого детства так привязались друг к другу, что не хотели расставаться. Так продолжалось до тех пор, пока везир не покинул этот мир; на его место падишах назначил Малек-Джамшида.

После этого прошло еще немного времени, и сам падишах отправился в путь в тот мир, и его место занял Ахмад.

Новый падишах очень любил Малек-Джамшида, глотка воды не пил, не спрося его. Второй везир увидел, чем дело пахнет, и подумал: «Новый падишах во всем слушается этого юношу. А он таки доведет меня до плахи! Не лучше ли раньше, чем он возьмется за меня, самому разделаться с ним?»

И вот он выбрал подходящую минуту и обратился к падишаху:

— Быть может, падишах и сочтет мои слова корыстными, но я всем обязан покойному отцу падишаха и этому престолу и не могу молчать — иначе я отплатил бы черной неблагодарностью за добро.

Падишах посмотрел на него пристально и приказал:

— Говори, твоя доброжелательность доказана!

— Да не скроется от разума падишаха, — начал везир, — что часть эмиров присягнула Малек-Джамшиду, и они хотят свергнуть вас и возвести его на престол.

Лестью и красноречием этот везир внушил падишаху такие мысли, и тот пришел в ярость. На другой же день, как только вошел Малек-Джамшид, падишах взглянул на него и сказал:

— О Малек-Джамшид, ты славный мальи́й, и я многим тебе обязан, поэтому я не хочу убивать тебя. Собирайся и уходи из пределов моего царства.

Опустил Малек-Джамшид голову, и из глаз его полились горячие слезы.

— О шах! — заговорил он. — Что же такое совершил твой покорный раб, чем так обидел тебя?

— О Малек-Джамшид, — отвечал шах, — за тобой нет никакой вины. Я просто хочу, чтобы не было тебя в числе моих подданных. Даю тебе срок два дня — сегодня и завтра. Если же на третий день я увижу тебя здесь — прикажу отрубить тебе голову.

Случилось это зимней порой, когда все дороги были пустынные и люди, спрятав головы, словно черепахи, сидели по домам и не смели и носа наружу высунуть.

Когда Малек-Джамшид вернулся домой, к нему выбежала мать со всей семьей, и все стали расспрашивать его. Он рассказал, что случилось; огорчились домашние, но стали утешать его:

— Положись на Аллаха, ведь судьбу не переделаешь!

И Малек-Джамшид простился с родными, сел на коня и лютой зимой, когда люди не знали, как живыми остаться, выехал из дома в пустыню и погнал коня. Так он скакал навстречу превратностям судьбы и злому року, пока не въехал в лес. А лес был такой дремучий, что зимний ветер туда не проникал, и зима будто отступила.

Малек-Джамшид отпустил коня, а сам дальше пошел пешком. Шел он, шел и остановился у высоченной чинары. Она была так могуча, будто доставала своими корнями до спины того быка, на котором держится земля, а верхними ветвями хлестала по лицу само небо. Удивительная была чинара! Ствол ее охватывало кольцо, а у корней протекал ручей. Малек-Джамшид остановился у дерева, стал рассматривать его и вдруг видит, что по ручью плывет красная распустившаяся роза. Малек-Джамшид поднял розу, хотел понюхать и почувствовал сильный аромат. Но тут он увидел, что ручеек принес еще одну розу. Не успел он схватить ее, как

появилась третья роза, потом четвертая... Набралось всего семь роз. Подивился Малек-Джамшид, откуда могли взяться зимой свежие розы, обрадовался и решил: «Это бог послал их мне, чтобы я отнес их падишаху Ахмаду и вымолил у него прощение за свои грехи».

Собрал Малек-Джамшид розы и вернулся домой. Родные очень обрадовались его возвращению, а Малек-Джамшид положил цветы в вазу и отправился к падишаху, захватив с собой красивого раба.

А теперь послушай, что было с падишахом.

После того как он изгнал Малек-Джамшида по навету второго везира, стал он раскаиваться и огорчаться. Мать его заметила, что сын приуныл и затосковал, вошла к нему и спросила:

— Сын мой, да минует тебя горе во веки веков! Чем опечалена твоя благословенная душа?

И шах Ахмад рассказал обо всем своей матери.

— О свет моих очей, — заговорила мать, — ты совершил ошибку. Как же ты мог так поступить с таким везиром, как Малек-Джамшид, давние заслуги которого перед тобой хорошо известны? Ведь ты поверил клеветнику и не вникнул в суть дела. Да, боже мой, разве способен Малек-Джамшид на такие дела! Ты должен позвать его, одарить и повысить в сане.

Царь Ахмад как от дурмана очнулся и раскаялся в содеянном. Всю ночь он думал о том, как исправить ошибку и как найти Малек-Джамшида, если он уже уехал.

И вот, как только утром падишах вышел из своих покоев, он тут же столкнулся с самим Малек-Джамшидом, рядом с которым шел красивый раб и нес вазу с розами. Малек-Джамшид упал к ногам падишаха и стал просить прощения. Обнял его падишах, поцеловал в очи и усадил рядом с собой. А между тем по всему тронному залу разлился аромат роз, и падишах сказал Малек-Джамшиду:

— Вот уже несколько дней, как ты их нашел, но они ничуть не завяли, напротив, они с каждым часом становятся свежее!

Все присутствующие вдыхали запах роз и радовались, а второй везир подумал: «Я-то хотел избавиться от него, а вышло так, что шах еще больше приблизил его к себе! Если падишах передаст ему мои слова, то мое дело кончено! Лучше всего придумать что-нибудь такое, чтобы его снова отправили в путь».

И везир заговорил:

— О шах! Какие чудесные розы! Но там, откуда их принесли, должны ведь быть еще. Если вместо семи роз достать девять, то можно будет

положить по три цветка у каждой ступени трона. И от них будет благоухать весь этот зал.

— О Малек-Джамшид, — сказал на это шах. — Достань для меня еще пять роз!

Малек-Джамшид повиновался, вышел из зала, сел на коня и поскакал к тому самому лесу. Остановился он у того дерева, сел у ручья и стал ждать. Вдруг в воде показались розы — юноша обрадовался, вытащил их из ручья и собрался было ехать назад, но тут пришли ему в голову такие мысли: «Ведь я не знаю, откуда вытекает этот ручей. Второй ве-зир — мой враг, и, чего доброго, он еще захочет, чтобы я достал весь куст с этими розами. Не лучше ли мне пойти по берегу ручья и узнать, откуда плывут розы?»

И вот Малек-Джамшид двинулся по берегу ручья. Шел он так два дня, а на третий день поднялся на холм и увидел цветущую поляну и замок с башнями до небес. Из-под стены этого замка и вытекал ручей. Он стал обходить кругом крепостную стену и нашел ворота. Вошел Малек-Джамшид в эти ворота и увидел высокий дворец, а в нем — ни единой души. Он вошел во дворец и тут увидел ограду, за ней — своды и купол, под которым висела отрубленная голова. За оградой же был кипящий водоем. Каждый миг с головы в водоем падала капля крови и превращалась в воде в красную розу, а вытекающий из бассейна ручей уносил розу.

Малек-Джамшид прикусил палец от удивления и подумал: «Если отрезать голову, то через час или два кровь в ней должна застыть».

Он был погружен в такие размышления, когда в небе раздался страшный шум, и вскоре Малек-Джамшид из уголка, в котором он спрятался, увидел, что с неба спустился огромный див, от страха перед которым задрожали земля и небо.

Этот див вошел в одну из внутренних комнат, принес тело без головы, положил его на каменную скамью у края бассейна, снял отрубленную голову и приложил ее к телу. Из другой комнаты он притащил зеленый кувшин с водой и окропил рану со словами:

— Оживи благодаря чуду пророка Сулеймана, да будет мир ему!

Тут же труп ожил, и Малек-Джамшид увидел, как с земли поднялась прекрасная пери, красота которой лучами освещала весь мир. Пери начала бранить дива:

— О проклятый! Доколе ты будешь терзать меня! Коли убил меня, то не оживляй больше, чтобы я навсегда избавилась от тебя.

— О волшебница! — ответил див. — Отдай мне свое сердце. До коих пор ты будешь заставляя меня страдать? Боюсь я, узнают твои родители и отберут тебя у меня — я же без тебя, ты сама это знаешь, не смогу прожить ни одного мига.

Как ни просил он ее любви, пери была неумолима и только бранилась в ответ. И он снова отрубил ей голову, бросил тело в комнату, а голову повесил под куполом, а сам взвился в небо и улетел.

Как только див исчез из глаз, Малек-Джамшид вышел из укромного уголка, вынес труп, достал из-под купола голову, приложил ее к телу и пошел в комнату за кувшином. Но сколько он ни искал, не нашел кувшина и очень огорчился. Вдруг он увидел доску, на которой было написано: «Если произнесешь сорок раз подряд это имя, то найдешь кувшин!»

Малек-Джамшид произнес сорок раз имя, написанное на доске, и тут же увидел зеленый кувшин на полке. Взял он кувшин, подошел к мертвой пери, полил воды на рану и произнес:

— Оживи благодаря чуду пророка Сулеймана!

Пери ожила, открыла глаза и закричала:

— Эй, проклятый див! До каких же пор ты будешь мучить меня?

— О волшебница! — сказал Малек-Джамшид, приблизившись к ней. — Посмотри получше: я не див, а человек. Я спасу тебя!

Увидела девушка красивого юношу, и сердце ее потянулось к нему.

— О юноша, — заговорила она, — зачем ты сделал это? Отруби мне снова голову и повесь ее там, где она была. Не то явится див и расправится и с тобой, и со мной. Жаль, если такой юноша найдет себе погибель в лапах дива!

— О волшебница! — воскликнул Малек-Джамшид. — Да отрубят тому руку, кто тронет тебя хотя бы розовым лепестком! Да разве мы прикованы и должны ждать возвращения дива, чтобы тот расправился с нами? Я увезу тебя отсюда!

— О юноша, — отвечала пери, — хорошо, если ты сумеешь увезти меня и див не догонит нас. Как придет он и увидит, что меня нет — так, может быть, и умрет с тоски. Но если он догонит и схватит нас, то тогда он с нами расправится. Вот уже три года, как он украл меня у родителей. Он каждый день убивает меня и снова оживляет, и я переношу эти страшные муки. Если ты избавишь меня от этих мучений — жизнь за тебя отдам! Да благословит тебя Бог, куда бы ты ни повез меня!

Малек-Джамшид посадил пери на своего коня и поскакал прочь. Скакал он, скакал, пока не доехал до городских ворот. И тут он вспомнил, что его послали за розами. Он прикусил палец от досады и задумался.

— Что с тобой, юноша? — спросила пери. — Почему ты кусаешь палец?

— О волшебница! Ведь падишах послал меня за розами, а я забыл их на краю бассейна. Что я отвечу падишаху? А вернуться я тоже не могу — боюсь дива.

— Не горюй, душа моя! — воскликнула пери. — Ведь эти розы выросли из моей крови. Знай же, что меня зовут Голехандан и Доррегерьян*. Я дочь падишаха пери. Среди пери за целый век рождается только одна такая, как я, — Голехандан и Доррегерьян. Когда я смеюсь — изо рта у меня падают розы, когда плачу — мои слезы превращаются в жемчужины. Какая же разница между розами, что получают от моего смеха и из моей крови?

Малек-Джамшид очень обрадовался такому обороту дела и возблагодарил Аллаха, отвез пери домой и оказал ей почести. Мать и сестра бросились навстречу им и начали расспрашивать о тяготах пути.

А Малек-Джамшид, не теряя времени, тут же позвал кадия, сочетался браком с пери, и исполнились его желания: на свадебном пиру пери засмеялась, и посыпались розы, которые были в тысячу раз прекраснее прежних роз. Малек-Джамшид послал эти розы падишаху.

Шах похвалил их и спросил второго везира:

— О везир! Ведь это удивительные розы! Роза, сорванная с куста, непременно завянет, а эти розы с каждым мигом все больше свежеют. В чем тут секрет?

— О властелин, — ответил везир, — слышал я, что у падишаха пери есть дочь Голехандан Доррегерьян, — не попала ли она к Малек-Джамшиду?

— Если это так, — сказал падишах, — я завидую ему. А ну, везир, придумай-ка что-нибудь!

— А ты пошли Малек-Джамшида куда-нибудь, — посоветовал везир. — А мы с тобой примем облик нищих, пойдем к его дому и разузнаем все.

И вот шах послал Малек-Джамшида по какому-то делу, а сам вместе с везиром в одеждах дервишей отправился к дому Малек-Джамшида

* Голехандан означает «смеющаяся роза», Доррегерьян — «плачущая жемчужина».

просить милостыню. Пери захотелось сделать благое дело, она вышла к нищим с милостыней, а шах и везир, как увидели красавицу, так сразу и лишились разума.

— О везир, — зашептал падишах Ахмад, — придумай что-нибудь — я так влюблен, что не владею собой. Как нам быть?

— Все очень просто, — ответил ему везир, — убей Малек-Джамшида и завладей его женой.

— Нельзя же убить невиновного, — возразил падишах, — нельзя обижать, не доказав вины.

— Да будет долговечной жизнь падишаха! — продолжал везир. — Я придумал. Объяви, что тебе нужны слоновая и китовая кость для украшения трона. Их можно раздобыть только в Индии, а на дорогу туда уходит шесть месяцев. Да и на обратный путь приходится шесть месяцев, значит, всего — целый год. А ты вели Малек-Джамшиду управиться за десять дней. Мы станем тут тебя уговаривать, и ты согласишься на сорок дней, но при этом объяви: «Если ты не исполнишь моего приказанья — я отдам твой дом, семью и жену другому, а выполнишь приказанье — награжу как следует».

Падишах одобрил план везира, и на другой день, как только Малек-Джамшид показался в дверях тронного зала, падишах обратился к нему:

— О Малек-Джамшид! Ты — ключ ко всем моим затруднениям. Ты украсил мой тронный зал этими розами, но осталась еще одна вещь, которую ты должен раздобыть для меня.

— Что это такое? — спросил Малек-Джамшид.

— Мой трон не изукрашен, — отвечал падишах. — Мне нужно семь вьюков слоновой и китовой кости, чтобы мастера выложили его красивыми узорами.

— Повинуюсь, — сказал Малек-Джамшид. — Эти вещи можно добыть в Индии. Мне нужно для этого два года.

— Я не могу согласиться на такой срок, — перебил его шах. — Я хочу сегодня же! Ну, уж ладно, пусть будет десять дней, но если ты не привезешь за десять дней, то ты заслуживаешь наказания.

— О падишах! — ответил Малек-Джамшид. — Если хочешь наказать меня безвинного, то накажи, но раздобыть эти вещи и привезти их сюда можно только за два года.

— Ладно, я даю тебе двадцать дней, — возразил падишах.

Тут в разговор вступил везир:

— О падишах вселенной! Дай ему срок в сорок дней.

Тут везир стал лицемерно уговаривать шаха, а Малек-Джамшид так и стоял, не смея спорить. Он только сказал:

— Падишаху надлежит повелевать, мне — повиноваться покорно, а дела устраивает всевышний Бог.

Падишах же снова обратился к нему:

— О Малек-Джамшид, если ты через сорок дней привезешь кость, я вознагражу тебя. А если не привезешь, я отдам другому твой дом, семью и жену. Я говорю это для того, чтобы ты приложил к этому делу все усилия.

Малек-Джамшид с печалью в сердце покинул царский дворец, пришел домой грустный и рассказал обо всем жене:

— Да будет моя жизнь жертвой за тебя! — воскликнула жена-пери. — Если ты захочешь — я сию же минуту уничтожу все его царство.

— Я обязан ему многим, — ответил Малек-Джамшид. — Я не хочу, чтобы он пострадал из-за меня.

Тогда жена написала подробное письмо к своим родителям и попросила раздобыть для Малек-Джамшида семь вьюков слоновой и китовой кости. Потом надела она на палец Малек-Джамшида свой перстень, вручила ему письмо и сказала:

— Дальше, за той чинарой, где ты нашел розы, лежит степь, которая кончается у подножия горы. На той горе есть пещера, а вход в нее покрыт пеплом. Из пещеры выскочит дракон и начнет изрыгать пламя, но оно не спалит тебя, так как с тобой мой перстень. Потом дракон захочет проглотить тебя, но, как только он притянет тебя к себе, ты покажи ему этот перстень. Тогда он перевернется через голову и превратится в старуху. Старуха будет очень ласкова с тобой и скажет: «О юноша, да будет моя жизнь жертвой за тебя, где хозяйка этого перстня?» А ты отвечай: «Хозяйка перстня — Голехандан Доррегерьян — находится у меня. Ее украл див, а я убил дива и освободил ее. Она послала меня к тебе, своей няньке, с поклоном, чтобы ты отвела меня к ее родителям и родственникам. Я им также передам ее поклоны и приветы и получу то, о чем просит их дочь».

— Этот дракон, — продолжала жена Малек-Джамшида, — моя няня. Див украл меня из ее дома, и вот уже три года, как она разыскивает меня.

Малек-Джамшид простился с женой, сел на коня и поехал к лесу. Разыскал он гору и увидел дракона, который ударился оземь и превратился в старуху.

— Где хозяйка перстня? — спросила няня.

Малек-Джамшид рассказал ей подробно обо всем. Няня поклонилась ему низко и сказала:

— Приятную весть принес ты мне! Ты вдохнул жизнь в мои старые кости — такого подарка всевышний Бог еще не делал никогда и никому. За сто лет среди пери только раз рождается Голехандан Доррегерьян! Она досталась тебе — так знай же, кто она такая!

Малек-Джамшид поклонился старухе до земли, а она отвела его к родителям жены. Жена падишаха пери и семь ее сестер ласково встретили Малек-Джамшида и подарили ему много рубинов, жемчугов и букетов из цветов Ирема*. Мать и сестры обратились в птичек и полетели навестить Голехандан Доррегерьян. Они все очень обрадовались, увидев друг друга, пробыли вместе семь дней, а потом простились и улетели.

Тогда жена сказала Малек-Джамшиду:

— О душа моя, сиди теперь дома, пока не истечет сорок дней, и отдыхай себе.

И он пробыл все это время дома, пока шах Ахмад считал дни. Вот пришел к концу сороковой день, и он отправил посыльного посмотреть, не вернулся ли Малек-Джамшид. Посыльный прибыл к дому Малек-Джамшида и стал расспрашивать. Разузнав все, он доложил падишаху:

— Ко дворцу падишаха подъехал Малек-Джамшид с семьей верблюдами, груженными слоновой и китовой костью.

Увидев Малек-Джамшида, падишах похвалил его, но в душе огорчился и растерялся: «Что бы это такое сделать, как мне избавиться от него?»

И он обратился к везиру:

— Что теперь придумать? Я уже не могу более терпеть!

— Пери находится у него в подчинении, — ответил везир, — и какое бы трудное дело ты ему ни поручил, он легко его выполнит. Но я кое-что придумал, и если Малек-Джамшид не откажется это сделать и повинуется, то его дело кончено.

— Что же это такое?

— А вот — как только завтра утром встанешь, скажи: «Ночью я видел во сне своего отца. Он стал упрекать меня: „О сын, вот уже давно мы ничего не знаем друг о друге. Пришли ко мне человека, которому можно доверять, я ему скажу кое-что, а он передаст тебе“. — „Кто же

* Ирем — легендарный райский сад.

может быть этим достойным доверия человеком?» — спросил я. „Только Малек-Джамшид и никто больше, — ответил отец. — Пошли его ко мне, я ему скажу кое-что“. Если Малек-Джамшид повинуется тебе — мы добьемся своего, но если он откажется, то тогда будет трудно что-нибудь сделать.

— Посмотрим, — сказал падишах, — может, он и согласится.

На другой день Малек-Джамшид вошел к шаху.

— О Малек-Джамшид, — обратился к нему царь Ахмад. — Ты не раз клялся, что сложишь голову ради меня. Вот теперь ты и принеси мне вести с того света через сорок дней. Разузнай, что там хочет передать мне отец. О Малек-Джамшид, если ты любишь меня — выполнишь это поручение.

Несчастный Малек-Джамшид не смог отказаться и ответил:

— Дело падишаха — повелевать. Дай мне время проститься с матерью и родными.

Получив разрешение, он удрученный вернулся домой. Жена спросила, чем он так опечален.

— Обрекли меня на смерть! — отвечает он. — Падишах говорит, что видел во сне своего отца и тот-де требует меня к себе, чтобы передать через меня какие-то там вести. Он хочет отделаться от меня и посылает на тот свет.

— Не горюй, о душа моя, — стала утешать его жена, — ведь я захватила с собой кувшин дива. Я могу хоть сейчас уничтожить все царство этого коварного падишаха. Но я решила сделать так, что все подданные обрадуются его свержению. Ты потерпи, снеси боль от раны — я снова оживлю тебя и пошлю «хорошую» весть падишаху.

— Повинуюсь, — сказал Малек-Джамшид и отправился к падишаху.

Царь велел глашатаям кричать: «Малек-Джамшид отправляется на тот свет — у кого есть вести к усопшим, пусть сообщат ему!»

И вот собрался народ. Палач отрубил Малек-Джамшиду голову, а раб отнес его труп домой. Друзья и враги плакали над его участью, а везир позабыл при этом об окружающих, и у него вырвалось:

— Слава Аллаху, Малек-Джамшид не смог избежать этой беды!

Падишах, услышав везира, возразил:

— Он пожертвовал ради меня своей жизнью. Но как бы там ни было, а его нет. Будем ждать сорок дней, пока не истечет срок траура по Малек-Джамшиду, а потом пошлем сватов к пери.

Когда труп Малек-Джамшида внесли в дом, мать и сестры его начали плакать и причитать. Невестка-пери стала утешать их, принесла доску, положила на нее труп, приложила голову к туловищу, вытащила из сундука зеленый кувшин и подошла к изголовью покойника.

Смотрят мать, сестры и служанки и видят: полила пери из кувшина воды на рану и сказала:

— Оживи благодаря чуду пророка Сулеймана, да будет мир над ним!

И правда: Малек-Джамшид тут же ожил и вскочил.

Мать и сестры поклонились ему до земли и стали целовать ноги невестке-пери.

А она обняла Малек-Джамшида и воскликнула:

— О душа моя! Проведи сорок дней, веселясь и наслаждаясь, но не попадайся на глаза шаху и везиру.

А потом она написала почерком покойного падишаха: «О сын! Почему ты забыл меня? Малек-Джамшид — твой посланец — был у меня и видел, как я живу тут. Истинная власть и слава — только здесь. Когда Малек-Джамшид прибудет к тебе — уступи ему свое место и приходи сюда. Я очень соскучился по тебе и не буду ждать больше недели. Возведи на трон Малек-Джамшида, а сам приходи сюда, и я отдам все, чего только ни пожелает твоя душа. Знай же, что это я отдал Малек-Джамшиду в жены пери, а все твои прихоти и желания исполнятся здесь. Обязательно приведи с собой и второго везира, я отдам вам все, что вы хотите, чтобы ты возвысился среди других юношей. Да будет мир тебе!»

Когда прошло сорок дней, падишах сказал везиру:

— Уже истекло сорок дней — давай пошлем за пери!

— Сначала пошлите слуг, — предложил везир, — чтобы люди не порицали вас. Пусть они спросят, вернулся ли Малек-Джамшид. Он убит и конечно не воскреснет. Когда слуги получают ответ, что он не вернулся, тогда посылайте сватов и забирайте пери. И никто не скажет о вас дурного слова.

И падишах отправил верхового с наказом:

— Пойди посмотри, не вернулся ли Малек-Джамшид с того света?

«Ну и глупый же человек наш падишах», — подумал посланный, но все-таки поскакал к дому Малек-Джамшида. Приехав, он закричал, и на его крик вышел сам Малек-Джамшид. Остолбенел гонец от удивления и подумал: «Падишах-то, оказывается, знал, что он воскреснет! Поэтому он и послал меня».

И он вместе с Малек-Джамшидом поехал к падишаху. Как увидели падишах и везир Малек-Джамшида, побледнели, помертвели. Произнес Малек-Джамшид молитву во славу падишаха, а тот спрашивает:

— О Малек-Джамшид! Какие вести ты принес от моего отца?

Малек-Джамшид поцеловал землю и вручил шаху письмо от имени отца. Падишах, увидев печать и почерк своего отца, пришел в замешательство, потом поцеловал письмо и приложил его к глазам. Прочитал он письмо, тут же усадил Малек-Джамшида на трон и обратился с речью ко всем, кто был в зале:

— О люди! Воины и подданные! До моего возвращения считайте своим падишахом Малек-Джамшида и не уклоняйтесь от повиновения ему.

Затем он призвал палача и сказал везиру:

— Отец зовет нас к себе. Поторопись, палач!

Палач отрубил им обоим головы, и их похоронили.

А Малек-Джамшид велел бить в литавры несколько дней и ночей и украсить город. Потом он взошел на трон и прожил долгие годы с Голехандан Доррегерьян. А эта сказка осталась памятью о них.

Было ли так или не было, а жил в былые времена в одной деревне крестьянин с женой Сетаре. Рос у них один сын, мальчик по имени Бу-Али. Этот мальчик не занимался никаким делом, а только читал и писал. Отец и мать все время твердили ему: «У всего есть своя мера — нельзя так много читать и писать!» Но мальчик пропускал это мимо ушей и не поднимал головы от книг.

Не исполнилось ему и двадцати лет, когда умер его отец. Одна мать стала следить за Бу-Али и заботиться о нем. И вот однажды мать сказала ему:

— О сынок, глаза мои уже плохо видят, скоро я ослепну. Да и жить мне осталось недолго: пройдет два-три года, и меня не станет. Очень мне хочется найти тебе невесту и сыграть твою свадьбу! Скажи, кого ты хочешь в жены, я пойду и посватаю ее тебе.

— Ни одна из девушек, которых я видел и знаю, — ответил Бу-Али, — не имеет в моих глазах никакой цены, потому что все они глупы и ничего не знают. Если ты хочешь, чтобы я женился, чтобы успокоилось твое сердце, — иди и посватай за меня дочь нашего падишаха. Я слышал, что она и красивая, и ученая, и смышленная!

— Сынок, что ты болтаешь? — взмолилась мать Бу-Али. — Падишах отдаст свою дочь тому, у кого по голове и шапка, тому, у кого есть имение и богатство. Таких, как ты, он и близко не подпустит.

— У меня, — ответил Бу-Али, — богатства больше, чем у кого бы то ни было. Сокровища или деньги может украсть вор или им просто придет конец, но к тому богатству, что есть у меня, не подберется ничья рука,

никакими силами нельзя его отнять у меня. Если же я отдам часть своего богатства кому-нибудь, то от этого оно не уменьшится, а умножится.

Словом, долго они препирались и спорили, и наконец Бу-Али уговорил мать и отправил ее во дворец падишаха сватать его дочь.

В саду перед дворцом лежали две большие каменные плиты. Тот, кто хотел видеть падишаха, приходил и садился на одну из этих плит. Один камень был предназначен для бедняков. Они собирались ко дворцу, садились на него, и падишах давал им деньги и одаривал их.

Другой же камень был для вельмож города, которые садились на него, когда хотели повидаться с падишахом или же посватать его дочь.

Старуха пошла и села прямо на камень для вельмож. Увидел это падишах и решил, что она случайно села на камень вельмож. Он велел слуге:

— Иди дай той старухе что-нибудь и скажи ей, чтобы она больше не садилась на этот камень. Если ей нужно что-нибудь от меня, пусть садится на камень для бедных. Разве она не знает, что этот камень для вельмож и богатых или камень для свах?

Старуха пришла домой и рассказала сыну все, что видела и слышала. Бу-Али и говорит:

— Почему ты не сказала падишаху, что пришла не милостыню просить, а дочь его сватать?

— Постеснялась, сынок, — отвечает старуха, — смелости не хватило!

— Возвращайся туда и скажи, для чего ты пришла! — сказал матери Бу-Али.

Старуха опять пошла и села на камень для вельмож и сватов.

Увидел это падишах, рассердился и спросил слугу:

— Разве ты вчера не дал денег старухе и не сказал, чтобы она не садилась на этот камень?

— Как не сказать? Сказал, — ответил слуга.

— Тогда пойди и спроси, — приказал падишах, — что ей надо и почему она сидит на этом камне?

Слуга подошел к старухе и передал ей все, что сказал падишах. А старуха отвечает:

— Я не бедная и пришла не для того, чтобы просить милостыню. Я пришла сватать дочь падишаха за моего сына!

Как услышал это падишах, разгневался и закричал:

— О Аллах, какие злосчастные дни настали! Каждый проходимец, каждый бродяга приходит сватать мою дочь за какого-нибудь голодранца и голоштанника!

И приказал слугам:

— Идите и прогоните старуху оттуда, побейте ее хорошенько, чтобы в другой раз не бесстыдничала и не дерзала!

— Избить старую слабую женщину — потерять свое счастье, — сказал падишаху его везир. — Лучше пригласи ее, поговори с ней и поставь трудные условия, как говорят, подбрось на ее дорогу такой камень, какого она не сможет поднять. Так ты и откажешь ей.

Падишах согласился, приказал привести к нему старуху и сказал ей:

— Я отдам свою дочь только тому, кто учнее и мудрее всех, кто может пришить небо к земле, кто знает «Книгу — зеркало мира»!

Старуха вернулась домой и рассказала все сыну. Бу-Али и говорит:

— Иди скажи падишаху, что через сорок дней я пришью небо к земле и принесу ему «Книгу — зеркало мира».

— Допустим, что ты добудешь «Книгу — зеркало мира», пришьешь небо к земле, — возразила мать Бу-Али, — но скажи, откуда ты достанешь деньги? В твоём кармане должно быть хоть несколько монет, чтобы купить леденцов и сладостей, а ведь на свадьбе еще полагается осыпать деньгами невесту!

— Ничего, матушка, — отвечал Бу-Али, — что-нибудь придумаю!

На следующее утро Бу-Али вышел из городских ворот и направился в пустыню. Шел он несколько дней и ночей и наконец добрался до подножия одной горы. Он еще раньше знал, что на вершине этой горы сидит человек-див, который знает все премудрости и науки, и у него есть «Книга — зеркало мира».

Бу-Али взобрался на вершину горы. Человек-див в это время лежал под деревом. Он увидел Бу-Али и спросил:

— Для чего ты пришел сюда?

— Я заблудился, — отвечал Бу-Али, — умираю от голода и жажды! Увидел я эту гору и деревья на ее вершине и решил: «Пойду-ка напьюсь воды, может, как-нибудь раздобуду немного хлеба, чуточку отдохну и приду в себя».

Див-человек поверил словам Бу-Али и сказал:

— Хорошо, сегодня можешь переночевать здесь, а завтра уйдешь!

Бу-Али согласился и проспал ночь там, на вершине горы. Когда наступил день, див-человек сказал Бу-Али:

— Днем я всегда сплю здесь. Если хочешь остаться здесь — оставайся, а хочешь уйти — уходи!

— Сегодня уж я останусь здесь, — сказал Бу-Али, — а завтра пойду!

Див-человек тут же заснул. Бу-Али вошел в его комнату, взял из-под головы дива «Книгу — зеркало мира» и начал читать. А в этой книге была бездна знаний и заклинаний. Он тут же запомнил одно из заклинаний, приложил его к делу и в одно мгновение очутился у городских ворот. В это время див-человек проснулся и видит: нет книги! Оглядел он степь, но и там не нашел Бу-Али. Понял он, что юноша узнал одно из заклинаний и таким образом добрался до города, и отправился следом.

А Бу-Али пришел прямо к себе домой и сказал матери:

— Встань-ка и займись делом! Я сейчас превращусь в красивого оленя, а ты поведешь меня во дворец падишаха. Когда шахзаде увидит оленя, он сразу захочет купить его. Ты продашь меня за пятьсот ашрафи, а этих денег хватит и на покупку леденцов и сладостей, и для того, чтобы осыпать невесту золотом на свадьбе!

Мать Бу-Али сделала все так, как велел ей сын: взяла оленя и пошла ко дворцу падишаха.

И вот недалеко от дворца шахзаде увидел оленя и спросил старуху:

— За сколько продашь?

— За пятьсот ашрафи! — ответила мать Бу-Али.

Шахзаде тут же отсчитал пятьсот ашрафи, купил оленя, поручил животное одному из своих слуг и сказал:

— Иди и купи пять манов изюма! Я слышал, что олени любят изюм.

Слуга пошел, купил изюму, шахзаде набил им карманы и стал целыми пригоршнями кормить оленя.

А теперь послушай, что сделал див-человек. Он пришел в город и давай рыскать по всем углам, чтоб найти Бу-Али в любом облике, какой бы тот ни принял. Наконец див вышел на улицу, где находился дворец падишаха, и еще издали узнал в олене Бу-Али. А Бу-Али обернулся, увидел, что приближается див, и притворился, что ему хочется изюму. Ткнулся олень мордой в карман шахзаде, просунул туда голову и вдруг стал уменьшаться, пока его шея, ноги, туловище и хвост не очутились в кармане. Шахзаде растерялся, остолбенел от удивления, стоит и понять не может, как это могло случиться? А тут из его кармана выпорхнул вдруг воробей и взлетел в небо. Див сначала тоже растерялся: куда же это мог улететь Бу-Али и как его теперь найти? Потом превратился в ворона, взлетел в воздух, сел на дерево и стал оттуда высматривать, за карнизом какого дома скрылся воробей. А воробей, как только увидел ворона, полетел к своему дому, ударился оземь, принял человеческий облик, вошел в дом, взял «Книгу — зеркало мира» и отправился во дворец

к падишаху. А тот день был последним из сорока условленных дней. Увидел падишах «Книгу — зеркало мира», удивился.

— Где, когда и как ты достал эту книгу? — спросил он Бу-Али.

Бу-Али все рассказал падишаху.

— Кому же, как не тебе, я могу отдать свою дочь! — воскликнул падишах.

И они устроили свадебное празднество: украсили на семь дней город, и все люди пили, ели и веселились.

Вот так и отдали девушку за Бу-Али.

А див-человек, который был все еще в облике ворона, как увидел, что Бу-Али не расстается с «Книгой — зеркалом мира» и не выпускает ее из рук, понял, что ничего не сможет поделать, и отчаялся. Он так и остался вороном, и с тех пор он сам и дети его живут на деревьях, на крышах домов. Они все ищут «Книгу — зеркало мира» и при этом каркают, но придумать ничего не могут!

Наша сказка пришла к концу, а желание ворона так и не исполнилось.

Жили-были муж и жена, у них не было детей, и они часто просили Бога, чтобы он послал им ребеночка. Однажды жена только поставила в печь горшок с горохом, как вдруг одна горошина вылетела из горшка и превратилась в маленькую девочку. Тут как раз случайно зашли к ним в дом соседки.

Одна из них, которая не знала о горе той бездетной женщины, а может быть, даже и знала, но хотела просто ее поддеть, сказала:

— Сестрица, наши дочери идут в поле собирать колосья, пошли твою дочь с ними.

Та тяжело вздохнула и ответила:

— Сестра, разве ты не знаешь, что у нас нет детей?

Но тут из печи заговорила горошина:

— Матушка, а я кто же? Пошли меня с ними!

Женщина очень обрадовалась, вытащила ее из печи, видит: величистой она с горошину. Взяла ее, вымыла, одела, назвала Горошинкой и отправила с соседскими детьми в поле собирать колосья. Собирали они колосья до самого вечера. Когда наступил вечер, девочки говорят Горошинке:

— Пойдем домой!

А Горошинка отвечает:

— Рано еще!

Когда настала ночь и они собрались домой, увидел их див, подошел и говорит:

— Здравствуйте, госпожа Горошинка, как вы сюда попали?

А про себя он подумал: «Хорошую еду я нашел. Приведу их всех домой, два-три дня хорошенько покормлю, а когда они потолстеют — съем их».

Потом обратился к девочкам и сказал:

— Нельзя же вам сейчас идти домой, волк вас съест. Идемте ко мне в гости, переночуйте, а завтра утром пойдете по домам.

Горошинка отвечает:

— Хорошо, мы идем.

Отправились они все вместе в дом дива, тот им приготовил постели, и они уснули. Прошло уже около часу, когда див вдруг закричал:

— Кто спит, кто бодрствует?

— Я не сплю, — говорит Горошинка.

— Почему же ты не спишь? — спрашивает див.

Она отвечает:

— Мне дома мама дает перед сном яичницу и тарелку халвы, я съедаю и только тогда засыпаю.

Див пошел, принес яичницу и халву, поставил перед Горошинкой. Она разбудила девочек, они все съели и снова уснули.

Через час див опять закричал:

— Кто спит, кто бодрствует?

Горошинка говорит:

— Все уснули, а госпожа Горошинка не спит.

Див удивился:

— Чего же ты не спишь?

Она отвечает:

— Мне дома мама после ужина от хрустальной горы из реки света всегда в решете воду приносит.

Див встал, взял решето и пошел к реке света, к хрустальной горе. Когда он туда пришел, настало уже утро. Горошинка и девочки поднялись, взяли из вещей дива что получше и ушли. На половине дороги Горошинка вспомнила, что не взяла еще красивую золотую ложку, и говорит девочкам:

— Идите домой, а я вернусь и прихвачу еще золотую ложку.

Вернулась она в дом дива, видит: див от огорчения забился в угол, сидит и не двигается. Пошла взять ложку, звякнула ею, а див встрепенулся, увидел, что это Горошинка, и обрадовался, тотчас ее схватил. Попался ему тут под руку мешок — он сунул ее в мешок, крепко завязал и пошел в лес наломать розог, чтобы посесть Горошинку. А она быстро и ловко разрешила мешок изнутри, вышла наружу, схватила принадлежавшего диву козленка,

засунула его в мешок вместо себя, зашила прореху, а сама спряталась в углу.

Див пришел, схватил розги и давай бить ими козленка в мешке. Козленок закричал, а див говорит:

— Ты еще козленком теперь будешь прикидываться? Ну погоди же!

И стал так бить, что козленок издох. Тогда он развязал мешок и видит: горе-то какое! Козленка, которого он любил больше всего на свете, своими руками убил!

Закричал:

— Ну уж теперь я тебе задам!

Разыскал Горошинку и говорит ей:

— Съем тебя сейчас же, живьем, не сдирая кожи. Сама скажи, как мне тебя съесть?

Отвечает:

— Если хочешь меня послушаться, то разожги огонь в тануре, испеки свежую большую лепешку, заверни меня в лепешку и съешь.

Див говорит:

— Так я и сделаю.

Разжег огонь в тануре, замесил тесто и пошел печь лепешку. Тут Горошинка толкнула его сзади, он упал в танур, а она быстро закрыла заслонку. Огня в тануре было много, див быстро изжарился, а Горошинка взяла золотую ложку и другие вещи, которые там еще оставались, принесла все домой и рассказала матери о том, что с ней случилось.

Сказка о Лиловой бане, Лиловом городе и Масуде

Те, кто ведет счет событиям, хранители разных историй и сладкоречивые попугаи рассказывают, что жил некогда в Самарканде богатый и состоятельный купец по имени Саид. Был у него сын — Масуд, разумный и рассудительный юноша. Он был очень искусен в музыке, умел петь на разные лады и слагать красивые бейты. И вот Масуду исполнилось восемнадцать лет. Он проводил время со своими друзьями и сверстниками, но когда видел он какого-нибудь купца или странника, то непременно заговаривал с ним и расспрашивал о чудесах и диковинках мира.

Как-то вечером Масуд созвал к себе разных путешественников и завел с ними беседу. Каждый рассказывал о том, что он видел и слышал, странствуя по свету. Один купец, сидевший среди гостей, повел такую речь:

— Собирался я как-то отправиться из Эфиопии через Занзибар в Египет. Проезжали мы один город, который зовется Лиловым, потому что жители его ходят в лиловых одеждах. В этом городе есть баня, которую тоже называют Лиловой баней. Если прислушаться, стоя у входа в баню, то можно услышать пение — будто поют несколько человек хором. И никто еще не выходил из той бани невредимым. Пусть войдет туда сто, двести человек, все выйдут в лиловых одеждах, и ни один не может слова вымолвить. А если кто-нибудь из побывавших в бане захочет покинуть город — у него перехватывает дыхание, ноги начинают заплетаться, и он не может ступить и шагу. Чуть живой, несчастный возвращается в город и понемногу приходит в себя, но так и остается

немым. Я сам был у этой бани и слышал пение. В этом городе живет всего человек двести вернувшихся из бани. Они бродят по городу, едят и пьют, но разговаривать не могут.

Как выслушал Масуд купца, так сразу ему захотелось посмотреть на эту баню. На другой день пришел он к отцу и стал говорить:

— Отец, я хочу постранствовать по белу свету, посмотреть на разные чудеса и диковинки.

— О сокровище души моей, — молвил тот, — Аллах так одарил меня, что нет тебе надобности странствовать.

— Я хочу повидать свет, — возразил сын. — Хотелось бы мне отправиться с твоего разрешения, но знай: если ты не разрешишь мне, я все равно уйду.

— Если ты так настаиваешь, сын мой, то я разрешаю тебе, — сказал отец, собрал для Масуда партию товара и поручил его своему верному рабу Зираку.

И вот Масуд оставил родной город. Переходил он от стоянки к стоянке, из долины в долину, наслаждаясь чудесами мира, и, где бы ни приходилось ему останавливаться, он везде расспрашивал о Лиловом городе.

Наконец Масуд прибыл в желанный Лиловый город и остановился в караван-сараях. На другой же день пошел он бродить по базарам и улицам и осмотрел весь Лиловый город. При этом он пытался заговорить с каждым встречным, но они лишь качали головой и не произносили ни слова.

Так Масуд дошел до центра города. Там он увидел баню, стены и двери которой были выкрашены в лиловый цвет. Он остановился у входа, прислушался и услышал звуки арфы, лютни и кануна*. Он вернулся в караван-сарай к Зираку и сказал:

— Я хочу войти в баню и испытать все наслаждения.

— О счастье отца, — возразил раб, — что это ты придумал? Разве ты не слышал, что вошедший внутрь не выйдет оттуда невредимым? Выбрось из головы эту блажь. Здесь что-то неладно, а отец поручил тебя мне — что же я отвечу ему, когда вернусь?

Но сколько ни настаивал раб, Масуд не послушался, вышел из караван-сарая и зашагал по улицам. Зирак бежал следом за ним и взывал ко всем попадающимся навстречу прохожим:

* Канун — музыкальный инструмент, напоминающий гусли.

— О люди! Этот юноша хочет войти в Лиловую баню! Остановите его!

И люди окружали их, пытаясь остановить Масуда, но тот ничего не слушал и продолжал свой путь, пока не очутился перед баней. Окружающие стали отговаривать его:

— О юноша! Откажись от этой ненужной затеи, ведь жаль, если ты погибнешь во цвете лет!

— Друзья! — отвечал Масуд. — Я ехал сюда из Самарканда, чтобы разузнать все об этой бане. Вы зря отговариваете меня, лучше помолитесь, чтобы исполнились мои желания:

Иль я мечту осуществляю и небосвод попру пятою,
Иль голову сложу в борьбе, — но тайну эту я раскрою.

Короче говоря, он попросил у людей благословения, а Зираку сказал: — Жди меня сорок дней. Выйду я — хорошо, не выйду — делай все, что тебе заблагорассудится. Ну, я пошел!

И Масуд открыл дверь бани и вошел со словами: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»*.

Очутившись внутри, он увидел бассейн, облицованный каменными плитами. Над бассейном был кран, из которого текла вода. Тут же стояли курси**, на курси были посланы ковры, а вокрут — ни души.

Масуд прислушался — изнутри доносятся какие-то голоса. Он разделся, обернул бедра куском ткани и вошел внутрь бани. Темным коридором прошел в предбанник, увидел там какую-то дверь и вошел в нее. Тут он услышал голос:

— Берегись, Масуд, ты поступил опрометчиво!

Масуд стал оглядываться по сторонам, но никого не увидел, а пение все слышится. И тут он раскаялся и пожалел, что вошел в баню. Попятился он назад, чтобы вернуться, а двери — нет как нет. Он так и остолбенел! Но тут увидел другую дверь и вошел в нее.

Это была уже сама баня с чаном горячей и бассейнами холодной воды. Посредине были четыре возвышения, а внутри каждого из них — водоем с теплой водой. И тут не было ни одной души.

* Религиозная формула, которую мусульмане обязательно произносят перед началом всякого дела.

** Курси — низкий столик, покрытый одеялом или ковром. Под ним ставят жаровню с углями, для того чтобы греть ноги.

Масуд окунулся в водоем с теплой водой и стал бродить по другим залам, но так ни с кем и не встретился. Тут открыл он какую-то дверь и увидел сад. Там росли, переплетаясь корнями, деревья севера и юга: сосны рядом с кипарисами. Под деревьями текли ручьи с ароматной, будто розовой, водой, а птицы на деревьях прославляли, каждая на свой лад, всемогущего владыку. Повсюду зрели диковинные плоды, цвели редкие цветы, а на ветвях деревьев распевали соловьи.

Масуд побродил немного в саду, поел фруктов и вдруг заметил дворец. Он вошел и увидел внутри другой дворец лилового цвета. Посреди дворцовых покоев на возвышении все было готово к пиру, но никого вокруг не было видно.

Масуд взял кувшин, наполнил пиалу вином, выпил и поел сладостей. Тут попалась ему на глаза свернутая скатерть. Он развернул ее и нашел внутри сдобные лепешки и несколько жареных кур.

Но сколько Масуд ни бродил по дворцу, он никого не встретил. Тогда поднялся он на крышу и стал осматривать окрестности, но опять никого не увидел. Он не знал, что и делать.

Пришла пора ужинать, и Масуд услышал звуки флейт, лютен и бубнов. Он перебрался поближе к краю крыши и увидел приближающихся девушек. Впереди шли музыканты с сазами, под звуки которых танцевали три красивые девушки. Лучше всех была одна, прекрасная, как полная луна.

Девушки вошли во дворец, уселись, и началось веселье, а Масуд притаился в укромном уголке. «Вот кто, оказывается, играет на сазе в бане! — подумал он. — Но где же они были до сих пор и нельзя ли мне присоединиться к ним? Ладно, потерплю-ка я и погляжу, что будет дальше».

— Принесите вино, — приказала самая красивая девушка, — и давайте веселиться, ведь к нам прибыл дорогой гость.

«Я этот гость или кто-нибудь другой?» — подумал Масуд, но продолжал терпеливо ждать.

Одна из девушек стала исполнять обязанности кравчего и наливать всем вино. И тут самая красивая, когда очередь дошла до нее, взяла пиалу, выпила ее и сказала:

— Я пью эту пиалу за любовь к тому самаркандскому юноше, который испытал сегодня одиночество, а теперь голый сидит за дверью и смотрит на нас.

«Потерпи еще немного», — сказал сам себе Масуд.

Когда пошел уже третий круг, красавица воскликнула:

— Не знаю, почему он не входит. Может быть...

— А я потому не вхожу, — перебил ее Масуд, — что я раздет.

— Принесите юноше одежды, — приказала девушка.

Одна из девушек встала, вышла и вскоре вернулась с одеждami, и Масуд облачился в них. Вся эта одежда была лиловой.

«И ты превратился в человека в лиловых одеждах», — подумал про себя Масуд.

Потом чья-то рука схватила его и посадила у подножия трона красавицы, и повели они беседу. Масуд был сражен красотой девушки.

Так беседовали они всю ночь до утра, и до утра не прекращалась музыка и песни. Наконец девушка сказала:

— О Масуд! Близится утро — не поспать ли нам часок?

— Все в твоей воле, — отвечал Масуд.

— Юноша, — заговорила вновь девушка, — ты пробудешь у нас в гостях три дня, и все это время мы будем исполнять любое твое желание. Выбирай любую из этих девушек!

— Я хочу быть вот с той, — указал Масуд на одну из девушек.

— Хорошо, — ответила красавица. — Иди, Сарвназ, проводи с ним всю эту ночь.

Масуд и Сарвназ вышли из пиршественного зала и вошли в одну из комнат, где стояло ложе с разостланной на нем постелью. Девушка помогла Масуду снять одежды, уложила его и бросилась в его объятия. Она обвила его шею руками и прильнула устами к его устам...

Масуд погрузился в сон. Когда он проснулся, солнце поднялось над горизонтом на длину копья. Масуд вскочил, огляделся, но девушки и след простыл.

Целый день до вечера он бродил по саду, не переставая твердить: «О, какой это был сон! Потерять таких красавиц!»

Но едва он приблизился к тому месту, где прятался вчера, как снова услышал пение и музыку. Посмотрел он по сторонам и опять увидел девушек. Масуд обрадовался всем сердцем и направился к ним.

— Масуд, — спросила красавица, — ты не скучал один?

— Как не скучать! Но, слава Аллаху, все кончено — я снова вижу вас. Где же это вы были сегодня?

— Ах ты, невежа! — воскликнула девушка. — Твое ли это дело? Высечь его!

Масуда схватили, связали и высекли плетьюми. А девушка снова села на свое место, и Масуда привели под руки к ней.

— Начинайте пир, — приказала она.

Тут же принесли вина, и одна из девушек обратилась к красавице:

— О царица! Прости этого юношу, ведь он — наш гость.

— А почему он такой невоспитанный? — был ответ.

— О красавица! — заговорил Масуд. — Я поступил плохо, но впредь я буду осторожнее.

И девушка приказала развязать ему руки и усадила рядом с собой.

— Ну, Масуд, какую из девушек ты на этот раз желаешь?

«Надо быть умнее в эту ночь, — решил Масуд, — и не уронить своей чести, а не то опять попадет».

И он выбрал девушку Голандам.

— Эй, Голандам, — обратилась к ней царица, — послужи-ка эту ночь Масуду и не обижай его, ведь он — наш гость!

Масуд и Голандам вышли из зала и вошли в комнату, где было постла-но брачное ложе. «Я не засну этой ночью, — решил Масуд, — и буду до утра наслаждаться обществом этой девушки».

Но только опустились они на ложе, Масуд обнял девушку, прильнул устами к ее устам и тут же лишился сознания.

Когда Масуд пришел в себя, солнце поднялось над горизонтом на целых два копя. Открыл он глаза — в комнате уже никого нет.

Он проклял свою долю и вышел из дому. Сколько он ни бродил по саду, никого не встретил.

Раздосадованный и опечаленный, Масуд подошел к дворцу с твердым решением: «Пусть хоть убьют, а я не отстану этой ночью от самой красивой девушки. Я скажу, что желаю ее и, быть может, добьюсь своего».

Целый день эти мысли не покидали его, а вечером он снова услышал звуки сазов и выбежал к девушкам.

— Ну, Масуд, — спросила его красавица, — скажи, доволен ли ты этими девушками?

— Что мне сказать, о красавица, — ответил он, — со мною случилось то же, что с человеком, говорившим такие слова:

Несправедлива ты ко мне, но если мы с тобой вдвоем

И если вижу я тебя — я забываю обо всем.

Они вошли во дворец, и потекла меж ними беседа. В полночь красавица сказала Масуду:

— О Масуд! Ты — наш гость, и этой ночью мы повинемся тебе. А уж завтра ночью мы будем поступать так, как сами захотим. Кого ты желаешь на эту ночь?

Масуд ответил стихами:

За милую готов я к смерти, я без нее не проживу,
Отдам я жизнь за имя милой, но все ж его не назову.

— Почему же нельзя назвать ее имя? — спросила девушка.

— Потому что я боюсь плетей, — признался Масуд.

Девушка засмеялась, а потом промолвила:

— Не бойся, говори!

— К чему слова, — ответил он, — когда все и так ясно.

— Может быть, ты желаешь меня? — спросила она.

Масуд только головой кивнул.

— Что ж делать? — сказала она. — Ты — наш гость, а гостя надо уважать. Эй, девушки! Собирайтесь и уходите, сегодня я сама останусь с Масудом.

Девушки покинули зал, а она раскинулась на троне и позвала его:

— Масуд, поднимись ко мне!

Масуд поднялся и сел перед ней. Девушка потянулась и прошептала:

— Масуд, погладь мне ноги!

Масуд, как увидел ее обнаженную ногу, так чуть было не лишился разума. Стал он ее гладить, а когда красавица заснула, Масуд осмелел, протянул руку повыше, потом сдернул покрывало и стал снимать с нее одежды. Но тут девушка открыла глаза и так ударила Масуда ногой в грудь, что он взлетел на воздух словно птица, свалился с трона и лишился сознания.

Когда Масуд пришел в себя, оказалось, что он лежит в пустыне.

«Все кончено!» — воскликнул он, потом встал и двинулся в путь. Удрученный, с печалью в сердце, он брел, сам не зная куда. Весь день до вечера и всю ночь до утра он бродил так, жаждущий и страждущий, и путь его был беспечен: он так никуда и не пришел. Отчаялся он и возопил:

О Боже, ты знаток людских скорбей,
И от тебя нет тайны у людей —
Изведал ты глубь мыслей сокровенных
Всех бедняков, гонимых, нищих, пленных,

Ты знаешь нужды всех страдальцев сам,
Зачем мне припадать к твоим стопам?
О, подари мне зеркало, в котором
Узрю я день грядущий ясным взором!

Произнес Масуд эту молитву и снова пустился в путь. На другой день он набрел на родник, поблагодарил Бога, напился воды и присел на чашок. Но голод так мучил его, что он не знал, как и быть. Тут он увидел, что к роднику идет старушка с двумя кувшинами. Она наполнила кувшины водой, поставила их на землю и обратилась к Масуду:

— Добро пожаловать, твой приход благословен:

Добро пожаловать, благословенный муж,
Я за один твой шаг отдам и сотни душ.

И старушка взяла Масуда за руку и повела за собой. Пройдя немного, они приблизились к какому-то дому, вошли в него, и Масуд увидел там прелестную девушку, прекраснее полной луны.

Красавица, увидев Масуда, вскочила с места, подошла к нему, обняла его, поцеловала в губы и сказала:

— Добро пожаловать, о душа моя:

Тебя, о шах дервишей, возжаждали уста,
Твой облик тешит сердце, чарует чистота!

Юноша и девушка поели вместе. Насытившись, Масуд поблагодарил Бога и подумал: «Отсюда не следует уходить!»

Когда старуха вышла из дому, девушка сказала ему:

— О душа моя, жизнь моя! — С этими словами она обхватила его шею руками и стала шептать: — Торопись, насладимся вместе! — и протянула Масуда к себе.

«А может быть, она такая же, как и та девушка?» — мелькнуло в голове у Масуда, и он промолвил с испугом:

— О красавица! Не помышляй об этом — это нехорошо! Ведь может войти мать и наказать нас обоих.

— Что это за разговор? — возразила девушка. — Успокойся, мать не войдет! Торопись, займись своим делом! — И с этими словами она сбросила с себя одежду.

Масуд посмотрел и увидел такое тело, что разум его померк.

На серебро похоже тело, и те, кто потерял добро,
Стоят с раскрытыми мошнами, чтоб в них упало серебро.

Масуд застыл, взирая на нее с упоением. Девушка протянула руку, притянула Масуда к себе, спросила:

— Что стоишь? Торопись!

«А что может случиться?» — подумал про себя Масуд, но ведь:

Когда пройдешь ты мимо правды, то в царство кривды ты войдешь;
Когда ты женщине уступишь, ты сам на женщину похож!

И Масуд хотел было отвергнуть ее, но тут коснулся его ноздрей такой опьяняющий аромат тела, какого он никогда не чувствовал. Он потерял сознание и упал...

Когда Масуд пришел в себя, он был опять в пустыне. Он про-
стонал:

Разве это любовь? Сколько бедствий, любовью тайных!
Лучше мне умереть, но не знать бы подобных любимых!

Спустя четыре дня Масуд, голодный и жаждущий, остановился у ка-
кого-то дома. У бассейна сидели мужчины и женщины и пили вино. Ма-
суд приветствовал их, они ответили на его приветствие и пригласили его
сесть рядом. А дом тот был сделан из лилового стекла, и все мужчины
и женщины были одеты в лиловое.

Масуд подсел к ним, и один из мужчин распорядился:

— Принеси еды!

Какая-то женщина пошла и вернулась с едой. Масуд очень проголо-
дался, быстро стал есть и скоро насытился. Тогда этот же мужчина ска-
зал ему:

— О юноша, выпей вина и расскажи нам о себе!

Масуд рассказал подробно о всех своих злоключениях.

— Да, все это так! — подтвердил мужчина. — Выпей-ка еще вина,
оно изгонит из твоего сердца тоску...

Масуд выпил немного вина, опьянел и упал. Когда он пришел в себя,
то снова оказался в пустыне.

Он поднялся и пустился в путь. Несколько дней он бродил по той пустыне, потом увидел вдали какую-то гору. «На этой горе должна быть вода», — решил он.

Приблизившись к горе, Масуд увидел стремянного, который держал за повод коня. Стремянный приветствовал его, а потом отдал повод в руки Масуда и сказал ему:

— Мой господин находится по ту сторону горы. Он послал тебе этого коня, чтобы ты поехал к нему верхом. У него есть дело к тебе.

Масуд сел на коня, ибо он очень устал. Стремянный бежал впереди, а Масуд скакал следом. Он чуть не падал с коня, а стремянный прыгал с одного склона горы на другой и наконец совсем пропал из виду.

Тут Масуд вцепился обеими руками в седло и стал было кричать, но конь встал на дыбы, прыгнул и так ударил Масуда оземь, что у него потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то снова оказался в пустыне, голодный и жаждающий. Четыре дня шел он, глядя по сторонам, и вдруг увидел вдали какой-то купол. Вошел он под свод купола и увидел там старца, читавшего Евангелие.

Масуд обратился к нему с приветствием, а тот ответил:

— Добро пожаловать! Входи и садись!

Масуд сел, а старец расстелил скатерть, поставил перед Масудом хлеб, мясо и кувшин с холодной водой. Масуд сильно проголодался и съел все. Тогда старец стал расспрашивать его, и Масуд ответил:

Что говорить? Молчать за лучшее сочту!

Ведь страж при разуме — у нас язык во рту.

Но потом Масуд рассказал подробно о всех своих злоключениях. Старец стал утешать его и спросил:

— Какой ты веры?

— Я мусульманин, — ответил Масуд.

— А я христианин, — промолвил старец. — Чудеса, которые ты видел, — баня, сад, девушки, конь, стремянный, мужчины и женщины — все это чистое наваждение. Коль ты пришел ко мне, я тебе расскажу всю правду. Прошло вот уже семьсот лет, как Джемшид заколдовал эти места. Много людей дошло до этих мест, и я учил их, как распутать это колдовство. Но все они не выдержали испытания.

Помолчав, старец снова заговорил:

— О Масуд! Видишь вон ту гору напротив? Ты пройди мимо нее. Потом увидишь еще две горы, стоящие друг против друга. Когда ты ми-нуешь эти горы, ты попадешь в город. Из города выйдут люди и начнут разгуливать по степи. Тут в небо взлетит сокол и сядет на твою голову. Тогда жители того города выберут тебя своим падишахом, поведут во дворец и посадят на престол. После всего этого к тебе подойдет везир и спросит: «Как быть с женами нашего прежнего падишаха?» Всего их сорок, и ты вели показать тебе всех. Когда будет проходить последний десяток, ты увидишь среди них одну, которая ниже других ростом, но красивее всех лицом. Возьми ее себе. Если ты заснешь в ее объятиях или поцелуешь ее — ты потеряешь сознание, а когда придешь в себя, очу-тишься в Лиловом городе. На тебе будут лиловые одежды, и ты станешь нем. А если ты захочешь распутать это колдовство и достать заколдо-ванные сокровища, то тогда, уединившись с этой женщиной, схвати ее за горло и задуши, чтобы самому спастись.

Масуд приготовился идти. Но тут старец сказал ему:

— О юноша! Побудь эту ночь со мной, ибо я умру на рассвете. Об-мой меня, заверни в саван, схорони и тогда уж отправляйся.

И Масуд остался на ночь. Когда забрезжил рассвет, старец отдал богу душу. Обмыв и похоронив его, Масуд двинулся в путь. Он прошел горы, о которых говорил старец, и приблизился к городу. Там он увидел толпу людей. Тут подлетел сокол и сел ему на голову.

Тогда все люди бросились к Масуду и выстроились перед ним. Эми-ры, надимы* и другие чины стали представляться новому шаху.

— Оставайтесь все на своих местах, — приказал Масуд.

Придворные подвели коня, усадили на него Масуда, и он въехал на этом коне в город. Из всех домов выбегали люди и целовали ему руки.

На другой день везир сказал Масуду:

— О падишах! Да будет тебе известно, что у нашего прежнего вла-стелина было сорок жен. Что прикажешь делать с ними?

— Приведи их ко мне по десять женщин кряду, я взгляну на них, — приказал Масуд.

И жен стали вводить по десять человек. Прошло три десятка. А когда проходили последние десять, Масуд увидел среди них одну женщину, невысокую, но красивую. Все было так, как предсказывал старец.

* Надим — советник, приближенный шаха.

Масуд приказал отвести ее в гарем, а остальных отпустить на все четыре стороны. Тогда к падишаху подошел везир и сказал:

— О великий государь! Знай, что тот, кто будет иметь дело с этой женщиной, погибнет!

Но Масуд прикрикнул на везира, и тот замолк. А Масуд тут же встал, собирался было поцеловать женщину, но тут вспомнил слова старца-христианина. Он протянул руку, схватил ее за горло и стал сжимать пальцы, пока не задушил ее.

Тут в глазах у Масуда потемнело, и он увидел себя в раздевальне бани. Одежда его лежала рядом. Он оделся, вышел из бани и у дверей нашел своего раба Зирака и толпу людей. И тут он увидел, что все онемевшие люди, носившие лиловые одежды, расколдованы, стали такими, какими были прежде.

И жители города поняли, что волшебные чары уничтожены.

Весь город собрался у бани, чтобы узнать, кто уничтожил это колдовство. Указали на Масуда, и тогда падишах той страны оказал Масуду почести, пошел с ним к бане и попросил его рассказать о всех злоключениях.

Масуд рассказал подробно о своих бедствиях и вошел вместе с падишахом в баню. Внутри ничего не оказалось, кроме нескольких камней. Вдруг Масуд увидел какую-то дверь. Взяли они свечу, открыли дверь и вошли внутрь. Это была большая комната, в середине которой стоял трон, на троне — гроб, а на гробу лежала плита. Масуд поднял плиту и увидел, что на ней начертано: «О ты, дошедший сюда! Знай, что это гроб сына Джамшида. Все чары идут от него. Под этим тронном находится подземелье, а в нем — клад. Сокровища клада будут принадлежать тому, кто снимет эти чары».

Прочли они это, сдвинули трон, подняли крышку подземелья и пробрались внутрь. Там они нашли сорок жбанов с червонным золотом и кованый сундук с драгоценными камнями и все это вынесли наружу.

Тут везир обратился к падишаху:

— Самым разумным будет выдать дочь падишаха за этого юношу. Он счастливый человек — Бог оберегает его.

Падишах одобрил предложение везира. И вот стали готовиться к свадьбе. Устроили пир, позвали вельмож и сановников, ученых и праведных мужей, и падишах выдал свою дочь за Масуда, и стал тот шахским зятем.

После женитьбы Масуд отправил Зирака с богатыми дарами к отцу. Вскоре и сам он стал падишахом, прославившись справедливостью, правосудием и заботой о подданных. Родились у него дети, которые наследовали ему в царствовании.

А сказка эта осталась памятью о них.

Жил-был один бедняк. С утра до вечера он трудился не покладая рук, этим и зарабатывал себе на хлеб насущный.

Был у него сын по имени Бу-Али. Мальчик был мал, он не достиг еще совершеннолетия, и работа была ему пока не под силу, но однажды он сказал отцу:

— Отец, я хочу работать!

— Ты еще дитя малое, где тебе работать! — отвечал отец.

— Нет, нет, — заупрямился мальчик, — я буду работать — буду делать то, что смогу!

— Ну что ж, — согласился отец, — будь по-твоему!

И вот испекла мать лепешку, завязала ее в узелок, отдала сыну, благословила его, и отправился он в путь. Вышел мальчик из дому и зашагал по дороге. Шел он, шел и наконец дошел до какого-то колодца. Захотелось ему есть. Сел он около колодца, вынул лепешку и съел половину, а другую половину на завтра приберег. Только с пол-лепешки сытым не будешь. Нагнулся мальчик к колодцу воды попить, стал пить, а сам вздыхает: «Эй-вай!»

Не успел он это сказать, как из колодца вылез человек, ростом с локоть, борода в семь локтей.

— Сынок, — обратился человек к мальчику, — я пришел по твоему зову!

— Отец, — удивился мальчик, — я даже и не знаю, как тебя зовут!

— Как не знаешь, — говорит старичок, — ты же крикнул «Эй-вай», а ведь это мое имя и есть!

— Я воскликнул «эй-вай» с голоду, — ответил виновато мальчик.

— Так и быть, — говорит карлик, — раз уж я пришел, скажи-ка мне, куда ты путь держишь?

— Ищу работы!

— Что ж, пойдем ко мне, я тебя возьму в работники, — предложил человечек. — Но смотри, уговор такой: платить я тебе не буду, зато все, что бы ты ни нашел, будет твое.

Мальчик согласился и пошел вместе с карликом. Пошли они к лесу; шли, шли и наконец подошли к какому-то дому.

— Вот мое жилище! — показал человечек.

В это время из дому выбежала красивая и стройная девушка.

— Дочка, — обратился к ней карлик, — я привел тебе этого мальчи-ка, займись-ка им!

А надо вам сказать, что в те времена год состоял из трех дней.

И вот девушка взяла мальчика за руку и повела к себе, а старичок ушел к себе.

Никто даже не спросил мальчика, сыт он или голоден, болен или здоров... Девушка тут же велела ему лечь на стол и большущим ножом изрубила его на куски. Бросила она эти куски в огромный котел, под которым горел костер, и давай их жарить и варить. Потом плеснула в котел холодной водицы — и вдруг оттуда вышел мальчик, живой и здоровый, и во сто крат красивее прежнего. Девушка спрашивает:

— Чему ты научился?

— Я научился кувыркаться и могу стать подковой лошади! — ответил мальчик.

Девушка опять бросила мальчика на стол, изрубила ножом на мелкие куски, бросила в котел и сварила. Затем она обрызгала его холодной водой, и мальчик выпрыгнул из котла живым и невредимым. На этот раз он был в тысячу раз красивее прежнего.

— Что ты на этот раз запомнил? — спросила опять девушка.

— Я научился кувыркаться и превращаться в голубя! — ответил мальчик.

Затем девушка обучила его еще и другим вещам и сказала ему:

— Три дня — а это целый год — уже на исходе. В воскресенье мой отец придет и спросит тебя: «Чему ты научился?» Тогда ты скажи: «Я могу стать подковой и обернуться голубем!» Но ни в коем случае не говори ему, что ты научился и другим премудростям. Сейчас слушай внимательно, я скажу тебе еще кое-что. Так как твой срок кончается, то

в воскресенье придет твой отец, чтобы забрать тебя домой. Мой отец разбросает в саду около дома множество зерен. В воскресенье туда слетятся тысячи голубей, и ты тоже будешь среди них... Мой отец скажет твоему отцу: «Ты можешь выбирать три раза. Если найдешь своего сына среди этих голубей — заберешь его с собой, если нет — он останется здесь!» Голуби — все белые, все похожи друг на друга — их невозможно различить, и твой отец не сможет узнать тебя. Но я научу тебя, и ты дашь знать своему отцу, где ты, и он сумеет указать именно на тебя из тысячи голубей. Надо сделать так: когда придет твой отец, ты подлетишь к нему и сядешь около его ног. Тут твой отец и поймет, что это ты, его сын!

Все те тысячи голубей прежде были так же, как и ты, юношами, но их отцы не смогли узнать их, и они все остались здесь на вечные времена в облике голубей.

Мальчик поблагодарил девушку за ее доброту и стал ждать.

Наступило воскресенье, и карлик пришел в комнату к дочери. Девушка приготовила обед, и отец и дочь сели за стол. Но в это самое время показался отец мальчика и начал искать своего сына. Девушка говорит:

— Его здесь нет, но он скоро придет!

А сама осторожно, потихоньку дала знать отцу мальчика, что его сын — это тот самый голубь, который сядет ему в ноги.

После обеда девушка принесла большой поднос с пшеницей и рассыпала ее в саду около дома. Не успела она отойти, как сад наполнился голубями. Все они были белые, совсем одинаковые, но отец мальчика, к счастью, правильно указал на своего сына.

— Счастливцев ты! — воскликнул с досадой Эй-вай. — Тебе повезло, что ты нашел своего сына! Если бы ты не узнал его, он остался бы здесь на вечные времена, а сейчас он ударится оземь и превратится в красивого мальчика.

Голубь так и сделал — ударился оземь и стал красивым юношей.

Двинулись отец с сыном в путь. Отец все думал: «Чем бы мне накормить сына, чтобы он хоть бы червячка заморил!» А юноша теперь научился угадывать мысли и думы людей. Он сразу понял, о чем задумался отец, и говорит:

— Не печалься, отец, не заботься ни о чем. Аллах всегда помогает тем, у кого ничего нет. Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в красивую охотничью собаку с золотистой шерстью, в золотом ошейнике и на золотой цепи. Ты поведешь меня туда, куда я тебе скажу. Там ты увидишь: стоит красивая, богатая коляска, а в ней сидят четыре человека. Это

самые богатые и именитые люди города. Спросят они тебя: «Куда ты идешь с этой собакой?» Ты отвечай: «Иду, мол, продавать ее!» Тогда они спросят, за сколько ты продаешь собаку, а ты скажи: «За один ман золота!» Но смотри, отец, ни за что не отдавай ошейника и цепочки! Перед тем как передать им собаку,ними ошейник и цепочку и спрячь их себе в карман.

Сказал это мальчик, ударился оземь и превратился в красивую охотничью собаку. Не успел отец прийти в себя от удивления, как показалась красивая коляска, катившаяся в их сторону. Один из четырех седоков в этой коляске, как только увидел собаку, спросил:

— Куда ты ведешь эту собаку, старик?

— Я хочу продать ее! — ответил отец мальчика.

— Сколько же ты просишь? — спросили его.

— Один ман золота, — ответил владелец собаки. — Но я продаю собаку без цепочки и ошейника.

— Ничего, — согласился покупатель, — цепочку и ошейник везде можно найти, а вот такую собаку нигде не купить.

Поторговались они и наконец заплатили один ман золота, купили собаку, посадили ее в коляску и укатили. Отец мальчика больше не был бедняком — с вырученным золотом он превратился в богача. Сложил он золото в мешок и пошел своей дорогой.

А теперь речь пойдет о седоках в коляске. Не успели они отъехать немного, как на дороге перед коляской выскочил заяц. Почуяла его собака и стала вырываться, чтобы броситься за зайцем, но хозяин обхватил ее руками за шею и не выпускал. Собака никак не могла освободиться. Друзья начали уговаривать хозяина:

— Пусти ее, пусть поймает зайца!

— Нет, я боюсь, она убежит и больше не вернется! — отвечал хозяин.

— Как не вернется? — уговаривали его товарищи. — Ведь это охотничья собака, пусть поохотится. Она поймает зайца и принесет его тебе.

Долго они уговаривали владельца собаки. Наконец он послушался и отпустил собаку. Собака погналась за зайцем, но, сколько ни ждали ее, она не возвращалась. Хозяин сокрушенно говорил своим друзьям:

— Говорил я вам, что она не вернется!

Затем сам хозяин и его товарищи вышли из коляски и обыскали и обшарили всю округу, но собаки не нашли. Тогда они решили, что нужно разыскать того, кто продал собаку: наверно, она возвратилась к нему.

Повернули они коляску обратно и погнали лошадей. Живо настигли старика, видят, он идет себе своей дорогой, а рядом с ним, кроме какого-то юноши, никого нет.

— Не возвратилась ли к тебе собака? — спрашивают они отца мальчика.

— Нет, ведь я же продал собаку и оставил ее у вас, — отвечает тот. — А что, разве она убежала?

— Да, она погналась за зайцем и обратно не вернулась. Мы подумали, что она прибежала к тебе! — говорят те люди.

— Нет, как видите, со мной никого нет, кроме мальчика!

Тогда они пошли искать дальше, но сколько ни ходили, ничего не нашли — собака словно сквозь землю провалилась. Отчаялись путники, и поневоле пришлось им продолжать свой путь.

На следующей неделе, в воскресенье, отец мальчика собрался пойти на базар. Мальчик сказал отцу:

— Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в красивого златогривого коня с золотой уздой. Отведи меня на базар и продай за два мана золота, но будь осторожен — ни в коем случае не выпускай из рук уздечки! Если отдашь уздечку — больше меня не увидишь!

Старик повел златогривого коня на базар. Люди окружили коня, глазеют, любуются. Кто ни спросит, сколько стоит конь, старик отвечает:

— Без долгих разговоров — отдам его без узды за два мана золота.

Некоторые соглашались отдать два мана золота за коня вместе с золотой уздечкой, но старик стоял на своем. А в это время оказался там Эй-вай. Он увидал, что торговля идет из-за узды коня, и тогда он сразу понял, что это за конь. Расстроился он, подосадовал и говорит коню:

— О лжец, ты же говорил, что можешь превратиться только в подкову и голубя, а больше ничего не умеешь?

Начал тут Эй-вай торговаться со стариком из-за уздечки. Наконец он уговорил старика: заплатил ему три мана золота, купил коня вместе с уздой и отправился домой.

Старик же вернулся домой с тремя манами золота, но сразу же раскаялся, что отдал уздечку, и стал горько сетовать на себя, что продал сына родного и теперь останется без него.

Тем временем Эй-вай поручил коня своему слуге и сказал ему:

— Отведи коня в конюшню и крепко-накрепко привяжи его там. Если он захочет воды — дай ему травы, а если захочет травы — дай воду!

— Слушаюсь! — ответил слуга и пошел.

Слух о красивом коне Эй-вая дошел до ушей падишаха той страны. Как раз в эти дни сын падишаха собирался жениться. Шахзаде сказал своему отцу:

— Я хочу попросить Эй-вая, чтобы он отдал мне своего коня золотистой масти на несколько дней, я привезу домой невесту на этом коне.

— Что ж, хорошо! — ответил падишах.

Шахзаде пошел к Эй-ваю и попросил дать ему златогривого коня, чтобы привезти на нем невесту.

— Хорошо, — согласился Эй-вай, — ты сын нашего падишаха, поэтому я отдам тебе коня. Но с одним условием: ты не должен давать коню воды!

— Хорошо, — ответил шахзаде, — не дам.

Привели коня, шахзаде сел на него и отправился со своими друзьями и сверстниками за невестой. Ехали они, ехали и наконец достигли берега моря. Спутники шахзаде сели на корабль, а златогривый конь поплыл по воде. Каждый раз, когда конь хотел нагнуться и утолить жажду, шахзаде натягивал узду, не давал ему пить. А за морем была столица падишаха, дочка которого выходила замуж за шахзаде. Когда падишах и его дочь увидели царского сына на златогривом коне, они очень обрадовались. Стали они играть свадьбу, есть, пить и веселиться. Но так как шахзаде и его людям предстоял долгий обратный путь, они вскоре начали готовиться к дороге. Шахзаде и его жена сели на златогривого коня, а их спутники — на корабль. Посреди моря жажда опять начала одолевать коня, нагнулся он, хотел напиться, но шахзаде потянул за поводья и не дал ему коснуться воды. И другой раз получилось так же. Девушка сжалась над конем и сказала мужу:

— Разве у тебя нет сердца? Почему ты не даешь бедному животному напиться? Ведь ты же видишь, что жажда мучит его!

Но шахзаде не послушался жены и не дал коню напиться. Тогда девушка не на шутку рассердилась и сказала шахзаде:

— Живо поворачивай коня и вези меня назад к отцу. Я не могу жить с таким жестоким человеком, как ты!

Когда девушка так сказала, шахзаде испугался и разнуздал коня, чтобы тот напился воды. Златогривый конь коснулся воды и превратился в золотую рыбку, которая уплыла прочь, а жених с невестой остались посреди моря. Люди шахзаде живо подобрали их и поместили на корабль.

А Эй-вай почувял, что конь обернулся рыбой и уплыл в море. Он сразу же превратился в голубя, полетел к морю, а там сделался большой рыбой, чтобы поймать и проглотить золотую рыбку. Тогда маленькая рыбка обратилась в белого голубя, а голубь улетел. Большая рыба тотчас стала соколом, и сокол помчался за голубем. Наконец голубь и сокол долетели до столицы одной страны. Дочь падишаха той страны сидела в это время у окна, поджидала своего брата и смотрела на дорогу. Вдруг видит она, что сокол преследует голубя. Открыла она окно, голубь влетел в комнату и сел прямо на грудь девушки, а та захлопнула скорей окошко. Девушка чувствует, что сердце птички сильно бьется от усталости и страха. Жалко ей стало голубя, она давай кормить его сладостями. Поел голубь немного, пришел в себя, выпорхнул из рук девушки и превратился в красивого стройного юношу. Спрашивает юноша:

— По душе ли я тебе, девушка?

— Очень! — отвечает та.

Тогда юноша сказал ей:

— Я сейчас ударюсь оземь и превращусь в золотое кольцо, а ты надень это кольцо на палец. Скоро сюда к падишаху придет один колдун и волшебник в облике каменщика. Он будет работать у падишаха, а когда кончит работу, попросит вместо платы вот это колечко. Если ты любишь меня и хочешь стать моей женой, ни за что не снимай кольца со своего пальца!

Все вышло так, как говорил юноша. Пришел каменщик, поработал, а когда падишах хотел расплатиться с ним, он сказал:

— Денег мне не надо! Дай мне лучше кольцо, что надето на пальце твоей дочери.

— Уж не сошел ли ты с ума? — воскликнул падишах. — Что у меня, мало денег, что ли, чтобы расплачиваться кольцом дочери? Бери сколько хочешь золота и серебра!

— Нет, — настаивал на своем каменщик, — я ничего не хочу, кроме этого кольца.

Когда девушка услышала это, она сказала:

— Я никогда не отдам кольца!

Словом, долго они спорили. Наконец падишах сказал дочери:

— Сними кольцо и отдай ему, чтобы он убрался наконец отсюда, чтоб глаза мои его не видели! Я закажу тебе вместо этого кольца сколько хочешь других!

Заплакала девушка, сняла кольцо и бросила его на пол. Вдруг кольцо превратилось в горсточку проса и рассыпалось по земле. Каменщик тут

же обратился в петуха и начал клевать зернышки проса. Но одно из зерен отскочило в сторону. Когда петух склевал все просо, он сказал:

— Теперь ты в моем животе. Говорил я, что покажу тебе!

Вдруг зерно, которое отлетело в сторону, превратилось в стройного красивого воина с острым мечом в руках.

— Нет, лучше я покажу тебе! — сказал он и отрубил петуху голову.

Так и умер Эй-вай.

Смотрит падишах на все это и понять не может, что происходит в его дворце: каменщик превращается в петуха, а просо — в воина с мечом! Страх его взял.

А воин спросил у дочери падишаха:

— Ну как, будешь ты моей женой?

— Да, — ответила девушка, — если только мне разрешит отец.

С испугу падишах согласился и сказал:

— Я не возражаю, выходи за него замуж, если любишь его.

Сыграли свадьбу, и юноша и девушка стали мужем и женой, а юноша сделался наследником падишаха.

До сих пор они, если только не умерли, живут счастливо и хорошо.

Жила-была старая женщина, а детей у нее не было. Уж она и молилась, и обеты давала, одной милостыни сколько раздавала — ничего не помогало. Вот она как-то и говорит своему мужу:

— Так мне хочется ребенка — какой-никакой, а чтоб был! Пусть хоть, как тыква, без рук и без ног будет.

Сказала она эти слова, и по воле судьбы через некоторое время понесла, и родился у нее ребенок, точь-в-точь как тыква. Муж, как увидел его, убежал прочь из дома, ушел куда глаза глядят. А старуха привыкла к тыкве, привязалась к ней. Тыква изо дня в день все росла, становилась больше и больше.хлопот у ее матери было хоть отбавляй — целый день ни минуты покоя. Наконец отправила она своего ребеночка-тыкву в школу, к моллабаджи*. А школа моллабаджи находилась около дворца падишаха, и сын падишаха любил из окон дворца глазеть на детей, заглядывать в школьную комнату.

Смотрит он однажды и видит: идут школьники из школы, а с ними катится тыква. Удивился шахзаде, на следующий день опять посмотрел в окно и увидел, что из той тыквы вышла красивая девушка, такая прекрасная — краше полной луны. Она взобралась на подпорки для виноградных лоз, сорвала кисть винограда и стала есть. Затем слезла и спряталась опять в тыкву.

Сын падишаха сразу влюбился в девушку — да не одним, а сотнею сердец.

* Моллабаджи — учительница.

На следующий день, когда девушка опять вышла из тыквы и взобралась на подпорки для виноградных лоз, шахзаде вышел на крышу, настиг девушку и надел ей на палец свое кольцо. Видит, а кольцо-то пришлось точно на средний палец девушки. Вернулся он домой и говорит матери:

— Я хочу жениться, но только на той девушке, на палец которой подойдет мое кольцо!

Мать шахзаде отдала кольцо старухе, присматривающей за невольницами, и послала ее вместе со служанками по домам, искать, кому придется впору колечко сына.

Несколько дней старуха со служанками рыскали по домам, все вверх дном перевернули, но девушки, которой годилось бы кольцо, не нашли.

Под конец добрались они до дома старухи с тыквой. Постучали в дверь и спрашивают:

— Есть ли в этом доме девушка?

— Ох, не смейтесь надо мной! — заплакала старуха. — Долго я молилась, много обетов дала, много милостыни раздавала — все просила у Аллаха ребенка, а он послал мне тыкву!

— Ну-ка, принеси эту тыкву, посмотрим! — сказала старуха, смотревшая за невольницами.

Женщина пошла, принесла тыкву, а служанки и старуха-надзирательница, как увидели, начали смеяться и хохотать.

Насмеялись вдоволь, а потом и говорят бедной женщине:

— Мы ищем девушку, которой подошло бы это кольцо. Только до сих пор никого не нашли.

Не успели они это сказать, как из тыквы высунулась рука.

Мать остолбенела от удивления, остальные женщины тоже удивились и испугались, а потом все-таки примерили кольцо на тот палец, смотрят, а оно как раз впору.

Пошли они и рассказали шахзаде обо всем, что случилось.

А он приказал:

— Идите и притащите эту тыкву сюда.

Пошли, принесли тыкву. Родители юноши, падишах и его жена, как увидели это чудовище, огорчились и опечалились, но юноша стоял на своем:

— Клянусь Аллахом, я женюсь только на этой!

Волей-неволей позвали муллу и поженили тыкву с сыном падишаха.

В брачную ночь шахзаде выхватил меч и сказал:

— Выходи-ка скорей из тыквы!

Тут девушка вышла из тыквы и поразила всех своей красотой и прелестью.

Обрадовались падишах и его жена. Сообщили и матери тыквы, а уж она обрадовалась больше всех.

После этого стала мать частенько навещать свою дочь.

Однажды отправилась она, как обычно, повидаться с дочерью, и вдруг идет ей навстречу лев. Хотел он растерзать ее на части, а старуха ему и говорит:

— Не ешь меня сейчас, пусти повидаться с дочерью! Я обратно пойду, ты меня тогда и съешь.

Лев согласился. Не успела старуха уйти от льва, натолкнулась на волка. Волк тоже хотел ее съесть, но она и ему сказала то же самое.

Пошла старуха дальше — встретилась с дивом. Договорилась и с ним и наконец добралась до дома дочери. Два-три дня она там погостила, пришло время возвращаться.

Смотрит девушка, мать чем-то озабочена, сидит, задумалась.

— О чем это ты думаешь? — спрашивает дочь.

Рассказала ей старуха о своих приключениях, а девушка говорит:

— Ничего, я устрою твои дела.

Пошла она, принесла свою тыкву и сказала:

— Влезай в эту тыкву и катись в ней домой.

Старуха влезла в тыкву, тыква покатилась вперед.

Так она катилась, пока не добралась до дива.

Див спрашивает:

— Тыква такк-такк, тетушка лакк-лакк, не видели ли твои слепые глаза горбатой старухи?

— Нет, — отвечает тыква, — клянусь похлебкой, не видела, клянусь стеблем гиацинта, не видела, ты меня покати, пора дальше идти!

Покатилась она дальше и добралась до волка. Сказала ему то же, что диву, и с тем ушла. Но когда докатилась она до льва, хитрость ее не удалась. Лев, вместо того чтобы толкнуть тыкву и покатить ее вперед, схватил ее, поднял повыше и ударил оземь. Тыква разлетелась на куски, старуха упала на землю, и лев съел ее.

Бытовые сказки

Четыре женщины

Три женщины: жена везира, жена судьи и жена начальника городской стражи — пошли однажды в баню. В бане все три одновременно заметили на полу оброненный кем-то алмазный перстень. Перстень оказался очень дорогим, и каждая из трех женщин хотела взять его себе. Обратились они к старухе, содержательнице бани, и сказали:

— Мы все три вместе нашли этот перстень. Кому же из нас он должен достаться?

А старуха им отвечает:

— Подшутите как-нибудь позабавнее над своими мужьями, а потом расскажите обо всем мне. Та, которая сыграет самую хорошую шутку, получит перстень.

Три женщины оставили перстень у старухи и пошли по домам. Жена везира, как пришла, сейчас же разломила с мужем куриную дужку с условием игры в джанаг*. Назавтра, как только везир вышел из дома, она отправилась на базар и зашла в лавку одного красивого молодого купца. Посидела у него, кое-что купила и сказала юноше:

— Я в тебя влюблена. Если хочешь, идем ко мне, проведем часа два вместе.

Юноша сейчас же согласился, пошел за женой везира, и она его впустила в дом через потайную дверь, так что никто и не увидел. Провела его в эндерун**, в опочивальню. Велела принести туда обед, вино

* Джанаг — игра, похожая на распространенную у нас игру «бери, да помни».

** Эндерун — внутренние покои дома, женская половина.

и сладости. Они сидели за приятной беседой, когда вдруг везир вернулся и вошел в дом. Юноша перепугался и говорит женщине:

— Что делать? Куда мне бежать?

Она отвечает:

— Не бойся! Полежай в этот сундук.

Юноша влез в сундук, и жена везира заперла его там. Везир вошел в опочивальню, видит: стоит вино, остатки хорошего обеда, валяются мужские туфли и шапка. Спрашивает жену:

— Это что еще такое?

Очень он рассердился, а жена смеется и говорит:

— Садись, сделай милость, я тебе кое-что должна сказать.

Везир сел, а жена говорит:

— Утром, когда ты ушел из дому, я отправилась на базар и увидела там молодого красивого купца. Я привела его в дом, и мы с ним сидели, обедали и пили вино. Тут ты как раз пришел.

Везир в крайнем гневе спрашивает:

— Где сейчас этот юноша?

Жена отвечает:

— Юноша в этом сундуке, а вот и ключ от сундука.

И дала везиру ключ в руки. Как только он взял его, жена говорит:

— Я помню, а ты забыл!

Везир бросил ключ на пол и расхохотался. Понял: жена все это подстроила, чтобы выиграть у него джанаг. Вышел везир из комнаты, а женщина отперла сундук и выпустила оттуда полуживого от страха юношу. Потом вывела его из дома через потайную дверь, так что никто и не заметил.

Послушайте теперь о проделке жены начальника городской стражи. Когда он поздно ночью вернулся домой, они с женой уселись и стали пить вино.

Жена говорит:

— Хорошо бы нам сейчас приготовить халву.

Принесли в комнату посуду, жаровню с углями, сахар, рисовую муку, чищенный миндаль, розовую воду, гвоздику, занялись приготовлением халвы. Когда халва была наполовину готова, жена подлила немного банга* в вино и дала мужу. Он сейчас же крепко заснул. Неподалеку от их дома была обитель, где жили дервиши. Жена завернула мужа в кусок материи и велела слугам:

* Банг — род наркотика, изготавливаемого из листьев индийской конопли.

— Положите его на спины двух ослов и отвезите в обитель дервишей. Устройте его там в какой-нибудь комнате.

Они так и сделали. Утром начальник городской стражи проснулся и позвал служанку. Никто не откликнулся. Когда он хорошенько протер глаза, увидел: он находится в дервишской обители и на нем одежда дервишей. Очень он удивился, встал и пошел домой. Но когда он подошел к двери своего дома и хотел войти, рабы и слуги закричали на него:

— Эй, дервиш! Куда лезешь? Здесь эндерун дома начальника городской стражи.

Дервиш говорит:

— Но я же и есть начальник городской стражи!

Из эндеруна вышла его жена и велела слугам бить и гнать этого дервиша. Они так и сделали. Поневоле вернулся он в обитель, пошел в ту же комнату, лег и проспал там до самой ночи. Жена между тем приготовила ужин, дала слугам и велела:

— Отнесите в обитель и дайте каждому дервишу понемногу от этого ужина.

Они отнесли и раздали. Начальнику городской стражи, который был в одежде дервиша, тоже дали поужинать, но в его порцию было опять подмешано немного банга. Он поел и сейчас же крепко уснул. Жена велела слугам:

— Будьте около него и, когда он совсем впадет в беспамятство, возьмите его, взвалите на спины и принесите домой.

Слуги так и сделали и принесли начальника городской стражи домой. Жена быстро стянула с него одежду дервиша и надела на него все то, в чем он был прошлую ночь, и все устроила так же, как было тогда, когда они вместе готовили халву. Все вещи, посуду в комнате точно так же расставила. Потом дала понюхать мужу крепкого уксуса. Он очнулся и, как только раскрыл глаза и увидел, что он у себя дома, обратился к жене:

— Удивительно! Долго я спал?

Жена отвечает:

— Нет, недолго — с полчаса, наверное, не больше.

Тогда он сказал:

— Послушай-ка, жена! Я видел сон, что я стал дервишем и нахожусь в обители дервишей. Потом я будто бы прихожу домой, а слуги меня не пускают, бьют...

Короче говоря, он рассказал ей все, что с ним произошло на самом деле. Жена выслушала его и говорит:

— Ничего, видно, вино было слишком крепкое. Вы много его выпили и потому видели дурной сон.

Послушайте теперь о проделке жены судьи. Неподалеку от дома судьи жил один столяр. Однажды жена судьи позвала служанку и велела ей привести столяра под тем предлогом, что она хочет заказать ему сундук по определенной мерке. Когда столяр пришел, жена судьи ему сказала:

— Я вас позвала, чтобы вы сделали мне сундук...

Говоря эти слова, она открыла перед ним лицо. Потом прошептала:

— Я люблю вас!

Столяр ответил:

— Я тоже вас люблю, но как нам устроить, чтобы мы могли побыть вместе и никто об этом не узнал?

Жена судьи говорит:

— Я знаю, что надо делать. Ты должен прорыть подземный ход из подвала своего дома до самого подвала нашего дома. Тогда мы сможем ходить и днем и ночью друг к другу.

Столяр согласился, пошел и занялся делом. За неделю он прокопал ход и послал жене судьи записку, что все готово. Когда судья пошел в мечеть, эта женщина пробралась к столяру подземным ходом и сказала ему:

— Все, что я тебе веляю, ты должен исполнить.

Столяр согласился. Женщина ему говорит:

— К завтрашнему дню купи сладостей и укрась свою комнату. Завтра утром ты пойдешь к судье и скажешь ему: «Я собираюсь жениться и прошу вас пожаловать в мой дом и составить брачный договор».

Столяр согласился и на завтра пошел к судье. Он приветствовал судью, поцеловал ему руку и обратился к нему с такой просьбой:

— Сейчас самое подходящее время для заключения брачного договора. Собогаволите пожаловать ко мне на дом и составить для меня брачный договор на временный брак*.

Потом столяр пошел домой и стал ждать судью. Судья к нему пришел, вошел в комнату, сел, видит: в углу комнаты сидит какая-то женщина.

Тут столяр сказал судье:

— Я поручаю вам сочетать меня браком с этой женщиной.

* У мусульман-шиитов мужчина имеет право жениться на женщине на определенный срок, после чего брак расторгается.

В тот же миг женщина открыла перед судьей лицо и говорит:

— Да, господин судья, я согласна стать женой этого столяра, а ваше дело — сочетать нас браком.

Судья пригляделся к ней и видит: это же его жена! Очень удивился, на землю посмотрел, на небо посмотрел, на ту женщину посмотрел и про себя подумал: «Я же только что видел свою жену в ее комнате, дома, только сейчас с ней разговаривал, каким образом она оказалась здесь?»

Потом опять стал думать: «Но эта женщина очень похожа на мою жену! Или я ошибаюсь?»

В это время столяр к нему обратился:

— Судья, почему вы не приступаете к составлению договора?

А женщина сказала:

— Господин судья! Почему вы так на меня смотрите? Приступайте скорее к бракосочетанию, мы торопимся, у нас много других дел!

Тут судья видит: он не ошибся, это действительно его жена. Поспешно встал и сказал:

— Я забыл дома книгу записи браков, сейчас схожу принести.

Быстро вышел и отправился домой. А его жена подземным ходом добралась до дома гораздо быстрее, чем он. Вошел судья в комнату, уставился на жену, а она ему говорит:

— Ты что, с ума сошел? Зачем вернулся? Пьян, что ли, или банга накурился? Дела своего не знаешь, бегаешь как угорелый!

Судья ей в ответ:

— Прости меня! Мне тут кое-что показалось, но теперь я вижу — это мне только кажется. Прости!

Потом он быстро вернулся в дом столяра, а его жена опять еще быстрее пробралась туда же подземным ходом.

Когда судья вошел в комнату, столяр и та женщина ему сказали:

— Господин судья! Если вам так нужны деньги, то вот, пожалуйста, возьмите один туман и поскорее составьте нам договор на временный брак.

Судья опять посмотрел и видит: это же его жена! Однако поневоле проделал всю церемонию заключения временного брака. Когда все было кончено, женщина подошла к судье, поцеловала ему руку, но он так щелкнул ее по носу, что из носа пошла кровь. А сам тут же вскочил и побежал домой.

Как только он вошел в дом, увидел, что его жена рвет на себе волосы, царапает лицо ногтями и вопит:

— Этот проклятый судья, мой муж, по бабам ходить стал! — и выкрикивает прочие ругательства.

Судья стал ее упрашивать, успокаивать, умолять о прощении. Потом он пошел в мечеть.

На следующий день все три женщины отправились в баню, чтобы рассказать старухе о своих проделках и посмотреть, чью шутку старуха признает лучшей и кому отдаст перстень. Когда пришли в баню, узнали, что старуха забрала перстень и сбежала потихоньку в другой город.

Рассказывают, что как-то ночью шах Аббас* надел, по своему обыкновению, дервишское рубище, взял в руки кашкул и посох и отправился по улицам и базарам Исфагана посмотреть, чем занимаются его подданные.

Прошел он по улицам, походил по переулкам и решил: слава Аллаху, все в порядке — все люди спокойны, сыты, не знают ни горя ни печали. Он возблагодарил Бога и двинулся к шахскому майдану, что примыкал к Али-Капу**. Тут он заметил, что из щели под дверью одного дома поблескивает свет и раздаются приглушенные звуки бубна. Шах Аббас постучался в дверь.

— Кто это? — спрашивает хозяин.

— Дервиш.

— Милости прошу, любимец Бога, — раздалось изнутри. — Добро пожаловать, принеси счастье в этот дом!

Шах Аббас вошел в дом, увидел: тесная комната, на полке горит лампа, на полу сидит слепая женщина и напевает вполголоса, а поодаль стоит глиняная миска с горошком и изюмом.

— Дервиш, — начал хозяин дома, — повеселись вместе с нами! Послушай, как поет эта женщина, полакомься этим горошком и изюмом.

И тут он стал бить в жестяной поднос, как в бубен, и это доставляло ему большое удовольствие.

* Аббас I (1587—1628) — персидский шах из династии Сефевидов. При нем государство Сефевидов достигло большого могущества.

** Али-Капу — шахский дворец в Исфагане.

Шах Аббас говорит:

— О муж! Объясни мне, кто ты такой? Чем занимаешься?

— Любимец Бога, — ответил хозяин, — я холодный сапожник, работяга. Утром я отправляюсь в лавку у Харун-Велат, там я латаю и чиню обувь рабов божьих. Что бы мне ни дали за это — я беру с улыбкой и довольный говорю: «Аллах не обидит». В день я зарабатываю два-три пахнабада*, а вечером покупаю хлеб, брынзу, горошек с изюмом, возвращаюсь к себе и зову эту женщину, чтобы она пела мне. Словом, я ни на что не жалуюсь, так потихоньку и тяну свою лямку. Вот уже несколько лет я занимаюсь этим делом и зарабатываю тем, что чиню людям обувь. Все, что заработаю, я проедаю, ничего не откладываю, и каждую ночь — хоть провались небо и земля — мы должны повеселиться.

— Хорошо, — сказал ему дервиш, — а если завтра шах Аббас запретит ремесло холодного сапожника, чем ты займешься? Как ты зарабатываешь денег на веселье?

— Во-первых, шах Аббас никогда не сделает этого. А если и сделает, то Аллах велик, и мы все равно будем веселиться.

Шах Аббас взял из своего кашкула плову, поел немного горошка с изюмом, простился с хозяином, прочитал молитву и вышел из дому.

А утром он первым делом запретил ремесло холодного сапожника и особо велел присмотреть, чтобы закрыли лавку его вчерашнего хозяина.

И вот сапожник остался без дела. Он сказал себе: «Да будет проклята твоя догадка, дервиш, ибо она исполнилась. Шах Аббас запретил ремесло, которым я занимаюсь десять, нет — пятнадцать лет. Ну да ничего, если человек сметлив и не ленив — он не останется без дела. Как бы там ни было, надо найти работу».

Он тут же продал инструмент сапожника, купил добротный бурдюк и стал водоносом. Не то семь, не то восемь раз он принес воду для кофейни и пекарни и заработал в два-три раза больше, чем прежде. А вечером устроил веселье пуще прежнего.

Ночью шах Аббас снова надел дервишское одеяние и подумал: «Пойду-ка посмотрю, что происходит в городе. Заодно загляну и ко вчерашнему знакомому».

* Пахнабад — мелкая монета.

Шах Аббас ходил, ходил по городу и остановился на той самой улице. Он решил, что бедняге сапожнику не до веселья, ведь впервые за десять — пятнадцать лет жизнь его омрачилась.

Когда до дома сапожника осталось три-четыре шага, Аббас услышал шум веселья, который раздавался громче вчерашнего. Он закричал:

— Хозяин, примешь гостя?

— Во имя Аллаха, войди, — ответил сапожник. — Кто ты?

— Дервиш.

— Эх, любимец Бога, — ответил сапожник, — ты предсказываешь беду! Твои слова сбылись. Сегодня утром отправился было я в свою лавку и хотел с именем Аллаха взяться за дело, как вдруг явились нукеры шаха Аббаса и сказали: «По указу шаха Аббаса ремесло холодного сапожника запрещено». И меня лишили ремесла моих предков.

Дервиш говорит:

— Хоть ты и остался без заработка, но веселье — в полном разгаре! Что же ты сделал? Где раздобыл денег?

— Дервиш, — ответил сапожник, — ведь рабочий человек не пропадет. Я продал инструмент сапожника, купил бурдюк, взвалил его на плечи и заработал в два-три раза больше прежнего. И вот взамен слепой певицы я пригласил другую — она, видишь, поет лучше. В квартале Джуйбаре я купил бубен, он заменил мне поднос. А вместо горошка с изюмом я купил пахлаву* и конфеты. Веселись, дервиш, — благородный муж не падает духом! Мне здорово повезло! Если бы я знал, то с самого начала стал бы водоносом. Жаль, что я так поздно узнал это! Как бы там ни было, теперь я буду носить воду и зарабатывать на жизнь.

Видит дервиш, правду он говорит: вместо слепой женщины поет зрячая певица, сам хозяин ударяет в бубен вместо подноса, а для угощения поставлены пахлава и конфеты.

— Ну ладно, сапожник, — сказал ему дервиш, — а если завтра вздумает вдруг шах Аббас запретить ремесло водоноса, чем ты тогда будешь заниматься?

— Прошу тебя именем Бога, дервиш, — отвечает хозяин, — не предсказывай дурного! Что ж, во-первых, я перестану носить воду, во-вторых,

* Пахлава — слоеный пирог с молотыми орехами, смешанными с медом или сахаром.

как я уже говорил тебе, хоть из-под земли да раздобуду деньги и буду веселиться. Но ради бога, прошу тебя, не говори так!

— Это я так, к слову, — успокоил его дервиш.

— Ты и к слову не говори!

В душе шах Аббас был доволен: слава богу, думал он, мои подданные живут неплохо, веселятся. Однако ему хотелось испытать сапожника, запретить и новое его ремесло. Взял он плова из своего кашкула, они поели вдвоем, шах Аббас съел одну конфету и ломтик пахлавы, прочитал молитву и ушел.

На другое утро он первым делом запретил ремесло водоноса и приказал особо следить за сапожником.

Не успел сапожник выйти на шахский майдан, как видит, что хватают водоносов и кричат:

— По велению шаха Аббаса в Исфагане запрещено продавать воду!

— Эх, зловецкий дервиш, — сказал сапожник, — что ж ты предсказал? Ты обратил мой хлеб в известь, а мою пряжу — в хлопок!

Но потом он решил: не надо сдаваться, можно еще что-нибудь придумать!

Взял сапожник палку с серебряным набалдашником, надел джуббу* наизнанку, чтобы отличаться одеждой от других людей, сдвинул шапку набекрень, подкрутил усы и пошел по улицам. Он решил выдавать себя за шахского стражника и обманывать людей. Сказал он себе: «Я буду пугать мелких торговцев и лоточников и кричать: „Здесь нельзя торговать, там тоже нельзя, уходите отсюда!“ А у каждого из них есть семья, жена и дети, и они будут вынуждены задобрить меня, чтобы я оставил их в покое».

Но потом поразмыслил сапожник и говорит: «Нет, это не годится! Они тогда не смогут арендовать лавки, а если лишить их мелкой торговли, то они станут или давать взятки, или воровать, или попрошайничать. И выйдет так, что по моей вине увеличатся взяточничество, воровство и попрошайничество. Что же делать?»

Думал он, думал и наконец решил: «Буду-ка я штрафовать под видом шахского стражника жителей, выбрасывающих на улицу мусор или выливающих в арыки** помои. И доброе дело сделаю, и себе на хлеб заработаю!»

* Джубба — широкая верхняя одежда вроде халата.

** Арык — оросительный канал.

Пошел он бродить по глухим переулкам, а сам смотрит: как заметит, что кто-нибудь высыпал мусор или вылил помои, сразу же хватает его за шиворот и кричит:

— Зачем ты выливаешь на улицу помои, такой-сякой? Живо пойдем к шаху Аббасу!

А люди пугались его странного вида, да к тому же он еще говорил от имени шаха Аббаса. Все принимались его умолять и упрашивать, давали ему несколько пахнабадов, чтобы он только оставил их в покое и не водил к шаху Аббасу. Если же один из ста и набирался храбрости спросить: «А ты кто такой?» — он отвечал:

— Кто я такой? Я — фарраш, фарраш-баши* шаха Аббаса!

И тогда человек начинал извиняться и прославлять шаха:

— Какой он заботливый! Он так радеет о подданных, что даже следит за чистотой улиц!

Но вернемся к сказке. До вечера сапожник раздобыл таким способом три-четыре тумана, а вечером задал целый пир. Купил сладостей, напитков, приготовил шашлык, пригласил музыканта, певца и танцовщика.

Настала ночь, и вновь шах Аббас вышел в город. Покончил он со своими делами и отправился к дому сапожника. Слышит, что там пируют и веселятся, остановился перед дверью и закричал:

— Хозяин, гостя не примешь?

— Во имя Аллаха, входи, сделай милость!

Вошел шах Аббас. Хозяин узнал его и говорит:

— Любимец Бога, как ты предсказал, так и приключилось. Не успел я утром приступить к делу, как на улицы высыпали фарраши с криками: «Шах Аббас запретил продавать воду». Ну да мне теряться не к лицу, надо зарабатывать на жизнь. И стал я выдавать себя за фарраш-баши шаха Аббаса и обманывать людей. И вот благодаря слепоте и темноте людей я сегодня пирую и веселюсь пуще прежнего, так как раздобыл много денег. Но я уж все израсходовал — ведь я не печальной жизни просил у Бога! Слава Аллаху, до сих пор все было хорошо! Все, что я зарабатывал днем, я проедал ночью. И теперь, видишь, я не без дела. А тебя попрошу, сделай милость, не предсказывай дурного!

Дервиш ему в ответ:

— А если ты схватишь кого-нибудь за шиворот, а он возьмет да и согласится пойти с тобой к шаху Аббасу, что тогда ты будешь делать?

* Фарраш-баши — старший слуга.

— Это невозможно, — ответил хозяин.

Прошла ночь, утром шах Аббас велел нескольким дюжим фаррашам переодеться и приказал:

— Идите и, как увидите этого сапожника, начинайте выбрасывать мусор. Если он будет угрожать вам и потребует идти к шаху, то соглашайтесь.

Они так и поступили. Высыпали на улицу мусор, подскочил сапожник и стал кричать:

— Почему вы выбрасываете мусор на улицу? Живо идем к шаху Аббасу!

— Пошли, — отвечают те.

Видит сапожник, что зловещее предсказание дервиша сбылось и на этот раз. Двинулись они в путь. По дороге сапожник и так и сяк старался помириться, но фарраши не дали ему это сделать. У Али-Капу видит сапожник, что они не желают отступить, и говорит:

— На этот раз я прощаю вас, но больше не делайте этого!

— Нет, мы всегда будем выбрасывать мусор!

— Ну что ж, идите восвояси, — ответил сапожник.

— Нет, не пойдем!

Сапожник сам хотел было улизнуть, но его не пустили и повели к шаху Аббасу.

— Дружище, как тебя звать? — спросил его шах.

Сапожник хотел ответить: «Курбан*, Кули-бек», но язык у него заплетался, и он пробормотал:

— Ярдан Кули-бек.

Шах Аббас засмеялся и ответил:

— Коли хочешь быть фаррашем, то будь им в моих покоях. До самого вечера сиди здесь!

По обычаю того времени ему дали саблю в драгоценных ножнах, и он повесил ее на пояс. Шах Аббас до самого захода солнца не отпускал его, чтобы он ничего не смог заработать, а вечером сказал:

— Теперь ступай, а завтра утром явись на службу. Жалованье же получишь в конце месяца.

Сапожник вышел из дворца и стал размышлять: «Этой ночью мой пир под угрозой».

* «Курбан» по-персидски значит «да буду я жертвой за тебя». Это распространенная формула почтения и уважения.

Подумал, подумал, да и продал за десять туманов клинок сабли, а взамен его заказал столяру деревянный. А сам стал готовиться к пиршеству: пригласил музыкантов и шутов, купил всякие яства.

А шах Аббас был уверен, что этой ночью сапожник не сможет пировать. Подошел он к его дому и вдруг слышит: на всю улицу раздается шум пиршества. Шах Аббас подумал: «Ведь у него же ничего не было?»

Вошел он внутрь, а Ярдан Кули-бек воскликнул:

— Как ты сказал, так и случилось!

— На что же ты закатил такой пир? — удивился дервиш.

И Ярдан Кули-бек рассказал ему обо всем. Тогда дервиш спросил:

— А если завтра шах Аббас прикажет тебе обнажить меч и отрубить голову разбойнику, как ты вывернешься?

— Опять ты за свое! У шаха есть на то палач.

И вот прошла ночь, настало утро, и сапожник отправился во дворец, на службу к шаху Аббасу. Шах велел ввести преступника, а потом приказал:

— Ярдан Кули! Отруби ему голову.

Побледнел Ярдан Кули, но не растерялся и ответил:

— Да буду я жертвой за тебя, не убивай этого невинного человека!

— Нет, он виновен, отруби ему голову!

— Да буду я жертвой за тебя, — умолял Ярдан Кули. — Я человек богобоязненный, не стану я убивать невинного!

— Я приказываю тебе! — закричал шах Аббас.

— Ты-то приказываешь, но и я свои обязанности знаю, — возразил сапожник.

Шах настаивал, а Ярдан Кули увиливал. Только видит он — не отстанет шах, поднял голову и взмолился:

— О Боже, ты знаешь своих рабов. Этот муж, я уверен, невинновен. Если он виновен — то пусть погибнет, а если нет — преврати мой меч в деревянный. О Аллах!

С этими словами он выхватил саблю и сказал:

— Да буду я жертвой за тебя! Видишь, я верно угадал: он невинновен.

Засмеялся шах Аббас и рассказал, как все было. Он сделал сапожнику драгоценные подарки и отпустил его домой.

Три ахунда

Шли по дороге три ахунда*, а навстречу им ехал всадник. Поздоровался он с ахундами, а они заспорили. Первый говорит:

— Всадник поздоровался со мной!

Второй кричит:

— Нет, он меня приветствовал!

А третий твердит:

— Меня!

Такой подняли крик, а переспорить друг друга не могут. Догнали они всадника и спрашивают:

— Эй, всадник! Скажи, которого из нас ты приветствовал?

Всадник ответил:

— А того, кто всех глупее.

Опять заспорили ахунды, так как каждый считал себя глупее другого.

Тогда всадник предложил:

— Расскажите-ка про самые глупые ваши поступки, чтобы я мог определить, который из вас глупее.

Они согласились, уселись в кружок и давай рассказывать о совершенных ими глупостях.

Первый сказал:

— Когда я был сельским учителем, я часто чихал. Дети при этом говорили: «Будьте здоровы, мулла». Я же вынужден был отвечать каждому ученику в отдельности: «Спасибо» или «И тебе того же». Но это было

* Ахунд — духовное лицо в Иране, мулла, ведущий также занятия в сельской школе.

слишком длинно, и я предложил детям: «Когда я чихну, вы все вместе хлопайте в ладоши».

Дети обрадовались, и после этого каждый раз, когда я чихал, ученики хлопали в ладоши вместо того, чтобы говорить: «Ахунд, будьте здоровы», и я обрел покой.

Но вот случилось как-то, что в колодец упал цыпленок. Я обвязался веревкой, а другой конец ее велел держать детям. При этом я наказал им: «Если со мной, не дай бог, что-нибудь случится в колодце — тащите меня наверх».

Начал я спускаться. Как только спустили меня до середины, я чихнул. И что же? Дети не захлопали в ладоши! Я кричу: «Выгаскивайте меня!»

Выбрался я из колодца и давай лупить детей да приговаривать: «Почему вы не хлопали в ладоши, когда я чихнул?» Дети стали кричать и плакать: «Учитель, мы же держались руками за веревку!»

Но это не убедило меня, и я их здорово поколотил. Потом привязал опять веревку к поясу и снова стал спускаться в колодец. По воле неба на середине пути я опять чихнул. Тут дети выпустили веревку и стали хлопать в ладоши, а я упал в колодец и сломал ногу. И вот теперь вы сами видите: на одну ногу я хромаю. Это все с тех пор.

Второй начал:

— Я тоже был сельским учителем. Однажды я сидел на краю бассейна и совершал омовение перед молитвой. А в воде виднелось мое отражение. Я решил, что это вор переоделся в мои одежды и спрятался под водой, поджидая темноты, чтобы обобрать меня. Обернулся я к ученикам и приказал: «Сложите свои книги и возьмите каждый по палке. Вор в моем облике спрятался в бассейн. Я разденусь, нырну в бассейн и поймаю его, а вы внимательно следите. Как только он высунет голову из воды — бейте его палками».

Дети сложили свои книги, взяли по палке и стали дожидаться вора, а я нырнул в воду. Только хотел я вынырнуть, дети давай колотить меня палками. Не вытерпел я палочных ударов, снова нырнул, но стал задыхаться и опять попытался вынырнуть и вылезти из бассейна. Но дети и на этот раз накинулись на меня с палками, крича: «Дай ему как следует! Бей его! Бей!»

Вижу: умирать приходится, убьют меня дети. На счастье жена моя Сакине, да простит Аллах грехи ее отца, прибежала и спасла меня от учеников.

Стал рассказывать третий:

— И я тоже был сельским учителем. Сижу я как-то, обучаю детей, и настроение у меня прекрасное. Вдруг один из учеников говорит мне: «Что-то, господин ахунд, вы сегодня бледны. Может, вы больны?» А другой добавил: «Вы очень похудели». Третий вставил: «И глаза у вас запали».

Так каждый что-нибудь да находил. Я поверил им и говорю: «Ведь верно, я с вечера чувствую себя плохо».

И в ту же минуту помутилось у меня в глазах. Дети с помощью жены отнесли меня в спальню и уложили. Так пролежал я до полудня, а в полдень принесли обед, но я есть не стал из-за болезни. Мало того — отказался даже и от ужина. Утром чувствую, что ослаб от голода. Посмотрел по сторонам, вижу, в нише стоит миска, а в ней лежит одно куфте*, оставшееся с вечера. Поглядел я кругом — никого нет. Я скорей вскочил с постели и сунул куфте в рот. Но в тот самый момент в комнату вошла жена. С перепугу я заложил куфте за щеку. Взглянула жена и спрашивает: «Почему у тебя щека опухла?» А я ей в ответ: «Не знаю. С вечера очень болела, а теперь вот опухла».

Жена вышла и вскоре вернулась с лекарем. Тот посмотрел и сказал: «Опухоль созрела, надо вскрыть». Жена говорит: «Так зачем же медлить?»

И лекарь разрезал мне щеку и извлек оттуда зерна риса, куски мяса и многое другое. Он показывал это всем со словами: «Посмотрите, как созрела опухоль. Если бы этот чирей не вскрыли сегодня, то он загноился бы и заставил его страдать».

Теперь у меня на щеке, как вы сами видите, шрам. По собственной глупости поверил я ученикам, слег и претерпел столько страданий, да и лицо у меня обезображено. Вот теперь и скажи, кто глупее — я или один из них.

Всадник посмотрел на всех троих и сказал:

— О Аллах! Вы — самые глупые люди на свете, и мое приветствие было предназначено всем вам!

Да не накажет нас Аллах глупостью и не пошлет нам в спутники глупцов!

* Куфте — мясное блюдо, небольшие шарики из рубленого мяса с рисом

Сапожник Мешхе́ди-Карим

Было ли так или не было — кроме бога, никого не было. В давние времена в одном из городов Ирана жил сапожник, и звали его Мешхе́ди-Карим. Были у него жена, сын и дочь. Весь свой скудный заработок сапожник отдавал жене, жил смиренно, благодарил Аллаха, не завидовал чужому добру и не стремился к земным богатствам.

И вот как-то, когда остался месяц до ноуруза*, жена и говорит сапожнику:

— Мешхе́ди-Карим, скоро праздник, а у детей износилась одежда. И гостинцев им купить не на что. Раздобудь денег на башмаки, платья и шапки для своих детей.

— Не горюй, — отвечал Мешхе́ди-Карим. — Дни приходят и уходят — надейся на Аллаха.

Сколько жена ни твердила Мешхе́ди-Кариму о празднике и одежде для детей, ответ был один:

— Не горюй, не теряй надежды на Аллаха.

Но вот в четверг под самый праздник жена с горя затеяла ссору и давай ругать мужа, кричать, что только в голову взбредет. А Мешхе́ди-Карим знай себе повторяет:

— Не горюй, не теряй надежды на Аллаха.

Жена рассердилась пуще прежнего, подоткнула под пояс чадру, сняла с ног туфли и стала наседать на Мешхе́ди-Карима. Видит он, что не

* Ноуруз — день Нового года по персидскому солнечному календарю (21 марта)

устоять ему против жениных туфель, чего доброго, изуродует его баба. Встал, вышел из дому и пошел куда глаза глядят.

Не успел Мешхеда-Карим выйти за порог, как увидел старика калеку. Сидит бедняга у стены и жалобным голосом просит милостыню, а сам даже голову прямо держать не может, набок наклонил. Увидел его Мешхеда-Карим и забыл побои и брань жены и сказал:

— О Аллах, слава тебе, что ты не сделал меня нищим калекой.

Он опустил руку в карман, вытащил несколько шахи* и отдал нищему. Старик нищий обрадовался и говорит:

— Ступай, добрый человек. В благодарность за твою помощь немощному старцу пусть все, к чему ты прикоснешься, превращается в золото!

Улыбнулся Мешхеда-Карим и пошел своей дорогой. В тот день он работал в мастерской до захода солнца. Как начало темнеть, он запер лавку и хотел было пойти домой, но тут вспомнил ссору с женой и решил где-нибудь переночевать, а домой не возвращаться.

Мешхеда-Карим бродил по городу, думал переждать немножко, а потом забраться в мечеть и пробыть там до утра. Вдруг он заметил у какого-то полуразвалившегося дома дряхлого старика. Тот сидел на земле и с трудом дышал. Мешхеда-Карим подошел и поклонился ему. Старик поднял голову, протянул к нему руку и медленно и глухо, словно из глубины колодца, произнес:

— Меня... внеси... домой.

Мешхеда-Карим подумал: «Я было решил провести ночь в мечети, а теперь переночую у него».

Он нагнулся, взял в охапку старика, внес его в дом и уложил на постель. Потом разул и раздел его и наполнил водой. Старик выпил воды, открыл глаза и говорит:

— О благородный человек, сядь ко мне!

Мешхеда-Карим сел перед ним. Старик вздохнул и начал:

— Жаль, что жизнь моя на исходе. Не видал я радости в этом мире. С тех пор как помню себя, я только и делал, что копил добро. В этом городе, верно, нет человека богаче меня. Много лет я занимался торговлей и все вырученные деньги обращал в золото и драгоценные камни. Все это я зарыл под ветвистым деревом в пяти фарсангах от города. О благородный муж! Целый час я пролежал перед собственным домом,

* Шахи — старинная мелкая монета.

но никто не обратил на меня внимания и не подал мне руки, ни у кого в сердце не нашлось жалости и сочувствия. Только ты сжалился и внес меня в дом. И вот в благодарность я вручаю тебе ключи от своих сундуков с золотом и камнями. После моей смерти отправляйся к тому дереву, забирай сокровища и живи в довольстве свой век.

С этими словами старик вытащил из кармана тяжелый золотой ключ и отдал Мешхеде-Кариму. Мешхеде-Карим от радости чуть в пляс не пустился. А старик уже еле дышит, глаза закрывает. Мешхеде-Карим поправил ему подушку, смотрит, тот уж навсегда простился с этим миром. Тут Мешхеде-Карим встал, обмыл труп, завернул в саван, взвалил на плечо и отнес в мечеть. До утра добрый сапожник сидел у изголовья покойника и читал Коран, а утром вынес его из мечети и похоронил за городом. Потом он нанял осла и поспешил к заветному дереву. Подъехал к дереву, сошел с осла и стал копать землю. Вдруг он заметил большой белый камень. С большим трудом сдвинул его с места и увидел лестницу. Спустился Мешхеде-Карим по этой лестнице и очутился в подземелье, в котором стояли в ряд четыре больших сундука. Он вытащил ключ, открыл один сундук, а там полно жемчугов и разных камней.

Поблагодарил Мешхеде-Карим Аллаха, наполнил камнями хурджин и закрыл сундук. Потом он отпер другой и обнаружил там золотые слитки. Наполнил он ими карманы, вылез, подвинул камень на прежнее место, разровнял землю, сел на осла и вернулся в город.

Прежде всего Мешхеде-Карим пошел на базар, купил всяких тканей и подарков для жены и детей и пришел домой. Когда он вошел, жена увидела на его плече хурджин, в руках ткани, обрадовалась, побежала ему навстречу и обняла его. А Мешхеде-Карим опустил хурджин на пол так, что из него посыпались камни. Увидела жена их и остолбенела, слова сказать не может. А он засмеялся и говорит:

— Эй, жена! Я же говорил тебе: не горюй, не теряй надежды на Аллаха. Это еще пустяки, у меня в сто раз больше есть.

И он рассказал жене историю со стариком.

— Пока не поздно, — говорит ему жена, — надо привезти домой все, что есть в сундуках.

— Нет, — отвечает Мешхеде-Карим, — пусть все останется там. Будем забирать понемногу. А то еще узнают соседи и навредят нам.

Жена не стала спорить и принялась спокойно готовиться к праздникам. В тот же день она пошла на базар, купила много сахара и муки,

чтобы приготовить сласти. А котла у них не было, вот жена и пошла к соседке:

— Одолжи мне большой котел, мана на три-четыре.

Соседку любопытство одолело, она и спрашивает:

— А зачем тебе большой котел?

А жена Мешхеда-Карима была простовата, она и говорит в ответ:

— Мы разбогатели с помощью Аллаха и хотим в этом году приготовить побольше сластей. Мой муж нашел клад, которого хватит на семь поколений.

Соседка подивилась и дала жене Мешхеда-Карима большой котел. Настала ночь, соседкин муж вернулся домой, и она рассказала ему обо всем. А он был жадный купец. Начал он думать, как бы обмануть Мешхеда-Карима, отыскать клад и унести разом все золото и драгоценности.

На другой день, как только Мешхеда-Карим вышел из дому, купец поспешил следом. Он шел за ним до самого дерева. Мешхеда-Карим разгрел землю, спустился по ступенькам вниз и наполнил хурджин золотом. Затем он вылез из подземелья и пошел своей дорогой. Купец же обрадовался и вернулся вскоре в город. Он решил собрать все золото и камни и отвезти к себе.

И вот нанял купец несколько мулов и на следующий вечер отправился к тому дереву. Он выгреб из сундуков все золото и ценности и погрузил их на мулов. Но по пути в город на него напали разбойники, а он по жадности своей стал сопротивляться, разбойники и убили его. Сняли они вьюки с драгоценностями, уселись в круг и стали делить их.

Слушай же дальше. Жена купца видит, что настала полночь, а мужа все нет. Чувствует она, что с мужем случилось что-то неладное, не вытерпела, пошла к дому Мешхеда-Карима и постучалась в дверь.

Мешхеда-Карим проснулся от сладких снов и подошел к двери.

— Эй, Мешхеда-Карим! — закричала жена купца. — Вот в чем дело: мой муж пошел за твоим кладом, но до сих пор не вернулся. Сжался надо мной, пойди разузнай, что с ним приключилось.

— Он, верно, разбойникам попался, — отвечает ей Мешхеда-Карим. — Пойдем лучше расскажем обо всем начальнику стражи.

Он оделся и вместе с женой купца отправился к начальнику стражи. Там он рассказал о кладе и жадности купца и попросил послать несколько вооруженных стражников, чтобы отбить у разбойников драгоценности и освободить купца.

Начальник отрядил самых храбрых воинов, и они двинулись в путь. Едут они и видят, что разбойники сели добычу делить. Тут стражники их окружили, разбойники поняли, что деваться некуда, и поневоле сдались. По приказу начальника их связали, а тело купца взвалили на мула, и все они вернулись в город.

Там купца похоронили, а Мешхеди-Карим отдал правителю города половину драгоценностей, наградил хорошо начальника стражи, а жене купца дал кошелек с золотом, чтобы она утешилась.

Мешхеди-Карим провел ноуруз вместе со своей женой и детьми в веселии и радости. Он купил дом купца и заново отстроил его. Но до самой смерти он не мог забыть брань и побои жены и всегда со смехом вспоминал об этом. При этом он повторял:

— Говорил ведь я тебе: потерпи, не теряй надежды. А у тебя не было терпения, и ты непрестанно нападала на меня. Ты даже во сне не видела таких сокровищ, — благодари же Аллаха.

Было ли так или не было — кроме бога, никого не было. Жил-был один юноша, звали его Экбал*. И рассудителен он был и расторопен, но не было у него никого на свете, и некому было за ним ухаживать. Только одна бедная старушка присматривала за ним. Ничего у них не было, жили они так бедно, что часто если пообедают, то ничего не останется на ужин, а если ужинать сядут — на завтра ничего нет. Экбал зарабатывал мало, и жизнь их была трудной.

А в городе, где они жили, часто говорили о стране Кашмир. Все считали, что нет страны, подобной Кашмиру. Там-де и мужчины и женщины живут спокойно, пируют и веселятся день и ночь. Там люди не знают ни болезней, ни печали, ни бедности. Никто в той стране не голодает, не страдает ни от холода, ни от жары. Улицы и переулки там мостят золотом и серебром, а в реках вместо песка — жемчужины.

Кто ни услышит эти речи, глубоко вздохнет и подумает: «Хорошо бы отправиться в Кашмир». И наш Экбал, когда ему приходилось туго, тоже мечтал о Кашмире и обдумывал, как бы ему попасть туда, чтобы подобрать булыжник с тамошних мостовых, набрать песку с берегов тех рек, привезти все это в родные края и зажить спокойной жизнью вместе со старушкой, которая заменяла ему мать.

Однажды утром проснулся Экбал, видит: нет даже черствой корки червячка заморить. Да и на обед ничего не предвидится. Стыдно стало им обоим. Взял Экбал свою палку и говорит старушке:

* «Экбал» по-персидски значит «счастье».

— До свидания. Я пошел.

— Куда? — спросила она.

— В Кашмир.

— Ты что, с ума спятил? С чем это ты пойдешь?

— А с думой, которая засела у меня в голове, — ответил он и тронулся в путь.

Вышел Экбал из города и направился по кашмирской дороге. Прошел он по степи фарсанг и встретился с пастухами. Видят пастухи: идет мальчишка — сам невелик, а палка в руках вдвое больше.

— Эй, малыш! — закричали они. — Куда так торопишься?

— Хочу отправиться в Кашмир.

Рассмеялись пастухи и говорят:

— Разве Кашмир — это теткин дом: когда захочешь, тогда и пойдешь? Что ты взял с собой?

— Ничего.

— А сколько у тебя денег?

— Нисколько.

— А что ты собираешься делать?

— Ничего.

— У тебя один ответ — ничего, — сказали они и подозвали его поближе.

Подошел Экбал к ним и сел, поел хлеба, брынзы, молока. Пастухи давай его уговаривать:

— Дружок, ты не доберешься до Кашмира. Сойди-ка лучше с ошейника шейтана, перестань упрямяться.

— Нет, — отвечал Экбал.

Он стоял на своем, будто ступил обеими ногами в один башмак. Поднялся он и двинулся в путь.

Прошел Экбал немного, видит, его нагоняет караван. Предводитель каравана увидел Экбала, подозвал и стал расспрашивать:

— Сынок, куда ты собрался?

— В Кашмир.

— А как тебя зовут?

— Экбал, — ответил он.

Понравилось предводителю имя мальчика, он спрашивает:

— Как же это ты пешком пройдешь сто фарсангов?

— Как-нибудь доберусь, — отвечает Экбал.

Случайно предводитель каравана тоже держал путь в Кашмир. Он предложил Экбалу:

— Ты, видно, мальчик умный. Я возьму тебя с собой в Кашмир.

Приказал он своим нукерам посадить Экбала на верхового осла, и поехали они вместе.

И вот Экбал добрался до Кашмира. Пошел туда, побрел сюда — видит: нет здесь жемчугов, а лежит по берегам рек обыкновенный песок. Походил он еще по улицам, а вечером чувствует, есть хочется.

— Странно! — сказал он. — Рассказывали, что здесь никто не голодает, а я вот почти умираю от голода.

Так он бродил, пока не остановился у какого-то дома. Стоит Экбал, в глазах у него помутилось, ноги подкосились — того гляди, дух вон. Присел он на каменную скамью перед домом и пригорюнился: «Ну и промахнулся я, — думает, — что приехал в эту страну... Если бы ветер поднял меня и отнес в родные края! Увижу ли я еще родимый город, погляжу ли в глаза доброй старушке, которая кормила меня...»

Так он говорил сам с собой и лил горькие слезы. В это время вернулся с базара повар, живший в том доме. Он собирался войти в дверь, но увидел мальчика и спросил:

— Мальчик, кто тебе нужен?

— Никто. Просто я устал и сел отдохнуть.

— Вставай, ступай своей дорогой! — закричал повар. — Это место не для бродяг.

Экбал приподнялся было, а повар подумал, что он уйдет, и вошел в дом. Через некоторое время он вспомнил о мальчишке, открыл дверь и видит, что тот все еще сидит там.

— Эй, парень! — закричал он. — Ты что, слов не понимаешь? Я же велел тебе убираться отсюда! Пошел прочь, не то я вылью тебе на голову помои.

При этих словах подоспел хозяин дома. А был он человек добрый и благородный.

— В чем дело? — спрашивает.

— Да вот этот шалопай сидит здесь и не уходит, хоть я и приказываю ему, — отвечает повар.

Хозяин посмотрел на мальчишку и догадался, что он чужестранец.

— Ты откуда, сынок? — спросил он.

— Из такой-то страны.

— Как тебя зовут?

— Экбал.

— Какое хорошее у тебя имя! Зачем же ты прибыл сюда?

— Клянусь Аллахом, — ответил Экбал, — я слышал в родном городе, что Кашмир — прекрасная страна, что здесь не знают голода и печали, улицы вместо камней вымощены золотом, а на берегах рек вместо песка лежат жемчуга. Я и поехал, чтобы взять себе всего понемножку.

Хозяин дома засмеялся и говорит:

— Ты, верно, взял с собой несколько кошельков!

Потом ему стало жаль мальчика, и он предложил:

— Вставай, входи в дом. Здесь тоже надо трудиться, чтобы раздобыть золото. Я возьму тебя в свой дом с условием, что ты будешь работать. Я дам тебе, конечно, легкую работу, с которой ты легко справишься. Будешь подручным этого повара, станешь помогать ему.

Радости Экбала не было предела. Стал он подручным повара. Но повар невзлюбил его с первого раза, начал им помыкать, самую неприятную работу на него сваливать. То пошлет поддувало печи прочистить, то посуду грязную заставит мыть, то дрова велит поколоть так, чтобы все поленья получились равные. Утром и вечером он должен был подметать комнаты. Экбал старательно исполнял все поручения, но только на повара не угодишь, он знай себе приговаривает:

— Что за ленивый парень! Только ты и знаешь, что есть да спать, а от работы отлыниваешь.

При этом он страшно ругался, а то, бывало, и колотил Экбала то шумовкой, то поварешкой, то полотенцем. И вот невоготу стало мальчику, и он решил:

— Уйду я из этого города, убегу!

Как-то ночью он сбежал, заночевал в мечети за городом, чтобы утром двинуться в путь. Но во сне слышит, будто кто-то говорит ему:

— Экбал, вернись на свое место. Твои дела в этом доме пойдут на лад, заживешь ты хорошо. Потерпи немножко!

Встал Экбал рано утром и вернулся в дом, откуда он бежал. Повар по-прежнему продолжал издеваться над ним.

И вот однажды повар придрался к Экбалу и стал поносить и избивать его. Тут случайно вошла хозяйская дочь. Ее звали Рохсаре, она была на два года моложе Экбала. Увидела она, что повар колотит Экбала, и начала ругать его:

— Как ты смеешь избивать этого несчастного мальчика? Еще раз ударишь его — я скажу отцу, и он выгонит тебя.

Еще сильнее повар возненавидел Экбала, но больше уже не осмеливался нападать на него. Только появилась у Экбала новая забота.

А была она вот такая. Каморка, которую отвели ему, была вся в дырах. Только он погасит ночью свечу, а уж в комнате полным-полно мышей. А он страшно боялся их. Пробежит мышь, заденет его за руку или за ногу — с него сразу весь сон соскочит. Ночи Экбал не спит, днем о мышках думает. Глаза у него от бессонницы покраснели, веки опухли.

Как-то посмотрела Рохсаре на Экбала и видит, что глаза у него красные. Она поняла, что он недосыпает, и спрашивает:

— Отчего ты не спишь по ночам?

— Да мыши покоя не дают.

— Я спасу тебя и от мышей, — сказала она.

Потом вытащила из кармана пахнабад и дала Экбалу.

— Пойди завтра на базар, — продолжала Рохсаре, — поищи хорошенько и купи кошку — пусть живет в твоей комнате. Никакая мышь после этого к тебе не заглянет.

Экбал так и сделал. Пошел он на базар, купил пушистого персидского котенка и принес домой. В первую же ночь котенок поймал не то трех, не то четырех мышей. После этого мыши не осмеливались показываться в комнате, Экбал же приобрел хорошего товарища. Зажили они с котенком на славу, и так продолжалось, пока в Кашмир не прибыл один мореход.

А этот мореход раз в год приходил в тот дом, забирал у хозяина, его жены, детей и слуг все, что они хотели продать. Затем он нагружал все это на корабль, продавал в дальних странах и приносил деньги. А себе брал кое-что из вырученных денег за труды.

Когда мореход прибыл в дом, хозяин созвал в большую комнату всех домашних и слуг и объявил:

— Кто хочет что-либо продать, пусть несет к мореходу.

Каждый понес, что у него было. Тут посмотрела Рохсаре и видит, что Экбала нет в комнате. Послала она за ним и говорит:

— Экбал, принеси и ты что-нибудь. Этот мореход продаст и привезет тебе деньги.

— А у меня ничего нет, — отвечает Экбал.

— Так принеси свою кошку.

Притащил он кошку, а хозяин, мореход и все присутствующие стали смеяться и шутить над Экбалом: «Ты, видно, хочешь выручить большие деньги!»

Мореход не хотел брать кошки, но Рохсаре стала упрашивать отца:

— Пусть мореход возьмет кошку, Экбалу ведь обидно!

Рохсаре была единственная дочь, отец очень ее любил и ради нее попросил морехода взять кошку.

И вот мореход снарядил корабль, сложил груз и на другой день отплыл.

А Экбал очень огорчился: жаль ему было расставаться с кошкой, да к тому же он боялся, что мыши опять не дадут ему покоя.

Рохсаре догадалась, что Экбал горюет из-за кошки. На другой день она дала ему вдвое больше денег и сказала:

— Купи себе другую кошку.

Экбал так и сделал.

Прошли дни, недели, несколько месяцев. И вот в один прекрасный день объявили, что вернулся тот моряк. В большую комнату созвали всех обитателей дома, чтобы отдать им вырученные деньги. Все спешат, радуются, один Экбал от стыда боится показаться.

Когда собрались все, мореход посмотрел и говорит:

— Все в сборе, кроме хозяина кошки. Почему он не идет?

Моряк хочет пошутить над Экбалом, решили все.

Сам Экбал тоже так думал и не хотел идти. Насилу привели его. Мореход отдал всем деньги, остался только Экбал. Тут моряк положил на землю один кошелек с драгоценными камнями, другой — с золотыми монетами, третий — с серебряными монетами, перстень с алмазом и перстень с изумрудом. При этом он сказал:

— Это выручка за кошку Экбала.

Удивились все, слова сказать не могут. А хозяин спрашивает:

— Мореход, все эти деньги за одну кошку?

— Да, — отвечает тот. — Послушайте же, я расскажу вам, как это было. Когда корабль отплыл отсюда, подул противный ветер и понес корабль по морю. Мы ничего не могли поделать, и корабль отнесло к берегу страны негров. Мы поневоле бросили якорь и сошли на берег. Увидали жители корабль, пошли к вождю и доложили ему. Ему очень нравились белые люди, и он послал за нами. Нас повели в его дом.

«Зачем вы прибыли сюда?» — спросил вождь. «Мы не по своей воле оказались здесь, нас пригнал ветер», — отвечаем мы. «А что у вас на корабле?» — «Всякие товары для продажи».

Захотел он посмотреть товары, а прежде стал нас угощать. Разостлали скатерть, начали подавать разные кушанья.

Вдруг видим: из стен прямо на скатерть и тарелки скачут мыши. Я и спрашиваю их: «Как вы можете спокойно есть, когда столько

мышей?» — «А мы ничего не можем с ними поделать», — говорят. Я и предложил им: «У нас есть красивый зверь. Как появится, так все мыши сбегут».

Послал я мигом на корабль, и оттуда принесли кошку. Как вошла она в комнату, так принялась ловить мышей и душить их. Она схватила трех или четырех, а остальные пустились наутек. А кошка стала на задние лапы и уселась рядом с нами за столом.

Вождю кошка так понравилась, что он отдал за нее эти драгоценности и перстни. А на другой день негры раскупили все наши товары. Они проводили нас с почетом и были несказанно рады кошке.

Экбалу теперь действительно улыбнулось счастье. Благодаря золоту и драгоценностям он оказался богаче самого хозяина. Тут нукеры и слуги стали нашептывать хозяину: это-де ваши деньги, кошка-то была куплена на ваш счет! Если бы Рохсаре не дала мальчишке денег, на что он купил бы кошку и приобрел бы это богатство?

Но хозяин был справедливый человек и сказал:

— Все это принадлежит ему. Это его счастье.

А Экбал в ответ:

— Если говорить правду, то все принадлежит Рохсаре.

Потом Экбал попросил у хозяина разрешения поехать за старушкой, которая помогала ему в трудные дни, привез ее в Кашмир и поселил в том же доме.

Когда Экбал и Рохсаре подросли, их поженили, и они счастливо прожили долгие годы. Тут и нашей сказке конец.

Было так или не было — тысячу лет тому назад жил некий человек и была у него очень хорошая жена. И было у них с женой все, чтобы жить и радоваться, кроме детей. То-то было горе! Они давали обеты, молились, сколько снадобий перепробовали — и все без пользы.

Однажды жена говорит мужу:

— Верно, нам с тобой не суждено иметь детей. Давай возьмем ребеночка на воспитание.

Муж отвечает:

— Не стоит. Разве ты не слышала, что старики говорят: чужой ребенок не станет твоим, даже если наденешь ему на шею золотую цепь.

Жена говорит:

— Да нет, не так это, как ты говоришь. Может быть, найдем ребеночка, вырастим с любовью, и он нас тоже полюбит.

Прошло несколько дней после этого разговора. Однажды муж выходит из дома и видит: на скамье у ворот лежит спеленатый младенец, очень хорошенький, с голубыми глазками, белым личиком, переплетенными тесьмой косичками, смотрит на него и вот-вот заплачет. Видно, его подкинули. Муж взял его на руки, младенец успокоился и улыбнулся. Принес муж его в дом и говорит жене:

— Иди-ка сюда! Вот ребенок, которого мы просили у Бога.

Жена обрадовалась, переменяла пеленки, нагрела воды, вымыла младенца, видит — девочка.

Эта девочка росла у них в доме, окруженная заботами и лаской, пока ей не исполнилось шестнадцать лет. Кто знает, понимала ли она, что они

не ее родные отец и мать. Кое-какие намеки она слышала, но в общем это оставалось для нее тайной. Спрашивать же у отца и матери было стыдно.

Однажды мать тяжело заболела, ей становилось день ото дня хуже. Позвала она как-то девушку и сказала:

— Дочь моя, солнце мое заходит, я ухожу от вас. После моей смерти отцу, конечно, надо будет жениться. Я дам тебе перстень. Ту женщину или девушку, которой он придется впору на средний палец, сосватай своему отцу и приведи в дом вместо меня.

То же самое она сказала мужу, отдала перстень и через несколько дней покинула этот мир. Девушка, конечно, очень горевала, муж тоже был огорчен. Когда прошла неделя, а потом и сорок дней со дня смерти этой женщины, девушка пошла по домам искать невесту. Кому она ни примеряла перстень — всем он был или велик, или мал. Она уж не знала, что и делать.

Однажды девушка сидела на айване своего дома и от нечего делать играла перстнем. Случайно надела она перстень на палец, смотрит — а он ей как раз! Хотела снять — видит, с трудом снимается, а тут как раз входит ее отец. Девушка, чтобы отец ничего не заметил, быстро обернула палец платком. Отец подошел к ней и спрашивает:

— Ой, что это ты палец завязала?

Девушка отвечает:

— Порезала.

Отец говорит:

— Как порезала, покажи!

Девушка хотела сказать: ничего, мол, пустяки, но отец взял ее за руку и развернул платок. Увидел у нее на пальце перстень и сказал:

— Слава богу, наконец-то я успокоился! Ты должна стать моей женой. Шестнадцать лет назад Бог послал тебя в мой дом ради этого дня.

Девушка отвечает:

— Ты меня вырастил и имеешь на меня родительские права.

Отец говорит:

— Пустяки! Жена мне завещала: кому подойдет этот перстень, ту и бери в жены. Тут и говорить не о чем.

Короче говоря, девушка стала отказываться, а отец — настаивать. Когда девушка увидела, что он упорствует, она сказала:

— Ладно, я согласна. Но это будет не так скоро и не так просто. Ты должен немного подождать и хорошенько все для меня приготовить. Я ведь девушка, у меня тоже есть разные желания. Подожди с сего-

дняшнего дня сорок дней и за это время все приготовить для свадьбы. Через сорок дней устроим свадьбу.

Мужчина согласился. Девушка же позвала нескольких землекопов и попросила их вырыть в ее комнате колодезь и соединить его подземным ходом с городским рвом. Все, что мать купила ей за шестнадцать лет из вещей, одежды и драгоценностей и что ей подарил тот человек, она спрятала в колодезе. Кроме того, она пошла на базар, отыскала шерстобита и велела ему:

— Сделай мне широкую одежду, пару туфель и шапку, которая натягивалась бы до самой шеи и имела отверстия для глаз и рта. Но сделай хорошо и искусно, чтобы я надела и никто не подумал, что это одежда из войлока, а подумали, что я какое-то животное.

Шерстобит согласился и все так и сделал. Когда все было устроено, кончились как раз сорок дней. Пришел тот мужчина домой и говорит:

— Завтра вечером кончается твоя сорокадневная отсрочка. Я пригласил на свадьбу всех почтенных людей города.

Девушка отвечает:

— Хорошо, я готова.

Мужчина накупил сладостей и фруктов, позвал поваров, велел им установить во дворе котлы для плова. Заказал для девушки свадебную одежду из бархата, шитого золотом, купил ей алмазный венец и жемчужное ожерелье, принес все это и сказал:

— Сегодня вечером надень эту одежду и эти драгоценности.

Пока возились с приготовлениями, наступил вечер и стали собираться гости. Пришли родственники того мужчины. Пришла машшате*. Знаете, что получилось, когда девушку разубрали, приодели и надели на нее драгоценности? Она точно сказала луне: «Скройся! Я здесь!»

Мужчина увидел девушку такой красивой, обрадовался и про себя подумал: «А хорошо сделала моя жена, что умерла! Ведь иначе я выпустил бы из рук этукую раскрасавицу!»

Девушка велела устроить спальню новобрачных в своей комнате, а еще раньше спрятала там бурдюк. Бурдюк она одела в платье, нарисовала на нем глаза и брови и уложила его на постель.

Позвали гостей к ужину, повара внесли угощение, слуги расстелили скатерти, все собрались и принялись за еду. Когда ужин подошел к концу, две женщины отвели жениха в спальню новобрачных, к невесте.

* Машшате — женщина, которая наряжает невест.

Жених вошел и видит: неярко горит свеча, комната полутемная, невеста спит на постели.

Он огорчился и сказал:

— Ты удивительно невоспитанная девушка! Не уважаешь меня, даже не встаешь, когда я вхожу! Вставай!

А она не отвечает.

Он толкнул невесту ногой, а она все равно не отвечает. Опять толкнул и закричал:

— Стыда у тебя нет! Подымайся!

Нет ответа. Говорит тогда:

— Ах, ты и внимания не обращаешь? Так я тебе сейчас покажу!

Выхватил из кармана нож и распорол невесте живот. Женщины, которые были тут неподалеку, подбежали и кричат:

— Ой, ой, ой! Прах нам на голову, что ты натворил! Зачем распорол невесте живот?

Гости услышали крики, засуетились, прибежали к дверям спальни со свечами. Хотели вынести невесту в другую комнату и позвать хирурга, чтобы он зашил ей живот.

Мужчина тут стал страшно раскаиваться, думает: «Что я наделал, распорол живот такой красавице! Уж черт с ней, что она не встала! Что я теперь скажу гостям?»

А те уже лезут в спальню новобрачных, и двое побежали за хирургом, чтобы он пришел и зашил живот. Когда внесли свечи в комнату и стали ее поднимать — остоленели: невеста-то оказалась бурдюком! Поражаются гости: в чем дело, каким образом невеста превратилась в бурдюк?

Мужчина сгорает от стыда, по всему городу рассказывают эту историю, и он не может никому на глаза показаться. В конце концов он все оставил и уехал из города.

А девушка-то, когда услышала, что мужчину ведут к ее спальне, вошла в комнату, подняла ковер, сняла крышку колодца и спустилась в подземный ход. До утра оставалась там, а утром оделась в тот самый войлок, спрятала под ним кое-какие свои вещи, натянула шапку, надела туфли и вышла наружу через городской ров. Задворками выбралась в степь и несколько месяцев там скиталась, пока не пришла к роднику. Думает: «Здесь мне лучше побыть несколько дней». На следующий день, когда она сидела у родника, мыла плоды, собранные в лесу, и собиралась их есть, увидела она вдали нескольких всадников, которые приближались. Она их испугалась и с трудом вскарабкалась на дерево, росшее там. Всад-

ники, впереди которых ехал сын падишаха той страны, приблизились. Шахский сын подвел лошадь к роднику напоить, а в воде отражалась с дерева Намади*, и лошадь шарахнулась в сторону. Сын падишаха посмотрел сперва вверх, а потом вниз. Видит на дереве Намади, а внизу ее отражение и говорит:

— Сейчас же сходи с дерева, если замешкаешься — голову отрублю!

Намади спустилась. Шахзаде и юноши, которые были с ним, покатались со смеху при виде ее. Сказал шахский сын своим спутникам:

— Давайте вернемся в город и это привезем домой вместо добычи.

Намади посадили в седло позади одного из всадников и привезли в город, во дворец падишаха. Жена падишаха, мать того юноши, спросила сына:

— Это что такое?

Отвечает:

— Это Намади, наша сегодняшняя добыча. Отправь ее в комнаты служанок или на кухню, пусть там побудет.

И Намади слонялась там без дела, пока однажды один из богатых и знатных людей города не стал устраивать для своего сына празднество по поводу обручения. Он почтительно пригласил на это празднество также жену падишаха. Жена падишаха надела свои шелковые и атласные одежды, надела драгоценности и собиралась торжественно, важно выйти из замка, чтобы ехать в гости, когда к ней подошла Намади и сказала:

— Госпожа! Куда вы едете?

Отвечает:

— На обручение.

Намади попросила:

— Возьмите меня с собой!

Госпожа закричала:

— Ах ты дрянь такая! Еще чего захотела! Да чтоб я этакое пугало повезла на праздник! Ты хочешь, чтоб у людей там желчь разлилась с перепугу при виде тебя? Вон отсюда! Убирайся! Пошла отсюда, не балуйся!

Госпожа покричала и уехала в гости, а Намади спряталась в укромном углу, вылезла из своей войлочной шкуры, вымылась, надела хорошее платье, драгоценности и пошла туда же.

* «Намади» по-персидски значит «войлочный». Так стали называть девушку, когда она оделась в платье из войлока.

Как вошла она в дом, все гости встали при виде ее от удивления и заинтересовались:

— Кто эта красивая и знатная девушка?

Хозяин дома выбежал вперед, усадил ее на почетное место рядом с женой падишаха. У всех, кто там был, голова кругом пошла, смотрят, глаз от нее оторвать не могут. А как дошло дело до танцев, девушки стали в круг, и она с ними. Тут уж все совсем головы потеряли и в один голос твердили:

— Господи помилуй! Господи помилуй! Тысячу один раз Господи помилуй! Милостив Бог к тому, кто станет ее мужем!

После танцев, до окончания праздника, девушка поспешно встала и пошла к замку. Забралась в тот укромный уголок, где у нее было спрятано ее облачение, разделась и влезла в свою войлочную шкуру.

Вслед за Намади вернулась и жена падишаха. Прошла на женскую половину дворца, позвала сына и говорит ему:

— Сын, душа моя, сегодня в доме такого-то знатного человека было обручение. Среди гостей была девушка — по красоте и совершенству не найти ей равной. Я никогда еще не видала такого красивого лица. К тому же она очень знатная, но я только не узнала, чья она дочь. Я очень хотела бы взять ее тебе в жены. Жаль, если это не удастся.

Сын спрашивает:

— А нельзя ли мне ее увидеть?

Мать говорит:

— Почему же нельзя? Через неделю там будет свадьба, и эта девушка непременно придет. Я попрошу хозяина усадить тебя в зале на хорах, чтобы ты мог ее хорошенько разглядеть.

Так она и сделала, и для сына падишаха устроили место на хорах. В день свадьбы, когда госпожа собиралась выйти из замка, чтобы ехать туда, Намади опять сказала ей:

— Госпожа, куда вы едете?

Отвечает:

— На свадьбу.

Намади говорит:

— Я тоже пойду!

Госпожа закричала:

— Вот нахалка! Пошла на место! Сиди и помалкивай! Не смей болтать глупости!

Покричала и поехала на свадьбу. Сын тоже поехал и устроился там в зале на хорах. Девушки увидели, что пришел сын падишаха, и очень

обрадовались, стали перед ним красоваться. А Намади, как прошлый раз, нарядилась, надела драгоценности и пошла на свадьбу. Хозяин дома опять подбежал, повел ее на почетное место, усадил рядом с женой падишаха. Шахзаде, как заметил эту девушку, сразу потерял голову. Видит — мать правду говорила.

Немного погодя девушки, как прошлый раз, стали танцевать. Но сегодня ведь на них смотрел шахский сын, и они уж старались вовсю. Намади тоже была среди них. В конце концов, развеселившись, девушки сняли свои расшитые шапочки, чтобы, по обычаю, просить у гостей отступного. Намади тоже сняла шапочку. Шахзаде снял с пальца алмазный перстень и бросил с хор прямо в шапочку Намади.

Шахзаде и жена падишаха хотели, пока не кончится праздник, все разузнать об этой девушке, узнать, кто она, где живет, из какой семьи. Но пока они собирались, видят — девушки уже нет. Огорченные, вернулись в замок. Назавтра перевернули весь город, послали людей по домам — о ней ни слуху ни духу. Как будто она обернулась птицей и улетила или обернулась рыбой и уплыла.

Шахзаде потерял покой и сон, перестал есть, все думал о ней. После того как отчаялись найти ту девушку, мать какую ему ни посватает — он отказывается и думает о той. В конце концов от глубокой печали вознамерился он поехать на несколько дней за город, будто бы поохотиться.

Матери он сказал:

— Собери нам запас еды на несколько дней для путешествия, я собираюсь поохотиться и пробуду на охоте несколько дней. Приготовь мне несколько лепешек на молоке и пару жареных кур.

Мать велела принести молока и замесить тесто и сказала, что, когда тесто поднимется, она сама придет и своими руками раскатает для сына шесть лепешек.

Стала жена падишаха раскатывать лепешки, взяла шесть горстей теста, а Намади пришла и говорит:

— Госпожа, дай я тоже одну сделаю!

Госпожа закричала:

— Пошла прочь, что за глупости! Кто захочет есть лепешку, спеченную из теста, которое ты мяла руками!

Намади отвечает:

— Да ничего, госпожа, миленькая! Ради бога, дай я тоже одну раскатаю!

Сын падишаха услышал и сказал:

— Матушка, не огорчай ее, пусть одну лепешку сделает.

Мать говорит:

— Ладно! Иди бери тесто.

Намади тут подошла и незаметно закатала в лепешку перстень — тот самый алмазный перстень шахзаде. Потом лепешки испекли, завернули их все семь штук в скатерть и отдали главному стольнику. Назавтра сын падишаха с рабами и слугами поехал на охоту. Три-четыре дня они были там. Все из еды, что взяли с собой, съели. В последний день на охоте шахзаде проголодался и говорит главному стольнику:

— Приготовь нам что-нибудь поесть.

— Хлеба нет, — отвечает тот.

Шахзаде спрашивает:

— Ни одной лепешки не осталось?

Тот опять отвечает:

— Только та лепешка, которую Намади приготовила.

Говорит:

— Ничего не поделаешь, принеси.

Когда лепешку дали шахзаде, он разломил ее пополам, и из нее выпал перстень. Подобрал он его и видит: это тот самый перстень, который он дал Намади на свадьбе. Понял он, в чем тут дело, и тотчас приказал возвращаться в город. Сели они на коней, прискакали в город, спешились у замка. Пошел шахзаде на женскую половину, вызвал мать в свою комнату и говорит:

— Матушка! У меня радостная весть: я нашел ту девушку.

Мать спрашивает:

— Где она?

Отвечает:

— Да здесь она!

Крикнул:

— Позовите Намади, пусть придет!

Намади пришла, и он говорит:

— Сейчас же вылезай из этой войлочной шкуры!

Намади отвечает:

— Зачем мне вылезать?

— Потому что я тебе велел!

— Ладно, — отвечает она. — Но вы выйдите в другую комнату, чтобы я могла здесь вылезти из шкуры.

Они вышли в другую комнату, а Намади вылезла из войлока, вымыла голову, шею, лицо и руки, нарядилась, подкрасилась, как полагается, надела драгоценности и вышла к сыну падишаха и его матери. Мать видит: да, это она. Обняла ее и поцеловала. Тотчас определили ей комнату, послали прислуживать ей двух служанок и одного слугу и занялись приготовлениями к свадьбе. Когда все было готово, шах приказал украсить город, семь суток жечь плошки и праздновать свадьбу. На седьмой день праздника привели жениха к невесте, и много лет потом они жили хорошо и радостно.

Сказка наша кончилась. Как они нашли друг друга, так и вы найдете ваше счастье.

Сказка о купце и его сыне

Жил в Исфагане богатый купец, и был у него один-единственный сын. А сын этот был неблагороден по натуре, не было у него ни стыда ни совести. Он водился с дурными людьми и думать забыл об этом и о другом мире. Как ни увещевал, как ни совестил его отец — все было бесполезно. И купец все время повторял: «Плохо будет сыну после моей смерти!»

Однажды он спрятал в потолке комнаты сто тысяч золотых ашрафи и обратился к сыну:

— Дорогой, если тебе придется туго и ты захочешь покончить с собой — возьми веревку, обвяжи один конец ее вокруг шеи, потом встань ногами на столик, привяжи другой конец веревки вот к этому кольцу на потолке и толкни столик ногой. Так легче всего умереть.

Выслушал сын, рассмеялся и подумал: «Отец спятил с ума. Разве умный человек станет покушаться на самоубийство?»

Немного времени прошло, и купец скончался. Безрассудный сын начал проматывать отцовское состояние. За два года он вместе со своими беспутными друзьями пустил на ветер все денежки и принялся за домашний скарб: сегодня продаст ковры, завтра еще что-нибудь. Так распродал все. Видит, дома уже ничего не осталось — давай продавать рабов и рабынь. Сегодня не стало Зафаран, завтра — Масуда, послезавтра — Фируза, и наконец он продал Каха-Ноуруза.

И вот видит юноша, что уж больше нечего ни продать, ни заложить.

Гулял он как-то с друзьями за городом. Один из них и говорит ему:

— Мы будем твоими гостями в таком-то саду, а ты обеспечь все, что нужно для пира.

Юноша дал слово, что все будет в порядке, и отправился домой. Но дома — ни денег, ни еды, ничего. Пошел он к матери и стал плакаться:

— Мне нечем завтра угостить друзей, я буду опозорен!

Мать сжалась над сыном и заложила свои платья. Она стала готовиться, как могла, чтобы принять гостей сына.

Утром юноша, веселый и довольный, взял приготовленные кушанья и направился к саду, где собрались друзья. По дороге он утомился, поставил на землю узел с кушаньями и уселся отдохнуть в тени деревьев. Отдохнул он, хотел было идти дальше, как вдруг на него налетела собака и попыталась схватить что-нибудь из еды. А он как раз в это время хотел связать концы узла, но тут один конец запутался на шее собаки, и та пустилась наутек. Сын купца бросился вслед, да разве ее догонишь!

С тоской в сердце и слезами на глазах пришел юноша к друзьям. Рассказал им обо всем, но они только подняли его на смех — каждый как-нибудь да высмеял его.

Раздобыли они кое-как вино и закуску и устроили пирушку, но своего незадачливого друга не приняли в свой круг. Тут только он прозрел и понял, к чему привело его прежнее поведение. Видит, что все отцовское наследство он промотал ради никчемных людей.

Долго он плакал и убивался и наконец решил покончить с собой, чтобы хоть не слышать упреков неверных друзей. Внезапно вспомнилось ему завещание отца: «Когда судьба обернется для тебя злом и ты захочешь покончить с жизнью, продень веревку в это кольцо, стань на столик и отправляйся на тот свет. Это лучший вид самоубийства».

Юноша подумал: «Я не послушался ни одного совета и назидания своего отца. Только теперь, пожалуй, я выполню его завещание».

Пришел он домой, взял веревку, продел ее в кольцо в потолке, на другом конце сделал петлю, обвязал вокруг шеи и стал на столик. Только ударом ноги отбросил столик, как от тяжести его тела кольцо выскочило и на пол со звоном посыпались золотые монеты.

Тут только юноша понял, как сильно отец любил его. Ведь отец, оказывается, еще давно понял, что дружба с этими людьми не доведет сына до добра, откается он и, пожалуй, наложит на себя руки. Но уж коли

дойдет он до такой крайности и тут получит последний отцовский подарок — оставит все глупости и не будет больше зря тратить деньги.

Сын взял несколько ашрафи и пошел к матери:

— Приготовь ужин! Теперь уж Бог обеспечил наше будущее. А я испытал горе и знаю, что такое нужда.

На другой день он выкупил проданных рабов и рабынь, потом вернул все проданные вещи и расставил все по прежним местам. После этого он занял лавку отца и стал продолжать его дело.

И вот в один прекрасный день один из его бывших друзей проходил мимо дома, взглянул и не поверил своим глазам. Его окликнул сам купеческий сын:

— Войди! Это и правда я!

И юноша снова сошелся с прежними друзьями и пригласил их в тот самый сад, куда приглашал в последний день своих несчастий. В полдень юноша явился в сад с пустыми руками и сказал:

— Друзья! Наш повар готовил сегодня табризское куфте, но прибежала мышь и утащила колотушку для мяса. Поэтому я и не смог приготовить для вас угощение.

Тут один из друзей встал и говорит:

— И у нас несколько дней назад был точно такой же случай. Повар готовил куфте, но прибежала мышь и унесла колотушку и все остальное.

Другой сказал:

— А был и другой случай, еще более удивительный: мышь утащила в норку колотушку, косарь и всю кухонную утварь.

Тут вмешался третий:

— Эх, дружище! Да простит Аллах твоего отца, что за пустяки ты рассказываешь. Вот наш повар как-то готовил на кухне, так мышь утащила все, что было на кухне, в норку. Повар хотел было помешать ей, потянул что-то обратно, но мышь уволокла и его самого.

Выслушал сын купца эти речи и сказал:

— Когда я вам правдиво рассказал, что собака утащила узел, вы по неблагодарству своему объявили меня лжецом только потому, что я был беден. Даже к столу меня не пригласили и не угостили. А сегодня вы знаете, что я снова богат, и вон как отвечаете. Ведь мышь не может утащить колотушку в норку. Но это еще ничего, — как только вы не лгали, чтобы угодить мне! Разве мышь может унести в норку косарь и колоду весом в пятьдесят манов? А всю кухонную утварь вместе с самим поваром? Я не готовил для вас угощение потому, что в тот день вы

поступили со мной низко. Вы из тех людей, про которых сказаны такие стихи:

Есть деньги у тебя — и я твой друг,
Не пожалею для тебя услуг.

Знайте же, что я уже не тот, вокруг которого вы увивались и который тратил на вас деньги. Вы дали мне урок своим поведением, и я понял, что вы — друзья дней достатка, а не дней нужды. Прощайте.

Юноша вернулся к себе и стал заниматься торговлей. Дела его пошли в гору, и скоро он стал купеческим старшиной Исфагана.

Сказка о купце, кадии и Бохлуле

Жил в Багдаде купец. Он торговал драгоценными камнями и был очень богат, только детей у него не было. Захотелось ему как-то совершить паломничество в Мекку, и подумал он: «Как же мне быть? Если я не вернусь из хадджа*, что станет с моим богатством?»

Думал он, думал и наконец придумал: продать все движимое и недвижимое имущество, обратить его в драгоценные камни и сдать на хранение городскому кадию. Перед тем как это сделать, он решил зашить драгоценности в кошелек и написать завещание.

Так он и поступил. Принес к кадию все свое состояние и сказал:

— О кадий! У меня нет детей и наследников, а я хочу совершить паломничество в Мекку. Все свое состояние я оставляю у тебя. Если вернусь живым из паломничества — заберу свое добро, а если умру, то продай все это и закажи на вырученные деньги молитвы по мне.

Кадий ответил:

— О верующий! Я никогда и ни у кого не брал ничего на хранение и сейчас не возьму.

Купец подумал: «Удивительно благочестивый человек, слава Аллаху! Надо его как-нибудь уговорить, чтобы он все-таки согласился взять на хранение мои драгоценности».

И умолял он кадия до тех пор, пока тот не ответил:

— Хорошо, господин купец. Раз ты так настаиваешь, а мне все-таки не хочется, то запечатай сам кошелек и оставь на полке

* Паломничество в Мекку, которое считается у мусульман святым делом, называется «хадж». Паломник, побывавший в Мекке, получает право называться «хаджи».

в моей библиотеке. Даст бог, вернешься жив-здоров, пойдешь сам и возьмешь.

Купец оставил кошелек на полке, где показал кадий, и довольный отправился в далекое путешествие.

Побывал он в Мекке, собрался в обратный путь и купил для кадия подарки. А как вернулся в Багдад, пошел с подарками к кадию, но тот подарков не принял. Стал купец просить:

— О кадий! Я купил эти подарки в священной Мекке, они благословенны. Я купил их только ради тебя. Сделай милость, возьми!

Наконец кадий обернулся к слуге и сказал:

— Хорошо, Ахунд-мулла, Хасан-хаджи уж очень просит, прими подарки.

Купец отдал подарки и стал дожидаться, надеясь, что кадий вернет ему кошелек. Но кадий молчал. Тогда купец заговорил сам:

— Господин кадий! Не прикажешь ли вернуть отданное на хранение?

А тот ему в ответ:

— Какое хранение? Я сроду ни у кого ничего не брал на хранение.

— Господин кадий! А тот самый кошелек, который ты мне велел положить на полку в библиотеке?

Тогда кадий сказал:

— Ах да, вспомнил! Что ж, хорошо. Возьми его там, где оставил.

Хаджи обрадовался, пошел и видит, кошель лежит на том самом месте, куда он его положил, и печати на нем целы. Только на дне дыра и ни одного камня в кошельке не осталось. Схватился он за голову и побежал к кадию:

— Господин кадий! Мне теперь придется или покончить с жизнью, или просить подаяния. Попрошайничать я не могу, остается мне покончить с собой. Все мое имущество и состояние было в том кошеде!

А кадий отвечает:

— О хаджи! Я ничего не знаю. У нас в доме развелись мыши, они очень любят драгоценные камни. Это мыши, проклятые, виноваты!

Вышел хаджи из дома кадия со слезами на глазах. Идет по улице и плачет, как деревенский дурачок. Бьет себя по голове и приговаривает:

— О Аллах! Помоги мне или пошли мне смерть!

И тут он встретился с Бохлулом*. Тот преградил купцу дорогу и спросил:

— Господин хаджи! Что с тобой случилось? Почему ты рыдаешь, как безумный?

* Бохлул — легендарная личность, шут халифа Харун ар-Рашида.

— О Бохлул! Оставь меня в покое и иди своей дорогой. Дай мне умереть с горя.

Бохлул возразил:

— Нет, не оставляю. Я непременно должен знать, что с тобой случилось!

Рассказал купец обо всем Бохлулу, а Бохлул говорит:

— О хаджи! Успокойся и не горюй. Даю тебе слово: пройдет немного времени, как я возьму у кадия твои драгоценности и верну тебе.

Сказал он это и пошел к Харун ар-Рашиду:

— О брат мой! Прошу тебя об одном деле.

Харун обрадовался, что Бохлул, мол, поумнел и просит о деле, и спрашивает:

— О чем же ты просишь?

Бохлул ответил:

— Назначь меня старшиной всех городских мышей с правом наказывать их за воровство по своему усмотрению.

Харун и его везиры расхохотались.

— Ну и выдумал же Бохлул просьбу!

Наконец они решили: в этой просьбе есть, верно, скрытый смысл — и согласились.

Бохлул немедленно нанял пятьсот рабочих с кирками и заступами, пришел с ними к дому кадия и велел подкапывать дом со всех сторон.

И вот кадию вдруг говорят:

— Что ты сидишь здесь? Бохлул вот-вот снесет твой дом.

— Пойдите спросите, чего он хочет, — сказал кадий.

Пошли слуги и спрашивают:

— Эй, Бохлул, что это значит?

А тот отвечает:

— Хочу разрушить этот дом, поймать обитающих в нем мышей и наказать их как следует. Я отберу украденные ими драгоценности хаджи — ведь по указу Харун ар-Рашида мне предоставлено право наказывать мышей.

Передали слуги это кадию, понял он, в чем дело, и сам вышел к Бохлулу:

— Умоляю тебя, не трогай дом!

А Бохлул в ответ:

— Нет, это дело не пройдет! Я должен отобрать у мышей драгоценности и наказать их, чтобы им впредь неповадно было красть.

Видит кадий, что не отделаешься от него, и говорит:

— О Бохлул, я уплачу стоимость этих камней.

А тот свое:

— Нет, не выйдет! Я должен отобрать драгоценности у мышей.

И тогда кадий согласился вернуть камень. Он принес все драгоценности купца и отдал ему. Сверх того Бохлул взял пятьсот туманов в виде вознаграждения рабочим, которых он привел.

После этого Бохлул сообщил Харун ар-Рашиду о поступке кадия. Халиф приказал обрить кадию бороду, посадить задом наперед на осла, провезти по городу, а потом изгнать. Так был опозорен перед всеми алчный и корыстолюбивый кадий.

Рассказ о сундуке

Было так или не было, а кроме бога, никого не было. В одном городе жил купец, который проводил всю жизнь в разъездах и так усердствовал в приобретении денег, что ни минуты не знал покоя. Кроме денег, ничто его не интересовало, и он за всю жизнь не истратил ни одного шахи на богоугодное дело.

Была у него жена, которая в противоположность мужу порядочность и благородство души ценила больше, чем деньги, и из-за этого вечно с мужем ссорилась. У купца и его жены был один-единственный сын.

Однажды, как раз когда сам купец был в отъезде, его сын поссорился с каким-то бедняком. Они оба сперва подняли крик, а потом крепко подрались. Сына купца особенно взорвало то, что с ним, сыном богатого человека, смеет ссориться и даже драться какой-то бедняк, нищий. Он расสวิрепел, схватил с земли камень и так ударил им противника по затылку, что сильно разбил ему голову. Тот сразу побежал к старосте квартала и показал ему свой разбитый затылок. Староста тотчас послал за купеческим сыном. Его привели. Староста подумал: «Хорошая дичь мне попалась» — и начал на него кричать:

— Эй, ты! Сын хаджи! Очень уж ты зазнался, головы стал людям проламывать! Ты воображаешь, что и управы на тебя нет? Эй, ребята, хватайте этого сына хаджи, ведите его в тюрьму!

Слуги старосты схватили купеческого сына и бросили его в подвал, где была устроена тюрьма. Тот, другой, с разбитым затылком, обрадовался. Вот, думает, справедливый староста, между богатым и бедным

разницы не делает. Сейчас, конечно, возьмет у купеческого сына два-три тумана, даст мне и скажет: «Пойди полечи на эти деньги свою разбитую голову». Но староста вдруг говорит:

— Эй, ты! Очень ты храбрый стал, с почтенными людьми ссоры за-теваешь! Купеческого сына задел, такой-сякой! Хватайте его, возьмите у него десять туманов, потом можете отпустить!

И этого беднягу с разбитой головой так мучили, что пришлось ему, где можно было, призанять денег, собрать десять туманов и отдать старосте. Только тогда его отпустили.

Между тем жене купца, матери того богатого юноши, сообщили, что ее сын разбил кому-то голову, его схватили и бросили в тюрьму. Мать разволновалась, встала, надела чадру, пошла к старосте и говорит ему:

— Послушай, ты ведь знаешь, что мой муж в отъезде и у меня, кроме сына, никого близких нет. Ты же моего сына схватил и бросил в тюрьму. Кто теперь будет вести наши дела, кто мне поможет? Да и вины-то особенной за ним нет. Во время ссоры ведь не финики друг другу дарят, а обязательно этот того ударит, а тот этого обругает. Я сейчас пойду к тому, с разбитой головой, уговорю его. А ты моего сына отпусти.

Староста ей в ответ сказал:

— Это что еще за разговоры? Зачем мы над вами поставлены? Нет, так не выйдет! Наше дело — помогать людям в беде, защищать всех несчастных и обиженных!

Все это он произнес громко, при людях, а потихоньку ей шепнул:

— Дело будет стоить двести туманов. Положи двести туманов в кошель, принеси ко мне в эндерун, отдай, и я освобожу твоего сына.

Женщина немного подумала и сказала:

— Послушай, староста! Не годится, чтобы я приносила тебе деньги на дом. У меня ведь свой дом есть, живем мы неплохо. Очень меня обяжешь, если послезавтра придешь ко мне обедать. Посидим, кусок хлеба с сыром съедим, тут я тебе деньги и передам.

Староста на это согласился. Женщина видит: не освободил он сразу ее сына. Встала, пошла в дом главного судьи. Поздоровалась с ним и заплакала. Судье стало ее жаль, и он спросил:

— Что случилось? Какое у вас ко мне дело?

Она отвечает:

— Староста квартала бросил моего сына в тюрьму. Я прошу вас, напишите записку, что этот юноша ваш родственник и его надо освободить.

Судья говорит:

— Ничего не выйдет. Надо взять по меньшей мере пятьсот туманов, принести ко мне на дом и отдать. Тогда его освободят.

Женщина ему в ответ:

— Послушай, судья, я согласна, но мне приходится к тебе на дом, по моему, не следует. Послезавтра приходи лучше ко мне обедать. Пообедаем вместе, и тут же я тебе деньги и отдам.

Судья согласился. Женщина видит: опять ей не удалось освободить сына. Встала и пошла к мулле своего квартала. Заплакала и говорит:

— Богомольный ты человек! Ради самого Бога, помоги мне! Староста схватил моего сына и бросил в тюрьму. А у меня, кроме сына, нет никого близких, кто мог бы смотреть за домом и делами. Муж мой как раз в отъезде. Напишите записочку старосте, что тот юноша, мол, ваш родственник. Его и освободят.

Мулла сказал:

— Сестрица, я не могу, не должен лгать. Как же ты хочешь, чтобы я написал неправду, будто он мой родственник? Лжец — противник Бога! Я, может быть, и улажу твое дело, но при том условии, что ты положишь в кошелек триста туманов полновесной монетой и принесешь ко мне домой. Тогда я все напишу, и его освободят.

Женщина ему говорит:

— О мулла! Нехорошо как-то мне приходится к вам домой. Приходите лучше вы ко мне послезавтра обедать. Откушаем хлеба-соли, а я вам между тем триста туманов и передам.

Мулла согласился. Женщина встала, пошла к правителю города и говорит ему:

— О правитель! Помоги мне! Староста бросил в тюрьму моего сына, а сын-то не так уж и виноват. У меня нет родных, кроме него. Прошу тебя, напиши старосте, чтобы он освободил моего сына.

Правитель ответил:

— Это не мое дело. Я не могу вмешиваться в дела старосты квартала. Мы и так много потрудились, чтобы навести в городе порядок.

Потом он тихонько ей шепнул:

— Я все для тебя сделаю, но при одном условии. Сегодня после полудня возьми семьсот туманов и принеси ко мне домой. Тогда я скажу старосте, и он твоего сына освободит.

Женщина видит: он такой же, как другие. Отвечает:

— Слушаюсь и повинуюсь, но, поскольку я женщина уважаемая, лучше будет, если вы окажете мне честь и послезавтра пожалуете ко мне отобедать. Пообедаем вместе, и я вам дам деньги.

Правитель согласился. Женщина встала и пошла к столяру. Говорит ему:

— Послушай, столяр, сделай мне к послезавтрашнему дню большой сундук с четырьмя отделениями.

Столяр говорит:

— Хорошо, обязательно сделаю!

Она спрашивает:

— А сколько это будет стоить?

Он отвечает:

— Двадцать туманов. Но поскольку ты явно затеяла какие-то козни и заказываешь этот сундук не зря, если ты не прибавишь мне еще сто туманов, я пойду к правителю города или к старосте квартала и скажу им, чтобы они тебя спросили, зачем тебе понадобился сундук с четырьмя отделениями.

Женщина испугалась и подумала: «Не дай бог и вправду пойдет и донесет!»

Сказала столяру:

— Сто туманов — не велики деньги. Я дам тебе сто пятьдесят при том условии, что ты, во-первых, сделаешь сундук с пятью отделениями, а во-вторых, принесешь его сам послезавтра раньше полудня.

Столяр согласился. А женщина пошла от него на базар к торговцу тканями и купила у него пять кусков материи, все разного цвета: красного, зеленого, синего, желтого и лилового. Из каждого куска она сшила одну кабу.

Когда наступил назначенный день, столяр принес той женщине еще до полудня сундук. Внес его в дом, поставил в комнате, в которой было пять дверей. Вышел в соседнюю комнату немного отдохнуть. Женщина пришла к нему и говорит:

— Пообедайте с нами! И снимите вашу одежду, а я вам принесу более удобную, чтобы приятнее было сидеть за обедом.

Столяр обрадовался, снял свою одежду, а женщина принесла ему лиловую кабу. Он надел и только устроился на ковре поудобнее, как вдруг слышит: в дверь стучат. Столяр спросил:

— Это кто?

Женщина ему испуганно говорит:

— Ой, это, наверное, муж вернулся из своей поездки!

Столяр растерялся, спрашивает, что ему делать. Женщина ему шепнула:

— Полезай в самое верхнее отделение сундука.

И столяр полез, не снимая лиловой кабы, в сундук. Женщина поскорее принесла замок, заперла сундук и пошла открывать дверь. Открыла, видит: это староста квартала пришел. Тот вошел веселый, смеясь, уселся. Женщина ему говорит:

— Староста, ради бога, напиши сперва записку, чтобы моего сына отпустили, а потом будем обедать.

Староста ее послушался, написал тюремщику распоряжение отпустить ее сына и приложил к распоряжению печать. Женщина тотчас дала эту бумагу слуге, чтобы он отдал ее тюремщику и тот освободил ее сына. Потом сказала:

— Чтобы тебе удобнее было сидеть, сними свою одежду, а я принесу тебе хорошую просторную кабу.

Пошла принесла ему желтую кабу, надела на него. Только они сели, кто-то постучал в дверь. Староста спрашивает:

— Кто это там стучит?

Женщина отвечает:

— Наверное, это мой муж вернулся из поездки.

Староста испугался, растерялся, спрашивает:

— Что же мне делать?

Она говорит:

— Ничего не поделаешь, полезай в этот сундук.

Староста как был в желтой одежде, так и полез в сундук. Женщина принесла еще один большой замок и заперла на него второе отделение сундука. В это время пришел судья. Вошел он в дом, женщина его встретила, поцеловала у него руку. Провела его в комнату и говорит:

— Чтобы вам было удобнее и приятнее, снимите ваши одежды, а я принесу вам просторную одежду.

Судья согласился. Женщина пошла и принесла ему зеленую кабу и надела на него.

Не успел судья сесть, как в дверь постучали. Он спрашивает:

— Госпожа! Кто бы это мог быть?

Она отвечает:

— Я думаю, это мой муж вернулся.

Судья испугался:

— Что же мне делать?

Женщина говорит:

— Ничего не поделаешь, лезь в этот сундук, прячься.

Судья со страху полез в сундук, и женщина его там заперла. Потом она пошла, открыла дверь, видит: мулла пришел. Подбежала к нему, подхватила под руку, помогла подняться по ступенькам, провела в ту же комнату и говорит ему:

— Сними свою неудобную одежду.

Мулла снял, она принесла ему синюю кабу, он надел ее. Не успел мулла сесть, как в дверь постучали.

Мулла спрашивает:

— Кто это?

Женщина отвечает:

— Это, верно, мой муж.

Мулла захохотал:

— Ой-ой, пропала моя честь, опозорен я!

Женщина говорит:

— Не бойся, я сберегу твою честь. Полезай в сундук!

Мулла в синей одежде полез в сундук. Женщина пошла, открыла дверь, видит: сам правитель города пришел. Она низко ему поклонилась, а он говорит:

— Хе-хе, какой у вас приятный дом!

Женщина ему в ответ:

— Приношу его вам в дар!

Правитель говорит:

— Принимаю подарок!

Потом правитель прошел в комнату и спросил:

— Ну, что ты нам приготовила поесть?

Она отвечает:

— Все, что вам угодно. Но чтобы вам было приятнее и покойнее, прежде переоденьтесь.

Он согласился. Она сняла с него одежды и принесла ему красную кабу.

Правитель надел и говорит:

— Ты приготовила мне одежду цвета гнева!

Только он сел, постучали в дверь.

Правитель спрашивает:

— Это еще кто?

Она отвечает:

— Я думаю, это мой муж вернулся из своей поездки.

Правитель возмутился:

— Почему этот дурак приезжает раньше времени? Что же нам теперь делать?

Женщина говорит:

— Полезайте на часок в этот сундук, а там я что-нибудь придумаю.

Правитель расхохотался и сказал:

— Ничего не поделаешь, придется лезть в сундук!

Полез в красной одежде в сундук. Женщина его заперла, видит: сын ее пришел. И она ему все подробно рассказала, как она ко всем пятерым ходила и как все было. А те-то сидят в сундуке и все слышат. Мать и сын быстро распродали что могли из имущества и уехали поскорее из того города в другую страну. А те пятеро оставались в сундуке два дня.

Соседи заметили, что в этом доме уже два дня никого нет, пришли, видят: в комнатах пусто, стоит только огромный сундук с пятью отделениями, и из сундука слышны приглушенные голоса. Побежали, сообщили старейшинам квартала. Те пришли в дом, сбили с сундука замки, и из пяти отделений сундука вышли: правитель города, судья, мулла, староста квартала и столяр, каждый в одежде другого цвета. Тут все стали смеяться: те пятеро над собой, а собравшийся народ — над ними. И все повторяли: «Вот так история, вот так штука!» Всем тут стало ясно, что беда пришла на головы тех пятерых от их несправедливости. И они, все пятеро, спрятались по разным углам и просидели там до ночи. Ночью же разбежались в разные стороны, так что никто и не узнал, куда они делись. И до сих пор никто не знает, что с ним случилось. А сказке нашей конец.

Было ли так или не было, а жили-были давным-давно муж с женой. Жена была женщина расторопная, работающая, а муж — лентяй и бездельник. Из-за его лени у них целый день были споры да ссоры.

Пришла как-то жена к мужу и говорит:

— Эй, муж! Нельзя же с рассвета до захода солнца сидеть дома сложа руки. Хоть бы на улицу вышел! Ничто-то тебя не тревожит!

— Нечего мне делать на улице! — отвечает муж. — Отец оставил мне несколько коров и овец, и пастухи приносят мне от них молоко, сыр и шерсть. Мы с тобой проедаем это и живем себе припеваючи. А с делами по дому — стиркой, уборкой — ты справишься.

Закричала тут жена:

— Неужели я должна еще и телку поить? Не буду я больше этого делать! Иди сам пои свою телку, будь ты неладен!

— Так зачем же я брал тебя замуж?

— А затем, чтобы я занималась домом, чтобы за тобой ухаживала, а не за телкой.

Тут муж ей говорит:

— Нет, не так. Я взял тебя, чтобы ты во всем мне повиновалась. А если тебе не нравится — поднимись на крышу да и спрыгни вниз. Ведь недаром наши предки говорили: муж — маленький бог для жены. Что бы муж ни приказал, жена должна исполнять все беспрекословно.

— Ведь это они говорили о мужчинах, а не о такой тряпке, как ты! — воскликнула жена.

И так этот спор о телке затянулся, что в конце концов они порешили: на этот раз поит телку жена, а завтра — тот, кто раньше заговорит.

На другой день утром жена встала, убрала постель, подмела двор, приготовила завтрак и не промолвила при этом ни словечка. Проснулся муж и съел завтрак тоже без единого слова. Видит жена: останется она дома — не выдержит, поневоле заговорит с мужем. Она накинула чадру и отправилась к соседке, не заперев дверей. А муж остался дома один. Он встал, вышел за дверь и сел на скамью.

Пришел нищий и попросил кусочек хлеба или монету. Сколько ни просил, никакого ответа не получил. Он стал говорить громче, попросил милостыню во имя Аллаха. Видит нищий: дышит мужчина, но не отвечает. Удивился он, почему этот человек ничего не говорит. И подумал: «Наверное, глухой». Подошел ближе и давай кричать совсем громко — никакого ответа! Решил нищий: «Конечно глухой!»

А лентяй тем временем думал: «Жена подслала его, чтобы заставить меня заговорить, а потом прийти и сказать: „Иди скорей, пои телку“. Пусть небо упадет на землю или земля провалится, я все равно не заговорю!»

А нищий решил, что он еще и немой, вошел внутрь, поставил на пол котомку, наложил туда хлеба и сыру и потом пошел своей дорогой. Муж видел все это, но ничего не сказал — не хотелось ему поить телку.

После нищего пришел цирюльник. Увидел его на скамейке и спросил:

— Побрить тебе бороду или сделать прическу, как хвост у утки?

Но муж ничего не ответил. Тогда цирюльник провел бритвой по оселку, сбрил ему наголо бороду и остриг его. А потом протянул руку за платой, но ничего не получил. Несколько раз он просил заплатить, но так и не дождался ответа. Наконец цирюльник говорит:

— Не притворяйся немым, оплати мой труд!

Опять никакого ответа. Тогда он сам сунул руку в карман мужа, вытащил деньги и вышел.

Не успел цирюльник выйти, как пришла машшате. Увидела, что человека только что брили, села, выдернула ему остатки волос, а потом окропила розовой водой, нарумянила и тоже вышла.

В это время мимо дома проходил вор. Заглянул внутрь и видит: сидит на скамье женщина в мужской одежде, с обрезанными косами и накрашенная. Подошел вор поближе и спросил:

— Душенька-хатун*! Почему ты не закрыла дверь и сидишь без чадры? Почему тебе обрезали косы?

Видит: не отвечает она. Подошел еще ближе и тут понял, что это не женщина, а мужчина, с которым сыграли какую-то шутку. Стукнул его раза два по голове ладонью и крикнул:

— Горе тебе! Почему не отвечаешь на вопросы?

А муж сидит себе и думает: «Знаю, знаю! Вас подослала жена, чтобы я заговорил и пришлось бы мне телку поить. Не такой уж я дурак, чтобы клюнуть на такую удочку!»

Видит вор: что ни говори, что ни делай — тот не промолвит ни словечка. Осмотрел он комнаты, собрал все, что полегче да подороже, взвалил на плечи и был таков.

А телка? Послушай, что было с ней.

Она совсем истомилась от жажды в своем хлеву. Наконец рогами сбила засов с двери, выбежала во двор и замычала. А муж сказал про себя: «Эта подлая жена подучила даже телку, чтобы заставить меня заговорить. Я ни с кем не заговорил до сих пор, не стану и с ней говорить».

Тут подоспела жена, увидела телку во дворе. А телка ткнулась ей носом в подол и стала просить пить. Посмотрела жена на мужа и не узнала его. Она решила, что это муж привел вторую жену. Подошла поближе и спрашивает:

— Эй, женщина! Кто разрешил тебе входить сюда?

Тут муж обрадовался, закричал:

— Ты проиграла, ты проиграла! Иди живей, пои телку.

Жена наконец узнала мужа, смотрит — борода его сбрита, лицо на-румянено.

— Прах тебе на голову! Что с тобой? Кто так разукрасил тебя? Кто побрил? — закричала жена.

Она дала ему пару оплеух, напоила телку и вошла в дом. И что же она видит: сундуки стоят будто выпотрошенные. Поняла она, что здесь были воры и утащили все. Закричала на мужа:

— Ты что, заснул или умер? Почему не подал голоса?

— Ни мертв я не был и не спал, — отвечает муж, — а просто знал, что подсылала их ты, чтобы я заговорил и стал поить телку.

* Хатун — вежливое обращение к замужней женщине, приблизительно то же, что госпожа.

— Позор на голову такого упрянца, — закричала жена. — Ты бы из упряма пущил на ветер все имущество и честь! А еще радуешься, что не должен поить телку. Хоть расскажи, когда ушел вор и в какую сторону?

— Он ушел полчаса тому назад, а в какую сторону, я не знаю.

Пошла жена искать вора, а телка за ней.

На улице женщина спрашивает ребятишек, которые там играли:

— Не видели, куда пошел человек, который вышел из этого дома с ношей на спине?

— Как же, видели! Он отправился за город.

Жена потянула телку за веревку и пошла, куда ей указали. Прошла она немного и заметила на дороге человека с нужными ей приметам. Узнала она вора, торопливо догнала его и перегнала. А вор видит: женщина с телкой обогнала его. Он крикнул вслед:

— Сестрица, далеко путь держишь?

— Я из другого города. Домой возвращаюсь.

Тогда вор спросил:

— Что ты так спешишь?

— Я одна, — отвечает женщина. — Хочу дотемна добраться до караван-сарая, чтобы не ночевать в пустыне. Будь у меня кто-нибудь, кто бы мог обо мне позаботиться, я шла бы поспокойней, не стала бы мучить себя и телку.

— Если хочешь, пойдем вместе, — предложил вор.

— Что ж, я согласна.

Пошли они вдвоем, разговорились. Женщина давай вертеться и строить глазки, а вор спрашивает:

— Сестрица, ты замужем?

— Если бы у меня был муж, я бы не странствовала с этой телкой одна по пустыням.

Так они разговаривали, и стал вор свататься. И они решили: как придут в город, пойдут к кадию и поженятся.

Шли они так вместе, развлекались беседой и перед заходом солнца добрались до какого-то селения. Тут вор и говорит женщине:

— Давай назовемся мужем и женой и переночуем в доме кедхуды.

А женщина отвечает:

— Прекрасно! Только мужем и женой мы станем лишь после заключения законного брака.

Вор согласился, и они отправились в дом кедхуды. Тот их принял, постелил им постели, и после ужина они легли — вор в одном углу, а женщина — в другом.

В полночь, когда вор захрапел, женщина поднялась и пошла в кладовую кедхуды. Принесла оттуда муки и замесила тесто. Потом наложила теста в башмаки вора и кедхуды, вышла во двор, вывела из хлева телку, нагрузила на нее украденные вещи и двинулась назад — домой.

В это время жена кедхуды проснулась, услышала скрип ворот и разбудила мужа:

— Ворота заскрипели, вставай-ка! Уж не воры ли эти наши гости?

Кедхуда встал, хотел обуться, чтобы выйти и посмотреть, в чем дело, но ноги его прилипли к тесту. Он еле отлепил ноги от башмаков, выскок босиком во двор, видит — ворота раскрыты настежь. Вернулся он в дом, смотрит на постели гостей: муж спит, а жены нет. Он стал кричать:

— Эй, дяденька!

Вор от крика проснулся, спрашивает:

— В чем дело?

— Твоя жена испортила мою обувь, открыла ворота и скрылась. Не знаю, украла она что-нибудь или нет.

Вор отвечал:

— Нет, она не воровка. Но на нее иногда находит, она выкидывает подобные шутки.

Но тут он посмотрел и видит: его ноша исчезла. Понял, что она украла ее. Сказал он кедхуде:

— Пойду-ка я, догоню ее. Встретится еще с вором или каким-нибудь негодяем, заберет он у нее телку, а ее возьмет себе в служанки!

Начал было обувать башмаки, но тоже завяз в тесте. Не хотелось ему, чтобы кедхуда обо всем догадался, он ничего не сказал, с большим трудом выбрался из дома. Попрощался с кедхудой, потом очистил башмаки и двинулся в путь.

А между тем рассвело. Женщина уже прошла половину пути — целых семь переходов сделала. Вор вышел на большую дорогу и давай прибавлять шаг! Посмотрел вперед и увидел вдали женщину с телкой, а она оглянулась и тоже заметила его. Стало ей страшно, и говорит она телке:

— Эй, телка! Я затеяла все это из-за тебя. Если вор догонит нас, он меня растерзает, а тебя заберет — ты меня больше и во сне не увидишь! Прошу тебя, покажи, что такое твой гнев, проткни живот вора своими рогами!

И она повернула голову телки назад:

— Вот он, уже подходит!

Тут она отвязала веревку и подтолкнула телку. Вор подбежал, а телка нагнула голову, покосилась на него, отступила назад, потом как бросится на него, как поддаст рогами — так он и полетел на землю.

Женщина обрадовалась, расцеловала телку в морду, и пошли они домой. Добрались засветло — звезды еще на небо не вышли. Вошли они в дом, а муж, такой же раскрашенный, как вчера, сидит себе на скамеечке и все еще ни с кем словом не перемолвился.

Увидела телка мужа, посмотрела на женщину, отошла назад, разбежалась — хотела и его боднуть, как того вора.

Но жена заслонила мужа и сказала:

— Эй, телка! Как бы там ни было, мы — одно целое, как верх и подкладка у одежды. Он хоть упрям, но сердце у него доброе.

И телка подняла голову и отправилась в свой хлев. А муж с того дня стал и кормить и поить ее. И телка выросла в корову и принесла им достаток.

Жил некогда в городе Балхе один судья. Был он человеком честным и праведным, но беззаботным и беспечным. Он не давал проходу насильникам и никому не позволял обижать людей, и за это жители города любили его. А что до правителя города, начальника стражи, калантара* и их сподручников — насильников и угнетателей, — то они не ладили с судьей. Этим людям не нравилось, когда кто-нибудь мешал им творить бесчинства и всякие подлые дела. И днем и ночью заправилы города думали о том, какой бы устроить подвох, чтобы убрать судью с дороги и посадить на его место кого-нибудь из своих сообщников. Они искали только предлога, чтобы натравить народ на судью.

Однажды они узнали, что судья захворал, сильно простудился. Тут же они отправились к главному лекарю города и сказали ему:

— Разве ты не знаешь, что судья мусульман хворает? Вставай, пойдем навестим его! Ты уж постарайся, напои его старым вином, так чтобы он опьянел, и тогда мы опозорим его перед народом.

— Прекрасно! — ответил главный лекарь, и они отправились все вместе в дом судьи.

Вошли они к больному и давай выражать ему сочувствие и притворно горевать по поводу его болезни.

— Мы надеемся, — говорили они, — что ты поправишься и недуг оставит тебя. Если бы можно было принять твою болезнь на себя! Когда мы узнали, что ты расхворался, мы испугались и обеспокоились, тут же разыскали главного лекаря и привели его к тебе!

* Калантар — градоначальник, городской голова.

Главный лекарь подошел к постели судьи, одной рукой взял руку больного, другую положил ему на лоб, потом осмотрел язык и сказал:

— Ты крепко простудился! Хорошо, что правитель города, начальник стражи и калантар привели меня к тебе — а то дело могло бы плохо кончиться. Никакой отвар, никакие травы не помогут тебе сейчас: чтобы скорее поправиться, тебе нужно принимать особые снадобья!

Затем лекарь обратился к правителю города:

— Вы посидите здесь, а я пойду и принесу снадобье, которое я сам изготовил. Это такое средство, что не сыскать нигде!

Сказал это лекарь и скорей побежал к себе домой. Там он взял небольшой кувшин старого, семилетней давности, вина и вернулся в дом судьи.

— Это снадобье очень помогает, я отыскал способ его приготовления в греческих врачебных книгах и сам же изготовил его. И знай, не каждому я даю это лекарство!

Услышав это, судья очень обрадовался, а лекарь сказал ему:

— Прикажите принести чашу!

Судья тут же позвал своего слугу и сказал:

— Тейфун, принеси-ка сюда чашу!

Тейфун принес чашу, лекарь наполнил ее вином из кувшина и влил в рот судье. Немного погодя лекарь дал судье еще одну чашу. После третьей чаши судья был уже вдребезги пьян. Он уселся на постели, запел и начал колотить себя по животу, словно в бубен бил.

Тут калантар позвал своих слуг и сказал им:

— Идите в город и скажите всем вельможам, купцам и знатым людям Балха: «О неверные, судья мусульман болен, слег в постель, а вы даже не навестите его?»

Слуги пошли и оповестили всех о болезни судьи. Люди толпами двинулись к больному, чтобы навестить его. То-то удивились они, когда увидели судью! «Что за штучки выкидывает этот больной», — удивлялись они, а некоторые даже подумали, что судья сошел с ума. Но гуляки и мошенники сразу поняли, в чем дело: в комнате сильно пахло вином. Сообразив, что судья вдребезги пьян, они по знаку правителя города и калантара подняли шум и начали вопить и орать:

— Мы не хотим такого судью, его нужно прогнать, он безбожник, он неверный, он пьет вино, он пьяница!*

* По предписаниям религии мусульманам запрещается пить вино.

Словом, не стану я утруждать вас подробностями, но подобным мошенническим путем они опозорили судьбу и выгнали его из города. Затем правитель города, начальник стражи и калантар привели одного из своих сообщников и сподручников по имени Бул-Касем в балхский суд и сделали его главным судьей. А этот Бул-Касем был человеком полуграмотным, но в мошенничестве не уступал правителю города, начальнику стражи, калантару и их пособникам.

Итак, отстранив от должности прежнего судьбу, на его место посадили друга-приятеля городского головы. Для нового судьи построили на окраине города на площади Ноубахаран судейское здание. Бул-Касем целыми днями сидел в этом доме и разбирал дела людей.

Теперь послушайте о том, что этот мужлан творил в городе и каким бедствиям он, калантар, начальник стражи и правитель города подвергали жителей.

Его бесчинства стали притчей во языцех, молва о его жестокости переходила из уст в уста, но никто не осмеливался сказать ему: «Почему ты творишь столько насилий, по какому праву ты вершишь все эти дела?» А теперь оставим судьбу и поговорим об одном злосчастном человеке, который жил в том городе. Человека этого звали Мехрак. Отец его был купцом, и после смерти он оставил сыну много денег и всякого добра. Но Мехрак оказался дурнем и вскоре промотал все, что оставил ему отец. А случилось это так: когда умер отец Мехрака, окружили его всякие гуляки и бездельники и стали обманывать его, тянуть в свою компанию. А они только и делали, что пили вино, веселились, играли в азартные игры, и понемногу дочиста обобрали Мехрака. Сколько мать, родные и друзья ни уговаривали Мехрака, сколько ни говорили ему: «Оставь это мотовство, все эти люди, что окружают тебя, — друзья твоему кошельку, а когда кончатся твои деньги и опустеет твой стол, они больше не придут к тебе, даже знаться с тобой не будут», — все это не шло ему на пользу.

Наконец в один прекрасный день исыякло богатство Мехрака — словно ветром все унесло. Опустил он руку в карман — а там ни единого гроша. Так он впал в нищету и стал голодать.

Как-то раз, когда Мехраку не на что было даже купить хлеба и лука, чтобы поесть, он обратился к матери:

— Матушка, если бы я знал, что мы дойдем до такого состояния, никогда бы я не попался в ловушку, никогда не промотал бы зря добра и денег, оставленных отцом. Но что прошло, то прошло, и от раскаяния

толку мало. Лучше посоветуй, как мне заработать себе на хлеб и чеснок, хоть впроголодь прожить.

— Чем же я, бедная женщина, могу помочь тебе? — отвечала мать. — В этом городе есть один дервиш — мудрый старец, выдавший мир, испытавший все превратности судьбы. Его зовут Хаксар. Бедные люди, когда попадают в безвыходное положение и теряют последнюю надежду, берут с собой какие-нибудь гостинцы и сласти и отправляются к нему просить у него помощи. Он сидит себе в укромном уголке и никому ничего дурного не делает. Отправляйся-ка и ты к нему — может, он укажет тебе путь-дорогу, посоветует что-нибудь!

Мехрак так и сделал. Он направился к жилищу дервиша, поцеловал его порог, рассказал о своих горестях и попросил у него, как говорят, бальзама для своей раны. Старец Хаксар сказал ему:

— Сынок, не горюй, иди возьми у кого-нибудь пятьсот дирхемов в долг и начни торговать. Знай, что до конца года ты заработаешь большие деньги. Но помни одно условие: ты должен быть честным, вести себя достойно, стать последователем Шахмардана — царя благородных, не обижать никого и не знаться с теми, кто довел тебя до такого печального положения.

— Прекрасно! — воскликнул Мехрак, вышел из жилища Хаксара, пошел к матери и рассказал ей об этом.

— Скажи только, — спросил Мехрак у матери, — у кого бы мне взять пятьсот дирхемов?

— В нашем городе, — отвечала мать, — живет один еврей по имени Шамун, у которого много денег. Он живет ростовщичеством и когда-то водил дружбу с твоим отцом. Отправляйся к нему, возьми у него немного денег и, как говорил тебе старец-отшельник, пусти их в оборот, займись делом. Посмотрим, что выйдет из этого!

Мехрак прямо пошел к Шамуну и попросил у него тысячу дирхемов в долг, с тем чтобы в условленное время возратить их с процентами.

— Я дам тебе сколько хочешь денег, — ответил Шамун, — но ты должен оставить мне залог. Притом я хочу такой залог, чтобы он был легким по весу, но дорогим по цене.

— Да у меня нет ничего! — взмолился Мехрак.

Долго они торговались и наконец сошлись на том, что Шамун даст Мехраку пятьсот дирхемов на один год, а в конце года Мехрак должен возратить эти деньги и еще сто пятьдесят дирхемов процентов. А в залог Мехрак оставит бумагу с подписью о том, что, если он не возвратит

в срок деньги и проценты, Шамун вырежет пять сиров* мяса от тела самого Мехрака. Приготовили бумагу, Мехрак поставил там свою подпись, забрал деньги и с радостью отправился домой.

На следующий день Мехрак начал покупать товары и сбывать их — заниматься куплей-продажей. Не прошло еще и трех месяцев, как Мехрак положил себе в карман большой барыш.

В эту пору бездельники, гуляки и мошенники — прежние приятели Мехрака — узнали о том, что он при деле и опять разбогател, и тут же окружили его, затеяли новую игру. Они начали льстить Мехраку, но когда убедились, что это бесполезно, начали угрожать ему — то кулак покажут, то нож. Напугали они беднягу и начали таскать его с собой туда и сюда. Словом, год еще не кончился, а уж весь барыш и весь капитал Мехрака уплыли у него из рук. А уж что дальше было с Мехраком, как ему жилось и как трудно пришлось — одному Аллаху известно. Это новая длинная сказка.

Словом, наступил конец года, а вместе с ним пришел конец и условленному сроку. Шамун словно из-под земли вырос перед Мехраком и сказал ему:

— Ну-ка, живо подавай мне шестьсот пятьдесят дирхемов!

— Может, ты подождешь и продлишь мне срок на несколько дней, — взмолился Мехрак, — я соберу и отдам тебе твои деньги!

— Никакой отсрочки я тебе не дам: или отсчитывай деньги, или я вырежу у тебя пять сиров мяса! — ответил ему Шамун.

Слово за слово, начали они кричать, подняли шум, и вокруг них собралась большая толпа людей. Те, кто знал Мехрака, жалели его и говорили:

— Шамун не имеет права вырезать мясо из живого человека, нужно им обоим идти к судье!

— К какому судье? — восклицали другие. — К Бул-Касему Голче? Никогда он не даст богатею Шамуну выпустить из своих когтей несчастного Мехрака!

— Ничего не поделаешь, — говорили третьи, — как говорят, пока дойдешь от одного столба до другого, может стать и легче. Другого выхода нет!

Итак, Шамун и Мехрак, а за ними толпа людей направились к дому судьи. По дороге Мехрак пораздумал, и запала ему в голову мысль, как бы удрать от Шамуна.

* Сир — старая мера веса, приблизительно равная 75 г.

Прошли они немного, видят, что какая-то лошадь, сбросив своего седока, словно бешеная, скачет во всю силу, а хозяин ее кричит:

— О люди, ради Аллаха, остановите моего коня!

Мехрак подумал: «Неплохо было бы мне остановить лошадь и привести этого богатого человека с собой к судье: может быть, он защитил бы меня!» Взял он камень и бросил в коня. Случайно камень угодил прямо в левый глаз лошади, и та ослепла на один глаз. Увидел это владелец, подбежал к Мехраку, схватил его за ворот и начал кричать:

— Что за зло ты затаил против меня? Что я, сырые дрова тебе продал, что ли? Зачем ты ударил камнем мою лошадь и ослепил ее? Живо, без разговоров, плати мне ее стоимость! Знаешь ли ты, кто я такой? Я сын невольницы тестя правителя Балха — самого правителя города!

Тут опять собралась толпа, а Шамун вышел вперед, отвесил поклон сыну невольницы тестя правителя Балха и сказал:

— Этот парень и меня довел до крайности, и вот пришлось идти с ним к судье. Пойдемте лучше с нами и поступим так, как решит суд.

— Ладно, — ответил сын невольницы тестя правителя Балха, — судья очень хорошо знает моего отца и меня самого. Пойдемте!

Пошли они дальше. Шамун решил, что хорошо будет провести Мехрака через базарную площадь: пусть другие должники смотрят и мотают себе на ус! Так он и сделал. Чего только ни рассмотрелся Мехрак дорогой, каких только страхов ни видал — просто глазам своим не верил. Встретил он одного мужчину, которого вели к месту казни, а тот кричал и вопил: «О люди, я ничего плохого не сделал, никого не убил, чужой дом не ограбил, никого не обесчестил, почему же вы тащите меня на плаху, за что хотите меня казнить?»

А те, кто вел его, отвечали:

— Судья так приказал, ему лучше знать!

Прошли Мехрак и его спутники еще немного, видят, люди несут на плечах гроб, а за ними идет большая толпа, и все они направляются к кладбищу. Провожающие все в черной одежде идут и плачут. А покойник, завернутый в саван, поднял голову из гроба и кричит:

— О люди, куда же вы несете меня, ведь я жив, кто вам сказал, что я умер? Отпустите меня, отпустите меня!

— Судья так сказал, судья, — отвечают ему те, кто идет за ним, — а разве он знает меньше твоего?

Мехрак остолбенел, прикусил от удивления палец: «Что это за мудрый судья, который живого человека считает мертвым, и какие дураки

эти люди! Они ведь собственными глазами видят, что он жив, а твердят, что судья лучше знает. Почему родные и близкие этого человека надели траур, беспрекословно идут за гробом и везут его на кладбище, чтобы похоронить?»

От всего виденного у Мехрака чуть сердце не разорвалось. Идет он и думает: «При таком судье мне и всему бедному люду — крышка! Он угробит всех нас!» И решил он как-нибудь удрать и спасти свою жизнь. Он огляделся, посмотрел налево, направо и видит, что недалеко стоит дом, дверь которого чуть-чуть приоткрыта. «Ага, — думает Мехрак, — я ворвусь в дом и захлопну за собой дверь. Пока достучатся, войдут внутрь и обыщут дом, я вылезу на крышу и по крышам соседних домов как-нибудь удержу!»

И он бросился к дому, открыл дверь и влетел внутрь. Но тут он наткнулся на хозяйку дома. А она была беременна и вот-вот должна была родить. Когда Мехрак ворвался в дом, она как раз хотела выйти на улицу, они столкнулись, женщина упала, и у нее получился выкидыш. В доме поднялся невообразимый шум и гвалт. Хозяин дома, муж той женщины, прибежал, схватил Мехрака за ворот и начал кричать:

— Вот уже семь лет, как я женат, но Аллах все не посылал мне детей. Только после долгих молитв и обетов Бог наградил меня, и я наконец в этом году собирался стать отцом, а ты, проклятый, вверг меня в это бедствие. Сейчас я отомщу тебе, брошу твои потроха собакам на съедение!

Выватил он нож и хотел распороть живот Мехраку. Но люди бросились к нему, схватили его за руки и сказали:

— Этот несчастный и злополучный юноша и так натворил много бед. Только одного ему, видно, не хватало, он еще и это прибавил! Видишь, те люди ведут его на суд, лучше и ты иди с ними. Посмотрим, какой приговор вынесет судья этому злосчастному бедняге!

Он согласился, и все двинулись в путь. Вдруг идет им навстречу здоровенный детина, а в руках у него огромный кол. Тычет он этим колом в рот, в глаза, в уши кому попало. Люди, как увидят его, бросаются прочь. А он заметил толпу, которая вела Мехрака в суд, и повернул к ней. Кричит:

— Ага, вот хорошая добыча попалась мне в руки!

Потом схватил свой кол и набросился на толпу.

Увидел это Мехрак, обрадовался и подумал про себя: «Сам Аллах послал этого человека мне на помощь. Он избавит меня от злобы моих истцов. Если даже он и ослепит меня на один глаз — не беда. Это лучше, чем быть разрубленным на куски в судилище».

Но Шамун не дал этому детине приступить к делу. Он и другие истцы подошли к нему, отвели в сторонку, дали денег, и тот ушел довольный.

А в это время с минарета мечети раздался голос. Мехрак обернулся и увидел, что это муэzzин читает азан*. Но это не был обычный призыв к молитве. Муэzzин кричал: «Я свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и я свидетельствую, что, как говорят мусульмане, Мухаммед — посланник Аллаха!» Мехрак остолбенел от удивления: почему это муэzzин сказал «как говорят мусульмане» — разве он сам не мусульманин? «Господи, что ж это такое, — думал Мехрак, — где я, уж не во сне ли я это вижу?»

Не успели они пройти еще немного, как Мехрак увидел, что на базарной площади, прямо перед мечетью, один из служителей вылил несколько кувшинов вина в бассейн и кричит:

— О мусульмане, судья велел, во имя Аллаха, покупать это вино! Это вино сделано из винограда вакуфных** садов самого Господа. Да спасет Аллах души ваших отцов и матерей, покупайте это вино, не дайте ему испортиться!

А люди тем временем с кувшинами и чашами в руках подходили к мулле — продавцу вина, наполняли свою посуду, расплачивались и расходились кто куда. Тут Мехрак взглянул внутрь мечети и увидел, что пишнамаз*** читает молитву, а сам все время подбирает одну ногу. Когда увидел Мехрак это, потемнело у него в глазах, голова кругом пошла.

«Что это за шутки? Что это за судья у нас!» — думал он. И чем больше он размышлял, тем больше ему хотелось удрать как-нибудь и спастись из рук своих истцов.

Он огляделся, увидел прямо перед собой полуразрушенный забор и сообразил, что это ограда сада. Не долго думая, Мехрак сорвался с места, взобрался на ограду и камнем упал на ту сторону, в сад. А тут, как говорят, его корова опять отелилась: у забора в саду спал больной старик. Мехрак угодил ему прямо в живот и прикончил больного. На шум из дома выбежал молодой мужчина. Видит он — о Аллах! — его отец отдал душу Господу. Он схватил Мехрака за шиворот и начал его колотить:

— Ты убил моего больного отца, и в отместку я тут же прикончу тебя!

* Азан — утренний призыв к молитве. Муэzzин провозглашает его с минарета мечети.

** Вакуфными назывались земли, принадлежавшие мечетям или медресе (духовным школам). Доходы с этих земель должны были использоваться на богоугодные дела.

*** Пишнамаз — духовное лицо. Во время молитвы в мечети он стоит впереди молящихся и все повторяют его слова и движения.

Тут они сцепились, а тем временем толпа ворвалась в сад, и все увидели: «Ого, Мехрак сотворил еще одно славное дельце!»

Словом, не стану я вас утруждать подробностями — сын убитого старика тоже присоединился к остальным истцам, и шествие двинулось в путь, в судилище.

Что было на душе у Мехрака в это время, один Аллах ведает!

Чем дальше они шли, тем больше чудес им встречалось. Мехрак только диву давался. Когда они проходили мимо медресе, Мехрак увидел, что какого-то мужчину заковали в цепи и хотят вести его по городу, а целая толпа людей бегают, суетится, ловит его сторонников и тащит их в темницу. А во дворе медресе сидят несколько человек и играют в азартные игры. Когда же кто-нибудь из прохожих осмеливается спросить: «Кто этот человек, почему его поймали и заковали в цепи, почему ловят других людей?» — то ему отвечают: «Он еретик, он рафизит и кармат*, а все эти люди — неверные». Судья велел его заковать и провести по всему городу, а остальных бросить в темницу, а то, что велит судья, — закон!

Мехрак взглянул на того, кто был закован, и заметил, что он несколько не испуган, ничего не страшится, даже в лице не изменился. Он спокойно и бесстрашно, твердой поступью идет за тем, кто тащит его за цепь. И те, кого вели в темницу, тоже ничего не боятся и идут себе спокойно, с достоинством, не умоляют никого о пощаде, как это делают обычно осужденные, не обращаются ни к кому за помощью и не падают ниц ни перед кем. А несколько человек — как видно по их одеждам, богачи и толстосумы — стоят невдалеке, смотрят на них и говорят: «Хорошо сделали, что этого проклятого нечестивца заковали в цепи. Нужно изрубить его в куски вместе с его учениками и последователями! Они неверные еретики, а не мусульмане!»

После каждой такой встречи Мехрак еще сильнее расстраивался, терялся все больше и больше и не мог придумать, что же делать.

Так прошли они через базар, дошли до крайней улицы города и наконец приблизились к зданию суда. Около самого дома они увидели, что какой-то осел увяз в грязи, а хвост и спина его уже кровоточат от полученных ударов. Несколько человек толпились вокруг осла и помогали хозяину тащить его из глины. Мехрак решил хоть немного отвлечься,

* Рафизиты и карматы — последователи религиозных сект, которых ортодоксальное духовенство считало еретиками.

помочь погонщику осла и этой доброй услугой смягчить сердца своих истцов. Он подошел, ухватил осла за хвост и начал тянуть к себе. При этом он так постарался, что хвост осла оторвался и остался у него в руках. Словом, как говорится, к старому горбу прибавился новый. Хозяин осла увидел это, начал кричать, браниться и в конце концов тоже присоединился к другим истцам и последовал за ними в суд.

Когда они уже совсем подошли к суду, один человек, который с самого начала не отставал от толпы, подошел к Мехраку и шепнул ему на ухо:

— Если ты хочешь спастись от злобы этих людей, ты должен проявить ловкость. Вот что тебе нужно сделать: во что бы то ни стало проберись к судье раньше своих истцов, постарайся перехитрить его или сообщи ему какую-нибудь приятную весть, словом, сделай что-нибудь приятное для него, и тогда он вынесет приговор в твою пользу!

— После того как я натворил столько бед, разве судья пойдет на это? — стал сокрушаться Мехрак.

— Да, — отвечал неизвестный человек, — если только ему захочется, он сделает все, что ему вздумается. И власть и воля в его руках. А эти люди, которые преследуют тебя, — из алчного рода таких, как судья. Они ищут богатства и денег, а не правды и справедливости!

Словом, когда они вошли во двор суда, Мехрак выбежал вперед и раньше всех ворвался в комнату судьи. О Аллах, что ж он там увидел: судья сидит с каким-то юношей и занимается нечестивым делом — играет в азартные игры и пьет вино.

Мехрак тут же выбежал обратно, захлопнул за собой дверь, прислонился к ней спиной, чтобы никто не мог войти внутрь, и начал во весь голос кричать истцам:

— О люди, остановитесь! Судья занят блаженным делом. Он совершает намаз, молится Господу. Вы не смеете отрывать его от этого занятия! Стойте и ждите здесь во дворе. Когда он кончит свои дела, тогда я открою дверь и вы войдете к нему!

Судья у себя в комнате слышал эти слова, и ему понравились ловкость и смысленность Мехрака. Он спокойно продолжал заниматься прежним делом, потом встал с места, подошел к двери, посмотрел в щель и потихоньку сказал Мехраку:

— Я искал такого человека, как ты, на всех семи небесах, а нашел тебя на земле! Не бойся ничего! Я вынесу в твою пользу какое хочешь решение и оставляю тебя при себе. Ты, видно, годишься и мне и суду!

Затем судья отошел от двери, надел свою чалму на голову, накинул на плечи джуббу, причесал волосы и бороду и направился в зал суда. Тут он сел на судейское место и сказал:

— Откройте дверь — пусть войдут люди и расскажут о своих делах!

Мехрак открыл дверь, и все вошли в зал, отвесили судье поклон, поцеловали ему руку и уселись один подле другого.

— Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! — начал судья. — О люди, пришедшие сюда для правосудия, знайте и ведайте, что я не из тех, кто берет взятки и подачки. Я человек, отказавшийся от мирских благ, я живу только мыслью о вечном потустороннем мире. Ради служения Аллаху я творю правосудие меж людьми. Нет для меня ничего на свете, кроме велений Господа! И вам следует быть такими, как я. Любому моему приговору вы должны подчиняться беспрекословно, исполнять его честно и правдиво, если даже он будет не в вашу пользу. Знайте также: мы пробудем в этом бренном мире всего несколько дней, рано или поздно нам придется собраться в путь в мир вечный. Мудрец тот, кто не променяет вечной жизни на блага этого тленного мира, кто не равняет вечной жизни с жизнью временной. Все мы уйдем. На этом свете от нас останутся только две вещи: хорошие или злые деяния. Делайте так, чтобы унести с собой в могилу хорошие деяния, а не позор содеянного зла, чтобы после смерти, где бы ни упоминали ваши имена, говорили: «Да упокоит Аллах его душу!»

Сказав эти слова, судья поднял голову и уставился в потолок. Затем он прочел какую-то молитву и сказал:

— Аллах, смилуйся и возьми нас к себе!

Вымолвил это судья и впал в беспамятство.

К нему сразу подбежали двое слуг, которые до этого стояли у порога со сложенными на груди руками. Начали они растирать ему руки и ноги, принесли розовую воду и побрызгали ему в лицо. Один из слуг, человек бывалый, поопытнее другого, обратился к людям, которые сидели кругом:

— Судья всегда таков! Когда он произносит имя Господа и вспоминает о потустороннем мире, он тотчас теряет сознание. Ночами он не знает ни покоя, ни сна! Вот и сейчас с ним случилось то же самое: он лишился чувств и впал в беспамятство.

Люди, сидевшие там, слушали все это, переглядывались друг с другом, а затем сказали:

— Да продлит Господь его жизнь, да не лишит он головы жителей Балха его спасительной тени!

А что же касается Мехрака, то он окаменел от удивления, стоял словно громом пораженный. «Ну и дела! — думал он. — Что это за речи такие? Если все, что он сказал, правда, то как же он может вынести приговор в мою пользу? А если все это ложь, то как он мог потерять сознание, как сумел разыграть все это?».

Словом, испугался он, сердце у него в пятки ушло. А истцы, наоборот, обрадовались, что, мол, судья хороший человек и все те, что потихоньку распространяют о нем клевету и ложь, говорят глупости. Нет, он совсем не такой! Как говорится, ад не такое уж пекло, каким его описывают.

Понемногу судья пришел в себя, поднялся и сказал:

— О люди, выкладывайте по одному свои жалобы, не перебивайте друг друга и дайте каждому в отдельности высказать свою нужду!

Первым встал Шамун, вышел вперед и сказал:

— Этот человек взял у меня в долг пятьсот дирхемов. Мы условились, что в конце года он возвратит долг и вместе с процентами отдаст мне шестьсот пятьдесят дирхемов, а если не возвратит — я вырежу из его тела пять сиров мяса. Наступил конец года, а он до сих пор не заплатил мне ни гроша. Вот теперь я и хочу вырезать у него пять сиров мяса!

Судья обратился к Мехраку и спросил его:

— Правду говорит этот человек?

— Да, он говорит правду, — ответил Мехрак.

— Эта сделка незаконная! — сказал тогда судья Шамуну. — Невозможно заложить за деньги кусок мяса от своего собственного тела. По нашей вере это не дозволено и является делом греховным. Но я помогу тебе, твоя жалоба не останется без ответа. Я сейчас велю принести весы, и ты вырежешь кусок мяса у ответчика, ты должен только соблюдать два условия: во-первых, ты можешь отрезать ровно пять сиров, ни на мискаль* больше или меньше. А во-вторых, ты берешь мясо от бедра ответчика как залог, и поэтому ни одна капля крови его не должна быть пролита. Подойди сюда, вот тебе нож, вот весы, вот ответчик. Еще раз повторяю, если отрежешь хоть немного больше пяти сиров и прольешь хоть одну каплю его крови, я брошу тебя на съедение собакам, чтобы ты больше не обижал мусульман!

— Как же я могу, — взмолился Шамун, — вырезать кусок мяса из его тела так, чтобы получилось не больше и не меньше пяти сиров, да еще чтоб и крови не было?

* Мискаль — старая мера веса, приблизительно равная 5 г.

— Раз ты не можешь, — говорит судья, — то не имеешь права ничего требовать. Ты еще должен уплатить штраф за то, что причинил этому человеку столько хлопот, оторвал его на целый день от дела и притащил сюда. И судебные издержки ты должен оплатить!

Шамун начал было кричать и просить о помощи, но тут судья сказал:

— Заберите его, этого неверного, и бросьте в темницу!

Слуги набросились на Шамуна и схватили его. Как он ни вырывался, ничего не мог сделать. Словом, они отпустили его только тогда, когда отобрали у него шестьсот пятьдесят дирхемов.

Очередь дошла до второго истца. Это был человек, лошадь которого Мехрак ослепил.

— О судья, — сказал он, — этот человек ударил камнем моего коня и ослепил его на один глаз.

— Правду ли говорит истец? — спросил судья Мехрака.

— Да, он говорит правду, — отвечал Мехрак, — конь этого человека, сбросив его, скакал прочь, а его владелец просил и умолял людей остановить коня. Тогда я побежал вперед и, чтобы остановить лошадь, бросил в нее камень, а камень попал в глаз и ослепил ее!

— За сколько ты купил свою лошадь? — спросил тогда судья владельца коня.

— За сто дирхемов, — ответил тот.

— Ну что ж, — молвил судья, — разруби коня пополам, слепую половину отдай ответчику и возьми с него пятьдесят дирхемов!

— Как же так, — взмолился истец, — мертвый конь ведь ничего не стоит!

— Ничего не поделаешь, — отвечал спокойно судья, — сам Аллах велел так!

— Я отказываюсь тогда от возмещения убытка! — сказал с досадой владелец коня.

— Нет, так нельзя, — воскликнул судья, — ты-то отказываешься, но я не могу этого так оставить! На целый день ты оторвал этого человека от дела и таскал его по всему городу, а теперь говоришь: «Я не требую возмещения!» Лучше бы ты сделал это тогда, когда он угодил камнем в глаз твоей кляче!

Тот начал кричать и возмущаться, но бесполезно.

— Ах вот как! — воскликнул судья. — Схватите этого болтуна и бросьте в темницу!

Истец начал просить отпустить его с миром.

— Хорошо, — приказал судья своим людям, — возьмите с него сто дирхемов и отпустите!

— О судья, — взмолился тот, — за что же я должен отдать сто дирхемов? И потом, разве ты не знаешь, что я сын невольницы тестя правителя города?

— Раз так, — решил судья, — тогда отпустите его и возьмите сто дирхемов у Шамуна!

Когда вышел вперед и рассказал свое дело третий истец, судья воскликнул:

— Из-за такого дела не стоило и приходить сюда, вы сами должны были все уладить! Ты бы лучше подождал, потерпел несколько дней. Тогда жена твоя поправилась бы, сходила бы в баню, вымылась, и ты попросил бы этого человека сделать тебе ребенка с твоей женой. А теперь скажи мне, выкидыш был мальчик или девочка?

— Мальчик! — ответил мужчина хмуро.

— Так и сделай, — сказал судья. — Если ответчик сделает на первый раз дочку, то ты обяжешь его сделать еще одного ребенка. Если он во второй раз сделает сына, то тебе повезет: ты станешь отцом мальчика и девочки, а если опять родится девочка — тоже не беда: две девочки равны одному мальчику!

— О судья, — возмутился истец, — что это за приговор, где же такое видано?

— Ничего не поделаешь, — воскликнул судья, — так велел сам Аллах!

— Я отказываюсь от своего права и не требую возмещения! — взмолился истец.

— Но ответчик не отказывается от своего права, — сказал судья, — ты оторвал его на целый день от дела!

Словом, у этого бедняги тоже взяли сто пятьдесят дирхемов и с тем отпустили. Наступил черед четвертого жалобщика.

Судья спросил:

— А что ты хочешь?

— Мой больной отец, глубокий старик, спал в саду у забора. А этот человек со всей высоты ограды прыгнул ему прямо на живот и убил его!

— Прежде всего знай: ты поступил глупо, позволив своему больному отцу спать у забора. А теперь скажи, сколько лет было старику?

— Семьдесят два года! — ответил тот.

— А тебе сколько лет? — спросил судья Мехрака.

— Двадцать восемь! — говорит Мехрак.

Тогда судья обратился к истцу:

— Ты должен беречь этого молодого человека сорок четыре года, кормить его хлебом и поить водою. Когда ему стукнет семьдесят второй год, ты отведешь его в свой сад, уложишь у забора и спрыгнешь с ограды прямо ему на живот!

Выслушав эти слова судьи, истец сказал:

— Что ж это за приговор? Да слыхано ли такое?

— Ничего не поделаешь, — ответил судья, — сам Аллах так велел!

— Я не согласен с таким приговором! — возмутился потерпевший.

Как только судья услышал эти слова, он обратился к своим слугам:

— Эй, ребята, хватайте его да выбейте из него дурь, чтобы в другой раз он не возражал против приговора Аллаха.

Словом, и у этого тоже взяли сколько-то денег и отпустили.

Пятый истец, хозяин осла с оторванным хвостом, услышав все эти приговоры, понял, что ему тоже придется худо. Когда наступила его очередь, судья спросил его:

— А ты что скажешь?

— Я ничего, я так просто! — ответил хозяин осла.

— А для чего ты пришел сюда, почему торчишь здесь целый день? — спросил судья.

— Так, чтобы посмотреть на суд! — ответил тот.

— Врет, — закричал Мехрак, — я оторвал хвост его осла, и он пришел сюда для тяжбы.

— Так ли это? — спросил судья.

— Нет, нет, — ответил поспешно хозяин осла, — у моего осла с детства нет хвоста!

— Тогда ступай и приведи свидетелей, — сказал судья, — что твой осел еще с детства бесхвостый!

Хозяин осла пошел искать свидетелей. Но он только воспользовался этим предлогом, чтобы уйти из того города в другой, и больше никто никогда не видывал его в Балхе. А слова его: «У моего осла с детства нет хвоста» — стали после этой истории известными и превратились в поговорку.

Так истцы Мехрака один за другим разошлись, и в помещении суда остались только судья да Мехрак.

— О сынок, — обратился судья к Мехраку, — как я сказал тебе вначале, долгие годы я искал такого смышленного человека, как ты.

А сейчас расскажи-ка мне все свои похождения, свою жизнь, чтобы я мог определить, что ты должен делать!

Мехрак рассказал свои приключения от начала до конца. Судья очень обрадовался и сказал:

— Твое место здесь, и ты должен жить у меня под рукой.

— Что же, хорошо! — ответил Мехрак. — Но у меня тоже есть несколько вопросов к тебе. Ты должен ответить на них, и тогда я всей душою и сердцем буду служить тебе!

— Ну, говори! — ответил судья.

— Помнишь, — начал Мехрак, — когда я вошел к тебе, ты сидел с каким-то юношей, играл с ним в азартные игры и пил вино. Скажи, кто был тот юноша и почему ты пил с ним вино и играл? Разве это можно?

— Отец того юноши, которого ты видел, — ответил судья, — умер несколько лет назад, когда сын был еще ребенком. Он был человеком состоятельным, и, чтобы его богатство не стало добычей мошенников, чтобы они не растащили и не промотали его, я послал своих людей, которые собрали все, что было у него, и передали в руки одного праведного человека, чтобы он, когда мальчик вырастет, отдал ему все. Сегодня у меня был как раз тот мальчик и сказал: «Теперь я больше не ребенок, я вырос и достиг совершеннолетия. Возвратите мне мое добро!» А я, чтобы проверить, правду ли он говорит, что он больше не ребенок и умеет вести себя в обществе взрослых, устроил ему испытание, которое ты видел, чтобы получить его имущество и добро от того человека, которому я вручил его, и отдать половину ему, а другую половину взять себе!

— О судья, — молвил Мехрак, — допустим, то, что ты сказал, — правда. А теперь объясни мне вот что: когда меня вели сюда, по дороге я видел одного человека. Его вели казнить, а он кричал: «Куда вы ведете меня, я ведь ничего не сделал, за что вы хотите убить меня?» Ему отвечали: «Судья велел!» Я очень удивился этому!

— Да, то, что ты видел, — правда, — сказал судья, — и то, что отвечали ему, тоже правда. Знай, что несколько дней назад один кузнец взял да убил какого-то богача из нашего города. Надо было бы казнить его, этого кузнеца, как преступника и убийцу. Но в нашем городе нет другого мастера, знающего кузнечное дело. Если бы мы убили его, то от этого пострадали бы дела жителей города и мои собственные дела. Но кровь убитого богача также нельзя было оставить неотомщенной, потому что его родные и близкие — мои друзья. Тогда я решил: так как в этом городе много медников, то не лучше ли казнить одного медника вместо

кузнеца, чтобы и кровь богача была отомщена, и город не лишился единственного кузнеца. Тот, кого ты видел, и был один из медников, которого вели на плаху вместо кузнеца!

— Теперь пойдем дальше. А что ты скажешь насчет того человека, которого насильно завернули в саван и несли в гробу на кладбище? — продолжал Мехрак. — Ведь сколько он ни кричал: «О люди, я живой!» — никто не обращал внимания на него и не слушал его слов, и все говорили: «Судья сказал, что ты умер, и поэтому нужно предать тебя земле!» Скажи, ради Аллаха, ты ли выносил эти приговоры или, может быть, кто другой от твоего имени творил все эти дела?

— Они говорили правду, — отвечал судья, — я сам, своей рукой скрепил этот приговор.

Несколько лет назад этот мужчина пришел ко мне и поручил мне свое добро, жену и дочку. Затем он попросил у меня разрешения совершить паломничество в Мекку и вернуться обратно. Я разрешил ему, и он уехал.

Через некоторое время до нас дошла весть, что он умер. Я начал расследовать это дело и узнавать о нем через разных людей. Все подтвердили, что он умер. Тогда я выдал его жену замуж за своего брата — сейчас у нее уже есть ребенок от него. А на дочери его я женил своего племянника. Что же касается его добра и имения, то все это я разделил между своими и его родными. И вот недавно он словно с неба свалился — пришел и говорит: «Я здоров! Те, кто говорил, что я умер, лгали!»

Я понял, что он, будучи в живых, доставит нам большие хлопоты, и поэтому сказал: «Он ошибается, говоря, что он не умер, по глупости утверждает, будто он жив. Он давно умер, и его следует считать мертвым!» Затем я приказал своим людям взять его, отнести на кладбище и похоронить. Они завернули его в саван и похоронили живьем — никто и пикнуть не осмелился!

— Так, так, хорошо! — сказал Мехрак. — На дороге я видел еще одного человека. У него в руках был кол, и люди, когда видели его, разбегались. Если ему удавалось кого-нибудь поймать, а тот не откупался от него деньгами, он бил этим колом в глаза, уши или нос пойманному. Скажи же мне, кто был этот верзила и почему он так поступал?

— О Мехрак, — молвил судья, — этот мужчина, которого ты видел, — вор Раджабак. Это один из моих закадычных друзей. Человек он честный и правдивый. Большинство воров — мои друзья, но все они люди нечестные, все мошенники! Очень редко можно найти среди них такого праведного человека, как Раджабак. У меня с ворами есть уговор:

все, что они крадут, мы делим пополам. Но эти мошенники всегда обманывают меня и не говорят мне точно, сколько они стащили. Они оставляют себе то, что тянет больше по цене, а то, что тяжелее по весу, отдают мне. И только один Раджабак всегда отчитывается честно. Ты можешь спросить, откуда я знаю, что Раджабак человек честный, а все остальные мошенники? Так вот, слушай, каким путем я установил это. Когда они обкрадывают какой-нибудь дом, его хозяин приходит ко мне жаловаться. Тогда я приказываю ему составить список всех украденных вещей и дать его мне. Тот так и делает. Потом я сверяю перечень со списком, который дает мне вор. И вот так я убедился, что все воры обманывают меня, записывают не все, что крадут. Только один список — Раджабака — всегда точно совпадает с теми описями, которые дают хозяева обворованных домов. Вот почему я люблю его. Да ведь не только я — все любят честных и праведных людей. И ты тоже, если хочешь жить со мной в мире и согласии, должен быть честным и правдивым. Ведь, как говорится, змея пока не выпрямится, не может попасть в свою нору. В правдивости кроется спасение. Ну вот, ты узнал все это, а теперь послушай о приключениях Раджабака и о его коле.

Как-то ночью отправился Раджабак в дом одного богатого купца. Он забросил веревку, взобрался на крышу дома, но дверь, ведущая с крыши внутрь дома, была заперта. Как он ни старался открыть дверь, ничего не выходило. Тогда он решил спуститься во двор и оттуда проникнуть в дом. Но когда он спускался вниз по стене — а ночь была темная, — он вдруг споткнулся о кол, упал на него, кол вонзился ему в глаз, и он ослеп. Тут он кое-как взобрался опять на крышу и спустился вниз. Той же ночью он отправился к лекарю, а на следующий день утром предстал перед моими очами с повязкой на глазу. Я спросил его, почему он завязал один глаз. «Вчера ночью, — ответил он, — я ходил в дом одного богатого купца, чтобы очистить его. Вот там я и упал на кол и выколол себе один глаз!»

Я страшно расстроился и тут же послал за купцом. Когда тот явился, я спросил его: «Почему у тебя в стене дома торчит кол, для чего ты забил его? Чтобы выколоть глаз Раджабаку?» Он, разумеется, не осмелился спросить: «А что Раджабак делал на крыше моего дома?» — а только ответил: «Я не виноват — каменщик забил этот кол в стену!»

Тут я послал за каменщиком, и его привели. «Зачем ты забил этот кол в стену, для того, чтобы ослепить Раджабака?» — «Я ничего не знаю, — ответил каменщик, — после меня там работал плотник, спроси лучше у него!»

Я велел позвать плотника, и, когда тот явился, я спросил: «Почему же ты не вынул этот кол из стены дома купца, чтобы он не выколол глаз Раджабаку?» — «Да, правда, — ответил он, — я работал там после каменщика. Я работал хорошо, но к концу работы вдруг из окна противоположного дома донеслись звуки саза и пение. Эти звуки так очаровали меня, что я забылся и запамятовал вынуть кол из стены!»

Тогда я отыскал музыкантов и певцов и начал допрашивать их, зачем они играли и пели и так очаровали плотника, что он забыл вытащить кол. Из-за этого теперь Раджабак остался только с одним глазом! «А мы-то тут при чем?» — ответили они. — В том доме была свадьба, и нас пригласили играть и петь!»

Я послал за хозяином дома и спросил его: «Зачем ты устроил свадьбу, наверно, для того, чтобы ослепить нашего Раджабака?» — «Я не виноват, — ответил хозяин дома, — мой сын захотел жениться, и я устроил ему свадьбу!»

Тогда я приказал привести его сына и спросил его, почему он женился, — ведь из-за этого Раджабак стал одноглазым! «Я женился потому, — сказал юноша, — что Аллах и его посланник велели: „Женитесь, чтобы иметь детей!“»

Когда дело дошло до этого, я сказал: «Я ничего не понимаю! Ни Аллах, ни пророк не говорили: „Женитесь, чтобы ослепить Божьих людей!“ Вы должны возместить убыток Раджабаку!» Потом я обратился к Раджабаку и сказал ему: «Раджабак, вот тебе, возьми этот кол и выколи глаз любому из присутствующих здесь, отомсти за свое око!» — «Раз так, — воскликнул Раджабак, — то дай в мое распоряжение глаза, рты и уши всех жителей города, и я, когда захочу, буду забивать кол в ухо, глаз или в рот кому мне вздумается!» Я разрешил это Раджабаку и наказал ему больше не заниматься воровством, а зарабатывать деньги таким путем. С тех пор как он дал обет не воровать, он ни разу ничего не крал, а между тем дела его идут хорошо, он собирает деньги со своим колом и мою долю отдает и сам живет припеваючи. Вот история этого человека, который, как ты видел, ходит по городу с колом в руках. Знай, Мехрак, я служу народу, людям, живущим в этом мире. Вы должны ценить меня!

— Ну ладно, — сказал Мехрак, — теперь мне это понятно. А скажи-ка, почему муэzzин на минарете, призывая людей к молитве, кричал: «Я свидетельствую, что, как говорят мусульмане, Мухаммед — посланник Аллаха!» И еще, почему какой-то мулла вылил несколько кувшинов вина в бассейн перед мечетью и приговаривал: «О мусульмане, ради

самого Господа, покупайте это вино. Оно сделано из винограда вакуфного сада мечети!» Потом, почему в мечети пишнамаз подбирал левую ногу, когда читал молитву?

Судья ответил:

— Знай, что в этом городе нет ни одного мусульманина с хорошим голосом, который мог бы читать азан. Вот поэтому я и позвал к себе одного еврея, моего старого знакомого, и сказал ему: «Будь нашим муэззином и читай азан, призывай с минарета мечети мусульман к молитве!» Он сказал: «Хорошо, я согласен. Я тоже, как вы, мусульмане, считаю Господа единым, но я не верю в вашего пророка, ведь я же не мусульманин, я никогда не стану свидетельствовать, что Мухаммед — посланник Господа!» — «Я же тебе не говорю, — возразил я ему, — веруй сердцем в Мухаммеда, нашего пророка, ты только говори об этом. Ведь я тоже не верю во многие вещи, но ради своей выгоды признаю их на словах и болтаю для людей!» Но еврей не согласился и сказал, что не пойдет на такое дело. Тогда после долгих разговоров и препирательств мы сошлись на том, что он будет читать азан, но только будет говорить так: «Я свидетельствую, что поистине нет Бога, кроме Аллаха, и я свидетельствую, что, как говорят мусульмане, Мухаммед — посланник Аллаха!»

Что же касается вина в бассейне перед мечетью на базаре, то вот что это значит. Один богатый человек пожертвовал мечети большой виноградник, и этот виноградник находится в моих руках. В прошлом году мы собрали большой урожай и не смогли сбыть весь виноград. Два-три харвара* винограда так и остались лежать. Я, разумеется, не хотел, чтобы вакуфное добро испортилось и пропало даром, поэтому велел разложить оставшийся виноград по кувшинам и сделать из него уксус, чтобы потом можно было продать его. Но вместо уксуса получилось вино, хорошее вино. Раз вышло такое дело, нельзя же было мне допустить, чтобы и мой труд пропал, и вакуфное имущество пропало, и управление мечети понесло убыток! И я приказал вылить все вино из кувшинов в бассейны мечети и там, ради доброго, богоугодного дела, продавать его народу.

Теперь пойдем дальше. У того пишнамаза, который во время молитвы подбирает одну ногу, очень плохая привычка — он всегда пачкает нечистотами свою левую ногу. Ничего с ним не поделаешь! Но он мой человек, и я не хочу, чтобы вместо него кто-нибудь другой читал молитву.

* Харвар — выюк осла; впоследствии — мера веса, различная в разных местностях.

С другой стороны, нужно беречь веру людей, а то вдруг, не дай бог, станут еретиками! Поэтому я приказал ему во время молитвы поднимать левую ногу, которая всегда загажена.

От этих рассказов у Мехрака голова кругом пошла! Ему захотелось схватить судью за бороду и стукнуть его хорошенько по голове. Но тут он вспомнил, что судья только что спас его от гнева нескольких человек и он не должен делать этого. Кроме того, ему нужно было еще многое узнать у судьи. Тут Мехрак вспомнил о мужчине, которого заковали в цепи и водили по всему городу, о тех, кого ловили и вели в темницу, а также и о людях, которые играли во дворе медресе в азартные игры.

Начал он опять расспрашивать судью:

— О судья, тот мужчина, которого заковали в цепи и водили по городу, был просто дервиш в лохмотьях. Но при этом, несмотря на все унижения, видно было, что человек он честный и достойный, человек почтенный. Я был поражен его поведением и поведением его учеников. Как их ни пытали, как ни мучили — по вашему, видно, приказу, — как ни глумились над ними мошенники и воры, они ничего не боялись, ничуть не трусились и не терялись. Они не были бледны и напуганы, как бывают обычно заключенные.

Не понравились эти вопросы и рассуждения Мехрака судье — не хотелось ему, чтобы Мехрак сразу узнал всю подноготную. Но ничего не поделаешь. Как говорится, если человеку прикажут не видеть — он закроет глаза и ничего не увидит; если ему велят не говорить ничего — он может закрыть рот и молчать; если ему прикажут не слышать — он заткнет уши и ничего не услышит, но если прикажут: «Перестань понимать!» — он ничего не сможет поделать с собой, ибо тут уже нечего закрывать. И что бы ни делали с ним, он все равно не разучится понимать.

— О Мехрак, — начал судья, — так как ты теперь стал своим человеком и будешь способствовать мне в каждом деле, будешь моим помощником, ты должен знать кое-какие подробности. Но ни в коем случае не рассказывай этого никому, потому что не каждое слово годится для людей. Что касается человека, которого, как ты видел, водили в цепях по городу, то зовут его Ходжат Кубадияни. Это человек ученый и грамотный, последователь царя благородных, имама Али. Для него темница — пустое слово, ничто, он верует во все, что проповедует. Он перенес столько бедствий и обид, что не боится ни темницы, ни побоев, ни тумачков. Он только рад, что таким образом ему удастся собрать вокруг себя людей, которые слушают его. Но его проповеди никак не согласуются с нашими

делами и положением. Если мы не остановим его — нам не удастся жить в этом городе в свое удовольствие!

— Раз ты избрал меня в друзья, — обратился к нему Мехрак, — не можешь ли ты сказать мне, что́ этот человек говорит такого, чем он берет людей за сердце?

— Много чего он говорит! — ответил судья. — Вот, к примеру, некоторые его речи: «Тот, кто распоряжается жизнью и имуществом людей, должен жить, как царь благородных, имам Али. Он должен есть ячменный хлеб да уксус, ходить в простых одеждах. Не к лицу ему каждый день устраивать пиры, есть кебаб, пить вино и держать рабов и невольниц. В делах он не должен выделять своих родных и близких среди других людей, бразды правления должен поручать людям ученым, мудрым и опытным. Он обязан трудиться на благо людей, а не заставлять людей трудиться ради его благополучия!» Вот за такие разговоры и проповеди, которые никак не примирить с нашей жизнью и делами, мы заковали его в цепи, а его последователей бросили в темницу. Иначе мы не можем заткнуть им рты. Мы подвергаем их всяким пыткам, объявляем еретиками, рафизитами и карматами, даже казним их. Жаль только, что все это бесполезно. Они по-прежнему всем сердцем верят тому, что говорят. И я боюсь, что когда-нибудь они, как говорится, ограбят нашу лавку. Наше спасение лишь в том, что люди, из-за которых они стараются и бьются головой о стену, — невежды и ничего не понимают. Это темный народ, он — словно воск в наших руках, он — заклятый враг этих проповедников. Словом, мы должны жить в покое и блаженстве, наслаждаться жизнью и ее благами, а не убиваться из-за каких-то невежественных и нищих людей. Не пристало нам горевать и заботиться о народе, это нам не подходит!

Когда Мехрак услышал имя царя благородных, он вспомнил слова старца Хаксара и спросил судью:

— А правда, что Шахмардан — царь благородных — был таким, как о нем говорят?

— Да, правда, — ответил судья, — но ты знай себе, да помалкивай! Никогда никому не рассказывай об этом! Я тебе говорю об этих вещах для того, чтобы ты все знал, ибо я боюсь, как бы ты не попал в ловушку этих людей, проповедников учения царя благородных. А то поддашься их проповедям, и они совратят тебя с правильного пути. Правда, нам известно не все, о чем они разглагольствуют. Но главное вот что: раз мы хотим жить хорошо, мы должны быть последователями Бу-Хурейры.

Бу-Хурейра — это один из сподвижников пророка Мухаммеда. Но он был чревоугодником, любил мирские удовольствия и потакал своим желаниям. Когда началась война и тяжба между царем благородных, имамом Али, и Муавией*, как-то раз спросили у Бу-Хурейры: «С кем ты, чей ты сторонник?» — «Во время молитвы, — ответил он, — я с Али, ибо он человек набожный и благочестивый, а во время ужина и обеда я с Муавией, ибо стол его всегда полон разнообразных яств. А когда они воюют друг с другом, я поднимаюсь на холм и оттуда наблюдаю, как они дерутся!»

А все те, которых тогда ловили, — продолжал судья, — все они теперь в темнице. Всех их поймали по моему приказу. Это последователи тех еретиков, о которых я тебе уже рассказал, они тоже мешают нам. Тех же, которые вняли нашим словам и порвали с ними, мы освободили и позволили им делать все, что им вздумается. Мы разрешили им сидеть в медресе и играть в азартные игры, чтобы никакие другие мысли им и в голову не приходили, чтобы не было у них соблазна прислушаться к словам еретиков и безбожников. Да кроме того, от их выигрышей и барышей кое-что перепадает и на нашу долю!

От этих рассказов судьи Мехрак только диву давался, ему казалось, разум у него помутился. Стал он думать о своей горькой доле и безотрадной судьбе. И на душе у него стало совсем тяжело.

Но что Мехраку было делать? Ведь рука его была под жерновом судьи. Волей-неволей ему пришлось остаться у этого человека, и постепенно он стал его доверенным лицом и мастером на все руки. Теперь судья все свои дела вершил руками Мехрака. А этот бедняга иногда до того ожесточался, что никого не щадил, и его сердце затвердевало как камень. Но временами он так жалел бедных и обездоленных людей, что сердце его становилось мягче воска, и тогда он проклинал и свою родину, и свой век, и свою незавидную долю.

А жизнь людей в городе из-за притеснений судьи и его приспешников со дня на день все ухудшалась. Дошло до того, что в Балхе бедный люд совсем лишился прав на свое и без того скудное имущество.

Правитель города, начальник стражи, калантар, старосты и другие толстосумы постоянно препирались и ссорились друг с другом из-за своего добра. Но как только дело доходило до грабежа и насилий над другими людьми, они объединялись и становились союзниками. Все эти богатеи держали при себе кучу мошенников, воров и разбойников и с их

* Муавия — пятый халиф, основатель династии Омейядов.

помощью объявляли честных людей карматами, еретиками, покушались на жизнь, честь и имущество всех жителей. Их притеснения и произвол дошли до того, что все ученые, мастера, купцы и весь честной народ, все, кто ненавидел лесть и подхалимство и не хотел мириться со ставленниками судьи и его сообщников, покидали свои дома, оставляли Балх и перебирались в Хорезм, Рей и Дейлам*. Балх почти опустел. Там остались насильники и мошенники да кучка беспомощных бедняков.

А теперь оставим пока бедных и обездоленных жителей Балха и посмотрим, до чего дошли проделки судьи и его сообщников и чем все это кончилось.

В Балхе в квартале серебряников проживал один купец по имени Зейтун. Был он одним из самых богатых людей города. И отец его, и дед в свое время тоже были большими богачами. Еще в молодости Зейтун женился на Мавлуде, дочери Мейпила-мануфактурщика, одного из знатных старожиллов города Балха. От Мавлуде у Зейтуна родились сын и дочь. Девочка была так красива и прелестна, что ее прозвали Шахрашуб — «Смута города». Когда мальчик и девочка подросли, семью постигло большое несчастье: Мавлуде не смогла поладить с Зейтуном, и они разошлись. Жена бросила дом на произвол судьбы и ушла. Через год или два Зейтун тоже оставил дом. Под предлогом паломничества в Мекку он поручил все имущество и дочь своему сыну и отправился в путь.

После этого прошло некоторое время. Как-то раз Шахрашуб возвращалась домой из бани. Калантар Теймур в это время верхом ехал по городу и случайно увидел Шахрашуб. Тут вдруг подул сильный ветер, сорвал покрывало Шахрашуб, и калантар увидел белое и румяное лицо и распущенные после бани волосы Шахрашуб. Он сразу влюбился в нее, пошел следом, увидел, где она живет, и запомнил дом, квартал и улицу. На следующий день утром калантар потребовал к себе старосту квартала, где жила девушка, дал ему адрес Шахрашуб и сказал:

— Иди и разузнай, чей это дом и чья дочь эта девушка. Я хочу любой ценой ввести ее в свой дом! Если у нее есть муж — я заставлю его развестись с ней, а если она девушка — добром ли, силой ли, но я заполучу ее в свой гарем!

Староста квартала пошел разузнал все и сообщил Теймуру:

— Она дочь купца Зейтуна и еще не замужем. Отец ее сейчас совершает паломничество, а она осталась на попечении брата!

* Рей и Дейлам — старые иранские города.

На следующий день утром калантар послал своих слуг за сыном Зейтуна, пригласил его к себе, очень приветливо принял, выказал ему большую благосклонность, обошелся с ним ласково, а потом сказал, что хочет жениться на его сестре.

— Наш отец отправился навестить Господний храм, — отвечал сын Зейтуна. — Он вернется через два-три месяца. О калантар, было бы хорошо, если бы ты потерпел два-три месяца — тогда вернется отец и ты поговоришь с ним самим. Я не могу самовольно выдать сестру замуж!

— Нет, я не могу терпеть ни одного дня, — сказал калантар. — Говорю тебе всю правду: если ты хочешь жить в этом городе и не лишиться имения и богатства своего отца, ты должен взять руку сестры и вложить в мою руку!

Сын Зейтуна испугался. Он знал, что эти люди делают все, что им вздумается.

— Коли так, — сказал он калантару, — дай мне повидаться с сестрой и рассказать обо всем этом ей. Посмотрим, что она ответит на это!

— Ну что ж, — согласился нехотя калантар, — иди и поговори с ней, но знай, что все это лишнее! Ты должен уладить это дело за два-три дня, и смотри, не придумывай никаких отсрочек и предлогов!

Сын Зейтуна расстроился, возвратился домой и рассказал обо всем, что было, сестре.

— Оставь ты это, — сказала Шахрашуб, — не обращай внимания на такие слова. Нечего больше и ходить к нему!

Прошло два-три дня. Калантар увидел, что сын Зейтуна не появляется — нет о нем ни слуху ни духу. Тогда он призвал к себе старосту и сказал:

— Иди и передай сыну Зейтуна, чтобы он не заставлял нас ждать, пусть немедленно исполняет дело, о котором я говорил с ним!

Староста пришел и передал слова калантара сыну Зейтуна, а тот в ответ:

— Я самовольно ничего не могу сделать — пусть потерпит некоторое время, пока не придет отец!

Когда услышал калантар ответ юноши, он сказал старосте:

— Нет ли в том квартале кого-нибудь из знатных мошенников?

— Есть, — ответил староста, — там живет Джафуршахан!

— Пришли его немедленно ко мне! — приказал калантар.

— Слушаюсь! — сказал староста и в тот же день послал Джафура к калантару.

— Дом купца Зейтуна, — обратился к Джафuru калантар, — находится в вашем квартале. Отец его, как я слышал, сейчас в паломничестве. Под каким-нибудь предлогом ты должен хорошенько проучить его сына. Не давай ему прохода, обижай и оскорбляй его, словом, сделай так, чтобы жизнь в вашем квартале стала для него невыносимой, да не только в квартале, а и во всем городе! Тебе поможет староста.

— Слушаюсь! — ответил Джафур и ушел.

На следующий день утром не успел сын Зейтуна выйти из дому, как на него набросился Джафур и начал громко кричать на него:

— Ах ты безродный, ах ты нечестивец, твои проделки в нашем квартале перешли всякие границы! Ты обнаглел до такой степени, что открыто преследуешь наших детей и жен! Что это ты глазеешь налево и направо, засматриваешься на лица чужих дочерей и жен?

Сын Зейтуна оторопел. Не успел он оглянуться и разобраться, кто этот человек и что он говорит, как разбойник Джафур ударил его кулаком по уху. У бедного парня закружилась голова, и он рухнул на землю. Он хотел было встать и спросить обидчика, зачем он дерется, но Джафур ударами в бок и в живот живо уложил его обратно.

На шум и крик прибежали люди и кое-как, с мольбами и уговорами, спасли сына Зейтуна из рук Джафура, взяли несчастного под руки и привели домой.

— Не поднимай голоса, молчи, — посоветовали ему соседи потихоньку, — у этого человека стыда нет! Не выходи несколько дней из дому, а коли выйдешь — будь осторожен, поглядывай по сторонам!

А Джафuru никто даже не осмелился сказать: «Зачем ты избил этого бедного юношу? Ведь он не такой человек, как ты говоришь!»

Некоторые начали перешептываться меж собой, что, мол, хоть это дело и сделано руками Джафура, но научили-то его другие, иначе он не стал бы заниматься такими делами.

Сын Зейтуна от страха три-четыре дня не выходил из дому. Сколько ни ждали, сколько ни караулили его мошенники и головорезы, он не показывался на улице. А калантар тоже ждал, ждал и наконец видит, что о девушке нет никаких вестей, — видно, и Джафур не сумел сделать ничего такого, что можно было бы назвать делом. Тогда он послал за старостой и сказал ему:

— Как я понимаю, брат девушки превратился в шипы на нашей дороге. Что пользы в том, что мы напугали его и держим заключенным в собственном доме? Это не лекарство от недуга нашего сердца! Мы должны

бросить его в темницу, и если это поможет получить девушку — хорошо, если же нет — придумаем что-нибудь другое, будем действовать иначе. Вот что тебе нужно сделать: вели Джафуру притащить парня любимым способом в суд. Теперь возьми вот эти пятьсот дирхемов и отдай их Джафуру. Пусть он поделит их между своими ребятами да поразмыслит насчет этого дела!

На следующий день Джафур по приказанию старосты квартала созвал семь-восемь других головорезов и сказал им:

— Завтра утром мы должны вломиться в дом Зейтуна!

— Староста не даст нам это сделать! — ответили его дружки.

— Ничего, не бойтесь, — успокоил их Джафур, — сам староста поможет нам, будет следовать за нами словно тень. Так что будьте спокойны!

Взяли они палки и дубины и направились в дом Зейтуна.

— О люди, — кричали они по дороге, — берегите свою честь! Сын Зейтуна, пользуясь тем, что он далеко от взоров своего отца, не проявляет к вам уважения, каждую ночь с вечера до утра шатается около домов женатых мужчин. В своих грязных мыслях он покушается на нашу честь!

С этими словами они бросились к дому Зейтуна, сломали дверь и ворвались внутрь. Они забрали с собой все, что попало им под руку, дочиста ограбили дом, связали сына Зейтуна и колотушками и побоями погнали его в дом калантара.

— О калантар, — заявили эти бездельники, — жители нашего квартала доведены до крайности. Этот мерзавец пристаёт ко всем нашим девушкам и женщинам. Он читает им стихи, всем объясняется в любви!

— Ого, да ведь я знаю этого парня! — стал лицемерить калантар. — Это сын купца Зейтуна. Я не верю тому, что вы говорите, это неправда. Если вы можете привести двух-трех уважаемых людей и они засвидетельствуют ваши слова — тогда я поверю вам и примерно накажу его!

— Да все жители квартала свидетели, — ответил Джафур, — даже сам староста!

— Ну что ж, — молвил калантар, — идите приведите свидетелей.

Эти разбойники пошли и привели целую толпу свидетелей. Одни из страха перед головорезами, а другие из-за денег — только все они дали ложные показания.

— Что ж, теперь придется бросить этого парня в темницу! — сказал калантар и крикнул слугам: — Возьмите этого юношу, бросьте его в темницу!

Когда наступила полночь, калантар отправился в темницу к сыну Зейтуна и сказал ему:

— Почему ты довел дело до этого и заставил меня поступить с тобой таким образом? Стоит мне только захотеть, и я небо пришью к земле, а добьюсь любимым способом, чтобы девушка вошла в мой дом! Но мне хочется, чтобы это было сделано твоей рукой. Хочешь, я отпущу тебя и не стану больше трогать, а ты пойдешь, собственноручно приведешь сестру в мой дом, и мы уладим это дело!

— Я ничего не могу поделаться! — ответил сын Зейтуна.

— Раз так, — закричал калантар, — подыхай в темнице! И мы будем топтать твой прах ногами!

Махнув рукой на парня, калантар позвал к себе жену старосты и послал ее к девушке с такими словами: «Если не хочешь, чтобы я подверг тебя таким же пыткам, как и твоего брата, если желаешь, чтобы я освободил его, приходи ко мне сама, я назову тебя своей, и мы заживем!»

Когда Шахрашуб услышала от жены старосты эти слова калантара, она ответила:

— Иди и передай калантару, что мы уже сказали свое слово. Пусть подождет до возвращения отца!

После этого прошло два-три дня. И вот однажды утром Шахрашуб услышала, что на улице поднялся страшный шум и крик, и заметила, что к их дому направляются гуляки и головорезы.

Громила Джафур орал:

— Эта девка, оказывается, молила Аллаха, чтобы ее брата упрятали в темницу! Она хотела водить в дом кого захочет!

Головорезы подошли к дому. Стучали, стучали — никакого ответа. Они взялись за ломы и топоры, сломали дверь и ворвались внутрь. Обшарили весь дом, заглянули во все уголки и закоулки, но девушки и след простыл. Тогда они принялись грабить дом, а потом под предлогом поисков девушки бросились и в соседние дома и начали таскать то, что было в них. Словом, они подняли такой шум и гам, что и конца ему не было видно.

А теперь оставим их и послушаем, что было с девушкой. Когда она увидела, что головорезы и бандиты бросились на их дом, она с помощью одной из соседок поднялась на крышу, оттуда — на крыши соседних домов и наконец добралась до дома судьи. Спустилась во двор, вошла в покой судьи и там рассказала ему о своих злоключениях от начала до конца, ничего не утаила. А судья, как увидел ее, очень обрадо-

вадся и подумал: «Вот удача! Такая недоступная красавица — и сама пришла ко мне!»

Говорит он девушке:

— Я освобожу тебя и твоего брата из когтей калантара, но с тем условием, что ты останешься в моем гареме и всегда будешь со мною!

— О судья, — отвечает Шахрашуб, — я сейчас так удручена, вся жизнь моя омрачилась. Если ты и вправду хочешь мне добра, то оставь меня сейчас в покое и освободи моего брата, а потом посмотрим, что будет.

— Толково ты говоришь! — обрадовался судья.

Затем он позвал Мехрака и сказал ему:

— Иди к калантару Теймуру и передай ему, что сын купца Зейтуна мой человек и пусть он немедленно освободит его! Еще ему скажи, чтобы он оставил в покое сестру парня и больше не приставал к ней!

Когда Мехрак пошел и передал слова судьи калантару, тот сразу догадался, почему Джафур и его люди не нашли девушки дома. Он понял, что она убежала в дом судьи и там нашла себе убежище.

— Нет, — говорит он судье, — она выпала на мою долю. Я уже много времени добиваюсь ее, отвяжись-ка лучше ты сам!

— Нет, — отвечает судья, — ты отступись! Тебе никогда не видать ее!

Словом, долго они препирались, и судья убедился, что калантар только время тянет. Тогда он пригрозил ему:

— Еще у меня поговорить — и я опозорю тебя перед всем народом и уволю с должности!

— Как это так — уволишь с должности? — возмутился калантар. —

Забыл ты, что ли, кто посадил тебя на твое теперешнее место, кто сделал тебя судьей? Мы можем поступить с тобой так же, как с твоим предше-

ственником. Помнишь, как мы прогнали его и на его место посадили другого. Таким же путем мы можем разделаться с тобой и на твое место посадить другого. Нам ничего не стоит так сделать — мы можем спустить осла с крыши так же, как подняли его туда!

— Не болтай зря! — ответил судья. — Хоть я пришел к власти при помощи ваших рук, теперь я твердо стою на своих ногах. Никто не сможет меня осилить, будь он даже султаном Газны*! Потом помни, что ты опозорил себя перед народом. Разве ты не позарился на жену своего брата? Может быть, это не ты убил своего брата, чтобы овладеть его

* Султан Газны — Махмуд Газневид (999—1030): правитель, имя которого стало впоследствии символом могущества.

женою? Да ты совершил тысячу грязных дел, и если я хоть одно из них раскрою и начну преследовать тебя, то тебе не устоять!

Эти слова судьи заткнули рот калантару, и он был вынужден освободить сына Зейтуна и отстать от его сестры.

А сын Зейтуна, как только вышел из темницы и узнал, что его освободили благодаря посредничеству судьи, сразу пошел к нему на поклон, чтобы облобызать его руки.

Судья же сказал ему:

— Тебя я освободил, калантара поставил на место, и теперь ты должен беречь сестру и выдать ее замуж только за того, кого я посоветую тебе.

— Тогда дай нам несколько дней — мы сначала немного наведем порядок в доме, устроим нашу жизнь, а потом подумаем, что нужно делать! — ответил сын Зейтуна судье.

— Прекрасно! — воскликнул судья. — Вы свободны, отправляйтесь домой.

— О судья! — добавил сын Зейтуна. — Ты убрал с нашей дороги калантара, но у нас есть еще один враг. Он живет в нашем квартале. Он нам жизни не дает, позорит нас! И вот я боюсь — не успеем мы еще показаться в нашем квартале, как опять попадем ему в руки.

— Кто же он такой? — спросил судья.

— Джафур, — сказал сын Зейтуна.

И тут он рассказал о своих несчастьях: как он был избит Джафуром, как тот со своей шайкой два раза нападал на их дом, грабил его, а заодно и дома соседей, как он мучил их, словом, все от начала до конца.

— Будьте спокойны, — сказал ему судья, — я пошлю с вами Мехрака!

Тут он позвал Мехрака и сказал ему:

— Проводи их домой, а затем передай от меня Джафуру, что это мои люди и, если он еще хоть раз обидит их, я прикажу дать ему в городской управе сто ударов хлыстом да еще надеть на него ошейник и провести по всему городу.

Мехрак отвел их домой, а затем пошел искать Джафура. Передал он ему слова судьи, а Джафур очень огорчился и расстроился. Вытащил он из-за пояса свой кинжал, бросил его на землю и сказал:

— От такой жизни захочешь поскорее попасть в руки могильщиков! Что ж это творится? Из-за куска хлеба нам приходится служить палкой в руках сильных мира сего и бить по голове несчастных людей. А когда

появляются два важных господина и тот, что покрупнее, начинает препираться и ссориться с другим, то вместо того, чтобы укоротить руки насильнику, он ломает палку, а палка — то есть мы — тут ни при чем. Смотрите-ка, что получается: калантар хочет взять к себе дочь Зейтуна и делает нас своим орудием. Задобрив пятьюстами дирхемами, он ставляет нас ни с того ни с сего врываться в дом несчастных людей, поднимать шум, пугать народ, обижать людей, говорить неправду... А теперь судья хочет вырвать этот лакомый кусок изо рта калантара. Калантара он осадил, а нам вон что заявляет! Видно, у него не хватает силы взять осла, поэтому он берет хоть попону. А что ж остается делать людям? Да они просто проклинаят нас!

Сказав это, Джафур обратился к своим товарищам:

— Давайте-ка пораскинем умом да поразмыслим — как нам жить дальше. Лучше будем щитом угнетенных и обиженных людей, чем мечом угнетателей и насильников!

Слова Джафура подействовали на них, все выгасили кинжалы из-за пояса и отправились к старцу Хаксару на покаяние...

А Мехрак был поражен словами и поступком Джафура. Стал он размышлять о своей дальнейшей жизни и судьбе и погрузился в мрачное раздумье.

А теперь оставим их и поговорим о судьбе.

После этих событий прошло несколько дней. Судья вспомнил Шахрашуб, и сердце его пожелало ее. Так ему хотелось насладиться невинностью Шахрашуб, что он лишился покоя.

Он отправил Мехрака к сыну Зейтуна и поручил ему сказать:

— Я нашел твоей сестре хорошего жениха. Пришли ее ко мне, пусть она придет, и я устрою ее жизнь.

— Нет, пока не приедет отец, — отвечал сын Зейтуна, — я не позволю сестре шагу ступить из дома!

Судья расстроился и сказал Мехраку:

— Иди скажи сыну Зейтуна, что он должен тебе две тысячи дирхемов. Если он спросит: «Кому это я должен такие деньги?» — скажи ему, что он брал у тебя в долг. Если он ответит грубо и невежливо — тащи его сюда. Затем подыщи двух свидетелей и тоже приведи их сюда!

Мехрак по приказу судьи отправился к сыну Зейтуна и потребовал у него денег — две тысячи дирхемов.

— Какие такие деньги? — удивился сын Зейтуна.

— Те, которые ты взял у меня в долг! — сказал Мехрак.

— Никаких денег я у тебя не брал, — ответил сын Зейтуна, — не ври и не выдумывай!

— Я вру, я говорю неправду?! — притворно возмутился Мехрак. — Раз так — пойдем к судье, пусть он рассудит, кто из нас лжец!

Сын Зейтуна тут наконец сообразил, что это подвох, какая-нибудь новая уловка. Он пошел к сестре, рассказал ей обо всем, предупредил ее. А потом пришлось ему волей-неволей отправиться с Мехраком к судье. Когда судья появился и приступил к разбирательству дела, он принял такой вид, что только полюбуйтесь! Как будто он от роду не видывал ни Мехрака, ни сына Зейтуна! Сначала он обратился к юноше:

— Какое дело привело тебя сюда?

Мехрак тут же выбежал вперед и начал говорить:

— О судья, этот человек должен мне две тысячи дирхемов. Вот я сегодня пошел и потребовал у него свои деньги, а он отказывается и говорит: «Я ничего тебе не должен».

Судья говорит с важностью:

— Так просто никто не дает в долг. Здесь дом правосудия! Если у тебя есть расписка — покажи, а если нет — оставь парня в покое!

— У меня нет расписки от него, но зато есть свидетели! — ответил Мехрак и пошел за свидетелями. Он разыскал в городе двух бездельников, дал им десять дирхемов и привел их к судье как свидетелей.

— Ну что ж, правда на твоей стороне, — сказал судья, — теперь я могу отправить его в темницу и отобрать у него твои две тысячи дирхемов. Пусть никому не повадно будет попираť права людей и никто не пытается сделать ремеслом грабеж чужого добра!

Сын Зейтуна стал было кричать:

— Этот человек лжет, он напрасно наговаривает на меня, свидетели его подставные, я от роду не видывал их, разберитесь в этом, проверьте!

Но судья и слушать его не стал. Отвели его в темницу, надели на шею цепи, а на ноги колодки.

На следующий день утром судья сказал Мехраку:

— Пойди в дом купца Зейтуна и скажи его дочери, чтобы она пришла сюда. У меня есть дело к ней. Если она не придет — пожалеет!

Мехрак отправился к девушке и передал ей, что было велено. Шах-рашуб ответила:

— После вчерашнего поступка судьи не может быть мира между нами, потом, я ведь уже говорила: пока не приедет мой отец из паломничества, я не ступлю и шагу из дома!

Потом Шахрашуб сказала Мехраку:

— О юноша, оставим судью в покое. Я хочу сказать тебе самому несколько слов, пока здесь никого нет, кроме нас. Что это за ремесло ты избрал себе? Ты превратился в палку, орудие в руках насильников. Ты обижаешь и притесняешь бедных людей ради пользы угнетателей. Разве ты не думаешь о том, что у каждого дня есть свое завтра? Что ты скажешь людям назавтра, когда они потребуют тебя к ответу?

Задрожал Мехрак от этих слов. Вспомнил он Джафура, вспомнил о тяжелых днях своей жизни, о том, как он просил помощи у земли и неба.

«Правда, — сказал он себе, — почему я стал таким, зачем творю эти гнусные дела, для чего с утра до вечера бегаю туда-сюда, обижаю божьих тварей, почему ради удовольствия и спокойной жизни судьи я притесняю бедных людей? Как это я до сих пор не пришел в себя, не послушался слов старца Хаксара: „Следуй по пути царя благородных!“»

С тяжелым сердцем вышел Мехрак из дома Зейтуна, отправился к судье и передал ему ответ Шахрашуб.

— Это не дело! — воскликнул судья. — На что мне эти послания и ответы? Ты должен любым способом заманить ее сюда. Если ты не сможешь уладить это дело, я прикажу начальнику стражи — и он притащит ее за косы. Начальник стражи — отличный человек и мой единомышленник.

— Разумеется, — ответил Мехрак, — начальник стражи лучше меня устроит это дело!

— Иди скорей, — приказал судья, — и скажи ему, чтобы он зашел ко мне.

Мехрак вышел из суда и пошел разыскивать начальника стражи, а по дороге опять задумался о своей судьбе. Непокойно у него было на душе, страх одолевал. Перед тем как пойти к начальнику стражи, он решил заглянуть в обитель старца Хаксара.

Увидел старец Мехрака и говорит:

— О юноша, давно я тебя не видел. Что же ты, пришел разок, показался и ушел, не оглянувшись! Расскажи-ка, как ты живешь, что поделываешь?

— Дела-то у меня идут, а вот на душе плохо! — ответил Мехрак. — Я служу у судьи, но сердце мое в смятении, пугает меня моя дальнейшая судьба!

И тут Мехрак рассказал старцу Хаксару кое-что о своих злоключениях и о балхском суде.

— Ты проиграл свою жизнь, — воскликнул старец Хаксар, — не понял ее смысла. Ты пошел за недостойными людьми, счел их умными и разумными, а ведь на деле-то они глупые и невежественные чревоугодники, ничего дальше своего брюха не видят. Ты встал на опасный путь, и если ты свернешь с него — только выиграешь. Сойди-ка с этой дороги и встань на правый путь — не водись с насильниками. Пораскинь умом и придумай, что тебе делать. А теперь ступай, и да поможет тебе Аллах!

Мехрак покинул обитель старца Хаксара и пошел в дом начальника стражи.

— Судья тебя просит к себе! — сказал Мехрак начальнику стражи и ушел.

А теперь послушайте, что было с начальником стражи.

Отправился он к судье, а судья спрашивает:

— Знаешь ли ты, что творится в городе, чем занимается дочь купца Зейтуна? Каждую полночь, когда твои стражники засыпают, она водит к себе посторонних мужчин.

— Что же делать? — спросил начальник стражи.

Судья говорит:

— Сделай-ка ты вот что: сегодня в полночь пошли двух-трех стражников к девушке, и пусть они выволокут ее из дома. Тогда они якобы найдут ее на улице и приведут ко мне!

— Слушаю и повинуюсь! — ответил начальник стражи. — Этой же ночью я устрою это дельце!

Когда наступила полночь, начальник стражи велел двум своим стражникам вытащить Шахрашуб из дома и отвести к судье. Стражники сделали так, как им было приказано, и судья поместил Шахрашуб в маленькой каморке, а к дверям приставил Мехрака.

На следующее утро начальник стражи пришел к судье и напомнил ему о своей доброй услуге.

Оставим их, послушайте-ка, что делал Мехрак. Он тем временем успокаивал Шахрашуб и говорил ей:

— Не волнуйся, будь спокойна, я сделаю все, что могу. Не дам я судье обидеть тебя, пусть даже это мне будет стоить головы. А ты должна поступить так — и тут он начал давать Шахрашуб разные советы и наставления о том, как ей вырвать корень жизни судьи и расправиться с ним.

На следующее утро судья, веселый, зашел к Шахрашуб. Начал он расспрашивать ее о житье да о здоровье, а под конец сказал:

— Больше тебе не уйти отсюда, разве только мертвой, завернутой в саван. Но зато здесь я могу предоставить тебе все, чего пожелаешь. Я прикажу Мехраку служить тебе сердцем и душою!

— Ничего мне не нужно, — ответила Шахрашуб, — кроме одного. Разреши мне пойти в баню, мне нужно помыться. Отпусти меня, я схожу в баню, а когда вернусь, выложу тебе все свои просьбы!

— У нас есть баня в доме, — сказал судья, — я сейчас велю растопить ее, и тебе туда принесут все, что нужно: тазик, лохань, рукавичку для растирания тела*, пемзу, мыло, бритву и все остальное.

— Что ж, прекрасно, — ответила Шахрашуб, — я хочу вымыться, а вовсе не уйти отсюда!

По приказу судьи слуги тотчас развели огонь в печи, нагрели воды, и Шахрашуб вошла в баню.

Не успела она окунуться в воду, как вдруг увидела в дверях судью. Он вошел в баню, приблизился к Шахрашуб и раскрыл было рот, чтобы заговорить. Тут Шахрашуб подняла над головой медный таз и, недолго думая, ударила судью по лысой голове. Голова треснула, как орех, а судья растянулся на полу. Тогда Шахрашуб взяла бритву, отрезала судье бороду и вышла. Оделась она, пошла к Мехраку и рассказала ему о том, что произошло, а потом отправилась к себе домой.

Мехрак притворился, будто ничего не знает, и давай суетиться, притворяться, что разыскивает судью, стал заглядывать во все углы и расспрашивать домашних. Но никто ничего не знал. Тогда Мехрак пошел на женскую половину и начал спрашивать женщин и детей, а те говорят, что судья и не входил туда. Тут все домочадцы забеспокоились, в доме начался переполох. Наконец кто-то из слуг вспомнил, что утром видел судью около бани. Все домашние собрались, пошли вместе в баню и — о Аллах! — что ж они там увидели: судья с разбитой головой и отрезанной бородой лежит на полу без памяти. Растерялись тут домочадцы, перепугались, закрыли дверь бани, чтобы никто не видал этого позора, а потом тайно привели главного лекаря, тот зашил рану на голове судьи и привел его в сознание. Затем судью перенесли на женскую половину и уложили в постель. Двери женской половины закрыли и никого не пускают: судья, мол, очень болен!

Прошло два-три месяца. Трещина на голове судьи зажила, борода его начала отрастать. Судья постепенно поправился и опять пошел в суд. Как

* В восточных банях употребляются особые суконные рукавицы для массажа, обязательного при мытье.

только он выздоровел и приступил к своим обязанностям, он потребовал к себе Мехрака и сказал ему:

— Ты видел, какую шутку сыграла со мною девушка?

— Девушка-то ни в чем не виновата, — говорит Мехрак. — Виноват тот, кто покушался на ее честь!

— Где же она сейчас? — спросил судья.

— Я не знаю, — ответил Мехрак. — В тот день, когда ты пропал, мы с твоими домашними не могли тебя найти ни в суде, ни дома, ни в других местах. Перепугались тут мы, начали разыскивать тебя, рыскать по всем углам и закоулкам. Наконец мы отыскали тебя в бане. Очень нас удивило и расстроило твое плачевное состояние и недостойное поведение. А девушка во время этого переполоха выскользнула из дома и удрала!

— Ого, Мехрак, — воскликнул судья, — да ты не тот, что был прежде! Ты никогда не говорил со мной подобным образом. Быть может, ты потихоньку завел с девушкой шашни?

— Никаких дел я не заводил с ней, — ответил Мехрак, — но знай: всякий, кого вскормила хорошая мать, сочувствует обиженному. Ты ни за что ни про что притесняешь людей, чернишь доброе имя дочери честного человека, клеветничествуешь на нее, позоришь ее перед людьми. Да еще хочешь, чтобы все было шито-крыто, чтобы никто не пришел на помощь твоей жертве и не укоротил тебе руки. Ведь у тебя самого есть друзья и знакомые, родные и близкие, жены и дети. Разве понравится тебе, если кто-нибудь поступит с ними так же, как ты поступаешь с другими, сделает с ними то же, что ты делаешь с бедными людьми?

Тут судья окончательно убедился, что Мехрак совсем переменялся, стал другим человеком. Но он виду не подал, слова не сказал ему, а только подумал: «Что ж, скоро и твой черед наступит!»

Но Мехрак теперь был научен горьким опытом. Он, не откладывая в долгий ящик, начал действовать, чтобы опередить судьбу. На следующий день утром собрал он все свои пожитки, продал дом, землю и вещи — словом, все, что у него было, затем взял мать за руку и потихоньку покинул Балх. Он поехал в город Тус и там стал одним из учеников Ходжа Азарахша — человека благородного, ученого и красноречивого. Этим своим поступком он нанес судьбе смертельную обиду и поверг его в глубокое уныние.

А судья задумал отомстить Шахрашуб. Побег Мехрака — его верного помощника — расстроил его планы. Он послал за начальником стражи и потребовал его к себе.

— Шахрашуб, — сказал судья начальнику стражи, — довела жителей квартала серебряников до крайности. Несколько знатных и достойных людей свидетельствуют о том, что эта порочная девка, хоть она и обручена, занимается гнусными делами. Нужно ее забросать камнями. Ты должен отвести ее вместе со свидетелями к правителю города и сообщить ему мой приговор!

Начальник стражи взял с собой подставных свидетелей и пошел к правителю города. Тот, конечно, вынес решение забросать Шахрашуб камнями.

Вырыли за городом яму и повели туда девушку. А тем временем по городу разослали глашатаев, и те начали кричать:

— О люди, ради Аллаха, идите за город и забросайте камнями скверную девку!

Поднялась суматоха. Начали хватать, ловить людей, одного за другим насильно отправляли за город с наказом всячески поносить Шахрашуб и бить ее камнями.

Некоторые от страха начали и правда ругать и поносить бедную девушку, но остальные шептали друг другу, что Шахрашуб не виновна ни в чем, но она не согласилась на гнусное предложение судьи, и вот теперь ее подвергают такой пытке.

Они нехотя кидали камнями в сторону Шахрашуб, но делали это так, чтобы не попасть в нее. Так ни один камень и не попал в Шахрашуб, а судья и его подручные решили, что она умерла под грудой камней. На самом же деле девушка даже не ушиблась и осталась живой и невредимой.

Под вечер, когда разошлись люди, один из братьев ордена благородных, которого звали Пагах Хамадани, случайно шел мимо той ямы, где лежала Шахрашуб. Вдруг он услышал женские стоны и рыдания. Он подошел ближе, разобрал кучу камней, вытащил из-под нее живую Шахрашуб и увел ее с собой.

А на следующий день в городе разнесся слух, будто бы в полночь трое людей пришли к этой яме, вытащили труп Шахрашуб и похоронили его на кладбище...

Раз уж мы заговорили о братьях-благородных, то расскажем вам, что это были за люди и чем они занимались.

Через триста — четыреста лет после бегства пророка* в Иране появились люди, которые объединялись в общества и братства. Они трудились

* В мусульманских странах летосчисление ведется с 622 г., когда основатель ислама Мухаммед бежал из Мекки в Медину.

сообща, следовали по пути царя благородных и жили как дервиши. Были у них свои старшие, которых называли «ахи» — «братьями», были и особые места для собраний, которые назывались «храмом праведных» или же «обителью благородных». Эти благородные братья помогали трудящемуся люду, обиженным и обездоленным, поддерживали их в беде. Они были заклятыми врагами насильников и угнетателей. Благородством они считали правдивость, честность, смелость и отвагу. Братья-благородные ненавидели ложь, пустую болтовню и хвастовство. В книгах много написано о братьях-благородных, много хороших сказок сложено о них. Но сейчас некогда рассказывать все это, — в другой раз!

Словом, благородный Пагах начал расспрашивать девушку, кто она такая, почему ее забросали камнями. Шахрашуб рассказала ему о своих злоключениях, и сердце благородного Пагаха наполнилось жалостью, он взял девушку за руки и повел к себе домой. Тут он обратился к своей матери:

— Матушка, эту девушку я назвал Гоухар — «Жемчужина». Она будет мне сестрой, а тебе — дочерью. Ты должна хорошо принять ее в нашем доме, заботиться о ней, а я с помощью наших друзей поставлю на место ее обидчиков, всех насильников нашего города!

Оставим их в доме благородного Пагаха и послушаем теперь о судьбе.

Прошло три-четыре дня после того, как забросали камнями Шахрашуб. Вдруг однажды судья услышал, что балхский караван возвращается из Мекки и уже находится на расстоянии одного перехода от города.

Узнал судья, что горожане собираются идти встречать караван, написал длинное письмо и отправил его с людьми купцу Зейтуну. В том письме говорилось:

Твой сын и твоя дочь запятнали твою честь, которую ты хранил шестьдесят лет, и опорочили твое доброе имя. Сын опозорил себя воровством, а дочь — скверным поведением. Оба они перешли всякие границы: один — в разбое и воровстве, другая — в блуде. Наконец мы были вынуждены по велению шариата* заключить парня в темницу, а девушку забросать камнями. Ты не должен убиваться из-за случившегося, ибо лучше лишиться недостойных детей, которые позорят родителей и роняют их честь!

* Шариат — совокупность норм, регулирующих религиозные, семейные, гражданские и любовные отношения мусульман.

Когда прочел это письмо Зейтун, в голове у него помутилось. Он был уверен, что его сын и дочь чисты и непорочны, что они ни в чем не виноваты, но что поделаешь? Испугался он и опечалился, удрученный и встревоженный вернулся домой. Несколько дней он хлопотал, дал взятку в пятьсот дирхемов, и наконец удалось ему освободить сына из темницы. Когда сын вышел на свободу и рассказал все свои злоключения, Зейтун понял, что им нельзя больше жить в Балхе. Продал он свой дом, имущество и отправился с сыном в город Бухару. Зейтун и его сын думали, что Шахрашуб и в самом деле умерла.

Теперь послушайте о благородном Пагахе. Спустя два-три месяца он снял на площади Ноубахаран большой дом и перевез туда Шахрашуб. Каждый день он бродил по городу, помогал бедным людям, и сердце его сжималось от сочувствия к горькой доле тружеников. Он все время думал, как бы избавить их от тяжелой участи и расправиться с насильниками. Однажды он сказал Шахрашуб:

— Гнет и произвол судьи и его приспешников перешли всякую меру. Приготовься, и мы с помощью нескольких других благородных братьев опозорим этих негодяев и прогоним из города.

— Разве мы сможем с кучкой благородных опозорить и прогнать из города этих насильников? — спрашивает Шахрашуб. — Каждый раз, когда судья идет в мечеть совершать намаз, за ним по пятам следуют сто тысяч жителей Балха, кланяются и целуют ему руки и ноги!

— Не верь этому, — ответил Пагах, — они делают это не от чистого сердца. Одни пресмыкаются перед судьей, другие поступают так из страха друг перед другом. Это люди невежественные и забитые. Если бы они понимали, в чем дело, они шли бы по праведному пути. У них нет веры в судью, а у кого нет веры, тот не обладает и силой — что такой человек сможет сделать! Как говорится, один взгляд льва сокрушает сотни шакалов, а один прыжок кошки рассеивает тысячу мышей!

После этого благородный Пагах дал Шахрашуб нужные советы и необходимые наказания (какие это были советы, вы узнаете в конце нашей сказки) и вышел из дому.

Пришел он в квартал прачечников, встретил там одного из слуг начальника стражи, затеял с ним ссору и ударил его по уху.

— За что ты бьешь меня? — завопил слуга.

— А за то, что ты служишь начальнику стражи. Попадись он сам мне в руки — я разорву его на куски! — ответил Пагах.

Слуга скорей побежал к начальнику стражи и рассказал ему о случившемся. Тот отрядил десять человек, они пошли, схватили благородного Пагаха, связали ему руки и отвели в темницу.

Услышала Шахрашуб, что благородного Пагаха схватили и бросили в темницу, встала и принарядилась. Она, как говорится, украсила себя семью красками, нарисовала брови басмой, провела линию между бровями, нарисовала губы, положила румяна на щеки, над верхней губой поставила родинку, насурьмила глаза, умастила волосы мускусом и амброй и отправилась в дом начальника стражи. Она была так накрашена и разряжена, что никому и в голову не приходило, что эта девушка — та самая Шахрашуб. Да и потом все были уверены, что Шахрашуб умерла.

Начальник стражи сидел у себя дома, когда вдруг открылась дверь и вошла к нему девушка, такая нарядная, такая красивая, что своим видом как бы говорила луне: «Тебе не надо всходить — я уже здесь!»

Начальник стражи сразу вскочил с места, стал приветствовать ее, говорить «Добро пожаловать!» и всячески лебезить перед ней.

— О госпожа, — сказал он, — кто ты такая и что прикажешь нам?

— Я сводная сестра благородного Пагаха Хамадани, сына Фазла Хамадани, вождя благородных братьев города Хамадана. Меня зовут Гоухар. Прошло уже около трех месяцев, как я и мой брат живем в этом городе. Мы нанимаем дом на площади Ноубахаран. Но несколько дней тому назад твои люди схватили моего брата, и сейчас он находится в твоей темнице. Я пришла просить тебя, чтобы ты освободил его!

— Я освобожу твоего брата, — ответил начальник стражи, — но за это ты должна отблагодарить меня и провести со мной ночь. Оставайся сегодня у меня, а завтра я выпущу твоего брата из темницы!

А Шахрашуб говорит:

— Ваш дом очень шумный, а наш пустует, там никого нет, никто к нам не приходит. Будет лучше, если ты пожуешь туда.

— Ты права, — воскликнул начальник стражи, — если это так, укажи, где находится ваш дом, и вечером я приду к тебе, а по дороге отдам записку тюремщику, и он выпустит завтра утром твоего брата!

— Прекрасно! — ответила Шахрашуб, рассказала, как найти ее дом, и ушла от начальника стражи.

Знаете, куда она направилась потом?

Шахрашуб пошла не домой, а в дом калантара. Тот так же, как и начальник стражи, очень обрадовался приходу Шахрашуб, приветливо встретил ее и спросил:

— Кто ты такая и какое дело привело тебя ко мне?

Шахрашуб сказала ему то же самое, что и начальнику стражи:

— Мое имя Гоухар, я пришла просить тебя помочь мне освободить брата из темницы начальника стражи!

— С готовностью! Я сейчас же напишу записку, и начальник стражи освободит твоего брата! Но за это ты должна провести со мной эту ночь! — ответил ей калантар.

— Если хочешь побыть со мной — приходи ко мне. Для таких дел мой дом лучше подходит. Я сейчас объясню тебе, как его найти, и ты вечером пожуешь туда!

Калантар согласился, а Шахрашуб отправилась к правителю города, оттуда — в дом судьи. Они, подобно начальнику стражи и калантару, тоже попались в ловушку.

Словом, Шахрашуб договорилась с ними, что один из них вечером, другой — после молитвы, третий — ночью, а четвертый — в полночь придут спать в ее дом.

А благородный Пагах еще заранее изготовил вещи: большой сундук, в который можно было поместить четырех человек, и четыре платья разных цветов, какие надевают на себя шуты во время представлений. Одно из этих платьев было голубое, другое — зеленое, третье — желтое, а четвертое — синее.

Словом, под вечер, в условленное время, начальник стражи поступался в двери дома Шахрашуб. Шахрашуб открыла дверь и повела начальника стражи в комнату для гостей. Вошел начальник стражи в комнату, видит: стол ломится от различных яств. Тут и лепешки из крупчатой муки, и жареная дичь, и халва, и плов, разные приправы и сладости, вина из куланджарского винограда (а куланджарский виноград — это лучший виноград города Герата, и одна чаша вина из этого винограда сильно опьяняет, валит человека с ног).

Увидел все это начальник стражи и обрадовался. Тут же он по просьбе Шахрашуб написал записку к тюремщику, чтобы тот выпустил Пагаха из темницы.

А Шахрашуб тем временем наполнила золотую чашу изумрудным вином и подала ее начальнику стражи. Тот опрокинул чашу себе в глотку, не успев еще сделать последний глоток, как Шахрашуб наполнила

и подала ему вторую чашу. Словом, после третьей чаши начальник стражи замертво свалился на пол. Тогда Шахрашуб встала, сняла с него одежду и надела на него шутовское платье, изготовленное благородным Пагахом. Затем она вытащила его в другую комнату и там положила в сундук.

В это время Шахрашуб услышала, что стучат в дверь и зовут ее. Открыла она дверь и увидела, что это правитель города. Она впустила его в дом, повела в комнату для гостей, усадила за стол и начала угощать его вином. После третьей чаши правитель города тоже свалился. Шахрашуб и с него сняла одежду, нарядила в одежду шута и положила его в сундук, рядом с начальником стражи.

Спустя некоторое время один за другим появились судья и калантар. Шахрашуб поступила с ними так же, как с начальником стражи и с правителем города. Она нарядила судью в желтое, а калантара — в зеленое и бросила их в сундук, а потом принесла большой и крепкий замок и заперла крышку сундука.

Спят четверо вельмож города Балха в сундуке крепким сном. Под утро начали они приходиться в себя. Сначала им показалось, будто они лежат, как обычно, в постели, у себя дома. Потом они почувствовали что-то неладное: в постели-то попросторнее будет. Что же это? И что за люди рядом лежат, кто они такие? Аллах, разобрать ничего нельзя...

Словом, мало-помалу обитатели сундука освоились и наконец узнали друг друга. Все четверо остолбенели от ужаса. Прикусили они пальцы от удивления, никак понять не могут, как это они попали в сундук и как им оттуда выйти, не опозорившись перед народом?

Оставим этих вельмож в сундуке и отправимся теперь на поиски Шахрашуб и благородного Пагаха.

Этим же утром Шахрашуб отнесла письмо начальника стражи тюремщику, и тот отпустил Пагаха на волю.

Вернулись они с Шахрашуб домой, а потом Пагах отправился в город и собрал Исфандияра Рази, Гоухарзада, Парси и остальных благородных братьев со всех концов и закоулков города Балха. Все они пришли на площадь Ноубахаран, в дом Пагаха. Тут благородные братья вынесли сундук из дома и поставили на площади.

Когда горожане Балха увидели, что посреди площади стоит огромный сундук, они начали собираться вокруг него. Стопились, стоят и понять не могут, что это за сундук. Вдруг слышат, что в сундуке что-то

шевелится: кто-то шипит, вздыхает, разговаривает, стучит... Тут люди решили, что в сундуке сидят джинны.

— Давайте соберем дров, — сказали они, — и сожжем сундук целиком, иначе выйдут оттуда эти проклятые джинны и перевернут город вверх дном!

Все согласились на том, что сундук надо немедленно сжечь. Развели на площади Ноубахаран огромный костер — было на что посмотреть! Когда пламя поднялось до самого неба, со всех концов города начали стекаться женщины и мужчины, дети и старики. Словом, собралось больше ста тысяч людей, чтобы поглядеть на это зрелище. Затем в толпе раздались крики:

— О люди, поможем бросить сундук в огонь!

Подошли люди к сундуку, взяли его за ручки, подняли и хотели было бросить в огонь, но в это время оттуда раздались жалобные крики, стоны и мольбы:

— О люди, не бросайте нас в огонь! Мы не джинны! Здесь в сундуке — судья, правитель города, калантар и начальник стражи. Не знаем, как это мы попали в сундук?

— Ложь, — говорят люди, — вы джинны. Джинны принимают любой облик. Они появляются даже в образах собаки, шакала, свиньи и волка!

Сказали это, подняли сундук и стали уж раскачивать его, чтобы бросить в костер, как вдруг вышел вперед один из благородных братьев и обратился к толпе:

— О люди, давайте-ка посмотрим, что это за существа, на кого они похожи!

Открыли сундук, а оттуда вылезли судья в зеленом платье, городской голова — в желтом, начальник стражи — в голубом и градоначальник — в синем.

Увидели люди вельмож города в этих разноцветных шутовских нарядах и начали смеяться, хохотать, кричать и издеваться над ними. А благородный Пагах и говорит Шахрашуб:

— О Гоухар, видишь ты этих беснующихся людей, которые дразнят судью и издеваются над ним? Эти люди и есть та стотысячная толпа, которая благоговейно сопровождала его в мечеть на молитву, целовала ему руки и ноги!

Посмотрели судья и трое его товарищей на Гоухар и видят, что это сама Шахрашуб, и стоит она живая и здоровая.

Тут судья догадался, в чем дело, понял, что это Шахрашуб привела их в такое положение.

— О девушка, — сказал ей судья, — не зря тебя называют Шахрашуб — «Смута города». В тот день, когда Мехрак пожалел тебя и из-за этого покинул меня, я понял, что мне придется испытать много горестей, претерпеть много бедствий!

После этих слов судья обратился к людям:

— О люди, — сказал он, — отпустите нас, и мы уйдем из вашего города в какой-нибудь тихий уголок. Мы ведь не сделали ничего такого, чтобы жестоко поступать с нами! Мы всегда улаживали ваши дела, направляли вас на путь истинный!

— Лжешь, — ответила ему Шахрашуб, — вы все делали себе на пользу, а нам во вред. Вы жили словно безумцы в рейской больнице. Разве не слышал ты, как ученый врач Мохаммед Закария Казвини в былые времена построил в городе Рее больницу? В этой больнице он держал больных и недужных и лечил их там. Среди этих больных было несколько сумасшедших и бесноватых. Однажды ученый сидел у себя дома. Вдруг к нему приходят посланные и сообщают: «Что ты сидишь, в больнице-то столпотворение! Сумасшедшие подняли шум и драку и перевернули все вверх дном. Вначале они стали петь, плясать и танцевать, потом напали на бедных больных с криками: „Вставайте и помогайте нам веселиться! Пляшите под нашу дудку, а то мы палками да тумаками повыгоним вас отсюда!“ Несчастные больные не знали, что делать. Те, кто не в силах был встать с места и двигаться, пали жертвой беснующихся безумцев — они растоптали их. А те, кто мог еще встать, поднялись было, повернулись два-три раза да и свалились замертво. И они тоже растоптаны ногами сумасшедших!»

Услышал это Мохаммед Закария Казвини, поспешил со своими учениками в больницу и приказал схватить сумасшедших, заковать их в цепи и удалить их от больных.

Вот и вы, словно эти безумцы, среди обездоленных, обиженных, беспомощных людей! Вы живете в блаженстве и роскоши, а люди страдают ради вашей привольной жизни. Мы теперь поступим с вами так же, как поступил Мохаммед Закария с сумасшедшими города Рея!

Словом, всех этих четырех тиранов начали водить по городу в их шутовских одеждах. Когда люди насмеялись над ними вдоволь, их вывели из города и прогнали. Затем избрали четверых из числа благородных братьев и последователей царя благородных и одного из них посадили на

место судьи, другого сделали правителем города, третьему поручили должность начальника стражи, а четвертого сделали калантаром.

Слухи об этом облетели все города и все страны. Жители Балха, переселившиеся в другие города, разбежавшиеся по разным местам, начали возвращаться в родные края. Первыми, кто вошел в Балх из Тусских ворот, были Мехрак и его мать, а через Бухарские ворота въехали Зейтун и его сын.

От встречи с родными и близкими у всех возрадовались и души и очи.

Ахмад и сын судьи города Балха

Было так или нет — в давние времена в одном городе жили три брата, которые занимались торговлей. У одного из них был сын по имени Ахмад, добродетельный, справедливый и большой любитель странствий. В один прекрасный день Ахмад решил отправиться в дальнее путешествие и сказал отцу:

— Мне надоело жить в этом городе, разреши мне съездить в Балх.

Отец согласился, дал ему много разных товаров и вместе со своими братьями отправил его в Балх. Приехали они в этот город, остановились в караван-сараяе и занялись торговлей. Ахмад выносил свои товары на базар понемногу, продавал их по высокой цене, и потому прибыли у него были большие.

Его дядя побыл неделю в Балхе, а потом оставили там Ахмада, а сами поехали в Бухару. Между тем Ахмад познакомился с двумя балхскими юношами. Их знакомство постепенно превратилось в крепкую дружбу, они стали проводить вместе большую часть времени, вместе гуляли и развлекались. Однажды вечером Ахмад пригласил тех двух юношей к себе в караван-сарай, провел их в свою комнату и угостил вкусным ужином. Потом он принес вино, и они втроем выпили его столько, что опьянели и стали шуметь и буянить. Один юноша ненароком обругал другого, они тотчас сцепились друг в друга, и дело дошло бы до драки, если бы Ахмад не вмешался, не разнял их и не усадил на место. Потом он уложил их спать и сам тоже лег. На рассвете проснулся он, встал посмотреть, что с его друзьями, и увидел: одного из них нет на месте. Стал было будить, трясти второго — а он, оказывается, мертв. Сразу понял: това-

рищ задушил его сонного. Тяжко вздохнул Ахмад, сел и стал думать, что ему теперь делать. Вот-вот взойдет солнце, а если люди обо всем узнают, конечно, подумают, что он убил этого юношу, и его, Ахмада, схватят. Но тут пришла ему в голову одна мысль. Он снял с себя одежду, свернул ковер в комнате, с превеликим трудом вырыл в земляном полу яму и закопал там тело мертвого юноши. Потом сходил в баню, вымылся, надел новые одежды, пошел к хозяину караван-сарая и сказал ему:

— Я собираюсь ехать в Бухару и пробуду там около года. Мою комнату никому не сдавайте, дверь ее закройте и ключ дайте мне. Вот вам плата за комнату на год вперед.

Хозяин караван-сарая согласился, запер комнату, а ключ отдал Ахмаду. Сложил Ахмад все свои деньги в переметную суму и отправился с караваном в Бухару. Когда он туда прибыл, дядья обрадовались его приезду и предложили ему вернуться вместе в родной город. Ахмад им ответил:

— Нет, я пробуду в Бухаре два-три месяца и только потом вернусь на родину.

А дядья к тому времени уже распродали все свои товары. Попрощались они с Ахмадом и уехали. Ахмад остался один в Бухаре и жил на те прибыли, которые он получил ранее от торговли. Прошло около года, и поневоле ему пришлось поехать в Балх. Когда он туда приехал, сразу пошел в тот караван-сарай, в котором останавливался раньше. Хозяин караван-сарая обрадовался его приезду и провел Ахмада в ту комнату, которая целый год стояла запертая. Ахмад увидел, что все его вещи лежат на прежних местах и вообще здесь никто ничего не трогал. Постели тех двух друзей, которые были у него в гостях, тоже нетронуты. Вздохнул он тяжело, хотел собрать постели и вдруг увидел на полу алмазный перстень. Поднял его, разглядел хорошенько и вспомнил, что это перстень того убитого юноши. Надел его на палец и пошел на базар. Деньги у Ахмада кончались, и он решил продать перстень. Снял его с пальца и отдал маклеру, чтобы тот продал. Маклер взял перстень и стал ходить с ним по базару, предлагать то тому, то другому. Давали ему две тысячи динаров*, но маклер был большой пройдоха, вернулся он к Ахмаду и говорит:

— Послушай, Ахмад, этот перстень стоит не больше тысячи динаров. Если хочешь, я его за эту цену продам, если нет — бери его обратно и сам продавай.

* Динар — золотая монета весом 4,25 г.

Ахмад ответил:

— У меня сейчас в кармане пусто, деньги очень нужны. Иди продай и принеси мне тысячу динаров.

Услышал маклер слова Ахмада, и показалось ему это подозрительным — догадался он, что перстень не принадлежит юноше, иначе тот не стал бы его так дешево продавать. Про себя подумал: «Не дай бог, если дело тут нечисто и обнаружится какая-нибудь тайна!»

Ахмаду он ничего не сказал и под каким-то предлогом ушел от него. А сам тотчас отправился к судье города Балха, показал ему перстень и говорит:

— Эту вещь принес на базар приезжий юноша, судя по всему — опасный вор. Хочет он продать ее за тысячу динаров. Он сидит сейчас в моей лавке.

Судья, как увидел перстень, побледнел и упал без памяти. А когда пришел в себя, строго-настрого приказал своим людям немедленно идти с маклером, схватить вора, связать его и привести к нему.

Сидит Ахмад в лавке маклера и ничего не подозревает, как вдруг окружили его несколько стражников, не говоря дурного слова, связали ему руки веревкой и доставили к судье. Увидел его судья, грозно спросил:

— Где ты взял этот перстень?

Несчастный Ахмад, который не привык лгать, призадумался и сказал про себя: «Нет в жизни ничего лучше правды, расскажу-ка я ему все как есть, и будь что будет». Он был погружен в эти мысли, когда раздался грозный окрик судьи:

— Эй, юноша! Знай и ведай, что этот перстень принадлежал моему сыну, который год назад бесследно исчез. Если ты не скажешь всей правды, я тебя приговорю к казни по обвинению в убийстве моего сына и краже его денег и драгоценностей!

Ахмад поднял голову, вздохнул и рассказал судье всю историю с теми двумя друзьями. Судья спросил:

— А каковы были приметы того второго юноши?

Ахмад описал ему все приметы убийцы. Судья же, слушая его рассказ, в отчаянии хватался за голову, бил себя по лицу и потом опять упал без чувств. Когда он пришел в себя, сказал Ахмаду:

— Пойди и покажи мне останки моего сына!

Ахмад вместе с судьей и еще несколькими людьми пошел в караван-сарай, открыл дверь своей комнаты и выкопал тело того юноши, которое уже совсем разложилось. Судья велел отнести его на балхское кладбище

и похоронить там. Потом он стал рвать на себе волосы, заломил руки и обратился к Ахмаду:

— Тот юноша, который, ты говоришь, задушил моего сына, пьяница, негодяй и бездельник! Сколько раз говорил я сыну: не дружи с ним, остерегайся его, не водись с ним! Все было без толку, сын меня не слушал, пока не погиб от его руки и не разбил мое сердце!

Потом судья дал нескольким стражникам приметы убийцы и сказал им:

— Где бы он ни был, найдите его и приведите ко мне!

Через час стражники пришли и привели к судье связанного юношу. Тот и не подозревал, что его взяли по обвинению в убийстве. Он воображал, что, раз со дня смерти сына судьи прошло больше года, все об этом уже забыли, а сейчас его забрали и привели сюда за пьянство и драки. Но когда он увидел Ахмада, сидевшего рядом с судьей, то понял, что тайна его раскрылась и история об удушении сына судьи стала известна. В смертельном страхе растолкал он стражников и выбежал из дома судьи. Те кинулись его преследовать, в конце концов схватили и привели обратно. Судья обратился к нему:

— О злодей! Зачем задушил ты моего сына? Что он тебе сделал плохого?

Юноша не видел иного пути, кроме признания, и ответил:

— Простите меня, я был пьян, не знал, что делал!

Судья сказал:

— Я велю дать тебе сейчас сто плетей за то, что ты был тогда пьян, а потом отрубить тебе голову за то, что ты задушил моего ни в чем не повинного сына! И знай, что десница правосудия всегда найдет и покарает преступника, где бы он ни находился!

Сколько ни плакал тот юноша, сколько ни умолял простить его — все было без толку. Его раздели и дали ему сто плетей. Он потерял сознание. Когда он пришел в себя, его повели на городскую площадь и на глазах у всех людей отрубили ему голову.

Ахмад с тех пор подружился с судьей Балха, стал часто бывать у него, а потом совсем к нему переселился. Судья его в конце концов усыновил. У судьи была племянница, очень красивая и добродетельная. Однажды он сказал Ахмаду:

— Я хочу укрепить связывающую нас с тобой дружбу и дать тебе в жены дочь моего брата. Я не требую с тебя ни выкупа, ни подарков, потому что моя племянница очень богата. У нее много земель и имущества, и она сама приготовит все необходимое для свадьбы.

Ахмад опустил голову и тихо сказал:

— Хотя я не считаю себя достойным стать вашим зятем, но, раз уж вы хотите меня облагодетельствовать, я не решаюсь отказаться.

Судья очень обрадовался, тотчас велел привести муллу, а также племянницу, и тут же Ахмада сочтали с ней браком. Случайно в эти самые дни Ахмаду сообщили, что его отец умер и, так как он единственный наследник, все имущество завещал ему.

Судья Балха послал несколько человек, и они привезли в Балх все имущество отца Ахмада. С тех пор Ахмад поселился в Балхе неподалеку от дома судьи. Каждую неделю он ходил на могилу сына судьи, проводил там час за чтением молитв, а потом возвращался.

Рассказ о дервише и бездельнике

Было так или не было, а кроме бога, никого не было. В давние-давние времена жил некий человек, сильный и здоровый, но совсем не привыкший работать. Он хотел только брать и ничего не отдавать, сидеть дома и болтать.

Как только начинает темнеть, он летит, как птица, к постели и спать укладывается. По утрам — солнце уже два часа как взошло, а он только с трудом просыпается. Сколько друзей и знакомые ни наставляли его на путь истинный — все без толку. Лень он сделал своим знаменем, и никакие слова не могли его прогнать с этого поля битвы.

Жил этот человек таким вот образом, и жизнь у него была очень трудная. Работать он не работал, дела его были всегда в расстройстве, и он постоянно нуждался хотя бы в двух грошах.

Короче говоря, со всех сторон на него обрушивались всякие беды, но в одном ему очень повезло. В чем же это? Да в том, что у него была жена разумная, сведущая и благородная душой. Постоянно она тому человечишке твердила:

— Ступай, иди работать, каждый человек в жизни должен приносить пользу людям. Ведь у каждого есть своя работа, он ее выполняет и приносит другим пользу, и все друг для друга трудятся. Ты же пользуешься трудом других, значит, должен тоже на них трудиться. Каждый, кто работает, трудится также и на тебя, и ты тоже должен трудиться по мере сил.

Но куда там! Все эти слова пролетали мимо его ушей.

Жена делала все, что могла, но ему ничто не шло на пользу. В конце концов она отчаялась и решила поступить с ним иначе. Однажды рано

утром она разбудила мужа, вымыла ему лицо и руки, принесла завтрак, поставила перед ним и сказала:

— Пожалуйста, немедленно уходите вон из дома. Идите ищите работу, если к вечеру раздобудете хотя бы два-три гроша, приходите домой. С сегодняшнего дня этот дом не место для бездельника.

— Но я же ничего не умею! — отвечает муж.

А она опять говорит:

— Умеете или не умеете — мне что за дело? Идите вон из дома, здесь вам не место!

Он попытался возразить, а она прибавила:

— В этом доме возражать и без толку много разговаривать не полагается.

Взяла его за руку, вывела на улицу и дверь за ним заперла.

Муж заплакал у запертой двери, постонал, видит: не помогает. Тогда он говорит:

— Эй, жена! Аллах тебя накажет за то, что ты со мной так поступаешь!

А жена отвечает:

— Аллах меня наказывает за то, что я в первый же день с тобой так не поступила. Теперь помолись и ступай работать. Бог непременно даст тебе хорошую работу. А ты на Бога надейся и сам тоже не плошай!

— Аллах, когда захочет, дает любому человеку дневное пропитание, на такую ерунду, как работа, внимания не обращает! — говорит на это бездельник.

Жена видит: развязался у него язык там за дверью. Крикнула:

— Хватит тебе болтать! — и пошла во двор. Что он там еще говорил, она больше уж не слышала.

Лентяй поневоле пошел по улице, вышел на площадь, нашел где-то укромный уголок и провалялся там до вечера. Вечером пришел домой и стучит в дверь. Жена подошла к двери, спрашивает:

— Кто там?

Он отвечает:

— Это я.

Жена говорит:

— Ну-ка, скажи сперва, что принес, как работал?

— Ничегошеньки не принес! Куда ни ходил, что ни делал — не нашел работы!

Тогда жена молвила:

— Неправду говоришь! Говорила ведь я тебе, в этот дом бездельников не пускают!

Так и не отперла дверь, и лентяй оставался за дверью до утра. Что он ни пробовал, что ни говорил, она на все отвечала:

— Пойди найди работу, раздобудь денег, принеси мне — тогда тебя пушу!

Так они препирались, пока не наступил день. Бездельник видит: делать нечего. Пошел искать работу. Долго он искал и в конце концов понял: найти работу не так-то просто. Растерянный и огорченный, ходил он по базарам и улицам до самого обеда, пока не встретил одного старого приятеля. Подошел к нему и сказал:

— Здравствуй! Как поживаешь?

Тот отвечает:

— Здравствуй, здравствуй! А ты как поживаешь? Удивительное дело, почему ты на улице?

Лентяй говорит:

— Не бреди моих ран! Плохи мои дела! Со вчерашнего дня жена непрерывно твердит, что я должен работать. Вчера вечером меня даже домой не пустила. Всю ночь я оставался за дверью, а сегодня с самого утра повсюду хожу, у всех спрашиваю работы — нигде не найду, не знаю уж, что и делать! Хожу вот по улицам, как нищий.

Приятель сказал:

— Удивительно, как ты до сих пор смог прожить совершенным бездельником и не стать действительно нищим! Мой совет таков: уходи из этого города, иди в деревню. Там ты сможешь найти себе работу. А жену оставь в покое, не обращай на нее внимания. Если она когда-нибудь тебя разыщет в деревне, ты ей скажи: «Я в тот дом не вернусь, тот дом не место для бездельника и нищего!»

Лентяй подумал, что это неплохо. Поправил на ногах туфли и отправился в путь. Вышел из ворот города и прошел пешком около фарсанга. К полудню, под жарким солнцем, пот полил с него ручьями. В это время дошел он как раз до родника, на берегу которого росли три или четыре ивы. Вымыл там лицо и руки, выпил два-три глотка воды — и так ему есть захотелось! Он решил немного поспать под деревом, как вдруг увидел, что издали приближается к нему какое-то страшилище. С перепугу он залез на дерево. Посмотрел, видит: едет дервиш верхом на осле, страшный, горбатый, волосатый, на плече держит здоровенную дубину. Подъехал дервиш

к берегу ручья, заглянул под деревья, в тень, на чистую проточную воду посмотрел и громко заговорил сам с собой: «Отдохну-ка я здесь немного, пообедаю, покурю кальян, вздремну и к вечеру поеду в город».

Сошел он с осла, расседлал его и пустил пастись. Постелил на землю баранью шкуру, взял переметную суму, сунул в нее руку, вынул чугунок и из него несколько углей. Высек кремнем огонь и разжег уголья. Потом взял кальян, привел его в порядок, приготовил. Еще раз сунул руку в переметную суму и вынул из нее котелок, полный медовой халвы, и лепешки, завернутые в скатерть. Из халвы он вылепил четыре фигурки. Первую фигурку вылепил и сказал:

— Это шейтан.

Вторую вылепил и сказал:

— Это Ева.

Третью вылепил и сказал:

— Это Адам.

Вылепил четвертую:

— Это Бог.

Потом взял в рот мундштук кальяна, повернулся к фигуркам и произнес:

— Сегодня я хочу со всеми вами свести счеты.

Сперва обратился к Еве:

— О великая мать наша! Ответь-ка мне по правде, зачем ты дала шейтану тебя обмануть? Была ты в раю, и было условлено, что только пшеницу тебе нельзя есть. А ты пошла, съела да еще мужа заставила есть! Тебе бы пойти сперва к Адаму да сказать ему: «Послушай, шейтан нас подговаривает поесть пшеницы! Нам ведь нельзя ее есть?» Он, конечно, с тобой согласился бы, и вы не стали бы есть пшеницу, и сами вы и потомки ваши не знали бы тяжелого труда и не мучились. Зачем ты поступила иначе? Ах ты такая-сякая! Сейчас я с тобой разделаюсь!

Дервиш сказал это, завернул фигурку Евы в лепешку и съел. Потом обратился к Адаму:

— Послушай, папаша! Ты был в раю, и с тобой там была только одна женщина. Тебе не приходилось разрываться на части между несколькими бабами, и Ева ни к кому, кроме тебя, не могла пойти. Почему же вы все-таки там такого натворили, что вас выгнали из рая? Ведь ты же вверг твоих потомков в тяжкий труд, заботы и мучения! Ах ты такой-сякой! Ну, что ты можешь мне на это ответить? Вот я с тобой сейчас расправ-

люсь! — Сказал, завернул фигурку Адама в лепешку и съел ее. Потом стал затягиваться из кальяна. А тот бездельник, который сидел на дереве, все это видел. Дервиш, после того как съел Адама и покурил, обратился к шейтану и сказал:

— Эй, шейтан! Теперь твоя очередь. Ты за что возненавидел Адама? Обманул его бедную жену, сделал его самого несчастным. Ты ведь был умелым и разумным, почему же ты не подчинился велению Бога, не поклонился Адаму? Будь ты проклят, ты только и думаешь о том, чтобы сбить с пути человека! Проклятый, зачем так делаешь? Сейчас я с тобой за все рассчитаюсь!

Шейтана он тоже завернул в лепешку и стал есть, а когда прожевал и проглотил его, глубоко затянулся из кальяна и выпустил изо рта большой клуб дыма. Потом устроился поудобнее и обратился к Богу:

— Да-а... Если хочешь знать, так все, кого я съел, были ни в чем не виноваты. За ними не было никаких особых проступков, потому что своей-то воли они ведь не имели! Их вина лежит на том, кто их такими сотворил. Почему надо было сотворить Еву такой, что она поддалась на обман да еще Адама подвела? А его таким, что он Еву послушал? И почему это шейтан зачем-то должен все время сбивать людей с пути истинного?

Поговорил так еще немного дервиш и закончил:

— Сейчас я с тобой разделаюсь!

Произнес он это и собирался завернуть кусок халвы, который избражал Бога, в лепешку и съесть.

В этот момент лентяй завопил с дерева:

— Эй, ты! Что ты там делаешь, нечестивец, Бога съесть хочешь? Хочешь, чтобы время и пространство перемешались? Обалдел ты, что ли?

Несчастный дервиш, как услышал с дерева голос лентяя, до смерти перепугался. Он вообразил, что это сам Гавриил-архангел подал голос с неба. Так он испугался, что, оставив кальян, и котелок с халвой, и осла, пустился бежать без оглядки. Были у него две ноги, так он точно еще две занял.

Бездельник между тем спустился с дерева и первым делом приналег на хлеб и халву. Наелся до отвала, сложил пожитки дервиша в переметную суму, взял в руку его дубину, сел на осла и отправился домой.

Веселый и радостный, постучал в дверь, крепко постучал. Никто ему сразу не открыл, и он постучал еще раз. Жена подошла изнутри к двери

и видит в щель: муж пришел, да не один, осла с собой ведет. Говорит она из-за двери:

— Ты что принес?

Отвечает:

— Все, что хочешь.

Жена сказала:

— Вот видишь, говорила я тебе, уповай на Аллаха и он тебе поможет.

Ты поработай, а он тебя благословит.

Муж отвечает:

— Ничего подобного! Если бы я вовремя не подоспел и самому Аллаху не помог, дервиш его съел бы.

Рассказ о Беспечальном и Беззаботном

Сказку, которую вы сейчас услышите, сложили в давние времена, лет двести тому назад, когда мужчины носили высокие меховые шапки, а женщины — чадру.

В одном городе жили два приятеля. Они постоянно были вместе и всегда знали все друг о друге. Каждый день они хоть разок да виделись и расспрашивали один другого о здоровье и делах, а если случалось так, что один из них целый день был очень занят и не мог пойти к другому, тот шел разыскивать приятеля в его лавку на базар или домой и узнавал о его здоровье.

У одного друга была жена, полон дом детей и много забот. Когда он по вечерам возвращался домой, его окружали сыновья и дочери, прыгали, смеялись, радовались, веселились и целовали отца.

Другой же был один-одинешенек, как говорят в народе, бобыль: ни жены, ни детей, ни родных у него не было. Когда наступал вечер, он час-другой бродил одиноко по улицам, слегка уставал, съедал кусок хлеба с сыром и шел домой. Дома он сидел некоторое время в углу, нахохлившись, как сова, и думал, потом ложился спать. Женатый многодетный друг жил весело, и его потому прозвали Беспечальный. Одинокого же звали Беззаботный.

Однажды случилось так, что Беспечальный целый день не видел Беззаботного. Когда наступил вечер, он пошел к нему на дом, но, сколько ни стучал в дверь, никто ему не открыл. Беспечальный подумал: «Наверное, мой друг отправился погулять за город денька на два и завтра вернется».

Но назавтра тот не пришел, послезавтра тоже не пришел, после послезавтра тоже не пришел и вообще долго не появлялся. Беспечальный очень огорчился и все думал о том, почему его друг не приходит, куда он делся и что с ним случилось. «Боже мой, боже мой, — говорил Беспечальный про себя, — я не выполнил долга дружбы! Если бы с самого начала я уговорил его завести жену и детей, он не стал бы бродить одиноко, не был бы таким бездумным и беззаботным! Где же мне его теперь найти?»

Сколько он ни искал, кого ни спрашивал, нигде не находил Беззаботного. В конце концов он отчаялся и потерял всякую надежду найти его.

Прошло три или четыре года, и о Беззаботном все забыли. Но вот однажды поздно вечером кто-то сильно постучал в дверь дома Беспечального. В это время дети как раз подняли веселую возню, расшумелись, раскричались, и стука сперва никто не услышал. Но сам Беспечальный все-таки услышал и сказал дочке:

— Эй, Зиннат! Там кто-то стучит в дверь. Пойди посмотри, кто это так поздно пришел.

Зиннат пошла к двери, немного постояла, потом открыла и сейчас же бросилась обратно к отцу, да со страху зацепилась за порог и шлепнулась. Беспечальный пошел к ней, говорит:

— Что с тобой, Зиннат? Почему ты упала? Вставай! Абулькасем, сынок, пойдь теперь ты, посмотри, кто там пришел!

Абулькасем вышел, сейчас же прибежал обратно, еле дух переводит и говорит:

— Там дядюшка Беззаботный стоит!

Беспечальный рассердился:

— Что же ты его заставил ждать на улице? Пойди скажи: «Пожалуйста в комнаты!» Дети! Да захватите же лампу, осветите ему!

Когда дядюшку Беззаботного ввели в дом, увидели, что он чем-то напуган, тяжело дышит. Беспечальный сперва не обратил на это внимания и, обрадованный встречей, сказал:

— Брат ты мой дорогой! Где ты был, что делал, где пропадал целых три или четыре года?

Тот ответил:

— Сперва посмотрю, заперта ли входная дверь, потом закрою дверь в комнату, а если хочешь, чтобы я был совсем спокоен, пойдём спрячемся в погреб, и там я решусь тебе рассказать о своих злоключениях.

Беспечальный сказал:

— Входная дверь заперта, наш дом — место надежное. Успокойся же, ты можешь говорить все, что хочешь!

Тогда Беззаботный начал рассказ.

«Брат мой! Утром того дня, с которого мы не виделись, я вышел погулять и увидел на той стороне улицы женщину. Лицо ее было плотно закрыто чадрой. Я почему-то пошел за ней, и она вдруг обернулась, приоткрыла наполовину чадру и посмотрела на меня. Тут я увидел ее лицо, и, должен тебе сказать, брат мой, она оказалась очень красивой. Да что там красивой! Ее лицо просто ослепляло, как солнце! Мне нечего скрывать, что, когда она посмотрела на меня, я тоже посмотрел на нее. Тогда она сказала:

— Господин! Я должна вас кое о чем попросить.

Я бросился к ней и говорю:

— Что прикажете, госпожа? Я готов сделать для вас все, что вам будет угодно!

Она говорит:

— Я попрошу вас вот о чем. Пойдемте сейчас вместе к судье, и вы там скажете, что я ваша жена и вы хотите со мной развестись. А за труды вы получите десять туманов.

Я подумал: „Она дает мне десять туманов, и если я пойду к судье и скажу ему пару слов, от этого ноги у меня не отвалятся и язык не отсохнет“. И я тотчас же пошел с ней к судье и сказал ему:

— Господин судья! Вот моя жена. Я не желаю ее больше держать в доме и хочу с ней развестись.

Судья нас тотчас же развел, мы попрощались и собирались уже уходить, как вдруг женщина вынула из-под чадры спеленатого грудного младенца и сказала:

— Господин судья! Прикажете ему, пусть он возьмет своего ребенка и его воспитывает.

Судья ответил:

— Да-да! Ребенок по закону остается у мужа. Возьмите его.

Я покраснел, побледнел, но сказать, что ребенок не мой и что все это обман, не решился. Поневоле взял невинного младенца на руки и вышел вон. Пришло мне тут в голову оставить этого ребенка около мечети, а самому уйти. Дошел я до какой-то мечети, положил потихоньку младенца на каменную скамью у ее дверей и пустился бежать. Но тут из мечети выскочили два человека с палками в руках и завопили:

— Ах ты такой-сякой! Бога ты не боишься! Который раз подкидываешь здесь детей! Ведь это ты пятого уже тут оставил!

Вздули меня палками, потом принесли большую корзину, положили в нее пятерых младенцев, ввалили корзину мне на плечи и сказали:

— Убирайся к черту в пекло, чтоб духу твоего здесь не было!

Ой-ой! Что мне было делать с теми детьми? С одной стороны, жалко этих невинных младенцев, а с другой стороны, мне-то что с ними делать? Сколько ни думал, ничего сперва не мог придумать.

В конце концов догадался: пойду-ка я к женской бане, оставляю там корзинку с младенцами, а сам уйду. Женщины будут выходить из бани и те, у которых нет детей, по одному их из корзины и разберут. Ходил я, ходил и в конце концов отыскал женскую баню на окраине города. Хорошенько осмотрелся и, когда увидел, что никто за мной не следит, снял корзину с плеча, поставил на землю и пустился наутек. Вышел из города и целый день шел, пока к вечеру, голодный и усталый, не дошел до какой-то деревни. Никого я там не знал, к кому можно было бы пойти переночевать, а стало очень холодно. Бездомный и несчастный, бродил я среди хижин и каких-то развалин по деревне, пока не набрел на какой-то купол, похожий на крышу бани. Тут я в темноте споткнулся и провалился в какую-то дыру. Там было совершенно темно, и я стал ощупывать все вокруг себя руками, чтобы понять, куда я попал. Вскоре я понял, что попал в совсем неплохое место. Это погреб и ледник, где хранят продукты. Но так как было очень темно, я не мог сразу найти что-нибудь подходящее и поесть. Я оставался там до утра. Утром через отверстие в крыше проникли лучи солнца и стало совсем светло. Я разыскал сухой лаваш, масло и яйца и поел сколько мог. Потом решил выбраться оттуда, потому что в любую минуту кто-нибудь мог войти и застать меня там. На всякий случай набрал в шапку яиц и осторожно надел ее на голову, рассовал по карманам хлеб, выковырнул из чашки кусок масла, которое стояло на льду и застыло, и сунул его за пазуху. После этого решил поскорее выбраться наружу. Подошел к двери, заглянул в замочную скважину и увидел: погреб примыкает к дому, а в доме никого нет, только старуха сидит и греется около жаровни как раз у дверей погреба. Я открыл дверь и хотел пройти мимо старухи, но со страху не догадался поздороваться. Старуха сказала:

— Пойди-ка сюда! Ты чего же это не здороваешься? Не любите вы, молодые, старых! Иди сюда, присядь.

Сердце у меня заколотилось, я растерялся и поневоле сел. Просидел две-три минуты у жаровни, и масло у меня за пазухой от тепла растаяло

и потекло. Старуха решила, что я вспотел, взяла меня за полу и говорит:

— Сними кафтан, чего ты закутался!

Тут кафтан раскрылся, она увидела масло и закричала:

— Прах тебе на голову! До чего дошел, масло уже ворует!

Вскочила и ударила меня кулаком по голове. Яйца у меня в шапке разбились, и желтки и белки потекли по лицу, по шее, за шиворот. Я обозлился, вскочил, пнул ее в бок, отпихнул в сторону и выбежал из дома. Бежал, пока не прибежал к ручью. Несмотря на холод, вымыл лицо и голову, постирал одежду и повесил ее сушиться на солнце. В это время к ручью подъехал всадник. Он хотел пить, а с коня сходить ему не хотелось. Вынул он из кармана чашку, дал мне и говорит:

— Набери-ка мне воды, я попью.

Я пошел набирать воду, чашка выскользнула у меня из рук, и ее унесло течением.

Всадник разозлился, соскочил с коня и вытянул меня плетью. Так он меня отхлестал, что я без сознания упал на берегу ручья. Прошло два или три часа. Я очнулся, открыл глаза и увидел: ко мне подъехал другой всадник, совсем еще молодой, и остановился около меня. Я тут же вскочил и вежливо его приветствовал. Он меня спросил:

— Дядюшка! Почему вы лежали здесь без сознания?

Я ему все от начала до конца подробно рассказал. Он меня пожалел и говорит:

— Садись позади меня на коня, я тебя отвезу к себе.

Помог мне взобраться на лошадь и привез в свой город. Привел к себе в дом, принял хорошо, познакомил с женой. Куда ни пойдет — всюду берет меня с собой, очень хороший человек оказался.

Он много охотился, и я всегда был на охоте при нем. Однажды поехали мы на охоту с борзой собакой и соколом и заехали в деревню, которая была в двух фарсангах от того города. Владелец той деревни был с моим благодетелем в дружбе и прямо силой оставил его у себя переночевать. Когда стало моему благодетелю неудобно дальше отказываться, он мне сказал:

— Садись на коня и поезжай домой, скажи, чтобы там обо мне не беспокоились. Борзую и сокола возьми с собой и смотри, чтобы с ними ничего не случилось. Если деревенские собаки набросятся на борзую, ты сойди с коня и спусти ее с поводка, она сама с ними лучше справится.

Сказал все это и отпустил меня. Я проехал всего семь или восемь шагов, когда деревенские собаки завидели борзую и бросились к ней. Я видел, что они вот-вот ее схватят и растерзают, но почему-то полезился сойти с коня, и собаки разорвали борзую на клочки. Проехал я еще два-три шага, и тут сокол, который сидел у меня на руке, стал бить крыльями. Это мне скоро надоело, я его схватил и сунул в переметную суму, чтобы он меня не беспокоил. Когда я приехал домой, увидел, что сокол задохнулся в суму. Жена моего хозяина, как обо всем этом узнала, говорит:

— Эх ты, что же это ты натворил?

Отвечаю:

— Ей-богу, не понимаю, почему так получилось.

Она говорит:

— Ладно, сейчас помалкивай, мы тебя как-нибудь выручим.

На следующий день к вечеру жена хозяина пошла готовить для него ужин. У нее был грудной ребенок, она дала его мне и сказала:

— Покачай его, пока я приготовлю ужин для мужа, он вот-вот должен приехать.

Только я взял ребенка на руки, он начал плакать, потом разорался так, что я уж не мог терпеть. Стал я думать, как мне его успокоить. Вспомнил: старухи, чтобы дети не плакали, дают им опиум. Ничего плохого не предполагая, вынул из кармана коробочку с опиумом и дал ребенку немного проглотить. Ребенок тут же умер. В это время пришла его мать — кормить. Увидела, что он мертв, закричала:

— Горе мне! Ты убил моего ребенка!

Как она это закричала, я со страху упал в обморок. Женщина увидела, как сильно я напуган, и пожалела меня, сказала:

— Ужасно, конечно, но что ж поделаешь! Я вот только не знаю, как сказать об этом мужу.

Короче говоря, наступил вечер, приехал мой хозяин и прежде всего пошел к ребенку. Жена ему говорит:

— Я ребенка к тетке отправила, пусть там побудет.

А он спрашивает:

— Тот парень-то приехал?

Она отвечает:

— Да.

Тогда он меня позвал и спросил:

— Борзую и сокола довез в целости?

Видит — я молчу. Тогда он говорит:

— Приведи-ка их обоих.

У меня язык точно к гортани прилип. Да продлит Бог жизнь его жене, прибежала она тут и как могла выручила меня из той беды. Но муж все еще был сердит и сказал:

— Я его прощу только при том условии, если он сегодняшнюю ночь до утра проведет без сна. У нас корова больна, вот-вот сдохнет, и лошадь моя очень устала. Пусть он до самого утра не спит и каждый час задает лошади корму. А если увидит, что корова совсем издыхает, пусть ее зарежет, чтобы мясо не пропало. Лампу ему с собой дай, пусть с лампой сидит.

Я согласился, взял лампу и пошел в хлев. Полночи я просидел, а потом стал клевать носом. Проснулся от хрипа, вскочил, растерялся, схватил нож, чтобы резать корову, да зацепился за лампу, она упала и погасла. В темноте подошел к корове, зарезал ее и спокойно лег спать. Утром, как рассвело — проснулся, посмотрел: господи помилуй! Я, оказывается, лошадь зарезал, а корова сама издохла. Ну, думаю, нельзя мне больше здесь оставаться. Ушел я оттуда и с тех пор три с половиной года перехожу из города в город, из деревни в деревню и нигде не нахожу себе места от страха. Все боюсь, не дай бог, тот человек меня разыщет. Сегодня вечером пришел я сюда, а сейчас боюсь, что он вот-вот появится и схватит меня за ворот...»

Сказке нашей конец.

В те далекие времена, когда Нишапур был большим и процветающим городом, на главной площади его стоял огромный, прочно и красиво выстроенный караван-сарай. Самые богатые купцы останавливались в этом караван-сараяе и снимали в нем комнаты. Как ни пытались несколько искусных и ловких воров украсть что-нибудь оттуда — им это не удавалось. Никаким инструментом нельзя было пробить дыру в стенах караван-сарая. В конце концов воры пошли к одному человеку, который жил одиноко в пещере, подобно отшельнику, и обратились к нему с такой просьбой:

— Нашего брата заперли в одной из комнат такого-то караван-сарая и не выпускают. Мы хотим его оттуда освободить, но стены караван-сарая очень прочные, и мы никак не можем их пробить. Если ты нам укажешь какое-нибудь средство освободить брата, мы будем тебе очень благодарны.

Отшельник сказал:

— В молодости я был вором, а потом раскаялся в своих грехах и с тех пор больше не ворую. Но раз ваш брат находится там в заточении и вы просите меня помочь его освободить — а это дело доброе, — я вам вот что скажу. В таком-то месте за городом есть колодец. Сейчас он разрушен и засыпан землей. Никто и не догадывается, что там когда-то был колодец. Если вы этот колодец найдете и вынете из него землю, то увидите, что от его дна начинается подземный канал, соединенный с колодцем, находящимся в середине двора того самого караван-сарая.

Воры поблагодарили отшельника, попросились с ним и ушли. Пошли они за город, разыскали колодец, о котором говорил отшельник, и вынули из него землю.

В том караван-сараяе, который они хотели ограбить, была большая собака. Когда наступала ночь и запирали ворота, собаку спускали с цепи, днем же она была привязана в углу караван-сарая. Воры несколько дней подряд ходили туда и кормили собаку хлебом и мясом, чтобы она к ним привыкла и на них не лаяла.

Однажды ночью воры спустились в тот колодец за городом, прошли по каналу и вышли из колодца посреди двора караван-сарая. Они взломали двери комнат, где, они знали, купцы хранили много денег и драгоценностей, проникли туда и набрали этого добра, сколько могли унести. Потом они опять спустились в колодец и вылезли из другого колодца за городом.

На следующий день утром, когда открыли ворота караван-сарая и пришли купцы, они увидели, что все их комнаты обокрадены. Купцы тут же пошли к судье и заявили ему об этом. Судья сам пришел в караван-сарай и велел принести палки. Каждого несчастного, которого подозревали в воровстве, хватали и били палками по пяткам, а потом бросали в тюрьму. В караван-сараяе собралось очень много народу, пришли и настоящие воры. Видят они, что судья попусту мучает людей. Один из воров сказал другому, с которым был в дружбе:

— Хорошо бы сейчас пойти и освободить всех этих несчастных.

Тот говорит:

— Иди!

Вор вышел из толпы, подошел к судье и сказал:

— Зачем вы мучаете этих людей?

Судья ответил:

— Потому что из караван-сарая украдено на пятьсот тысяч туманов денег и драгоценностей.

Вор сказал:

— Отпустите этих несчастных, деньги купцов находятся у меня.

Судья спросил:

— Где они?

Вор ответил:

— Тут же, в караван-сараяе. Идите за мной, я вам покажу.

Вор подвел судью и всех купцов к колодцу в середине двора и говорит:

— Деньги спрятаны здесь. Спустите кого-нибудь одного на веревке, чтобы он их достал.

Колодец был очень глубокий, и никто не решался в него спуститься. Все стали говорить вору:

— Спускайся лучше ты сам.

Вор сказал:

— А что вы сделаете, если я спущусь в колодец и смогу там, на его дне, забрать все деньги и убежать с ними?

Тут все расхохотались и сказали вору:

— Если ты сможешь убежать со дна колодца, все деньги, которые там есть, бери себе и иди на все четыре стороны.

Вор обвязался веревкой, другой конец ее дал нескольким людям в руки и стал спускаться в колодец. Когда он достиг дна, он снял с себя веревку, привязал ее к камню и знакомым путем вышел через другой колодец за городом наружу. А те долго его ждали во дворе караван-сарая и, когда увидели, что он не выходит, спустили в колодец другого человека. Примерно через час этот другой человек вошел с улицы в ворота караван-сарая. Тогда купцы поняли, что их деньги украли и вынесли через колодец и не видать им больше ни того вора, ни своих денег.

Было так или не было, а кроме бога, никого не было. В давние времена в некоем городе жил судья, на вид очень праведный. Все были о нем хорошего мнения и полагали, что ни одна мать никогда не производила на свет такого правдивого, честного, умного и проникательного сына, как он. Такие воздавали судье почести, что он понемногу стал всему этому верить, считать себя выше всех Божьих творений и жене стал говорить:

— Положение судьи — это для меня мало. Такому человеку, как я, подобает быть везиром шаха и вести все дела государства.

Жена ему отвечала:

— Желания человеческие безграничны, но ты должен довольствоваться своим уделом и не вытягивать ноги дальше края своего ковра. Выбрось лучше из головы все эти пустые мечты о том, чтобы стать везиром, и займись своими делами.

Но судья, который в мыслях залетал высоко, не обращал внимания на советы жены и с каждым днем все больше лелеял мечту о положении везира. Он искал случая встретиться с шахом и сообщить ему о своем желании в надежде на то, что шах исполнит его просьбу и даст приказ о назначении его везиром.

Поскольку судья знал, что шах переодетый выходит по ночам из дворца в город, чтобы разузнать, как живут его подданные, он решил его подкараулить и рассказать ему о своем намерении. Однажды ночью судья остановился в нескольких шагах от дворца падишаха и стал ждать. Когда прошла первая ночная стража, шах вышел из дворца в одежде дервиша,

с посохом в руке. Судья подошел к нему, низко поклонился, поздоровался и поцеловал шаху руку. Шах сказал:

— О судья! Что ты делаешь в такое позднее время около моего дворца? Почему ты не дома?

Судья, не выдавая своего волнения, обратился к шаху:

— О падишах, средоточие вселенной! Я всегда поздним вечером иду молиться и в это время возвращаюсь домой. Этой ночью, когда я поверял свои тайны и нужды Господу Всевышнему, меня охватил экстаз, и я впал в беспамятство. В этом состоянии я увидел ангела, который мне сказал: «О судья! Знай, что шах нуждается в везире благочестивом, правдивом, чистом, все схватывающем на лету, способном управлять. Поскольку ты обладаешь всеми этими качествами, иди сейчас же к шаху и откройся ему, чтобы он дал тебе пост везира и положение страны и жизнь народа от того улучшились бы!» Только я пришел в себя, я тотчас же направился ко дворцу и вот встретил вас, о средоточие мира!

Шах был человеком опытным и хорошо разбирался в людях. Он пристально посмотрел судье в лицо и подумал: «Этот человек большой мошенник и плут. Он воображает, что сможет обмануть меня своей ложью и захватить в свои руки управление страной. Он не знает, что везиру нужны черты характера и свойства, которых я, сколько ни смотрю, не нахожу в нем».

Подумав это, шах обратился к судье:

— Послушай, судья! Ангел сказал тебе правду, я действительно нуждаюсь в везире знающем, заботящемся о делах государства и благоденствии народа. Но прежде чем назначить тебя на этот высокий пост, я должен испытать твой ум и твою проницательность.

Судья почтительно ответил:

— Да будет на то воля падишаха. Цари всегда знают, что есть благо для страны.

Тогда шах сказал:

— Раз я так решил, пойдем сейчас походим вместе по городу, посмотрим, как живут подданные. Ты должен только закрыть лицо, чтобы тебя никто не узнал.

Судья закрыл лицо и пошел за падишахом. Они ходили по улицам и базарам, и шах всюду лично проверял ночную стражу, которая должна была нести караул и охранять покой и безопасность горожан. Имена всех тех, кто или не выполнил свой долг, или спал, или был пьян, шах

записывал, чтобы на завтра их наказать. Если он слышал, что из какого-нибудь дома доносился плач голодных детей, он ставил на дверях этого дома знак, чтобы завтра прислать сюда своих людей и вызвать во дворец хозяина дома. Бедным, нуждающимся и безработным он давал денег или работу, вдовам и сиротам устанавливал определенное содержание.

Долго ходили так шах и судья, пока не пришли к какому-то полуразвалившемуся дому. Шах вошел внутрь. Там на полу у стены горела свеча. В ее свете сидел растрепанный дервиш и молился. Шах его приветствовал и сел рядом с ним. Дервиш сперва почтительно встал, но потом снова сел. Шах его спросил:

— Как твои дела, дервиш? По твоему лицу видно, что ты очень устал и расстроен. Разве три на девять у тебя не получилось?

Дервиш тяжело вздохнул и сказал:

— Нет, почему же, три на девять получилось. Больше того, и девять на три получилось.

Тогда падишах сказал:

— Хорошо, как же оно получилось?

Дервиш ответил:

— Да вот, как видишь.

Шах очень огорчился, вынул из кармана сколько-то денег, дал дервишу и сказал:

— Возьми и истрать, но если... тогда.

Тут дервиш схватил шаха за руку, поцеловал и говорит:

— Разве я безумец!

Судья, который стоял на улице и не входил внутрь, слышал весь этот разговор, ничего не понял и подумал: «Наверно, шах не в своем уме. Иначе он не стал бы говорить дервишу такую бессмыслицу».

Между тем шах встал, попрощался с дервишем, вышел к судье из развалин и сказал ему:

— Я иду во дворец, а ты иди домой и отдохни. Я подумаю о том, чтобы назначить тебя везиром.

Судья радостно пошел домой и по дороге думал о разговоре шаха с дервишем: «О чем же они все-таки говорили? „Разве три на девять не получилось“, „Если... тогда“, „Разве я безумец“. Что все это может значить? В этих словах, должно быть, заключена какая-то тайна. Шах что-то важное сказал дервишу, а дервиш ему ответил. Какой же я олух, что не могу разгадать их слова! А впрочем, пойду-ка я завтра утром в те развалины к дервишу. Тогда и разгадаю эту загадку».

Придя домой, судья лег в постель, но заснуть не мог. Он все время думал о падишахе и дервише, повторял их полные скрытого смысла слова и ничего не мог понять. Потом он принялся считать про себя и смотреть на звезды, чтобы как-нибудь провести время. Когда ночь наконец кончилась, наступило утро, судья оделся и, не позавтракав, вышел из дома. Он сейчас же пошел к вчерашним развалинам и, когда пришел, увидел, что дервиш совершает намаз. Он подождал, пока тот кончит молиться, и спросил дервиша:

— Я слышал, что к тебе ночью заходил какой-то дервиш и вы с ним обменялись тайными словами. Например, он тебе сказал: «Разве три на девять не вышло?» А ты ему ответил: «Нет, почему же, три на девять вышло. Кроме того, еще девять на три вышло». Он еще сказал: «Если... тогда», — а ты ему ответил: «Разве я безумец?» Каков смысл этих тайных фраз?

Дервиш ответил:

— Эх, судья! Это очень ценная тайна, и знать ее не входит в твои обязанности. Это тайна самого падишаха.

Судья сказал:

— Я судья города и обязан узнавать обо всем, всеми мерами!

Дервиш ему в ответ:

— Я не понимаю, что ты говоришь. Но если ты хочешь понять смысл тех фраз, дай мне тысячу золотых ашрафи, а иначе не трудись, ничего не выйдет.

Судья видит: угрозы тут не помогут, говорит:

— Будь покоен, завтра я принесу тебе тысячу ашрафи.

Пошел он после этого домой и в суд уже в тот день не ходил, все думал, откуда ему взять тысячу золотых ашрафи для дервиша. В это время шейтан шепнул ему на ухо одну мысль. Он обрадовался, встал, пошел, открыл сундук, вынул оттуда запечатанный печатью кошелек, разрезал угол кошелька ножом и высыпал оттуда тысячу золотых ашрафи. Глаза его при виде золота заблестели, он всыпал в кошелек вместо золотых монет тысячу фальшивых свинцовых монет, позвал слугу и велел ему привести самого искусного штопальщика в городе. Через полчаса слуга привел штопальщика, и судья ему сказал:

— Заштопай этот кошелек так, чтобы совсем не было заметно, что его разрезали.

Штопальщик сказал: «Слушаюсь» — и сел за работу. Кошелек после его штопки оказался таким же, каким был с самого начала. Судья

хорошо ему заплатил, отпустил его и положил кошелек со свинцовыми монетами в сундук. А тысячу золотых ашрафи он завязал в платок и на следующий день пошел разыскивать дервиша. Отыскал его и отдал ему деньги. Дервиш взял деньги вместе с платком, в который они были завернуты, положил их под изголовье, кашлянул и сказал:

— Послушай, судья! Знай, что тот человек в одежде дервиша был сам падишах. Раз в год он надевает эту одежду и приходит ко мне. В этом году он увидел меня очень печальным и спросил: «Разве три на девять не получилось?» — то есть разве в году ты три месяца не отдыхал, а девять месяцев не работал? Я ответил: «Нет, почему же, три на девять получилось и даже девять на три получилось» — то есть три месяца я отдыхал, а остальные девять месяцев тоже не работал. Когда падишах спросил: «Хорошо, как же оно получилось?» — я ответил: «Да вот, как видишь». После этого шах собрался уходить, подмигнул в ту сторону, где ты стоял, и сказал: «Если... тогда» — то есть: если городской судья спросит у тебя, что все это значит, ты ничего ему не говори, тогда только скажи, когда получишь с него большую сумму денег». Тут я ему ответил: «Разве я безумец!»

Судья выслушал все это, облегченно вздохнул и, опустив голову, пошел домой. Случайно в этот день как раз вернулся из путешествия тот купец, который несколько месяцев назад оставил судье на хранение кошелек с тысячью ашрафи. Купец пришел к судье и потребовал свой кошелек обратно. Судья вынул кошелек из сундука и отдал купцу.

Купец пришел домой, вскрыл кошелек и увидел: вместо золотых ашрафи там одни свинцовые кружочки. Тяжко вздохнул и опять пошел к судье. Говорит ему:

— Я оставил тебе на хранение золото, а ты мне вернул свинец!

Судья и бровью не повел, говорит ему:

— Я твоего кошелька не трогал, как ты мне его дал, так я и положил в сундук. А когда ты пришел, я его тебе отдал.

Купец понял, что судья забрал себе золото и далее с ним разговаривать бесполезно. Огорченный, вышел он из дома судьи, пошел прямо во дворец падишаха. Рассказал купец шаху всю историю с судьей. Шах сказал:

— Успокойся, ты получишь свою тысячу ашрафи, но с тем условием, что больше к судье не пойдешь и никому обо всем этом рассказывать не будешь.

Купец поцеловал падишаху руку и ушел. Падишах сейчас же разре- зал кинжалом свой кафтан, позвал раба и сказал:

— Я разрезал свой кафтан. Сейчас же приведи мне самого искусного штопальщика, чтобы он мне его заштопал.

Раб пошел и привел того самого штопальщика, который штопал для судьи кошелек. Штопальщик пришел и заштопал кафтан падишаха так, что никто не смог бы разобрать, где было разрезано. Тогда падишах взял кошелек купца, показал штопальщику и спросил:

— Этот кошелек тоже ты штопал?

Штопальщик вывернул кошелек на левую сторону, рассмотрел и говорит:

— Да, я. Вчера судья позвал меня к себе и попросил заштопать этот кошелек, который был разрезан.

Тогда шах послал двух своих телохранителей к судье и велел ему передать, чтобы он тотчас явился во дворец для вручения приказа о назначении его на пост везира. Судья обрадовался, надел свои лучшие одежды и отправился вместе с телохранителями во дворец. Когда они пришли к шаху и судья увидел штопальщика и кошелек, он побледнел, и сердце у него упало. Он понял, что покров с его тайны снят, штопальщик успел все рассказать падишаху и отпираться ему нельзя. Тут судья тяжело вздохнул и упал к ногам падишаха с мольбой:

— О средоточие вселенной! Прости меня, прости мне мою вину! Я совершил непоправимую ошибку!

Шах сказал ему:

— Эх, судья! Я хотел тебя испытать, посмотреть, достоин ты поста везира или нет. Слава богу, представился этот случай, и сам ты теперь знаешь, что ты недостоин не только поста везира, но и поста судьи. Ведь для судьи первое условие — это правдивость и верность. С сегодняшнего дня ты больше не судья, ступай и проведи остаток жизни в молитвах, кайся перед Всевышним в твоём проступке.

Потом шах отдал приказ взять из казны тысячу ашрафи, вложить в кошелек и послать купцу.

А судья пришел домой повесив голову и к вечеру умер от горя.

Купец и Голандам

Было это так или не было, а кроме бога, на свете никого не было. Жил в былые времена в одном городе молодой купец. Был он хорош собой, и не только красив лицом, но и добр сердцем. Разговаривал он ласково и вежливо, говорил умно и дельно.

Как-то раз сидел он у себя в лавке, уповая на милость Аллаха, а в это время мимо проходила какая-то женщина в сопровождении гуляма. Когда женщина заглянула в лавку и увидела множество пестрых и красивых материй, ее ноги сами собой остановились. Она вошла в лавку, начала рассматривать товары, а потом обратилась к купцу:

— Нет ли у тебя златотканой парчи?

— Нет, — ответил молодой купец, — но если ты подождешь немного, я тут же сбегая и принесу.

Покупательница согласилась. Купец вышел из лавки, пошел к соседу-купцу, взял у него несколько штук златотканой парчи разных цветов и принес женщине.

Женщина захотела получше рассмотреть парчу и подняла со своего лица покрывало. Взглянул на нее молодой купец и тут же потерял рассудок — так она была красива. А женщина отобрала несколько штук материи и спросила об их цене. Купец сказал:

— Пятьсот ашрафи!

Покупательница не стала торговаться, а тут же отдала тюки рабу, простилась и ушла. Купец же ничего не стал говорить, хотя и не знал ее. Он взял пятьсот ашрафи из собственного кармана, пошел и отдал владельцу парчи — соседнему купцу. Вернулся, сел за прилавок и задумался.

После того прошла неделя, а о женщине ничего не было слышно. На восьмой день, когда время близилось к закату и купец собирался уже закрывать лавку и отправляться домой, вдруг он видит, что на краю базарной площади мелькнула фигура той женщины. Величественной, но легкой поступью она приближалась к лавке. Когда женщина вошла, она вынула из-под покрывала кошелек с пятьюстами ашрафи, протянула купцу и сказала:

— О купец, прошу, не сердись на меня — я задержала твои деньги, но я надеюсь, что ты меня простишь!

Купец поблагодарил ее, усадил, и потекла между ними приятная беседа. Под конец она встала, взяла у купца по прежней цене несколько штук разных тканей, а денег опять не отдала и ушла той же дорогой, которой приходила.

Купец был ошеломлен ее несравненной красотой и гибким станом. «Ах, если бы эта прекрасная гурия согласилась выйти за меня замуж!» — размышлял он. С опечаленным сердцем и больной головой встал он, закрыл лавку и направился домой.

На следующий день, перед закатом солнца, опять появилась та неизвестная женщина. Она рассчиталась с купцом и опять завела с ним разговор. Стала она задавать ему многозначительные вопросы, спрашивать его:

— О купец, разве ты не женат до сих пор?

Услышал купец такой вопрос, задрожал, сердце его упало.

— О луноликая красавица, — говорит он, — к сожалению, я до сих пор не нашел себе подруги жизни и живу один.

— Почему? — спрашивает женщина.

— Да не пришлось, и в мыслях этого не было! — ответил купец.

Тогда женщина посмотрела на него пристально и внимательно, опустила покрывало на лицо, встала и вышла. А черный раб на этот раз не пошел за ней — она оставила его у порога лавки, а сама ушла. Тогда купец решил воспользоваться удобным случаем, позвал к себе раба и начал спрашивать его:

— О раб, — начал купец, — не скажешь ли ты, кто эта луноликая женщина и где она живет?

— Ее зовут Голандам, — ответил раб, — и она воспитанница царицы мира, супруги падишаха. Она влюбилась в тебя с первой вашей встречи и поручила мне раскрыть тебе эту тайну. Если ты желаешь жениться на ней, сегодня ночью приходи на берег реки на то место, которое я укажу тебе. Я приду и тайно перевезу тебя во дворец, к Голандам. Но помни,

если вдруг узнают об этом евнухи гарема и отсекут тебе голову — на помощь к тебе не придет никто. Я тоже не стану помогать тебе, даже пальцем не шевельну, иначе все раскроется и Голандам будет опозорена перед всеми — и перед людьми избранными, и перед простым народом.

Задумался купец, а потом и говорит:

— Хорошо, приду. Я ничего не боюсь! Или я добьюсь любви Голандам и прижму ее к сердцу, или умру ради нее. Ведь говорят же:

Если в голове нет мыслей
о прекрасной, я клянусь,
Ты напрасно, друг мой, носишь
на плечах тяжелый груз.

Раб поцеловал руки купца и пошел своей дорогой. Купец же встал, закрыл лавку, поужинал на базаре и отправился к условленному месту. Там он стоял и караулил до тех пор, пока не прошла первая ночная стража. Вдруг при свете луны он увидел гуляма с несколькими мулами, навьюченными большими сундуками; тот шел по мосту. Когда он поравнялся с купцом, сказал ему:

— Поторапливайся, живо лезь вот в этот большой сундук!

Купец тут же влез в сундук, а гулям погрузил его на одного из мулов и продолжал свой путь. Шел он, шел, пока не добрался до шахского дворца.

У входа во дворец начальник стражи остановил гуляма и спросил:

— Что это за сундуки? Кому ты везешь их?

— В этих сундуках подарки! — ответил гулям спокойно. — Их прислали царице — я вот пошел вчера да и получил их, а теперь везу во дворец.

— Ну-ка, открывай их, — приказал начальник стражи, — а то, кто знает, вдруг окажется, что в одном из них спрятан мужчина!

— Нет, нет, — возразил гулям, — это невозможно! Все сундуки запечатаны, и в них нет ничего, кроме парчи, жемчугов, драгоценной китайской посуды и золотой утвари. Пусть будет твоя душа спокойна!

Начальник стражи поверил словам гуляма и разрешил ему войти вместе с мулами и сундуками во дворец. Раб погнал мулов вперед и повел их через сад с густыми деревьями прямо к гарему. Затем он с большим трудом разгрузил мулов, вытащил купца из сундука и осторожно, через тайный ход, ввел его во дворец, а оттуда в покои Голандам.

Увидев молодого купца, Голандам вскочила с места, обняла его и начала целовать. Затем она повела его в большую, богато убранную комнату. Там купец увидел какую-то женщину, красивую и величественную. Лицо ее сияло, словно солнце. Она сидела на золотом троне, на подушках из лебединого пуха, а вокруг нее стояли красивые луноликие невольницы.

— Это наша царица, — сказала купцу Голандам, — иди поцелуй ей руки!

— О купец, — сказала царица, — знаешь ли ты, что я растила и воспитывала Голандам с самого детства и люблю ее, как родную дочь. Если ты сумеешь ее беречь и лелеять, я тут же пошлю за ахундами, и они запишут ваш брачный договор, если же не сумеешь — лучше и себя не утруждай, и нас не беспокой!

Купец встал, поклонился и сказал:

— О царица вселенной, я люблю Голандам и, если она станет моей женой, всей душою и сердцем буду беречь ее и лелеять. Не сомневайся в этом, сделай милость, поверь мне!

Тогда царица позвала своего личного внука и отправила его за ахундом. Не прошло и полчаса, как тот вернулся в сопровождении старого ахунда, который написал брачный договор и огласил его. Царица подождала к себе Голандам и купца и соединила их руки. Затем она велела накрыть столы, уселись все и начали пировать. А на столах было много разных яств, были там и рыбные блюда, и оказалось, что купец очень любит рыбу. Стал он есть всякие рыбные блюда, пока не насытился. Все остальные тоже наелись и встали из-за стола.

Купец настолько был увлечен красотой Голандам, так смотрел на нее, не отрывая глаз, что забыл после рыбы помыть хорошенько руки. Он просто вытащил из кармана платок, вытер руки и рот и, спросив разрешение у царицы, быстро пошел в покои Голандам. Обнял он свою возлюбленную, начал ее целовать и ласкать. Но когда он приблизил руки к ее лицу и хотел было поиграть ее локонами, Голандам вдруг нахмурилась, оттолкнула купца и закричала:

— Эй ты, глупый мужик! Убери свои грязные руки, отпусти меня и убирайся прочь!

Бедняга купец вскочил как ужаленный, побледнел и замертво упал на пол. А когда пришел в себя, взмолился:

— Почему ты так жестока, что случилось?

— А потому, что ты ел рыбу, а рук и рта после еды не вымыл. От тебя отвратительно пахнет. Я думала, ты человек чистоплотный и воспитан-

ный, разумный и рассудительный. Но увы, я ошиблась! Вставай и убирайся куда хочешь, хоть в могилу. Я больше не желаю тебя видеть!

Купец бросился к ее ногам и начал было умолять:

— Прости меня, я залюбовался твоей красотой и забыл помыть руки и выполоскать рот. А вообще у меня не в обычае подниматься из-за стола, не вымыв рук и не освежив рта.

Но чем больше купец умолял Голандам, чем больше упрашивал, тем больше она распалась, кричала и гневалась. Вдруг во время этих препирательств дверь ее покоев открылась, и в комнату вошел главный евнух гарема в сопровождении нескольких стражников. Увидев купца, они решили, что это какой-нибудь вор забрался во дворец, чтобы похитить невинность девиц и честь женщин гарема. С палками и плетками в руках они набросились на купца и выволокли из комнаты Голандам. Главный евнух начал кричать на него:

— Ах ты такой-сякой, до чего же ты осмелел, до чего же ты обнаглел, что ночью вступил своими грязными ногами в гарем падишаха! Сейчас я так тебя накажу, таким пыткам подвергну, что другим неповадно будет!

Несчастный купец начал умолять и уговаривать их:

— Я вошел во дворец не самовольно — та девушка, Голандам, моя супруга! Идите спросите ее! Прошу вас, оставьте меня в покое, не мучайте больше!

Но все было без толку. Просьбы и мольбы купца не могли разжалобить стражников и евнуха. Они крепко связали ему руки и ноги веревкой, потащили вниз и бросили в подземную темницу.

— О люди, — кричал купец, — клянусь Аллахом, клянусь пророком и всеми святыми, я не виноват, а Голандам, в покоях которой вы нашли меня, — моя законная жена! Сама царица этой ночью скрепила наш брачный договор.

Но стражники не поверили его словам. Они еще больше рассвирепели, взяли плети и начали хлестать его по лицу и по голове. А в это время главный евнух вытащил Голандам, закрутил ее косы вокруг руки и поволок за собой. Он начал ругать и устрашать ее:

— Ах ты проклятая, я считал тебя девушкой чистой и беспорочной! Не знал я, что ты распутница! Как ты осмелилась привести мужчину в гарем самого падишаха и наслаждаться с ним, предаваться греху в своих покоях?

Зарыдала Голандам, слезы градом полились.

— Зря ты клеветнешь на меня, зря оскорбляешь. Лучше поди к царице и узнай у нее всю правду. Если ты окажешься прав — делай со мною что хочешь, пытай меня, как тебе вздумается. Но знай, если ты тронешь меня без разрешения царицы, если хоть один волосок упадет с моей головы, царица прикажет тебя изрубить в куски!

Главный евнух испугался, когда услышал угрозы Голандам. «А что, — подумал он, — вдруг это правда? Иначе она не стала бы говорить со мной так уверенно и дерзко!» Он поручил Голандам стражникам и поспешно отправился в покои царицы.

Не прошло и нескольких минут, как он вернулся, сам в землю смотрит.

— Оставьте их! — говорит стражникам. — Я установил их невиновность!

Купец от плетей и от побоев лежал без памяти. А когда пришел он в себя и открыл глаза, увидел, что находится в большой, богато убранной комнате, а голова его лежит на коленях Голандам. Наклонилась над ним Голандам и ласково говорит:

— Вставай, пойдем к падишаху на поклон! Он сейчас в тронном зале и хочет нас видеть, чтобы по случаю нашей свадьбы сделать нам драгоценные подарки.

— О Голандам, — говорит купец, — скажи мне прямо, что опять взбрело тебе в голову? С меня довольно, я и так достаточно отведал туманов! А теперь ты хочешь отдать меня в руки падишаха, чтобы он приказал казнить меня?

Голандам рассмеялась и ответила:

— О нет, дорогой, сердце мое, вставай, переоденься, вымой руки. Мы пойдем к падишаху!

Купец встал, вымыл руки, пополоскал рот, надел богатое платье, которое было приготовлено для него, и вместе с Голандам пошел в тронный зал.

Вошел он туда, семь раз поцеловал перед падишахом землю, потом приблизился и припал к его ногам.

Падишах обратился к Голандам и сказал:

— О, ты избрала себе достойного мужа!

Приказал он принести драгоценное царское платье и подарил его купцу. А потом велел везиру назначить мужа Голандам «царем-купцом» — главой купцов всей страны. Он велел отдать молодоженам великолепный дом, стоящий недалеко от дворца, и положил им из шахской казны большое жалованье.

Было ли так или не было — жили в давние времена в своем доме муж с женой, а ума у них ни на грош не было. Росли у них два сына и две дочери. Дочек они выдали замуж, а старшего сына женили, один младший сын с ними остался, и звали его Гобад. В семье он был самым разумным и рассудительным. Как-то сказала ему мать:

— Сынок! Слава богу, мы прожили свой век, всех вас на ноги поставили. Сестер твоих я выдала замуж с хорошим приданым, брата твоего тоже устроила — нашла ему красивую жену. Одна только мечта у меня теперь — женить и тебя.

— Я не женюсь, — ответил Гобад. — Буду один жить.

— Не говори так, — возразила мать. — Мужчина без жены — проклят. Ты должен жениться, если не хочешь, чтобы я отреклась от тебя.

И она против его воли заставила его жениться. Жену ему взяли ладную и красивую. Немного глуповата была, но зато смиренная, некрикливая.

Как-то она убирала комнаты и взялась подметать двор и тут вдруг нечаянно пустила ветры, а коза, что была во дворе, в это время заблеяла. Невестка решила, что коза все поняла, подошла к ней и говорит:

— Козочка! Не срами меня, пусть это останется между нами. Не говори свекрови ничего об этом звуке! Если не скажешь — я подвешу к твоим ушам сережки, а на ноги надену запястья.

Коза снова заблеяла. Невестка продырявила ей уши и вдела сережки, а на ноги надела свои запястья. Тут подросла свекровь. Увидела она серьги и запястья на козе и спрашивает:

— Кто это нацепил на нее запястья и серьги?

Невестка подбежала к ней:

— Матушка, душенька! Жизнью тебя прошу, пусть это останется между нами. Я подметала двор и нечаянно пустила ветры, а коза поняла и заблела. Я попросила ее молчать и дала ей за это сережки и запястья. Ради бога, попроси ты ее, чтобы она не срамила меня, не разглашала тайны. Не хочу, чтобы узнал свекор.

Свекровь подошла к козе. Та заблела, а свекровь ей говорит:

— Козочка! Никому не говори, что невестка пустила ветры, — я надену на тебя платье с цветами, отдам тебе свою шелковую чадру.

Пошла она, принесла платье, чадру и надела на козу.

Тут подоспел свекор.

— Что это за шутки вы вытворяете? — спросил он. — Для чего вы так разукрасили козу?

Тут коза заблела, свекровь подошла к мужу и говорит:

— Не беспокойся. Невестка пустила ветры, а коза догадалась. Она дала ей серьги и запястья, чтобы та не говорила мне. Но коза все-таки сказала, и я дала ей платье и чадру, чтобы она больше никому не говорила. Я не хочу, чтобы она рассказывала об этом. Мы хотели задобрить ее подарками, ублажить ее, чтобы она не разглашала тайны.

Свекор подошел к козе и тоже сказал:

— Слава тебе, козочка! Если ты никому не скажешь, я надену на твои ноги свои новые сафьяновые башмаки.

Сказал это, пошел, принес башмаки и надел на козу.

В этот момент подоспел брат и остолбенел от изумления: что это за шутки такие с козой.

— Что это такое? — спросил он.

Ему рассказали обо всем, и он в свою очередь снял с головы шапку и нахлобучил на козу.

Стоит коза на себя непохожа: в ушах — серьги, одета в платье, закутана чадрой, на ногах — башмаки, на голове — шапка. А вокруг нее столпилась в беспокойстве вся семья, и все ее уговаривают:

— Козочка, ни в коем случае не говори Гобадугу, что его жена пустила ветры. Не то он прогонит ее, и она будет несчастной.

Они все еще упрашивали козу, когда пришел младший сын. Посмотрел он на козу, удивился и спрашивает:

— Что случилось?

— Да ничего, — говорят.

— Так зачем же вы так ее нарядили? — допытывается Гобад.

— Никому только не говори, пусть это останется между нами, — отвечает мать. — Твоя жена подметала двор, и вдруг раздался какой-то звук. Коза подумала на твою жену. Стала жена просить козу никому не рассказывать и за молчание украсила ее сережками и запястьями. Тут подросла я и осведомилась, в чем дело, и невестка рассказала мне. Я в свою очередь надела на козу платье и чадру, чтобы она не разглашала тайны. Пришли отец с братом. Они подарили ей башмаки и шапку. Мы сделали все это, чтобы коза не болтала ни о чем. Но ты не огорчайся: звук был не от твоей жены. Это просто коза ошиблась!

Услышал Гобад эти речи и оторопел.

— Не могу я жить среди таких дураков, — сказал он. — Я покидаю вас и ухожу.

Гобад вышел из дому и пошел к родителям жены. Он рассказал им всю историю и спросил:

— Скажите, что мне делать с этими дураками?

Те пошли и принесли окровавленную печень.

— Наше сердце из-за поступков дочери полно крови, как эта печень.

Но что поделаешь — надо мириться, — ответили они.

— Не могу я мириться с дураками. Пойду-ка прочь из этого города. Если найду людей глупее вас, то вернусь, а если нет — то больше вы меня не увидите.

Сказал он это, обулся и отправился странствовать.

Шел он, шел и остановился в одном городе по ту сторону гор. Стал он ходить по улицам и базарам города и в конце концов от усталости и голода присел на скамье у какого-то дома.

В этот момент из дома вышел мужчина и увидел на скамье чужого человека. Он понял, что тот иноземец и к тому же голоден и хочет пить. После взаимных расспросов и приветствий мужчина вошел в дом и принес Гобад горшок с остатками ужина. Горшок был здоровенный, но похлебки в нем осталась одна ложка. Гобад прикончил похлебку в два глотка и заглянул внутрь. Смотрит, горшок, видно, не мыли с того дня, когда впервые поставили на огонь. Остатки еды прилипли ко дну, засохли, получилась толстая корка.

Поел Гобад, понес горшок к ручью, вымыл его с песком и глиной дочиста и положил у порога. Удивился хозяин дома, он никогда не видел, чтобы горшки мыли. Вошел он в дом и закричал:

— Явился чистильщик горшков, явилось счастье домашнего очага!

На улицу высыпали все обитатели дома, окружили Гобада, принесли свои горшки и стали просить:

— Мы дадим тебе денег, помой нам горшки!

Он деньги взял и горшки их отчистил. Со всех домов стали к нему стекаться люди с горшками. Пробыл Гобад в этом городе несколько дней, отчистил все горшки, посмеялся в душе над этими людьми и собрал уйму денег.

— Они еще глупее моих родственников, — решил он и двинулся дальше.

Когда он прибыл в другой город, стояла зима, и люди страдали от холода. Одни продырявили одеяла, продели в отверстие головы и обвязались вокруг пояса веревками, другие ставили на костер котлы с водой и грелись паром, третьи нагревали на огне куски глины и прикладывали их к телу. Так каждый как-нибудь да пытался обогреться.

Гобад приготовил из дров угли, сшил ватное одеяло, сделал из обожженной глины жаровню и поставил под курси.

Обитатели дома, где он остановился, дети и взрослые, стар и млад, сгрудились вокруг курси и стали греться. Остальные жители города узнали об этом и тоже пришли к Гобаду. Они дали ему много денег и попросили изготовить и для них курси.

Гобад поменял на золото собранные мелкие монеты и отправился в другой город, так как и здесь люди были глупее его родичей. К вечеру он опять добрался до какого-то города и стал бродить по переулкам и базарам, надеясь набрести на караван-сарай и снять комнату. На одной улице видит он — перед каким-то домом собралась толпа. Все разом что-то говорят, кричат. Оказывается, это невесту привели в дом жениха. Невеста была высокая, а дверь — низкая, и она никак не могла войти. Провожающие невесту требовали, чтобы выломали стену и невеста могла войти, а дружки и родичи жениха кричали:

— Зачем мы будем ломать стену? Снесите невесте голову, пусть она станет покороче — тогда и пролезет в дверь.

Долго они спорили, но тут подоспел Гобад и сказал:

— Дайте мне сто ашрафи, и я введу невесту в дом так, что ни стенку не придется выламывать, ни шею ей рубить.

Все согласились, и Гобад подошел к невесте, положил руку ей на шею и заставил нагнуться и пройти в дверь. Все присутствующие ликовали, а Гобад получил сто ашрафи и отправился в следующий город.

Он миновал городские ворота, прошел одну улицу, вторую и вдруг увидел: у открытой двери одного дома столпились люди, стоят, о чем-то

разговаривают, головами качают. Были и такие, которые плакали. Гобад подошел и спросил:

— Что случилось?

— Дочь правителя города, — отвечают ему, — хотела взять себе сыру из глиняного горшка. Но рука ее застряла в крынке. Повели ее к городскому лекарю, и тот сказал, что надо или разбить крынку, или отрезать ей руку. А так как у девочки две руки, решили резать руку. Вот уж нож принесли, и девушка с матерью плачут.

Гобад говорит им:

— Я сделаю так, что ни крынку не нужно будет бить, ни руку отрезать.

— Иди быстрее, — ответили ему, — покажи свое искусство!

Подошел он и видит: девочка схватила большой кусок сыру, который не пролезает через горлышко крынки. А она и не догадывается, что стоит ей выпустить сыр, как рука ее освободится. Окружающие тоже не понимают этого. Гобад надавил на сухожилие на руке у девочки, она разжала кулак, сыр упал обратно в крынку, и она вытащила руку. Правитель и все жители города очень обрадовались и дали Гобаду пятьсот ашрафи. Они предложили ему стать главным лекарем, но он отказался. Нехорошо, подумал он, разумному человеку жить среди гупцов.

Гобад отправился еще в один город. У самых ворот он заметил толпу людей, которые собрались вокруг только что вырытого колодца и смотрят во все глаза на кучи земли. Видит Гобад, очень они озабочены, подошел и спросил, в чем дело.

— Разве не видишь? — ответили ему. — На земле вырос чирей. Мы боимся, что его не скоро прорвет и земле будет больно.

— Так идите и приведите лекаря, — сказал Гобад, — чтобы он вылечил землю.

— У нас нет лекаря.

— Уплатите мне, и я вскрою этот чирей.

Ему дали сто ашрафи. Он взял лопату и разгреб кучи земли. Все были довольны и с удивлением глядели друг на друга. Сколько они потом ни упрашивали Гобада остаться, ничего не вышло, и он отправился дальше.

Через семь дней и ночей он снова прибыл в какой-то город. Правитель, начальник стражи, мулла и все старейшины города собрались у городской башни — стена ее дала трещину. Люди стонали и жаловались:

— О Аллах, вдруг башня обрушится! Она погребет под собой всех обитателей города. Как нам быть? Как избежать беды?

Гобад подошел и спрашивает:

— Что случилось?

— Да не видишь разве? — ответили ему. — Городская стена дала трещину. Если трещина расширится, то башня обрушится и погубит всех горожан.

— Я залатаю трещину, — предложил он.

— Если ты сделаешь это, — ответили ему, — мы уплатим тебе сто ашрафи.

Гобад взял сто ашрафи, потом развел в воде глину и замазал трещину. Жители города очень обрадовались этому и долго упрашивали его остаться, но тщетно. А Гобад сказал себе: «Куда бы я ни пошел, всюду встречаю людей глупее моих родичей. Пойду еще в один город. Если там живут разумные люди, то чего мне еще надо — останусь! А коли нет — вернусь в родной город».

И отправился он в другой город. Он очень устал от долгой дороги и, еще не войдя в город, сел отдохнуть на берегу ручья. Посидел немного, и захотелось ему помыться и освежиться. Нагнулся он и увидел, что в воде отражается что-то пестрое.

Оказывается, пришла по воду служанка из богатого дома и стоит за ним с кувшином в руке. Служанка спросила Гобادا:

— Откуда ты явился?

А Гобад рассердился да и говорит:

— Из ада!

— Что же ты там делал? — спрашивает она.

— Я был привратником.

— А не видал ты там нашего хозяина?

— А как же, видел.

— Как он поживает?

— Плохо.

— Почему?

— А потому, — ответил Гобад, — что за ним остался долг в сто туманов. Каждый день его бьют за это по голове огненной дубиной.

— Ради Аллаха, подожди здесь немного. Я пойду и расскажу все госпоже, пусть она повидает тебя, — сказала служанка и побежала домой.

— Вставай скорей! — крикнула она хозяйке. — Явился адский привратник и рассказывает всякие вещи.

— Пойди позови его, пусть он войдет в дом. Послушаю, что он там такое говорит! — приказала госпожа.

Служанка пошла к Гобад и предложила:

— Пойдем к нам, госпожа хочет поговорить с тобой.

Пришел он и увидел красивую, стройную женщину, одетую в нарядное шелковое платье, с цветами в волосах.

После приветствия она спросила:

— Правда, что ты видел в аду моего первого мужа?

— Да, видел, и вот в каком положении: каждый день его бьют по голове огненной дубиной за долг в сто туманов, оставшийся за ним, — ответил Гобад.

— Ради Аллаха, — взмолилась женщина, — я дам тебе сто туманов, отнеси их скорее ему — пусть уплатит должникам.

Гобад ответил:

— Я пойду пешком, а у меня болит нога, и я не смогу быстро доставить ему деньги; если уж я запоздаю, то не гневайся.

— Если ты не можешь быстро идти, — перебила она, — я дам тебе коня. Садись на него и скачи.

Затем она велела служанке:

— Пойди возьми у конюха оседланного коня и приведи сюда.

Служанка пошла к конюху, и тот оседлал и взнуздал доброго мерина, а служанка взяла коня и привела во двор. Хозяйка говорит Гобад:

— Садись и скачи.

А он ее спрашивает:

— А если твой муж спросит меня: «Почему не поцеловал жену от моего имени?» Как мне ему ответить?

— А ведь верно! — сказала женщина. — Подойди, поцелуй меня как следует и поезжай.

Гобад не заставил себя долго просить, потом сел на коня и поскакал.

Вскоре вернулся домой второй муж той женщины, видит, жена чем-то расстроена. Он спросил ее:

— Чем ты огорчена?

— А тебе-то что? Ты только и знаешь свою торговлю и хозяйство. Да простит Аллах моего первого мужа! Ты, небось, никогда не поинтересуешься, что делает этот горемыка в аду, никогда не вспомнишь его. Вот сегодня приходил адский привратник и сказал, что его бьют огненными палками за долги. А ведь он оставил тебе все свое богатство! Я дала этому адскому посланнику сто туманов и коня и попросила ехать побыстрее, чтобы избавить беднягу от долгов.

Муж говорит:

— Глупая! Ведь этот человек обманул тебя. Где же это видано, чтобы люди из ада приходили на землю?

— Конечно, — твердит жена, — от тебя только этого и дождешься: имущество проживаешь, а его даже не поминаешь!

Понял муж, что ничего от нее не добьется, не стал больше спорить, а оседлал быстроходного скакуна с золотой сбруей и погнался за «адским привратником».

Гобад же к тому времени доехал до мельницы, оглянулся и видит: скачет на коне мужчина. Он подумал: «Конечно, это муж той женщины. Он хочет отобрать коня и сто туманов». Быстро вошел на мельницу и спросил мельника:

— Ты на этих днях ничего не молол для шахской кухни?

— Молол, — ответил мельник.

— В муке оказались песчинки, и шах сломал себе зуб. Вот и послали того всадника, что скачет сюда, он должен повесить тебя!

Мельник испугался и стал умолять Гобада помочь ему:

— Заклинаю тебя Аллахом, спаси меня!

— Сними свою одежду и отдай мне, — сказал Гобад. — А ты надень мое платье и спрячься под мельницей. Я постараюсь отделаться от него.

Только мельник успел спрятаться, как подоспел муж. Он спросил Гобада, который оделся в платье мельника:

— Не видел, не проезжал здесь всадник?

— Нет, — ответил он.

— Зачем лжешь! — говорит муж. — Конь его привязан к дереву у мельницы, а ты говоришь «нет»!

Гобад громко крикнул «нет», а глазами показал под мельницу. Муж поспешил туда, а Гобад одним махом вскочил на коня с золотой сбруей и поскакал в свой город.

А что же было с мельником? Муж этой женщины давай бить его палкой, а мельник кричит:

— Клянусь Аллахом, виноват не я, а ты! Ведь это ты замесил тесто для шаха, не просеявши муку через сито!

— Что ты там болтаешь? — спрашивает муж.

— А разве ты меня не за то бьешь, что в муке оказались песчинки?

— Нет! Я тебя колочу за то, что ты солгал, будто у тебя есть вести из ада. Ты выманил обманом коня и сто туманов у моей жены!

Мельник возмущился:

— Я принес из ада вести? Это ты мир для меня сделал адом! Какие такие вести принес я из ада?

После взаимных расспросов выяснилось, что Гобад поменялся с мельником одеждой и подставил его под палку вместо себя. Муж поднялся наверх и видит: Гобад бросил мерина, сел на скакуна и был таков.

Волей-неволей ему пришлось сесть на мерина и вернуться домой. Жена спросила его:

— Где ты был?

— Я решил, — ответил он, — что на скакуне он быстрее доскачет до ада. Я отдал ему скакуна и взял мерина.

— Хвала тебе, — сказала жена. — Теперь я знаю, что ты от всей души любишь меня и беспокоишься обо мне. Я жалею своего первого мужа и хотела бы не забывать его. Подойди, я поцелую тебе руку. Если ты, спаси Аллах, тоже покинешь меня и другой займет твое место, я и тебя не забуду. Если придет привратник ада, я и тебе pošлю денег и отправлю его верхом, чтобы он поскорее доехал. В память о тебе я даже поцелую его.

А Гобад вернулся домой на скакуне с золотой сбруей, привез большие деньги. Он заявил:

— Теперь я понял, что люблю вас: и жену, и семью, и всех родных. Я буду жить в этом мире глупцов.

Сказка наша кончилась, а ворона до своего гнезда не долетела.

Кто первый заговорит

Было ли так или не было — давным-давно, не знаю когда, жил-был в городе Балхе один человек. Была у него жена. Целый день она сидела дома и ничего не делала. Под стать жене и мать у него была ленивая — только он и знал, что препираться с обеими женщинами из-за домашних дел.

Как-то собрался он пойти по делам в соседнюю деревню и перед уходом предупредил мать и жену:

— Я пробуду там две-три недели. Следите за домом хорошенько, подметайте двор хотя бы раз в два дня.

Сказал это и ушел.

А женщины по своей лени и палец о палец не ударили. Прошло не то две, не то три недели, свекровь и говорит невестке:

— Завтра или послезавтра вернется сын. Встань, подмети-ка двор!

— Почему это мне подметать? — отвечает невестка. — Подметай сама!

Они заспорили и наконец решили:

— Завтра встанем, и кто первый заговорит — тому и подметать.

Наутро свекровь, чтобы не заговорить первой, ушла к соседям. Невестка в это время все еще спала, и двери дома остались открытыми настежь. Спустя час проснулась невестка, уселась на постели и стала смотреть по сторонам, свекровь искать. Она поклялась себе, что не скажет ни слова. Так час или два просидела она в постели, по сторонам глазела.

В это время мимо дома проходили барабанщики. Старший барабанщик разглядел в комнате женщину на постели, завернул во двор и спрашивает:

— Эй, женщина! Почему ты сидишь в одной рубашке на постели?
А невестка решила, что это свекровь его подослала, чтобы заставить ее заговорить, и ничего не ответила. Барабанщик подошел ближе и еще раз спросил:

— Почему ты не отвечаешь? И почему не одеваешься?

Она и на этот раз не ответила. Тогда он подумал: «Она немая и сумасшедшая».

Вошел он в комнату, сорвал с ее головы платок, посадил задом наперед на осла и решил возить по улицам: люди увидят, посмеются, денег дадут.

И вот они поехали: посредине невестка с непокрытой головой сидит на осле задом наперед, а вокруг нее — барабанщики. Барабанщики бьют в барабаны, идут от одного дома к другому, шум подняли невообразимый, народ отовсюду сбегался. Наконец шествие остановилось у того дома, где сидела свекровь. Видят хозяева этого дома, что люди толпой бегут, и решили: «Пойдем-ка посмотрим, что там за зрелище?»

Вышли они все на улицу, а барабанщики встали как раз перед свекровью. Та посмотрела, и что же видит: о, ужас! Это ее невестку посадили на осла задом наперед и возят по городу! Подошла она и крикнула:

— Я плюю тебе в лицо! Какой позор ты на нас навлекла?

Тут невестка радостно завопила:

— Ты проиграла! Ты проиграла! Подметай теперь двор!

С этими словами она соскочила с осла, схватила свекровь за руку, потащила домой, сунула ей в руки метлу и сказала:

— Ты подметай, а я буду водой поливать.

Свекровь стала подметать, а невестка водой поливать. Так они подмели и вычистили двор.

Не успела свекровь выпустить из рук метлу, а невестка — кувшин, как подоспел муж с поклажей. Увидел он, что комнаты убраны, а двор подметен, поцеловал матери руку, а жену поцеловал в щеку, а потом спрашивает мать:

— Скажи, что тебе купить?

— Красные башмачки в гости ходить!

Спросил он и жену:

— А ты чего хочешь?

— Бусы из янтаря.

— Хорошо, — сказал он и купил им и башмаки и бусы. Он был очень рад, что Аллах образумил его мать и жену.

Однажды в городе Исфагане Бу-Али пришел во дворец падишаха и стал жаловаться:

— О государь, медники города Кашана не дают мне по ночам покоя. Они так стучат, поднимают такой шум, что мешают мне спокойно читать и писать!

— Бу-Али, — удивился падишах, — город Кашан находится очень далеко отсюда, на расстоянии двадцати фарсангов. Как же это может быть, что шум и стук медников Кашана мешают тебе читать и заниматься?

Бу-Али начал уверять падишаха, что это так.

— Хорошо, — сказал тогда падишах, — я отдам приказ, чтобы медники города Кашана не работали ночами. Пусть они стучат и звенят только днем!

Сказал это падишах и послал приказ в Кашан. Но в приказе было сказано, чтобы на следующей неделе медники Кашана работали как раз не днем, а ночами.

Медники поступили так, как было сказано.

На следующий день Бу-Али с криками и воплями прибежал к падишаху и начал жаловаться:

— Ты же обещал, что прикажешь медникам Кашана не работать по ночам. Но на этой неделе они опять не дали мне заниматься и читать. Всю ночь я не спал!

Услышал это падишах и остолбенел от удивления. Он наконец убедился, что у Бу-Али и в самом деле необыкновенный слух. Затем он послал новый приказ в Кашан и запретил медникам работать ночами.

Однажды Бу-Али приехал в город Гурган и остановился в караван-сараяе. Он нанял там помещение и начал лечить больных. Мало-помалу его имя стало всем известно, и слава о нем распространилась по всему городу.

В это время племянник падишаха того края тяжело заболел. Сколько ни пичкали его лекари и врачи города разными лекарствами, он не поправлялся, и недуг его все усиливался.

Однажды Кабусу, падишаху той страны, сказали:

— Говорят, в нашем городе недавно появился один врач. Этот врач — сам Мессия: одним дуновением оживляет он людей, в его руках средства от всех болезней. Давайте пригласим его к изголовью больного, пусть он лечит его.

Кабус согласился. Послали за Бу-Али, и он пришел к больному.

Бу-Али начал внимательно следить за течением болезни и понял, что это не простая, а особая болезнь и лечить ее нужно тоже не обычными, а особыми лекарствами. Он приказал привести к нему человека, который знает город как свои пять пальцев и помнит наизусть названия всех улиц, переулков, всех проходов и переходов. Привели такого человека. Бу-Али положил одну руку на лоб больного, а другой рукой нащупал его пульс и приказал человеку перечислять улицы Гургана. Тот стал перечислять, и когда он назвал одну из улиц, пульс больного начал биться быстрее, а лицо его совсем побледнело.

Тогда Бу-Али приказал привести к нему человека, который бы знал все кварталы этой улицы. Привели такого человека. Бу-Али снова положил руку на лоб больного и нащупал его пульс. Человек начал называть

один за другим кварталы той улицы, и когда он дошел до одного из кварталов, пульс больного опять сильнее забился, а лицо его стало желтым как шафран.

Тогда Бу-Али приказал привести еще одного человека, который бы знал на память все дома и дворцы в том квартале. Привели и такого человека, и он начал называть все дома того квартала один за другим со всеми их приметам, и когда дело дошло до одного из домов, пульс больного забился быстрее прежнего и лицо его опять побледнело.

Тут Бу-Али приказал привести к нему одного из обитателей этого дома. Его привели, Бу-Али опять нащупал пульс больного, а тот начал перечислять, кто живет в доме. Когда он произнес имя одной девушки, жившей там, пульс больного запрыгал, сердце бешено забилось, а лицо стало пунцовым. Бу-Али пошел к Кабусу и сказал ему:

— Когда я осмотрел больного, то сразу догадался, что он влюблен и страдает от любовного недуга. Чтобы установить, в какую лунолицую красавицу он влюблен, я проделал все то, о чем тебе, наверно, уже рассказали. Слава Аллаху, мне удалось найти лекарство от его недуга: юноша влюблен в девушку, которая живет на такой-то улице, в таком-то квартале и в таком-то доме, а зовут ее — так-то!

Кабус был поражен мудростью и ученостью Бу-Али. Затем он сказал:

— Та девушка, как и этот юноша, из моего рода — они родственники. Теперь ясно, что мальчик сильно любил ее, но стеснялся сказать о своей любви.

Устроили свадьбу, соединили руки юноши и девушки. Так поправился племянник падишаха Кабуса от своего необычного недуга.

Рассказывают, что в городах и селах, где больных бывало много, Бу-Али поступал так: он не осматривал больных и не проверял их пульс — на это уходило слишком много времени.

Он приказывал, чтобы больные брали веревку, один конец ее привязывали к своим рукам, а другой — отдавали Бу-Али.

По дрожи и теплу, которые передавались по веревке, Бу-Али определял, какая болезнь у больного, и давал нужное снадобье.

Однажды жители одного из городов решили испытать Бу-Али.

Какая-то женщина поймала на улице голодную кошку, спрятала ее под мышкой и пошла к Бу-Али. Там она привязала один конец веревки к лапе кошки, а другой конец отдала Бу-Али и сообщила это людям. Они собрались и начали шептаться между собой:

— Сейчас Бу-Али опозорится, сосуд его славы упадет с крыши в грязь. Тогда все узнают, что его слава и добрая молва о нем как грохот барабана — от пустоты внутри.

Итак, все навострили уши и с нетерпением ждали, чем кончится эта затея.

Как только Бу-Али взял в руки кончик веревки, он внимательно прислушался и сказал:

— Эта больная на прошлой неделе родила пятерых котят, и она, кроме голода, ни от чего другого не страдает. Если можете — дайте ей пять мышей или же пять сиров сырого мяса без костей. Для ее выздоровления нет иного лекарства и снадобья.

Когда сказал это Бу-Али, все бывшие там переглянулись и опять начали шептаться. Но когда они узнали, что кошка действительно окотилась на той неделе и принесла пятерых котят, все остолбенели от удивления, а потом пали ниц перед мудрым врачом.

У одного падишаха был родственник по имени Ала ад-Дин. Этот человек захворал черной болезнью и сошел с ума. Днем и ночью больной мычал — ему казалось, что он превратился в корову, вот он и ревел все время, как корова, и твердил: «Я корова, я корова!»

Сколько ни пичкали его лекари разными снадобьями, никакого толку от этого не было, и больной не поправлялся. Со дня на день несчастному становилось все хуже и хуже. Дошло до того, что сумасшедший перестал есть и пить и только твердил: «Я корова, я корова! Позовите мясника, чтобы он зарезал меня!»

Все его родные совсем потеряли покой и не знали, что делать. Наконец они волей-неволей отправились к падишаху Ала ад-Доуле и попросили его сказать Бу-Али, чтобы тот осмотрел больного и придумал что-нибудь.

Бу-Али согласился и стал расспрашивать родных больного о ходе его болезни. После расспросов он сразу понял, в чем дело, и сказал им:

— Идите скажите больному: «Радуйся, мясник нашелся! Скоро он придет и зарежет тебя!»

На следующий день Бу-Али взял большой нож и отправился к больному.

Когда больной увидел Бу-Али, он радостно закричал:

— О мясник, я — корова, сейчас же зарежь меня и из моего мяса приготовь жаркое для гостей!

— Как раз для этого я и пришел сюда! — ответил Бу-Али.

Затем он приказал слугам перенести сумасшедшего в сад и принести туда веревку и таз. Они так и сделали. В саду Бу-Али уложил больного,

связал его руки и ноги и начал точить нож об оселок. Потом он взял нож, приставил его к горлу больного и сделал вид, что хочет его зарезать. Но тут вдруг Бу-Али будто невзначай пощупал ноги, руки и тело бедняги.

— О, какой же ты худой — твое мясо не годится для жаркого! — сказал Бу-Али больному. — Я не стану тебя резать. Лучше пойду найду корову пожирнее и зарежу ее!

Услышал это сумасшедший и начал хныкать и плакать.

— Зарежь меня, зарежь меня! — умолял он Бу-Али.

— Да ты же не жирный, — отвечал Бу-Али, — если бы ты был жирный, я бы тут же зарезал тебя. Но ты не годишься мне, твое мясо никто есть не станет. Если ты станешь толстым и жирным, я приду и зарежу тебя!

— Хорошо, хорошо, — отвечал больной, — я буду жирным.

— Ты сам этого не сможешь сделать. Это не в твоей власти. Мне придется самому откармливать тебя, а ты должен будешь меня слушаться и есть все, что я тебе дам: любую пищу, любую траву.

— Очень хорошо! — согласился больной.

Бу-Али начал кормить его вкусной и полезной пищей, кроме того, давал ему всякие травы, и не простые, а лекарственные. Так больной начал есть и принимать лекарства и вскоре поправился.

Было так или не было, а жил некогда в одной стране падишах. У него были жена и дочь, которых он очень любил. Но вот однажды жена падишаха заболела и слегла в постель. Падишах пригласил со всех краев врачей и лекарей, чтобы они нашли лекарство от болезни жены. Но что он ни делал — ничего не помогало, и больная не поправлялась.

Сидят как-то падишах с дочерью у изголовья больной, а она им говорит:

— Солнце моей жизни клонится к закату. Если ты захочешь жениться — бери жену чистую и добродетельную, такую, чтоб заботилась о моей дочери.

— Хорошо, хорошо! — успокаивал ее падишах.

Прошло немного времени, и жена падишаха распростилась с жизнью. Долгие годы жил падишах без жены. Однажды девушка сказала ему:

— Батюшка, почему ты не женишься?

— Боюсь, дочь моя, — ответил падишах, — боюсь привести кого-нибудь в наш дом. Вдруг та, которую я выберу, не поладит с тобой, и тогда я согрешу против памяти твоей матери. Если ты очень хочешь, чтобы я женился, пойди и сама высватай мне, кого тебе захочется.

— Прекрасно! — ответила девушка и пошла искать женщину, которая понравилась бы падишаху. После долгих расспросов и поисков нашла она наконец одну женщину и привела ее к отцу. В самом деле, эта женщина была именно такой, какую хотела покойная жена падишаха: она была добродетельна и добронравна, хорошо относилась к девушке.

Так они прожили несколько лет. Вдруг эта женщина тоже заболела: отнялась у нее правая сторона тела. Правая рука и нога высохли и не двигались, на один глаз она ослепла, на одно ухо перестала слышать.

Падишах послал за главным врачом города, чтобы тот пришел и отыскал какое-нибудь средство от этой болезни. Явился главный врач со всеми своими учениками и слугами. Стали они советоваться да готовить разные лекарства и снадобья, но женщина не поправлялась. Сообщили падишаху, что от врача нет никакого проку, а больной не лучше; падишах разгневался и сказал:

— Эти пройдохи дерут с народа шкуру, берут столько денег, да еще нос задирают, а никакого толку и никакой пользы от них нет! Они не могут излечить даже мою жену, у которой больна только одна половина тела. На что же годятся эти лекари-костоправы? Идите скажите им: пусть или за сорок дней вылечат мою жену, или убираются прочь за пределы моего государства.

Услышали это лекари, забеспокоились, завертелись — будто стая блох в штаны к ним залезла. Собрались они и давай совещаться:

— Этот падишах — не из тех, кто бросает слова на ветер. Как сказал — так и сделает, опозорит нас перед честным народом.

Словом, долго они говорили, долго препирались. Каждый предлагал свое и ругал чужое, но так никто и не смог придумать что-нибудь.

Под конец один из них сказал:

— Недалеко отсюда есть один город. Там живет юноша, которого зовут «ученый Бу-Али». Говорят, он прекрасно разбирается во врачевании и, кроме того, знает такие вещи, которые вовсе недоступны нам. Давайте-ка пошлем кого-нибудь к нему с письмом и попросим его приехать. Он обязательно вылечит жену падишаха!

— Очень хорошо! — согласились все лекари.

Они тут же настроили письмо Бу-Али, выбрали несколько человек из своих и отправили их в соседний город.

Получил Бу-Али письмо, собрался в путь и на следующий день прибыл в столицу падишаха.

Лекари привели Бу-Али во дворец падишаха, поцеловали землю перед его троном и сказали:

— Мы пришли лечить жену падишаха мира! Мы надеемся, что, прежде чем исполнится сорок дней, ты увидишь свою жену здоровой и невредимой!

Падишах посмотрел на лекарей и вдруг заметил среди них нового человека — раньше он его ни разу не видел.

— Я впервые вижу этого молодого человека, — обратился падишах к лекарям. — Откуда вы его привели?

— Это ученый Бу-Али из города Бухары, — отвечали лекари. — Средство от болезни твоей жены — в его руках!

— Что ж, — сказал падишах, — тогда все вы убирайтесь и оставьте его одного здесь.

Волей-неволей пришлось им уйти.

А падишах еще раньше слышал о Бу-Али и очень обрадовался, что такой славный мудрец и ученый пожаловал в его дворец. Он тут же приказал отвести ему отдельный дом, велел двум слугам и двум служанкам ухаживать за Бу-Али и исполнять его приказания.

Через два или три дня падишах повел ученого врача на женскую половину. Через занавеску он показал Бу-Али больную жену и рассказал ему о ее болезни и о лекарствах, которыми потчевали ее лекари.

Бу-Али сразу понял, что за недуг у женщины, и сказал падишаху:

— Прикажи растопить баню в женской половине, и пусть тотчас женщину отведут туда, а дальше я скажу, что нужно делать.

Тут же растопили баню и повели туда жену падишаха. А Бу-Али приказал одной из служанок одеться в мужскую одежду и приклеить фальшивые усы и бороду.

— Отправляйся в баню, — сказал ей затем Бу-Али, — и прямо входи к больной!

Служанка так и сделала. Она тихонько вошла в баню к больной. Жена падишаха вдруг увидела, что к ней входит какой-то мужчина. Она, бедная, не поняла, что это переодетая служанка, и решила, что сам Бу-Али затеял всю эту игру, чтобы посмотреть на ее обнаженное тело.

Тут больная женщина уперлась одной рукой в пол и вскочила с места. А служанка схватила ее за руку, и началась борьба — жена падишаха старалась вырваться и убежать, а служанка не выпускала ее и тянула к себе.

Словом, от этих движений и от страха больная сторона у женщины ожила, и она выздоровела.

Оставим их и послушаем, что было с падишахом.

После того как падишах велел жене идти в баню, он вдруг задумался: «Что же я сделал? Велел жене раздеться и сам, по собственной воле, послал ее в баню! А что, если этот врач окажется подлецом и пойдет

подглядывать, смотреть на нее!» Испугавшись этих мыслей, падишах быстро взобрался на крышу бани и через стекла, которые были вделаны в крышу, стал смотреть вниз.

Смотрит он и видит, что жена его вскочила и отбивается от какого-то мужчины. А он не понял, что этот мужчина — переодетая женщина, и подумал, что это сам Бу-Али. Тут он слез с крыши и стал ругать себя: «О Аллах, что же я натворил? Какой срам и позор!»

Но вспомнил, что жена его все же выздоровела, и немного успокоился. Потом опять стала его грызть досада: «Что же это такое, разве можно допускать, чтобы жена поправилась такой ценой? Она больше не жена мне, раз чужой мужчина видел ее обнаженной, тем более — преследовал ее в бане! Нет, она больше не нужна мне! Я должен убить и жену, и этого Бу-Али!»

Подумал это падишах и пошел к себе, в свои покои. Там он снял со стены свой меч и направился в баню. Дошел он до бани, а служанка увидела, что падишах приближается разгневанный, с мечом в руках, сразу сообразила, в чем дело, и тут же сдернула фальшивые усы и бороду, а с головы сняла тюрбан, и ее волосы рассыпались по плечам. Как увидели это падишах и его жена, так и застыли от удивления, слова сказать не могут.

Когда падишах пришел в себя, он быстро пошел сел на трон и приказал привести к нему Бу-Али.

Привели Бу-Али к падишаху, а тот спрашивает:

— О Бу-Али, что же это ты натворил? Зачем затеял такую игру?

— О падишах, — ответил Бу-Али, — от болезни твоей супруги не было иного лекарства! Единственным средством могло быть потрясение, а этого потрясения иначе нельзя было вызвать. Но так как я не хотел, чтобы чужой мужчина видел жену падишаха обнаженной, я приказал вот этой служанке переодеться в мужское платье и пойти в баню к больной, чтобы испугать ее. Вот она и поправилась!

Падишах очень обрадовался и подарил Бу-Али двух слуг и двух служанок, чтобы те обслуживали его. Затем он сказал:

— О Бу-Али, что ты еще хочешь от меня — я отдам тебе все, чего ты только пожелаешь!

— О падишах, — ответил Бу-Али, — я слышал, что у тебя есть большая библиотека, а в библиотеке этой, говорят, много книг о науках «химия», «лимия», «химия», «симия» и «римия». В этих книгах сокрыты глубочайшие тайны. Арабы называют эти науки «куллуху сиррун» — «все тайны», а иранские мудрецы говорят, что с помощью «куллуху

сиррун» можно найти основу всех знаний и наук. Вот я и хочу, чтобы ты разрешил мне пользоваться этими книгами.

Падишах отдал ключ от библиотеки Бу-Али и сказал:

— Иди, читай все книги и записывай то, что тебе нужно!

Бу-Али очень обрадовался, взял ключ и пошел в библиотеку. Он долго рылся среди книг, много читал и записывал. Наконец он нашел и прочел пять книг, по тысяче страниц каждая, о пяти науках: «химия», «ли-мия» и остальных, а потом их переписал и дополнил.

Когда Бу-Али кончил все это, он пришел к трону падишаха и сказал ему:

— О падишах, разреши мне поехать в свой город и повидаться с матерью. Она сейчас ждет меня, на дорогу смотрит.

— Нет, — ответил падишах, — ты должен остаться здесь и постоянно быть рядом со мной!

А дочь падишаха, когда узнала, что Бу-Али хочет уехать к себе на родину, пришла к отцу и сказала:

— Батюшка, если ты и в самом деле хочешь, чтобы Бу-Али не уезжал отсюда и остался жить здесь, ты выдай меня за него замуж!

— Нет, я не сделаю этого! — молвил падишах. — Если я выдам тебя замуж за Бу-Али, вельможи и именитые люди страны застыдят меня, и не будет мне никогда от них покоя.

Слова падишаха дошли до слуха Бу-Али, и он отправил падишаху человека, сказав ему:

— Передай падишаху, что я не хочу жить в стране, где не ценят науки и знаний и глупыми, невежественными вельможами дорожат больше ученых!

Сказал это Бу-Али и ночью тайно покинул город.

Пусть Бу-Али бежит, а мы послушаем, что было с падишахом.

Когда передали эти слова падишаху, он разгневался и приказал:

— Пойдите притащите этого болтуна сюда!

Слуги пошли за Бу-Али, но, как говорят, — караван ушел, и стоянка пуста! Слуги возвратились ни с чем и доложили падишаху:

— Вчера в полночь Бу-Али убежал и отправился в другую страну.

Стал падишах кричать и браниться:

— Почему вы дали ему убежать, что я буду делать без него?

— Мы ведь не знали о том, что вы поссорились, — отвечали слуги, — нам и в голову не приходило, что он собирается бежать. Если бы мы знали, конечно, удержали бы его.

Падишах начал придумывать, как бы поймать Бу-Али и отобрать у него то, что он переписал из книг библиотеки.

— Что же делать, как нам быть? — спросил он у своей дочери.

— Сейчас же пошли людей, и пусть они соберут всех художников. Когда художники соберутся, прикажи им сделать сорок портретов Бу-Али. Потом мы разошлем эти портреты по всем городам вместе с твоим приказом градоправителям, и те развешат эти портреты на городских воротах. Тогда стражники, как только увидят Бу-Али, узнают его, схватят и отдадут правителю города, а потом его, связанного по рукам и ногам, доставят сюда, к нам!

— Молодец, дочка! — сказал падишах. — Хорошо ты это придумала!

И падишах сделал так, как сказала его дочь.

Но друзья вовремя сообщили обо всем Бу-Али, и он миновал все эти города.

Днем и ночью шел он по путям и дорогам и через сорок дней добрался до подножия горы Алванд. Там разбил он шатер и пригласил к себе всех своих друзей и учеников.

Так он спасся от злого и неблагодарного падишаха, ушел из его столицы и добрался до безопасного места, а принес он с собой только те пять книг о пяти науках.

Вот и конец сказки об ученом мудреце Бу-Али. Эта сказка переходила из уст в уста, с языка на язык, так она и попала к нам.

Глупая невестка и свекровь

Жили-были свекровь да невестка. Как-то свекровь говорит невестке:

— Пойди принеси из погреба муку! Надо замесить тесто и испечь хлеб.

Вошла невестка в погреб, задела ногой за горшок и разбила его. А коза, что стояла у двери погреба, как раз заблеяла. Невестка упала перед ней на колени и стала со слезами умолять:

— Ради Аллаха, не говори свекрови, что я разбила горшок!

Видит свекровь, что невестка долго не идет, пошла сама за ней. А у той уж от слез глаза распухли.

— О чем ты плачешь? — спрашивает свекровь.

— Да вот, я разбила горшок, а коза все поняла. Я попросила ее никому не говорить об этом, но она мне ничего не ответила, наверное, хочет рассказать об этом мужу.

Свекрови стало ее жалко, и она стала тоже просить козу никому не говорить о горшке.

А меж тем, пока они занимались козой, в дом забрался вор, утащил все добро, но у самых ворот столкнулся с хозяином. Тот отколотил вора, отобрал свои вещи и принес их домой.

Вышел он во двор — во дворе пусто, а из-за деревьев доносятся рыдания. Подошел он ближе и видит: у матери и у жены глаза заплаканные, а сами они даже охрипли от плача. Испугался он и спрашивает:

— Что случилось? Почему вы плачете?

— Если я скажу тебе, ты не прогонишь жену? — спросила мать.

— Нет.

— Так твоя жена разбила горшок. Сначала об этом узнала коза — упрасивали мы ее, упрасивали не говорить тебе, но не помогло.

— Ладно, сами-то вы сказали, — перебил он их. — Ухожу я от вас, не хочу жить с такими дурами!

И он отправился в другой город. Взял кусок смолы, ходит по улицам и кричит:

— Продаю сахарную смолу!

Видит, открылась какая-то дверь, из нее выглянула женщина и дала ему за смолу ашрафи. Понял он, что женщина глупая, раз вместо шахи уплатила целый ашрафи, и говорит ей:

— Есть у тебя еще ашрафи? Принеси все и забирай всю смолу.

Женщина обрадовалась и принесла не то восемь, не то девять ашрафи и забрала всю смолу. А он подумал: «Она глупее моей жены!»

Оттуда он направился в другой город. А погода стояла жаркая, и захотелось ему пить. Проходил он мимо одного дома и увидел в открытые двери людей, сидящих под навесом.

— Добро пожаловать, — говорят ему.

Он вошел и попросил напиться. Хозяйка велела дочери:

— Возьми кувшин, принеси из родника холодной воды и дай напиться этому юноше.

Та взяла кувшин, пошла к роднику, села под тутовым деревом и стала рассуждать сама с собой: «Этот юноша хочет жениться на мне. Возьмет меня в жены, я забеременею, у меня родится сын. Сын вырастет, а я больше не буду ходить по воду, буду посылать сына. Он придет сюда, увидит тутовое дерево, взберется на него, да вдруг свалится и разобьется. То-то я горевать буду!»

Тут стала она рыдать и рвать на себе волосы.

Прошло два часа, а девушки все нет. Пошли за ней. Приходят и видят, что девушка сидит у ручья и причитает: «О сыночек, сыночек мой!»

Мать, отец и сестры спросили ее:

— Что случилось? Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Сын мой упал с дерева и разбился на смерть!

— Какой сын?

— Да тот самый, которого я рожу от этого мужа.

И она стала рассказывать:

— Он, наверное, пришел сватать меня. Выйду я за него замуж, родится у меня сын. Как вырастет он, pošлю его за водой, влезет он на

дерево за туговыми ягодами, свалится и разобьется. И я останусь без сына!

Сказала она это — и опять в слезы. Тут посланные говорят:

— В самом деле правда. — И сами стали плакать и причитать.

Тут гость сказал:

— Вот дураки-то! Пойду-ка я к своим — они умнее других.

Надел он свои башмаки и вернулся домой.

Сказки о животных

Лиса и петух

Было ли так или не было, а жил-был старый петух. Не раз попадал он в лапы лисы, но всегда ему удавалось как-нибудь схитрить, и он уходил от нее живым. И вот клевал он как-то за селом зернышки и вдруг видит — крадется к нему лиса!

До села далеко, не добежишь. Только и успел петух взлететь на стоявший рядом старый вяз. Лиса подошла к дереву и говорит:

— Эй, петух! Почему ты, как увидел меня, взлетел на дерево?

А петух ей отвечает:

— А ты что, хотела бы, чтобы я подбежал и обнял тебя?

— Конечно! Разве ты ничего не знаешь? Падишах разослал по всем улицам и базарам глашатаев и велел им кричать: «Во всем моем государстве ни одна живая душа, ни один зверь не смеет обижать слабого. Да будут впредь волки и овцы пить воду из одного родника, а соколы и голуби жить в одном гнезде». И ты теперь должен спуститься ко мне, мы вместе пойдем гулять.

— Гулять хорошо компанией, а не вдвоем, — ответил петух. — Подожди немножко, пусть подбегут те звери, что несутся сюда, словно вихрь. Тогда все вместе и погуляем.

Лиса тут спрашивает:

— Что это за звери? Какие звери?

— Похожи на волков, только уши и хвосты длинней.

— Может быть, это овчарки?

— Наверно, они!

Решила лиса, что это овчарки, и пустилась наутек. А петух ей вдогонку кричит:

— Почему же ты удираешь?

— Потому что я не люблю иметь дело с овчарками.

— А разве ты не говорила, что падишах повелел всем зверям не обижать слабых?

— Так ведь овчарки были в степи и не слышали шахского указа. Они могут разорвать меня на куски.

Сказала лиса это и скрылась.

Подружился аист с лисой. И вот однажды лиса говорит:

— Аист-душенька, приходи ко мне в гости!

Аист согласился. В полдень он пришел к лисе, сел за стол и стал дожидаться обеда. Принесла лиса большую тарелку с пловом. Аист едва несколько раз клюнул, а лиса уж вылизала весь плов. Пришлось аисту голодному, несолоно хлебавши, вернуться к себе. Он решил: «Подождика, лиса, уж я тебе отомщу!»

На следующей неделе аист и говорит лисе:

— Лисичка, сегодня ты моя гостья.

И вот в полдень лиса пришла к аисту. Пошел аист и принес кувшин, а в нем разварившиеся зерна пшеницы.

— Во имя Аллаха, приступай, — предложил аист.

Как ни старалась лиса — ничего у нее не вышло.

А аист просунул в кувшин клюв и склевал всю кашу до последнего зернышка. Лиса обиделась и стала жаловаться:

— С гостем так не поступают!

— Ты же первая начала, — возразил аист. — Ты больше виновата.

Потом они решили:

— Хорошо, забудем старое. Пойдем погуляем немножко.

— Но я ведь не могу летать, — говорит лиса. — Посади меня на спину.

Она хотела перехитрить аиста, но он догадался, посадил лису к себе на спину и взлетел. Он так высоко поднялся, что земля скрылась из глаз. Лиса испугалась и спрашивает:

— Аист, что ты делаешь?

— Кружу по свету, — отвечал аист.

Поднялся он еще выше и сбросил лису. У нее закружилась голова, в глазах потемнело. Летит лиса вниз и молит Бога: «О Аллах! Помогни мне упасть куда помягче!»

А в это время на крыше мечети молился мулла, его шуба, чалма и башмаки лежали рядом. Лиса угодила прямо в шубу муллы. Увидел мулла это и испугался — думал, что джинн с неба свалился, — и пустился наутек.

А лиса надела шубу, чалму и башмаки муллы, и стали ее звать лиса-шейх*. Аист же, сбросив лису на землю, полетел в сторону Мекки, чтобы стать хаджи-аистом.

* Шейх — почтенный, уважаемый старец; употребляется также как почтительное обращение, в особенности к духовным лицам.

Глупый медведь

Увидел как-то медведь во сне, что удалось ему раздобыть три жирных куска. Проснулся он утром и отправился на поиски этих кусков — вдруг сон сбудется! Вдруг заметил медведь вдали козленка, направился к нему, а козленок видит, что не убежать ему, не растерялся, подошел к медведю и низко ему поклонился.

— Да знаешь ли ты меня? — спросил его медведь.

— Конечно, — ответил козленок. — Все знают ходжа-кедхуду.

А я тем более, ведь я был придворным певцом твоего отца.

— Так спой же и для меня, — попросил медведь.

Козленок начал громко блеять, и пастух услышал. Прибежал он с овчарками, отдубасил медведя дубиной, да еще собаки покусали его — еле-еле он убежал.

Пошел медведь дальше, а навстречу ему два барана. «Съем-ка я их», — подумал медведь.

Позвал он баранов, видят те, что бежать невозможно, сговорились и подошли к медведю.

— Мы очень рады, — говорят они, — что станем едой ходжа-кедхуды.

И давай бараны спорить, кого раньше медведю есть. Наконец один предложил:

— С разрешения ходжа-кедхуды мы сразимся на рогах. А победителя пусть он съест первым.

Выбрали они в судьи медведя, отступили на пятьдесят шагов, да как ударят с размаху медведя рогами под бока! Бедняга упал замертво, а когда пришел в себя, то баранов и след простыл.

Часа два медведь отлеживался под деревом, потом встал и пустился в путь. А навстречу ему верблюд. Медведь подумал: это лучше всего: и жирнее, и мяса больше.

Закричал он во весь голос:

— Эй, верблюд! Остановись, я видел во сне, что должен съесть тебя.

— Салам алейкум, ходжа-кедхуда, — ответил верблюд.

— А ты откуда меня знаешь? — спросил медведь.

— Кто же тебя не знает, — отвечал верблюд. — А я в особенности, я ведь гонец твоего отца. Я вот и сейчас несу тебе послание от отца.

— Где же оно?

— Написано у меня на копыте, — ответил верблюд.

Медведь присел, чтобы прочитать послание, а верблюд так лягнул его в грудь, что он отлетел на десять шагов и лишился сознания. Только перед заходом солнца медведь пришел в себя и понял, как нужно было толковать свой сон.

Шангул и Мангул

Было ли это так или не было, а кроме бога, никого не было. Жила-была коза, и было у нее трое козлят: одного козленка звали Шангул, другого — Мангул, третьего — Виноградинка.

И вот однажды коза сказала козлятам:

— Я пойду за пищей для вас, а вы тут не вздумайте баловаться! Если придет волк и постучится — дверей не открывайте. Посмотрите под дверь: если черные ноги увидите, значит, это волк! А если ноги будут красные — знайте, это ваша мать.

А волк подслушал эти слова, и, как только ушла коза, он окрасил лапы хной и постучался в дверь. Козлята спросили:

— Кто тут?

— Откройте дверь, — отвечал волк. — Я принесла вам еду.

— Покажи ногу, — закричали козлята.

Волк просунул в щель лапу, видят козлята: красная нога — и открыли дверь. Волк бросился на них и схватил Шангула и Мангула, а Виноградинка все-таки убежала.

Вернулась коза и видит, что дверь распахнута, а дома ни души. Стала она звать козлят, Виноградинка услышала и прибежала на зов матери. Она рассказала козе, как волк утащил ее братьев.

Заплакала коза, а потом говорит:

— Уж я проучу волка!

Поднялась она на крышу волчьего дома и заглянула внутрь. А волк стряпал обед. Давай коза по крыше прыгать, в котел землю сыпать. Волк зарычал:

— Кто это там топчется и портит мою еду?

А коза отвечает:

Коза я, колокольцами бренчу,
Копытами по крыше я стучу.
На землю ставши крепкими ногами,
Врага сражу я острыми рогами.
Эй, кто унес Шангула моего?
Эй, кто унес Мангула моего?
Пусть в бой идет — и я убью его.

Волк говорит:

Что ж, я унес Шангула твоего,
Что ж, я унес Мангула твоего.
Сразимся — не боюсь я никого.

Коза пошла, отыскала бурдюк, набила его маслом, брынзой, творогом, отнесла к точильщику и просит:

— Дяденька, возьми вот это, наточи мои рога!

А волк тоже взял бурдюк, надул его, пошел к цирюльнику и сказал:

— Дяденька, возьми это и наточи мои клыки!

Цирюльник развязал бурдюк, и из него вышел только воздух. Но он и глазом не моргнул, а только сказал про себя: «Я с тобой такую шутку сыграю, что в сказках будут рассказывать!»

Взял он клещи, выдернул у волка все клыки и вставил вместо них деревянные.

Пришла коза к волку, и вышли они на бой. Они подошли к ручью, а коза и говорит:

— Давай сначала напьемся воды!

Опустила она морду в воду, но пить не стала.

А волк напился до отвала, живот его вздулся, и стало ему невмоготу.

Тогда коза сказала:

— Я готова к бою!

Отошла она немного назад, потом подскочила и ударила рогами волка в брюхо. Волк хотел было вцепиться клыками ей в загривок, но его деревянные клыки разом выпали.

А коза проткнула волку живот и убила его.

Потом она вывела из логова волка Шангула и Мангула и повела их домой, где ждала Виноградинка.

Пошли мы вверх — была там простокваша,
А вниз пошли — была там пахты чаша,
Неправдой обернулась сказка наша.
Пошли мы вверх — была там пахты чаша,
Пошли мы вниз — была там простокваша,
И правдой обернулась сказка наша.

Было так или не было, а жил-был в лесу удод. Свил он себе на дереве гнездо. И захотелось как-то ему посмотреть, каков из себя город.

Прилетел он в город, сел на высокую стену и стал щебетать. А дети услышали голос удода и решили расставить силок и поймать его.

Занялись дети силком, а удод знай себе посмеивается. Как раз в это время проходил мимо один мудрец. Спрашивает он удода:

— Над чем ты смеешься?

— Над глупостью этих детей, — отвечает удод. — Они расставляют силок для меня, а ведь я во время полета вижу воду под землей. Будто я не увижу их силка!

— Не радуйся раньше времени, — промолвил мудрец, — и не смейся попусту. Не то угодишь еще в силок.

Ну а дети? Дети расставили силок, и один из них заметил:

— Силок без приманки не годится. Какая птица сядет в силок без приманки?

И они стали разыскивать приманку. Нашли кузнечика и червячка, положили в силок и отошли. Удод слетел со стены, захотелось ему полакомиться кузнечиком и червячком. А о сетях он уже забыл. Тут-то он и угодил в силок. Прибежали дети, схватили удода, привязали к его ноге бечевку, стали ее дергать и тянуть.

Между тем возвращался тот же мудрец. Видит он: дети поймали удода и привязали бечевкой за ногу.

Подошел он и говорит:

— Эх, удод! Разве не ты смеялся над глупостью детей? Ты же говорил: «Я вижу воду под землей! Мне ли не увидеть их силка?»»

Удод ему ответил:

— Все это так. Но демон алчности своей пятерней ослепил, одурачил меня и лишил языка. Двумя пальцами он закрыл мне глаза, и я перестал видеть силок. Двумя другими заткнул уши, и я не слышал советов мудреца. А одним пальцем закрыл рот, чтобы я не спрашивал, как быть. Умоляю тебя, о мудрец, освободи меня!

Мудрец подозвал к себе детей:

— Обижать безобидную птицу — дело Ахримана*. Лучше отпустите ее на свободу.

Дети выпустили удода, и он полетел в лес. Он и до сих пор там летает.

* Ахриман — дьявол, сатана.

Тетушка Сверчок

Тетушка Сверчок однажды утром проснулась и решила сходить в гости к друзьям и знакомым, посмотреть, как они поживают. Сшила себе платье из луковой шелухи и надела. Потом еще сшила чадру из кожуры бакалжана и накинула на голову. Из фисташковых скорлупок сделала пару туфель, сунула в них ноги и вышла из дому. Шла, шла, зашла в лавку бакалейщика. Бакалейщик видит: пришла тетушка Сверчок, разряженная в пух и прах. Спросил ее:

— Тетушка Сверчок, куда это ты собралась?

Раскричалась она:

— «Тетушка Сверчок»! Да как ты смеешь так меня называть? Да чтоб ты лопнул! Я же прекрасней розы, я мир собой украшаю! А ты говоришь: «тетушка Сверчок»!

Бакалейщик удивился:

— Как же еще тебя называть?

Она ему в ответ:

— Ты скажи: красавица в шелках, чадра расшитая, шаровары красные, здравствуй!

Бакалейщик сказал:

— Красавица в шелках, чадра расшитая, шаровары красные, здравствуй! Куда это ты собралась?

Она отвечает:

— Иду, чтоб в городе Хамадане выйти замуж за Рамазана, курить хрустальный кальян и бабушкиных попреков не слышать.

Бакалейщик говорит:

— Выходи за меня замуж!

Она спрашивает:

— Если я стану твоей женой, мы ведь рано или поздно поссоримся. Чем ты меня тогда станешь бить?

Отвечает:

— Гирей с больших весов.

Она испугалась:

— Нет, не дай бог, не пойду за тебя замуж!

От бакалейщика пошла к мяснику.

Мясник сказал:

— Тетушка Сверчок, куда это ты собралась?

Она раскричалась:

— «Тетушка Сверчок»! Как ты смеешь так меня называть? Да чтоб ты лопнул! Я же прекрасней розы, я мир собой украшаю!

Он удивился:

— Как же мне тебя называть?

А она ему в ответ:

— Ты скажи: красавица в шелках, чадра расшитая, шаровары красные, здравствуй!

Мясник повторил:

— Чадра расшитая, шаровары красные, здравствуй! Куда идешь?

Она отвечает:

— Иду, чтоб в городе Хамадане выйти замуж за Рамазана, курить хрустальный кальян и батюшкиных попреков не слышать.

Мясник говорит:

— Пойдешь за меня замуж?

Она спрашивает:

— Вот мы поженимся, потом поссоримся, чем ты меня тогда бить будешь?

Отвечает:

— Своим большим топором.

Она испугалась:

— Не дай мне бог такую муку! Ни за что не выйду за тебя!

Ушла от мясника. Случайно господин Мышь слышал ее разговоры с бакалейщиком и мясником. Побежал за ней, быстро нагнал и говорит:

— Красавица в шелках, шаровары красные, чадра расшитая, здравствуй! Куда идешь?

Тетушка Сверчок ему отвечает:

— Благородный человек, шаровары расшитые! Иду, чтоб в городе Хамадане выйти замуж за Рамазана, курить хрустальный кальян и попреков батюшки не слышать.

Господин Мышь говорит:

— Выходи за меня замуж!

Она спрашивает:

— Если выйду, когда поссоримся, что будешь делать?

Тот отвечает:

— Окуну свой нежный, тоненький хвостик в баночку с сурьмой и помажу им тебе реснички и бровки.

Тетушка Сверчок согласилась:

— Пойду за тебя замуж! Почему не пойти?

Назначили день свадьбы, пригласили всех сверчков и мышей. Пришел мулла, прочитал молитву. Потом сваты вложили руку тетушки Сверчка в руку господина Мыши. Они устроили себе дом и стали жить вместе. Однажды тетушка Сверчок собрала свое бельишко и бельишко мужа и понесла стирать. Нашла лужицу величиной со след верблюда, подошла к ее краю и собиралась начать стирку, но вдруг поскользнулась и упала в воду. А господин Мышь в это время как раз пошел во дворец шаха воровать зерно. Когда тетушка Сверчок упала в воду, она испугалась и стала барахтаться. Мимо лужи проезжал всадник. Она ему закричала:

— Эй, всадник! Поезжай во дворец шаха и скажи господину Мыши: «Твоя милочка-голубушка в воду упала!»

Всадник был как раз шахским слугой, поскакал в шахский дворец, стал рассказывать, что случилось. Шах и везир расхохотались, а господин Мышь случайно оказался рядом — сидел неподалеку в шкафу и все слышал. Побежал к тетушке Сверчку, стал кричать:

— Горе мое, горе, жена моя милая, протяни мне рученьку, я тебя вытащу!

Отвечает:

— Нет, ручка у меня тоненькая, еще оборвется!

Он говорит:

— Тогда ноженьку протяни!

Она отвечает:

— Ножки мои еще тоньше ручек, обязательно оборвутся!

Он спрашивает:

— Что же делать?

Она говорит:

— Пойди принеси золотую лестницу, я по ней отсюда вылезу.

Господин Мышь побежал в лавку зеленщика, стянул там морковку, выгрыз из нее лесенку, принес, и тетушка Сверчок вылезла по ней из лужи. Вылезла она, бедняжка, из воды и тотчас же слегла в постель — очень уж простудилась. Господину Мыши пришлось варить ей суп. Он поставил котел, развел под ним огонь, хотел помешать в котле суп — да и свалился туда. Прошло немного времени, и тетушке Сверчку захотелось есть. Видит: муж что-то долго не возвращается из кухни. С трудом встала и, хромя, пошла к котлу. Хотела помешать в нем ложкой и, не дай вам бог такое видеть, увидела господина Мышь, который свалился в котел и уж совсем сварился. Тетушка Сверчок тут же упала без чувств и вскоре умерла от горя.

Блоха упала в танур, а муравью — горе

Жила-была блоха, и подружилась она с муравьем. Однажды они решили печь вместе лепешки. Муравей должен был тесто месить, а блоха — лепешки на стенки танура прилеплять. Муравей просеял муку, замесил тесто, раскатал лепешки, положил их на деревянный поднос и поставил около танура, чтобы блоха могла их взять и посадить в танур. Стала блоха прилеплять первую лепешку, упала в танур и сгорела. Муравей увидел, что его подруга сгорела в тануре, разорвал на себе одежды, выбежал из дому и стал в горе посыпать прахом голову.

А на дереве сидел голубь. Голубь, как увидел, что муравей в таком горе, говорит:

— Муравей-муравей, в чем твое горе?

Муравей отвечает:

— Блоха упала в танур, а муравью — горе!

Тут у голубя посыпались перья из хвоста, а дерево, на котором он сидел, сказало:

— Голубь-голубь, почему у тебя перья сыплются?

Голубь отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, а у голубя перья сыплются.

Тут с дерева опали листья.

Река протекала у подножия дерева, видит, с него листья падают, говорит:

— Дерево-дерево, почему с тебя листья падают?

Дерево отвечает:

— Блоха попала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, а с дерева листья падают.

Вода в реке тут замутилась и потекла к пшеничному полю.

Пшеница спрашивает:

— Вода-вода, почему ты мутная?

Вода отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, а вода замутилась.

У пшеницы тут же поникли колосья. Крестьянин пришел, видит, у пшеницы поникли колосья. Спрашивает:

— Пшеница-пшеница, почему у тебя колосья поникли?

Пшеница отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, а у пшеницы колосья поникли.

Крестьянин вскинул на плечо заступ и пошел домой. Дочка его спрашивает:

— Отец-отец, почему ты несешь заступ на плече?

Крестьянин отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, у пшеницы колосья поникли, а твой отец вскинул на плечо заступ.

А у дочки в руках была чашка с простоквашей. Она помазала себе лицо простоквашей и пошла к матери. Мать сидела около танура и спросила ее:

— Дочка-дочка, почему у тебя лицо в простокваше?

Дочка отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, у пшеницы колосья поникли, отец вскинул заступ на плечо, а я помазала лицо простоквашей.

Мать тут же прислонилась к тануру и обожглась. Сын пришел из школы и спрашивает ее:

— Мама-мама, почему ты обожглась?

Мать отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, у пшеницы колосья поникли, отец вскинул заступ на плечо, дочка вымазала лицо простоквашей, а мать обожглась.

Сынок выколол себе каламом глаз и пошел обратно в школу.

Учитель его спрашивает:

— Мальчик-мальчик, почему ты одноглазый?

Мальчик отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, у пшеницы колосья поникли, отец вскинул заступ на плечо, сестричка вымазала лицо простоквашей, мать обожглась, а сынок выколол один глаз.

Учитель тут оторвал себе один ус и вышел на улицу. Осел его увидел и спрашивает:

— Учитель-учитель, почему у тебя один ус?

Учитель отвечает:

— Блоха упала в танур, муравью — горе, у голубя перья из хвоста сыплются, с дерева листья падают, вода замутилась, у пшеницы колосья поникли, отец вскинул заступ на плечо, дочка вымазала лицо простоквашей, мать обожглась, сынок выколол глаз, а учитель оторвал ус.

Учитель сказал все это и ждал, что осел тоже что-нибудь с собой сделает. Но осел расхохотался, посмеялся над их глупостью, стал плясать и петь:

— Я пляшу, я пляшу, я над вами смеюсь!

Подтолкни меня, я и покачусь

У одной старухи были три дочки. Все они уже повыходили замуж и жили своими домами. Однажды старуха подумала: «Схожу-ка я проведаю одну из моих дочерей. Сейчас как раз месяц рамазан, и недурно бы мне там разговеться*. Поем как следует, потом на рассвете еще закушу и вернусь домой».

Долго гадала, куда ей пойти: к той ли дочери или к этой. Думала-думала и наконец решила пойти к старшей дочери: она ведь самая почтительная.

Наступил вечер, подошло время разговения. Старуха встала и пошла. А была она такая вредная, что второй и не сыскать.

Путь ее проходил через дикую пустыню, и она не знала, что там живут волк, собака, шакал и другие животные. Шла она, шла и пришла в пустынную местность. Видит: волк сидит. Завидел он старуху, подбежал к ней, а старуха перепугалась, задрожала от страха и давай ему кланяться. Волк спросил:

— Эй, тетка, куда идешь?

Старуха ответила:

— Да вот хочу проведать дочку, поесть у нее плова и всякой всячины и вам немного плова принести.

Волк, как услышал про плов, говорит:

— Я здесь посижу, тебя подожду, а ты мне принесешь.

* Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря. В этом месяце мусульмане должны поститься (не есть и не пить) на протяжении всего дня до захода солнца.

Старуха пошла дальше и про себя бормочет: «Хорошо, что он меня не съел!»

Но тут ей встретилась собака. Собака крикнула:

— Стой!

Старуха с ней поздоровалась. Тогда собака говорит:

— Эй, старуха! Куда это ты собралась?

Та отвечает:

— Иду проведать дочку, поесть у нее плова и всякой всячины. Вам тоже хочу плова принести.

Собака, как и волк, только услышала про плов, говорит:

— Я подожду здесь, а ты принеси.

Старуха прошла еще несколько шагов и видит шакала. Сказала тут старуха:

— Господи помилуй! От тех двух спаслась, а теперь-то что же мне делать, чтобы шакал меня не тронул?

Только она это вымолвила, а шакал уже подходит и начинает ее расспрашивать. На этот раз старуха опять благополучно вывернулась и пошла дальше. Шла-шла, пока не пришла к дочери. Постучала в дверь, дочь спрашивает:

— Кто там?

Старуха говорит:

— Открой! Это я, твоя мать.

Открыли дверь, она вошла и уселась. Собрались они разговляться и — жаль, вас там не было! — принесли тушеные баклажаны с острым соусом, шашлык, плов, разные приправы. Посидели, все съели и пошли спать. На рассвете старуха хотела уже встать и идти домой, вдруг видит: у самой двери стоит шакал. Подумала: «Что же мне делать, плов-то весь съели, нет его больше! Сейчас эти звери меня сожрут!»

Оглянулась тут старуха и увидела огромную пустую тыкву. Почистила немного тыкву внутри, залезла в нее, перевалилась вместе с тыквой набок и заткнула в ней все отверстия. Потом говорит дочери:

— Подтолкни меня, я и покачусь домой.

Дочка толкнула тыкву, и старуха покатилась. Катилась тыква, пока не докатилась до шакала. Шакал закричал:

— Эй, катящаяся тыква, ты нигде не видела старухи?

А старуха из тыквы отвечает:

— Не видела я старухи. Подтолкни меня, я и покачусь дальше.

Шакал ее толкнул, и она покати́лась. Докати́лась до собаки. Собака спрашивает:

— Эй, катящаяся тыква, не видела ты старухи?

Старуха из тыквы говорит:

— Нет, не видела я старухи. Подтолкни меня, я и покачусь дальше.

Собака ее толкнула, и она покати́лась. Докати́лась она и до волка.

Волк спрашивает:

— Эй, катящаяся тыква, не видела ты старухи?

Из тыквы отвечают:

— Нет, не видела.

Но волк был хитрый, узнал старухин голос. Бросился, проломил верхушку тыквы, хотел съесть старуху. А та проломила доньшко, выскочила наружу и бросилась домой. Когда волк долез до середины тыквы, увидел: ничего у него не вышло, старуха ему не досталась, и плова он не поел.

Старушка

Было так или не было, а жила-была старушка. Дом у нее был величиной с сито, комната — с тарелку и куст джидды* — с метелку. Были у нее циновка и постель, так что дом ее не был пуст.

Поужинала как-то старушка, смотрит, подул такой сильный ветер, что у нее мурашки по спине забегали. Она постелила себе постель и легла. Не успела она глаз сомкнуть, как кто-то постучался в дверь. Старушка пошла, открыла дверь и увидела воробья. Говорит он:

— Старушка! Ночь такая холодная, дует ветер, а мне негде переночевать. Пусти меня на ночь к себе в дом! Утром, как только выглянет солнце, я улечу!

Жаль стало старушке воробья.

— Очень хорошо, — ответила она, — садись на куст джидды во дворе да и спи себе.

Уложила она воробья и легла сама. Но не успела она и глаз сомкнуть, как снова кто-то постучался. Пошла она к двери, открыла, видит, стоит осел.

— Ночь такая холодная, — начал осел, — дует ветер, а мне негде и поспать спокойно. Позволь мне остаться здесь на ночь! А утром, до призыва к молитве, я покину твой дом.

Жаль стало старушке осла, и она ответила:

— Очень хорошо, иди в дом и устраивайся где-нибудь в уголке.

Устроила она осла и легла в постель. Но тут опять постучались. Она снова открыла дверь и увидела курицу.

* Джидда — кустарник со съедобными ягодами.

— Старушка, — заговорила та, — дует ветер, ночь холодная, а мне некуда деваться. Пусти меня к себе переночевать! Утром, как только запоют петухи, я уйду.

— Очень хорошо, — ответила старуха, — пристройся где-нибудь во дворе.

Устроила она курицу и снова легла, но опять раздался стук в дверь. Встала она, открыла и увидела ворону.

— Старушка, — говорит ворона, — ночь холодна, а у меня нет подходящего места для ночлега. Пусти меня в свой дом! Рано поутру, как только птицы выглянут из гнезд, я улечу восвояси.

— Очень хорошо, — ответила старушка и посадила ворону на холку ослу. Но тут опять постучались. Она взяла свечу, открыла дверь и увидела собаку.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Ночь холодная, — ответила собака, — а у меня нет ни конуры, ни норы, где переночевать. Пусти меня поспать здесь! Я встану, как только затрубят в банях*, и уйду.

Жаль стало старушке собаку, уложила она ее рядом с ослом.

Проснулась утром старушка и слышит, звери подняли страшный шум. Подошла она к воробью и сказала:

— Ну, вставай, уходи восвояси, уже утро!

А воробей ей в ответ:

— Я буду чирикать тебе, нести маленькие яйца. Ну как, надо мне уходить?

— Ладно уж, оставайся, — согласилась старушка. И подошла к ослу.

— Пошевеливайся, вставай, уходи, уже утро! — закричала она.

— Я могу реветь в твою честь, приносить тебе свежий помет, зачем же мне уходить? — спросил осел.

— Ну ладно, и ты оставайся, — промолвила старушка и подошла к курице.

— Ну, вставай, пора уходить, уже утро! — закричала она.

— Ведь я буду кудахтать ради тебя, нести тебе крупные яйца. Мне ли уходить?

— Ну и ты оставайся, — сказала старушка.

Потом она подошла к вороне и сказала:

— Поднимайся, уходи!

* В Иране бани открывали на рассвете и при этом трубили в рог.

— Я же каркаю в твою честь, бужу ради тебя людей. Зачем мне уходить?

— Ладно, и ты оставайся, — был ответ.

И наконец старушка подошла к собаке.

— Поднимайся и уходи! — закричала она. — Уже светло.

— Я ведь буду лаять для тебя, — отвечала собака, — хватать воров буду. Мне ли уходить?

— Можешь и ты остаться, — отвечала старушка.

Так и остались все, стали помогать ей по хозяйству.

Сказка наша кончилась, а ворона до гнезда не долетела.

Было так или не было, а жил-был на свете воробей. Как-то зимой, в большой мороз, вылетел воробей из своего гнездышка, ищет, чего бы поесть. Смотрит, земля и небо совсем побелели от снега, а вода вся в лед превратилась. Видит воробей, некуда деваться, поневоле сел на какую-то льдинку и начал по сторонам оглядываться, не попадет ли на глаза какое-нибудь зернышко. А его лапки и крылышки ото льда окоченели, застыл он совсем. Обратился он ко льду и спрашивает:

— О лед, откуда у тебя столько силы?

— Разве это сила! — ответил лед. — Если бы у меня была сила, не превратило бы меня солнце в воду!

Воробушек подлетел к солнцу, обратился к нему и спрашивает:

— Солнышко, откуда у тебя столько силы?

— Разве это сила! — ответило солнце. — Если бы у меня была сила, не загоразживали бы меня тучи!

Воробей отправился на поиски туч, нашел и спрашивает:

— О туча, откуда у тебя столько силы?

— Какая у меня сила! — ответила туча. — Если бы у меня была сила, не рассеял бы меня ветер!

Воробей пришел к ветру и спросил:

— О ветер, откуда у тебя столько силы?

— Эх, если бы у меня была сила, — ответил ветер, — то не останавливали бы меня горы!

От ветра воробей полетел к горе и спросил:

— О гора, почему у тебя столько силы?

— Если бы у меня была сила, — ответила гора, — не росли бы на моей голове травы!

Воробей отправился к траве:

— О трава, почему у тебя столько силы?

— Если бы у меня была сила, не срывал бы меня козел! — ответила трава.

Воробей нашел козла и спросил:

— О козел, почему у тебя столько силы?

Козел ответил:

— Если бы у меня была сила, не мог бы меня зарезать мясник!

Воробей полетел к мяснику и спросил:

— О мясник, почему у тебя столько силы?

— Была бы у меня сила, — ответил мясник, — не брал бы с меня падишах податей.

Воробей забрался к падишаху и спросил:

— О падишах, почему у тебя столько силы?

Падишах ответил:

— Если бы у меня была сила, в доме моем не сделали бы себе норы мыши.

Воробей отыскал мышью и спросил:

— О мышшь, откуда у тебя столько силы?

— Ох, если бы у меня была сила, — ответила мышшь, — не съела бы меня кошка.

Воробей пошел к кошке и спросил:

— О кошка, почему у тебя столько силы?

Кошка ответила:

— Есть у меня силушка, есть у меня силушка для детишек. В год я рожая семь детей. Один — «Покой моей души», другой — «Стройный кипарис», третий — «Пугало голубей», четвертый — «Без тебя не могу жить»... Теперь я хочу найти каждому из них хорошую женушку, она сошьет кожаный мешочек, поставит в уголок дома, наполнит зернами, жареной пшеницей для своего друга-возлюбленного.

Как мышке хвост пришили

Было так или не было, а жила-была одна старуха. Жила она в своем домишке не то чтобы в достатке, а так, только что с голоду не помирала, у соседок не побиралась. Как-то раз сидела она дома. В это время из своей норы вылезла мышь и побежала к водоему воды попить. Напилась она воды, побежала назад, да зацепилась хвостом за метелку, которая стояла у водоема. Растерялась мышка, начала взад-вперед метаться, а хвост-то у нее и оторвался. Мышь подобрала свой хвостик, пришла к старухе и говорит ей:

— Госпожа, голубушка, пришей мне хвостик!

— Что ты, — отвечает старуха, — у меня ни иголки нет, ни нитки, да и не мое это дело. Забирай свой хвост да ступай-ка лучше к скорняку, пусть он пришьет его тебе.

Мышь забрала свой хвост и пошла к скорняку.

— О скорняк, — сказала она, — пришей мне хвост.

Скорняк ответил:

— У меня нет нитки, иди-ка к прядильщику, возьми у него нитку, принеси ее мне, и я пришью тебе хвост!

Мышка отправилась к прядильщику и говорит ему:

— О прядильщик, дай мне нитку — нитка для скорняка, чтобы он стежок за стежком пришил мне хвост!

Прядильщик говорит:

— Ступай-ка ты к попугаю, возьми у него яйцо, принеси мне, чтобы я его съел, набрался сил, — тогда я ссучу из хлопка нитку и отдам ее тебе!

Мышь отправилась к попугаю и сказала:

— Попугай, дай-ка мне яйцо для прядильщика. Прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, чтобы скорняк пришел мне хвост!

Птица отвечает:

— Иди-ка ты к хлеборобу, возьми у него для меня проса, съем я просо, снесу яйцо и отдам его тебе!

Мышка отправилась к хлеборобу и говорит ему:

— Хлебороб, дай-ка мне проса — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, чтобы скорняк пришел мне хвост!

Хлебороб ответил:

— Иди возьми у цыгана решето, принеси и отдай мне, я просею обмолоченное зерно и отдам тебе твое просо!

Мышь прибежала к цыгану и сказала:

— Цыган, дай мне решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Цыган отвечает:

— Ты должна принести мне жилы, чтобы я изготовил тебе решето. Иди-ка ты к козлу, попроси у него жилы, принеси мне, и тогда я изготовлю решето и отдам тебе!

Мышка отправилась к козлу и сказала:

— Козел, дай мне жилу — жила для цыгана, цыган отдаст мне решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Козел сказал:

— Иди возьми у земли травы и принеси мне, я съем траву, отдам тебе жилу!

Мышь пошла к земле и сказала:

— Земля, а земля, дай мне травки — травка для козла, козел отдаст мне жилу — жила для цыгана, цыган отдаст решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Земля сказала:

— Иди возьми у кяриза* воды, принеси ее мне, и тогда я зазеленею и отдам тебе траву!

Пришла мышь к кяризу и сказала:

— Кяриз, дай мне воду — вода для земли, земля отдаст траву — трава для козла, козел отдаст жилу — жила для цыгана, цыган отдаст решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Сжалился кяриз над несчастьем мышонка с оторванным хвостом и полил землю водой. Земля дала траву, козел съел траву и отдал кишку для жил, а из жил цыган изготовил решето, хлебороб просеял через решето просо, а птица съела это просо и снесла яйцо, прядильщик съел яйцо и ссучил нитку, а скорняк пришил той ниткой мышке хвост.

Тут мышка обрадовалась, стала приплясывать да песенки распевать, а потом убежала в свою нору.

* Кяриз — подземный оросительный канал.

Было так или не было — жил-был один дровосек, и был у него осел. Ежедневно гонял дровосек осла в пустыню, нагружал его хворостом и колючками — словом, целый день заставлял его трудиться, а вечером бросал ему охапку грубой соломы. Измучился осел от такой жизни, и стал он думать о том, как бы вырваться из рук дровосека. Ума у него хватило только на то, чтобы не есть и притвориться больным.

Однажды вечером воротился осел из степи усталый и измученный, не стал есть соломы и упал на землю. Утром дровосек пришел за ослом, увидел его в таком состоянии и опечалился. «Эх, заболел мой осел, — горевал дровосек, — дела мои теперь совсем встанут».

Тут он еще раз взглянул на осла, видит, тот совсем на земле распластался. «Непохоже, чтобы осел скоро поправился, — сказал дровосек себе, — а держать больного осла мне не по средствам, да он уж, видно, свое отслужил, сил у него больше не осталось. Лучше подниму я его пинками и прогоню прочь!»

Тут дровосек заставил осла подняться, осмотрел его; видит, бедняга совсем отощал. Почесал он бороду, поразмыслил и решил, что осел уж больше никуда не годен. Пинками он заставил осла выйти из конюшни, с помощью своих родственников и соседей дотащил его до пустыни и отпустил на все четыре стороны.

Осел очень этому обрадовался. Побрел он по пустыне. Шел, шел и наконец дошел до какого-то леса, а на опушке леса был хороший луг. Шло время, осел с каждым днем становился все глаже и жирнее и наконец так окреп, что никто бы не узнал в нем прежнего осла.

Однажды пасся он на лугу, пощипывал с удовольствием траву. Тут вдруг, откуда ни возьмись, вышел из леса лев и страшно зарычал. Как услышал осел этот рев, едва не умер от страха.

«Что мне делать, как быть? — думает он. — Может, бросить все и удрать? А вдруг я натолкнусь на того, кто так рычит? Может, лучше остаться? Но тогда, боюсь, лев, или тигр, или другой хищник бросится и съест меня!»

Но потом осел сказал себе: «Ведь и у меня есть голос, заору-ка я и напугаю врага!»

Из во всей силы, какая только была у него, осел принялся орать, да так, что крик его разнесся по всему лесу и долетел до льва.

Что скрывать, лев тоже испугался и сказал себе: «О господи, до сих пор я думал, что нет голоса громче и зычнее, чем у меня, но вот этот голос во сто раз сильнее и зычнее! А вдруг, спаси Аллах, этот зверь и сам окажется сильнее и крупнее меня? И зачем я только в этот лес пришел!»

Словом, лев тоже струсил, растерялся, стоит размышляет: «Остаться мне, — думает, — или уйти? Как быть, что делать?»

Итак, в одном конце леса осел, а в другом лев дрожали от испуга и страха, и как-то очутились они друг перед другом. Осел понял, что это лев. Он страшно испугался, но не растерялся и не выдал себя. А лев не догадался, что перед ним осел. Он только увидел, что перед ним стоит большое стройное животное. Стал он размышлять: «Кем бы мог быть этот зверь?»

Хотел лев обратно повернуть — боится: вдруг этот зверь сзади на него бросится! Ничего лучше не придумал, подошел к ослу и поздоровался с ним вежливо и почтительно, поцеловал перед ослом землю. Осел тут сообразил, что лев боится его, тоже поздоровался и говорит:

— Как ты осмелился самовольно прийти сюда? Кто ты такой, как тебя звать?

Лев ответил:

— Я лев, пришел сюда служить тебе, быть твоим слугой!

— А я тоже лев, лев-охотник. Я возьму тебя в слуги, но знай, если ты провинишься три раза, сделаешь что-нибудь дурное, я тебе живот распорю и потроха выну!

— Пусть будет так! — ответил лев.

Стали лев и осел жить вместе. Но осел все время раздумывал, как бы ему избавиться от льва.

Однажды он сказал:

— О лев, я хочу поспать немного, а ты стой рядом и охраняй меня!

Сказал это осел и лег спать. Он надеялся, что, когда он заснет, лев удерет. По правде сказать, лев тоже думал удрать, но испугался, что опять попадет в лапы осла.

Лежит осел, будто дремлет. Вдруг ему на лоб села муха. Лев засуетился, подскочил, осторожно кончиком хвоста согнал муху и всячески ее обругал. Но тут осел начал вопить и орать:

— Кто тебе велел прогонять муху, которая очищала мою кровь? Смотри же, берегись, вот твой первый проступок! Горе тебе, если ты провинишься во второй и третий раз.

— Прости меня, — взмолился лев, — я ошибся, больше я не сделаю ничего подобного!

— Ну что ж, посмотрим, — сказал осел.

На следующий день осел, а за ним лев шли по лесу, и попалося им на пути болото.

Осел нечаянно ступил на топкое место, увяз и утонул бы, но тут лев быстро бросился к нему, подхватил его и вытащил. А осел опять давай вопить и орать:

— Какой ты нахал! Суешь свой нос во все дела! Сам я не смогу выбраться из болота, что ли? Да знаешь ли ты, что здесь могила моего отца, да благословит его Аллах! Я вспомнил его и хотел для облегчения его души прочесть молитву у могилы, а ты не дал мне сделать этого! Смотри же, счет в твоих руках — ведь это второй твой проступок. Горе тебе, если ты совершишь третий!

После этого прошло два или три дня. Оба они, и осел и лев, от страха друг перед другом дрожали и неотступно следили один за другим. Както направились они к реке. Осел увидел воду и почувствовал, что он изнывает от жажды. Вошел он в реку напиться воды, да как-то поскользнулся, течение подхватило его и понесло. Осел совсем было захлебнулся и начал орать. Лев кинулся в воду и вытащил его. Но осел бросил на льва свирепый взгляд и сказал:

— Я не могу поладить с тобой. Нет у меня другого выхода, кроме как наказать тебя по заслугам. Я вошел в воду, чтобы совершить омовение, а ты вообразил, что я тону! Ты, видно, по себе судишь! Что ж, теперь я знаю, что мне нужно делать!

Когда осел вымолил эти слова, лев сказал себе: «Будь что будет, попробую-ка я убежать, ведь он все равно убьет меня. Если мне удаст-

ся вырваться из его лап и удрать, я спасу свою жизнь, а если не удастся, то все равно рано или поздно я погибну от его когтей. Чем скорее, тем лучше!»

Тут лев вскочил с места, бросился в чащу леса и быстрее молнии, быстрее ветра пустился бежать. Увидел это осел, обрадовался, для вида пробежал за ним несколько шагов, потом остановился и крикнул:

— Жаль, что мне не хочется гнаться за тобою, а то ведь поймать тебя мне все равно что воды глотнуть. Но я извещу своих слуг, и, где бы ты ни был, они поймают тебя и приведут ко мне!

Тем временем лев бежал и бежал по лесу и все назад оглядывался. Наконец ему навстречу попалась лиса.

— О лев, — воскликнула лиса, — почему ты, как сумасшедшая кошка, несешься по лесу, бросаешься то туда, то сюда?

Тут лев рассказал ей о том, что приключилось с ним. Лиса говорит:

— Мы не знаем зверя сильнее тебя, расскажи-ка, какие у него приметы!

— Он смелее, больше и выше меня, — сказал лев, — у него длинные уши и громкий голос.

— О бедняга, — воскликнула лиса, — так то был осел — твоя пища! Ты зря испугался его и принял за льва. Вернись обратно, пойдем к нему вместе — ты разорвешь его, сердце и печень съешь сам, а мясо его я съем.

Так она немного успокоила льва и уговорила его вернуться. А осел тем временем никак нарадоваться не мог. Вдруг видит он: показалась из леса голова льва, а за львом лиса бежит.

Стал осел думать, как быть, а когда звери подошли поближе, сказал:

— Ахсан, лисичка, хорошо ты сделала, что привела ко мне этого сбежавшего слугу. Подожди, я сейчас приду и вырву у него сердце и печень!

Услышал это лев и говорит лисе:

— О проклятая, о подлая лиса, оказывается, ты обманывала меня, хотела смерти моей!

Тут он схватил лису, поднял ее повыше, ударил оземь и убил, а сам бросился бежать.

Вот и вся сказка о льве и льве-охотнике.

Было так или не было, кроме бога, никого не было. Жила-была лиса, большая плутовка. Всегда-то она хитрила, всегда окольными путями бегала — говорят, даже кишки в брюхе у нее и те не прямо шли, а вкривь да вкось петляли. Всю свою жизнь она только и делала, что разными хитростями ловила птиц и поедала их. Постепенно все звери узнали ее и перестали ей верить. Как заметят ее издали — бросаются прочь, пока не убегут на целый фарсанг. Видит лиса, плохо ее дело. Села она в уголок и начала думать, как быть. Думала, думала и придумала: перемену-ка я обличье!

Однажды вечером, когда солнце уже заходило, шла лиса мимо разрушенной обители. Видит, что какой-то ахунд отложил в сторону свой посох, абу* и чалму и совершает у речки омовение перед молитвой. Бросилась лиса, схватила абу, чалму и посох и убежала. Ахунд спохватился, начал бегать, искать, а лисы нет — как будто она в воду превратилась и ушла в землю.

Лиса прибежала домой, надела чалму на голову, абу накинула на плечи, а посох из эбенового дерева взяла в лапы. Смотрит на себя, глазам не верит — словно сто лет она этим делом занимается.

На следующий день вышла лиса из дома в таком облачении. Кто ни увидит ее — палец от удивления прикусывает: что это лиса в таком обличье разгуливает? Какую она еще хитрость придумала?

А лиса идет себе важной поступью, по сторонам не оглядывается, вид у нее благочестивый: смотрит вниз, спину гнет, кланяется тем, кто из окон и с крыш глядит. Тут навстречу ей один из деревенских петухов. Завидел петух лису, остолбенел от удивления, невольно остановился, поздоровался, а лиса в ответ кланяется. Петух немного осмелел и подошел поближе, но не особенно близко.

* Аба — длинная верхняя одежда из грубой шерсти.

— Господин-шейх лиса, — спрашивает петух, — что это за плутовство и хитрость?

— Нет, — отвечает лиса, — это не плутовство. Аллаху все известно, пусть и вам будет известно, что я больше не прежняя лиса. Я сама знаю, сколько грехов я совершила, сколько невинных, безобидных птиц, петухов и зайцев лишила жизни. Вот теперь я и решила на старости лет покаяться, на закате жизни стать благочестивой, поклониться Аллаху, может, он простит меня и приберет к себе!

Услышал петушок эти слова от лисы, обрадовался и говорит:

— Да пошлет Аллах каждому старость, подобную твоей!

Оставил петух свои дела и пошел за лисой. Тут послышался голос чавуша*, призывавшего людей отправиться в паломничество. Смотрят петух и лиса, появились всадники и пешеходы, люди в паланкинах и просто на вьючных мулах. Все они шли в Божий дом**.

Лиса выдавила из себя горестный вздох и говорит:

— О петух, прощай и прости меня. Мне в душу запала мысль о паломничестве, хочу я пуститься в путь с этим караваном, отправиться к святым местам и там покаяться как полагается!

Услышал петух эти слова, страшно обрадовался, так, что от радости сахар его сердца чуть не растаял. Сказал он себе: «Слава Аллаху, мы дожили до того, что увидели благочестие и покаяние лисы!»

Затем петух обратился к лисе и сказал:

— Я ведь тоже не безгрешен, я передумал много всяких тварей: тараканов, саранчи и червяков. Пойду-ка и я с тобой в паломничество! А то, если здесь останусь, хозяин все равно зарежет меня — ведь через два-три дня праздник, вот меня и изрубят на плов!

— Воля твоя, — говорит лиса, — я тебе ничего не говорю, хочешь — иди, хочешь — нет.

— Нет, нет, — сказал петух, — пойду!

Пустились лиса и петух вместе в путь. Шли они, шли, вдруг навстречу им волк. Увидел он лису в чалме, а за нею петуха и остолбенел от удивления. Потом подошел к ним и спрашивает:

— Что это ты, зачем так облачилась?

Лиса рассказала волку то же, что петуху, а потом и говорит:

— О волк, послушайся меня, пойдем вместе — и тебе это паломничество будет полезным!

* Чавуш — здесь: староста каравана паломников, идущего к святым местам.

** Божий дом — мусульманский храм в Мекке, место паломничества верующих.

Тут подмигнула она волку, а он почувал, в чем дело, и говорит:

— Что ж, это хорошо, я ведь не лучше тебя — сколько я разорвал овец, баранов и ослов!

Отправились они дальше втроем. Прошли немного и встретились с одним ослом. Увидел их осел и тоже удивился. А он был в дружбе с лисой и потому подошел прямо к ней и давай ее расспрашивать. Лиса сказала ему то же самое, что говорила петуху и волку.

— Раз такое дело, — воскликнул осел, — я тоже с вами! Мой хозяин меня совсем замучил: с утра до ночи заставляет меня тяжести таскать, а вечером даже соломы досыта не дает.

Словом, осел присоединился к ним, и пошли они вместе. Шли они, шли и наконец встретились с медведем. Медведь, который знал и волка и лису, увидев их, остолбенел от изумления. «Что это случилось, — думает, — что петух с лисой, а волк с ослом спокойно и мирно, как ни в чем не бывало, шагают по дороге?»

— Что это такое? — спрашивает медведь.

Лиса ответила ему так же, как и всем остальным, а потом добавила:

— Идем в паломничество, а пропитание дневное посылает нам сам Аллах!

— Неплохо было бы и тебе пойти с нами, пойдем-ка вместе! — сказал медведю волк.

Словом, взяли они с собой и медведя. Тут попался им по дороге боевой баран. Спросил он у лисы то же, что остальные спрашивали, услышал, что все идут к святым местам каяться в своих грехах, и говорит:

— Я тоже пойду с вами. А то мой хозяин сегодня утром привел мясника и хотел продать меня ему, чтобы тот меня зарезал.

Словом, и баран пустился в путь.

Шли они, шли до тех пор, пока не стемнело. Тут добрались они до одного разрушенного караван-сарая. Шейх лиса говорит:

— Давайте переночуем здесь, а завтра утром пойдем дальше!

Осел, петух и боевой баран заняли одну комнату, а медведь, лиса и волк — другую. Когда наступила полночь, волк сказал:

— Господин-шейх лиса, мы проголодались! Подумай-ка об этом, позаботься о нас!

— Потерпите немного, — ответила лиса, — когда наши соседи заснут, всех их съедим. Осел — медведю, баран — тебе, а петух — мне!

— А что же будет с твоим покаянием? — спрашивает ее медведь.

— Ничего, — отвечает лиса, — мы их вместе с покаянием съедим.

Тут она сняла чалму, положила на землю и начала приплясывать, как дервиш, и петь:

Если чего пожелает мулла,
Скажет молитву «Кул хува алла!».
Все под полою он делает, тайно,
Явно кричит он «валла» да «билла».

А в другой комнате осел говорил петуху и барану:
— Будьте начеку! Они сейчас советуются друг с другом, как бы съесть нас. Спать нельзя. Нужно бодрствовать!

Через некоторое время лиса сказала:
— Вы побудьте здесь, я пойду уведу петуха и съем его, а потом пойдет медведь, а после него — волк!

Тут лиса опять начала плясать и петь:

Если чего пожелает мулла,
Скажет молитву «Кул хува алла!».
Все под полою он делает, тайно,
Явно кричит он «валла» да «билла».

Кончила петь лиса и пошла в другую комнату. Но осел крепко запер за ней дверь и так лягнул лису в ногу, что она сразу охромела. А тут баран ткнул рогом лисе в живот, а петух прыгнул ей на голову и выклевал один глаз. После этого осел открыл дверь и вытолкнул полуживую лису на улицу.

Лиса с разбитой ногой, выклеванным глазом и распоротым животом кое-как дотащилась до медведя и волка.

— Ну как, наелась? — спрашивают медведь и волк.

— Да, только вас недоставало, уж так вкусно было! — говорит лиса. — Теперь ваша очередь, идите по одному, покушайте и приходите обратно!

— Очень хорошо! — обрадовались медведь и волк.

Пошел волк, но осел, баран и петух разделались с ним так же, как с лисой. Тогда волк понял, чем «наелась» лиса, но и виду не подал. Словом, и медведь, как говорят, не остался без обновки: дошла до него очередь, осел, баран и петух и его хорошенько отделили.

Пока они этим занимались, наступило утро. Петух вылетел из комнаты, взобрался на дерево и начал петь. Из деревни пришли несколько человек. Увидели они медведя, волка и лису, бросились на них с палками — из тех и дух вон.

А трое других паломников разошлись кто куда. Петух пошел к одной старушке, над ее курами верховодить, баран остался в стаде старосты деревни, а осел отправился в конюшни муллы.

Сказка наша кончилась, а ворона до своего гнезда не долетела.

Ворона и лиса

Было ли так или не было — свила себе ворона гнездо на вязе в лесу. Там она решила вывести птенцов, выкормить, вырастить и научить их летать.

Прошло немного времени, и ворона снесла не то пять, не то шесть яиц. Двадцать один день она высиживала и согревала яйца, а на двадцать второй вылупились птенцы.

Стало у вороны дел по горло: что ни день — надо ей лететь то в одну, то в другую сторону и пищу птенцам доставать. Скоро воронята подросли, покрылись пушком и научились щебетать.

А неподалеку обитала лиса-плутовка. Услышала она писк птенцов и решила: «Вот и корм для меня!»

И стала она придумывать всякие хитрости, как бы сожрать хоть пару птенцов. Достать до гнезда она не могла — высоко. Порыскала лиса кругом и нашла за селом старую войлочную шапку, а у садовника украла тупую пилу.

И вот как-то утром, пока ворона еще не вылетела из гнезда, лиса подошла к дереву и давай его пилить.

Ворона еще издали увидела лису. Когда раздался скрип пилы, она высунулась из гнезда и спрашивает:

— Что все это значит?

— Да ничего. Я — лесник и хочу свалить это дерево.

Ворона и говорит ей:

— Да ведь на этом дереве мое гнездо, а в нем — птенцы.

А лиса отвечает:

— Ты провинилась, свив без спросу гнездо на моем дереве и высидев птенцов. Сейчас я свалю это дерево, будешь впредь знать, что везде есть хозяин.

Ворона стала умолять лису:

— Подожди несколько денечков, пока птенцы вырастут.

— И часу ждать не стану! — отвечала лиса.

Вороне ничего другого не оставалось, как просить и упрашивать:

— О лесник! Не делай меня несчастной, мне некуда деваться. Дай отсрочку на два-три дня, пока птенцы научатся летать, — тогда я оставлю дерево.

— Этими речами ты меня не разжалобишь, — говорит лиса. — Мое дерево — когда захочу, тогда и свалю.

Препирались они, препирались и порешили наконец, что за отсрочку на два-три дня ворона сбросит лисе одного птенца.

Горько оплакивая свою судьбу, ворона сама сбросила своего птенца. Лиса-плутовка сожрала вороненка и пошла домой. Очень она была довольна, что уловка ее удалась. Ей казалось, что так она сумеет съесть всех птиц, свивших гнезда в лесу.

На другой день к вороне в гости прилетела соседка-сорока. Увидела она, что ворона пригорюнилась, и спросила:

— Что случилось?

Рассказала ей ворона обо всем, а сорока ей:

— Ну и глупа ты! Никогда лесник не будет валить цветущее зеленое дерево. Как придет он в следующий раз, покажи мне его. Посмотрю-ка я, что это за лесник!

А лиса на другой день опять взяла пилу, надела войлочную шапку и отправилась к дереву. Не успела она подойти поближе, как ворона полетела к сороке. Посмотрела та с дерева, оглядела «лесника» хорошенько и говорит:

— Эх, глупая! Ведь это хитрая лиса. Не бойся войлочной шапки и тупой пилы, это не лесник. Лети к себе, и если будет она грозиться свалить дерево, то отвечай: «Что ж, пили!» Разве под силу лисе свалить такое крепкое дерево? Его сможет перепилить только сильный дровосек острой пилой с двумя ручками.

Вернулась ворона в гнездо, а лиса уж приставила пилу к стволу. Посмотрела ворона вниз и говорит:

— Кто ты и что делаешь?

— Я лесник. Хочу свалить это дерево. А ты поживей отправляйся-ка отсюда вон.

— Мое гнездо здесь, и никуда я не пойду, — отвечала ворона. — Никакой ты не лесник и ничего не сможешь сделать. А хочешь свалить дерево — что ж, пили!

Видит лиса: переменялась ворона со вчерашнего дня. Вчера она плакала и умоляла, а сегодня дерзкой стала. Поняла лиса, что кто-то научил ворону, и говорит:

— Я оставлю тебя в покое с одним условием: выдай мне, кто тебе сказал, что я не лесник и не смогу перепилить дерево?

Ворона сглупила и выдала сороку.

А лиса решила: «Уж покажу я этой сороке, да так покажу, что сказки об этом сложат».

Прошло несколько дней. Влезла лиса в лужу и вымазалась вся в тине, а потом отправилась к дереву, где было гнездо сороки, и растянулась, как мертвая. Любо́й, увидев ее, сказал бы: «Она мертвая».

Сорока несколько раз пролетала над ней, но лиса даже не шелохнулась. И сорока подумала: «Нет сомнения, она сдохла. Выколю-ка я ей глаза».

Подлетела она к лисе, клюнула ее сначала в бок. Лиса и бровью не повела. Сорока села ей на голову и собралась было выклевать глаза, но тут лиса цап ее зубами. Видит сорока, плохо дело, и говорит лисе:

— Ты, конечно, можешь растерзать меня, ведь я учу всех этих птиц уму-разуму. А если бы я дружила с тобой, то научила бы тебя ловить каждый день по две птицы. Будешь мне другом — научу тебя таким делам, что заживешь припеваючи.

Лиса подумала: «Это мудрая сорока, дружить с ней выгодно. Подружусь-ка я с ней и начну каждый день ловить пару ворон».

А сорока продолжала:

— Ладно, думай. Но если хочешь дружить, то поклянись ясным солнцем, светлой луной и владыкой леса.

Лиса раскрыла было пасть, чтобы поклясться, а сорока и взлетела на дерево. Так лиса была посрамлена хитростью сороки.

На другой день сорока созвала всех птиц в лесу, и сговорились они уничтожить лису. Когда та спала на берегу озера, целая стая птиц налетела на нее и давай клевать. Лиса растерялась, свалилась в озеро и пошла ко дну. И поныне, когда я рассказываю эту сказку, она еще не выбралась из воды.

Коробочка

Жил-был воробей, свил он себе гнездо на высокой стене. И вот летал этот воробей как-то по степи, искал зернышки, и вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед его носом упало хлопковое семечко, принесенное ветром. Схватил он его в клюв и полетел к себе. Уселся в гнездо, показал семечко соседу и спрашивает:

— Что это такое?

— Это хлопковое семя.

— А что с ним делают?

— Его сеют, и вырастают коробочки хлопка. Коробочки лопаются — получается хлопок. Хлопок прядут — получается пряжа. Из пряжи ткут ситец, потом его красят в разные цвета и шьют одежду тебе и мне.

Воробей обрадовался такому ответу, подхватил семечко и полетел на пашню.

Прилетел он туда и видит: какой-то крестьянин пашет землю, чтобы сеять.

— Посади и это, — показал воробей семя. — Одна половина урожая будет твоя, другая — моя.

— Хорошо, — согласился крестьянин и посадил хлопковое семечко.

Вскоре семя проросло, куст зазеленел, коробочки созрели.

Крестьянин сорвал коробочки и разделил на две части: одну взял себе, другую отложил для воробья.

Воробей обрадовался, взял свои коробочки и отнес в мастерскую прядильщика.

— Спряди это, спряди! — стал он упрашивать. — Половину возьмешь себе, а другую — отдашь мне.

— Очень хорошо, — ответил прядильщик.

Взял он коробочки, выбрал из них волокна и спрял на веретене. Одну часть оставил себе, а другую отдал воробью.

Воробей и на этот раз был доволен; отнес он пряжу к ткачу.

— Сотки это, сотки! — попросил он. — Половина — тебе, другая половина — мне.

Ткач согласился:

— Очень хорошо.

Он выткал ситец, взял себе свою долю, а воробью отдал его. Воробей обрадовался, взял лоскутки и отнес их к красильщику.

— Покрась это, покрась! — говорит он. — Половина — тебе, другая половина — мне.

— Прекрасно! — воскликнул красильщик и взял лоскутки.

Он покрасил их в небесно-голубой цвет и повесил сушиться на солнце. Прилетел воробей, увидел их и подумал: «Ах, как красиво получилось! Жаль такую прекрасную ткань отдавать красильщику. Возьму-ка я лоскутки и улечу, пока он занят своим делом».

Подкрался он потихоньку, схватил лоскутки в клюв и полетел. Но красильщик увидел его, побежал за ним и кричит:

— Эй, воробей! Мы же условились, что будем делить все поровну! Где же моя доля?

— А кто это говорил? Кто обещал? — зачирикал воробей.

И понес воробей лоскутки к портному.

— Сшей это, сшей! — попросил он. — Одно платье — тебе, другое — мне.

Портной сшил две красивые джуббы и разложил их на полке. Воробей увидел их издали и подумал: «Жаль такую красивую джуббу отдавать портному. Она мне и самому пригодится».

И вот, пока портной отмерял материю, подлетел воробей потихоньку, схватил в клюв обе джуббы — и был таков.

Портной закричал ему вслед:

— Разве ты не говорил, что одна джубба будет твоей, а другая моей?

— Эх, папаша! Кто это тебе говорил, кто обещал? — ответил воробей и полетел прямо к мулле.

— О мulla! — говорит он ему. — Я хочу оставить у тебя на хранение две джуббы. Когда настанут холода, я заберу их. А вместо платы за хранение я отдам тебе одну джуббу.

— Ладно, — согласился мulla, — я сохраню их. Как ударит мороз — одну надену я, а другую отдам тебе.

Взял мулла джуббы, а сам думает: «Жалко что-то отдавать джуббу трещотке воробью. Оставляю-ка я их обе себе!»

Прошли дни. Подул резкий ветер, настали холода. Тут воробей и вспомнил о джуббе. Выпорхнул он из гнезда и полетел прямо к мулле. Как увидел мулла, что воробей летит к нему, так скорей стал совершать намаз. Воробей подождал, пока он кончит, и заговорил:

— Мулла, давай мою джуббу!

— Какую джуббу? — спрашивает мулла.

— Да ту, которую я оставил у тебя на хранение. Ведь мы договорились, что одну ты оставишь себе, а другую мне вернешь.

— Кто это говорил? Кто договаривался?

— Настали холода, я мерзну, — взмолился воробей.

— Я помолюсь, чтобы ты не замерз.

— Мне не до молитв, мне нужна джубба, — говорит воробей.

А мулла принялся опять совершать намаз. Воробей потерял надежду и полетел восвояси.

С тех пор воробей стал кружить около дома муллы. Однажды видит он: мулла побрызгал джуббы водой, собирается почистить их и надеть. Повесил он их на веревку посушить, а сам стал совершать намаз. Тут воробей мигом подлетел, схватил джуббы — и был таков. Увидел мулла это, прервал намаз и закричал:

— Эй, воробей! Куда это ты уносишь джуббы? Пусть будет по-твоему: одну — тебе, другую — мне.

— А кто это говорил? Кто обещал? — спросил воробей.

Спустя два дня воробей снова прилетел к дому муллы и видит: мулла снял чалму, оставил ее на краю водоема, а сам совершает омовение. Воробей подлетел и схватил чалму.

— Дружище, куда это ты тащишь чалму? — закричал мулла. — Мороз ведь, у меня голова замерзнет.

— А я помолюсь, чтобы твоя голова не замерзла.

Унес воробей чалму и приспособил ее под гнездо для своих птенцов.

И вздумалось тут ему продать джуббы на базаре и запастись на зиму еды. И вот, когда он летел на базар, поднялась буря, и ветер вырвал джуббы из его клюва. Как ни старался воробей спасти джуббы, ничего не получилось. А ветер одну из этих джубб подхватил и отнес к лавке того самого портного, который сшил их, а другую — к лавке красильщика, который красил лоскуты.

Шли мы наверх — была мука, пошли вниз — стало тесто, а наша сказка вот такая!

Куцый шакал

Было так или не было, а жил давным-давно один человек. Звали его Махзияр. Ни денег у него не было, ни имущества, и постоянно его тревожила мысль, как бы наесться досыта, отложить несколько грошей и увидеть себя у порога Божьего дома.

И судьба исполнила его желание.

Однажды зимней ночью сидел он в своей лачуге. И вот какая-то заблудившаяся коза забрела в его дом. Стукнула она рогами в дверь, открыла ее и вошла. Махзияр оставил козу у себя, стал заботиться о ней, ухаживать.

Прошло два или три месяца, у козы появилось двое козлят. Стал Махзияр богатеть. Купил он себе и дом, и сад, завел целое стадо овец — словом, стал богатым. Но был он человек черствый, бедным не помогал, только и знал копить грош за грошем, медяк за медяком, а дирхемы обращать в динары.

Во дворе у Махзияра было теперь много кур, и все они были жирные, откормленные. Собрался он как-то прирезать несколько штук, чтобы приготовить что-нибудь вкусное, как вдруг заметил, что кур стало меньше. А дело было в том, что по соседству поселился шакал — гроза всех кур и петухов. Он каждую ночь пробирался во двор, хватал одну-две курицы, душил их, уносил со двора и пожирал. А Махзияр не знал, чьих рук это дело, так как шакал был большой хитрец и ловкач и умел замести следы.

Тогда Махзияр запер кур в хлев, а овец и коз выгнал во двор. Пришел шакал за добычей, но вместо кур увидел овец и коз. Огорчился он сначала, потом решил было сговориться с волком и с его помощью пожирать

овец, да испугался, как бы волк не испортил все дело: можно ведь в первую же ночь оскандалиться. Поэтому он изменил свое решение и стал выжидать. И вот спустя некоторое время прослышал он, что Махзияр собирается совершить паломничество к Божьему дому. Однажды утром шакал помыл морду и лапы, почистился и вошел в дом Махзияра. Поцеловал землю, приложил лапу к груди и сел на пол.

Махзияр спрашивает:

— Эй, шакал! Что скажешь? Зачем пришел?

— Пришел я тебе поклон отдать, — говорит шакал. — Слышал я, что ты собираешься отправиться к Божьему дому. Взял бы ты меня в слуги — уж я служил бы тебе верой и правдой, может, и заработал бы что-нибудь. А если у тебя здесь дело есть, то можешь в свое отсутствие поручить его мне.

Подумал Махзияр и решил: «Я все беспокоился о стаде, не знал, кому его поручить. Поручить двуногой твари, человеку, — чего только он не придумает! В месяце эсфанд*, когда родится тысяча ягнят, он не меньше ста себе возьмет. Вот хорошо, что появился этот шакал! Пусть он и сторожит стадо».

Подумал он это, а вслух сказал:

— О шакал! Я бы очень хотел взять тебя с собой, чтобы мы могли вместе поцеловать порог Божьего дома. Ты вымел бы порог хвостом, а я — бородой. Но лучше будет тебе остаться здесь и охранять мое стадо. А когда я вернусь — отправлю тебя туда одного.

А шакалу только это и нужно было! Он ответил:

— Прекрасно, я так и сделаю!

Спустя несколько дней Махзияр поручил шакалу стадо, а сам отправился в далекий путь. Сколько ни кричали овцы: «Эй, Махзияр! Ведь шакал — из волчьего рода, он сожрет нас», — Махзияр только отвечал: «Разве каждый зверь из волчьего рода пожирает овец? Ведь и собака — брат волка, а она сторожит вас».

В тот день, когда Махзияр сел в паланкин и направился к воротам Балха, шакал пришел, осмотрел овец и отправился к волку, а у них была дружба с детства. Вдвоем вернулись они к стаду и в тот же день задрали пятерых овец и поделили между собой. Козлы попроворнее были, они ушли в другие стада вожаками. А нерасторопные овцы одна за другой делались добычей волка и шакала.

* Эсфанд — двенадцатый месяц иранского солнечного года (20 февраля — 20 марта).

Прошли дни и месяцы, год приближался к концу. Тут глашатаи стали кричать по улицам о благополучном возвращении паломников. Задумался шакал, что он скажет Махзиару. Он все еще раздумывал и не успел спрятать концы в воду, когда в дом вошел Махзиар и начал спрашивать об овцах. Шакал стал рыдать:

— О благородный муж! Чего только не случилось с нами после твоего отъезда! В первый месяц пришло известие, что караван поразила холера и многие умерли. Я испугался и дал обет зарезать сто овец, если получу весть, что все благополучно. На другой день я узнал, что ты здоров, зарезал сто овец и роздал голодным. На второй месяц принесли весть, что караван сбился с пути и блуждает в песках, что от жажды уже умерло сто человек. Я снова дал обет зарезать сто овец, если ты останешься жив, и раздать мясо вдовам. Слава Аллаху, на другой день я узнал, что ты не пострадал, и зарезал сто овец. На третий месяц распространился слух, что разбойники напали на караван и убили восемьдесят человек. Я дал обет: если ты не окажешься в числе этих восьмидесяти, на этот раз я уж зарежу двести овец. Как я обрадовался, что тебя не было среди них! Все прошло, и вот наконец стали говорить: гонец принес весть о твоей смерти. Я пролил много слез, долго плакал, горевал из-за тебя и роздал двести овец за упокой. И вот вчера пришел второй гонец и объявил: Махзиар целый и невредимый возвращается к себе домой. Я так обрадовался, что не мог удержаться и роздал всех оставшихся овец в честь твоего благополучного возвращения. И вот я радуюсь тому, что вижу тебя снова целым и невредимым.

— О подлый, — ответил Махзиар, — неужели ты полагал, что я поверю твоей лжи? Клянусь Аллахом, я насажу тебя на копье и изжарю из тебя шашлык на солнце.

С этими словами он снял свой пояс, повязал вокруг шеи шакала, потащил его к дереву и повесил за хвост на суку со словами:

— Повиси так эту ночь до утра! А завтра я тебя повешу за шею!

Чует шакал, плохо дело, Махзиар так расстроился из-за овец, что завтра и вправду придется болтаться повешенным за шею. Ему ничего иного не оставалось, как пожертвовать хвостом и перегрызть его собственными зубами. Перед самым рассветом он перегрыз хвост и упал на землю. Выбежал Махзиар на шум и увидел, что на дереве болтается один хвост, а сам шакал удирает.

Он закричал:

— Эй, шакал! Птицей ли станешь в воздухе, рыбой ли в море — все равно я в конце концов тебя поймаю. Да и заметный ты теперь: хвоста нет.

Да, плохи были шакальи дела. То, что у него не хватало хвоста, было хорошей приметой, по которой его всегда можно было найти. И решил он на всякий случай лишить хвостов и других шакалов. «Если попадусь, — думал он, — то скажу, нас таких, мол, куцых много, и укажу на других».

Кружил шакал по степи, кружил и остановился в одном саду. Поднялся он на пригорок и завыл. Не то пятьдесят, не то шестьдесят шакалов сбежались к нему со всех сторон, а он и говорит:

— О братья-шакальи! Все время я терзаюсь и страдаю, думая о вас, — ведь вы голодаете! А я набрел на чудесный сад, где растут прекрасные плоды: груши, виноград — чего только там нет! Пошли туда, будете есть все, чего душа желает.

Шакалы пошли за ним. Он показал им сад, а сам пошел к садовнику и сказал:

— На сад набросилась стая шакалов. Они пожрут все твои фрукты, а ты один не сможешь с ними справиться. Я из расположения к тебе скажу, как надо поступить, чтобы шакалы впредь стороной обходили твой сад.

— Что же делать? — спросил садовник.

— Пойди в сад с улыбкой и скажи им: «Кушайте фрукты, но не войте при этом, я этого не люблю. Не толпитесь, не выхватывайте друг у друга плодов — пусть каждый шакал влезет на дерево, на отдельную ветку. Так как вы сами не сможете удержаться, то я подвяжу ваши хвосты к веткам, чтобы вы не лезли друг к другу. А когда вы насытитесь, я отвяжу хвосты».

Шакал продолжал:

— Они согласятся, а ты привяжи их хвосты покрепче, а остальное предоставь мне.

Садовник так и сделал. Через полчаса прибежал куцый шакал и спрашивает:

— А вы знаете, куда пошел садовник?

— Нет, — ответили шакалы.

— Он пошел за жителями села. Скоро они с палками и дубинами явятся сюда.

Шакалы перетрусили. Один или два шакала стали упрекать его:

— Это ты навлек на нас беду!

Но остальные спросили:

— Что же нам делать?

— Если хотите спасти свою жизнь — пожертвуйте хвостами.

И они начали грызть хвосты, по одному падать с деревьев и убегать из страха перед садовником.

А теперь вернемся к Махзияру. Он был очень раздосадован и разгневан поступком шакала и все повторял:

— Я во что бы то ни стало должен поймать этого подлого шакала, отрезать ему уши и нос, взнуздать и провести по всему городу, чтобы опозорить перед всеми. И люди тогда узнают, что человеку друг — человек, а не зверь.

Он взял дубину и отправился в степь искать куцего шакала. Но сколько он ни искал, о шакале не было ни слуху ни духу. И вот как-то на склоне холма настиг он шакала. Замахнулся Махзияр палкой и хотел расправиться с ним. Но шакал отступил назад и сказал:

— Я же ничего тебе не сделал. Зачем ты обижаешь меня?

— Как не сделал? — закричал Махзияр. — Ты погубил и сожрал всех моих кур и овец!

— Так это, значит, был не я, а другой шакал, — возразил он.

— У меня есть приметы! — воскликнул Махзияр.

— Какие же приметы?

— У тебя нет хвоста.

Шакал засмеялся:

— Вот так невинных наказывают из-за виновных! Если тебе насолил один куцый шакал, то чем же провинились другие куцые? В нашей стае у всех самцов нет хвостов. Если не веришь, погляди!

Шакал завыл, и вокруг него собралась целая стая куцых шакалов.

Махзияру стало стыдно, и он только пробормотал:

— Простите, я не знал, что вы родились без хвостов.

Но один или два шакала начали догадываться, кто во всем виноват, и говорят:

— Мы родились не куцыми. Мы оторвали хвосты, чтобы нас не схватили.

Махзияр попросил:

— Расскажите-ка мне обо всем!

И они рассказали ему историю про куцего шакала и садовника с начала до конца. Махзияр понял, что это тот самый шакал, и закричал:

— О подлый! Ты, чтобы спастись самому, и шакалов дурачил!

Шакалы поняли, что тогда их предали садовнику. Махзияр с их помощью поймал шакала-предателя и повесил его на дереве, чтобы другим зверям неповадно было обманывать людей.

Было ли так или не было, а кроме бога, никого не было. Однажды над степью летел воробей. Вдруг он увидел: на поле мужчины и женщины собирают хлопок.

Спрашивает воробей:

— Зачем вы это делаете?

— А затем, — отвечают ему, — чтобы было что надеть, когда наступят зимние морозы.

— Дайте и мне немного хлопка, — попросил воробей.

И вот схватил он в клюв немного хлопка и отнес к прядильщику.

— Спряди это! — сказал он. — Иначе я сломаю твой станок, порву пряжу и вырву твои тридцать два зуба.

Прядильщик исполнил просьбу его и изготовил пряжу, а воробей отнес ее к красильщику и говорит:

— Покрась это! А если не покрасишь, то я разолью твои краски, разобью чан и вырву твои тридцать два зуба.

— С удовольствием покрашу, — ответил красильщик.

Он покрасил пряжу и отдал воробью.

От него воробей полетел к ткачу и пригрозил:

— Сотки из нее материю! А то я разорву все твои ткани, разобью станок и вырву все твои тридцать два зуба.

Ткач выткал пряжу, и воробей улетел с лоскутками к портному.

— Сшей из них кабу, — сказал он, — не то я порву все твои нитки, разобью машину и вырву все твои тридцать два зуба.

Портной тоже исполнил его желание.

И вот воробей надел кабу и решил: «Полечу-ка я в город и позлужу тех, у кого самые новые одежды».

Влетел он во дворец падишаха и начал петь:

— Чик-чирик, чик-чирик, а у меня новое платье! А у меня новые каба и рубашка!

Выбежали рабы, хотели побить его, но он улетел, потом снова прилетел и опять начал петь:

— Чик-чирик, чик-чирик, а у меня новое платье! А у меня новые каба и рубашка!

Падишах рассердился и приказал:

— Схватите этого хвастуна!

Но как ни старались нукеры, ничего у них не получилось: воробей улетал и прилетал, садился на карниз дворца, на заборы и ограды и пел.

Наконец падишах приказал намазать карниз жидкой смолой. И вот, как только сел воробей на карниз, он увяз в смоле. Тут его и схватили.

— Зарежьте его и сварите с пловом, — велел падишах. — Я съем его за ужином.

Когда к воробью подошли с ножом, он зачирикал:

— Чик-чирик, чик-чирик, какое острое лезвие!

Воробью отрезали голову и бросили в кипяток.

Но он и тут заговорил:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая теплая баня!

Сварили воробья, положили в плов, а он опять заговорил:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая белая гора!

Слуги понесли блюдо с пловом к падишаху. Тот отправил воробья вместе с пловом в рот и стал жевать. Но воробей и тут заговорил:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая исправная мельница!

Падишах собрался было проглотить воробья, как тот опять заговорил:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая узкая труба!

Когда воробей оказался в желудке падишаха, то снова раздался его голос:

— Чик-чирик, чик-чирик, ну и вониючая яма!

Падишах поразился и приказал:

— Как только выйдет он наружу, побейте его!

И действительно, воробей вышел наружу целым и невредимым. Но тут падишах приказал:

— Сделайте ему клетку из золота, поставьте в клетку две золотые чаши, одну — со сладями, другую — с шербетом и розовой водой, чтобы этот воробей всегда был веселым и пел.

Слуги так и сделали, и воробей зажил в клетке, лакомясь сладями и попивая шербет и розовую воду.

Сказка наша кончилась, а воробей до своего гнезда не долетел.

Кровожадный волк и хитрая лиса

Было так или не было, а жил в Бахтаристане* волк. Никак не мог он наестся досыта, каждый день задира́л нескольких овец, будто желудок овцы был для него скатертью, а сердце и печень — лакомством. Пастухи не знали, что и делать, и наконец обзавелись сильными овчарками. Те несколько раз порядком покусали волка, когда тот пытался подойти к стаду, и он больше не осмеливался шататься около пастбища.

Голодал он несколько дней и наконец пошел к лисе. А лиса была знаменита своей хитростью. Волк сказал ей:

— Пришли ко мне зверей из нашего рода, но из тех, кто послабее. Я выберу кого-нибудь из них себе в помощники. Да и сама загляни ко мне через пару денечков.

— Прекрасно, — ответила лиса.

Всеми правдами и неправдами она ухитрилась отправить к нему ласок, куниц, диких кошек, а волк их всех сожрал.

Спустя несколько дней лиса подумала: «Неплохо бы и мне навестить волка. Авось я понравлюсь ему, и тогда он назначит меня своим помощником».

И она отправилась. Подошла лиса к логову волка, посмотрела на следы и видит: следы идут только к логову, а назад — нет. Она сразу сообразила, чем тут пахнет, и не пошла к волку, а свернула прямо в чащу. Лиса уж два дня ничего не ела и была голодна. А в этих самых зарослях

* Бахтаристан — Бактрия, древнее государство в юго-восточной части Средней Азии.

львица недавно родила двух львят. Лиса съела их и поспешила в степь, и тут вдруг слышит она рыкание львицы. Лиса чуть не умерла со страху!

Налетела львица, словно ураган, и спрашивает лису:

— Ты не видела каких-нибудь хищников — тигра или барса?

Лиса догадалась, в чем дело, и говорит:

— Ни тигра, ни барса я не видела. Видела только волка с окровавленной мордой, он здесь пробежал.

Львица зарычала:

— Это он, подлец, сожрал моих детенышей! Ты должна какой угодно хитростью привести его ко мне.

— Прекрасно, — ответила лиса и отправилась в путь.

День или два кружила она по степи. Вдруг навстречу ей, откуда ни возьмись, волк. Увидел лису и давай посмеиваться:

— Где ты пропадаешь? Разве я не просил тебя заглянуть ко мне? Может, боялась, что я тебя съем? Ну, раз уж ты так подумала, то сейчас же и упрячу тебя в свой живот, будешь там вместо печени!

Задрожала лиса, испугалась и говорит:

— По пути к тебе я встретила с львицей, поклонилась ей, а она посмотрела на меня, да и говорит: «Подойди ко мне. Я — владычица этих степей и зарослей и хочу назначить тебя старостой над своими подчиненными!» Подумала я: не справиться мне с такой должностью! Стала отговариваться, что мала, мол, я, что для этого подходит сильный зверь. После долгих разговоров мы договорились, что я укажу ей зверя, большого и могучего, который справился бы с этими делами. Я была в затруднении, не зная, на кого указать, да вот Аллах послал тебя! Если хочешь, пошли вместе к львице. Я посоветую назначить тебя старостой.

— Очень хорошо, — ответил волк.

— Но с условием, — сказала лиса, — что ты в неделю раз будешь подбрасывать мне за услугу овцу, или там козочку, или что-нибудь вроде этого.

— Я тебя не забуду, — отвечал волк.

Лиса обрадовалась, а волк еще больше.

Двинулись они вдвоем в путь, а когда до зарослей осталось уже немного, лиса заговорила:

— Подожди немного, я пойду доложу львице о тебе. Ты жди, пока я не позову тебя. Тогда подойдешь, отдашь ей поклон и скажешь: «Это мое дело».

Волк согласился, а лиса пошла вперед и сказала львице:

— Я привела его. Он до того обнаглел, что кричит: «Это мое дело!»

— Посмотришь, как я его накажу! — сказала львица.

Когда волк появился, лиса подмигнула ему, а тот давай кланяться львице и повторять: «Это мое дело». Посмотрела львица, разъярилась, поднялась на ноги, стала бить хвостом о землю и рычать. Она думала: «Этот подлец съел моих детенышей и открыто говорит об этом! Да еще издевается надо мной и кланяется!»

Волк же увидел молнии в глазах львицы, услышал ее рычание, растерялся, остановился на полпути и подумал: «Лиса, наверное, обманула меня. Если львица хотела назначить меня старостой, то почему она смотрит на меня так яростно и рычит?»

Пока волк так думал, львица бросилась на него и вонзила клыки ему в горло. Одним рывком она содрала всю шкуру у него на животе, но волчьего мяса клыки ее не коснулись.

Волк от страха полетел как ветер, шкуру с живота у львицы в зубах оставил. Пошел он к медведю, с которым дружил еще с детства, медведь тут же выдрал у себя немного шерсти и приклеил ее слюной к животу волка, а после этого спрашивает:

— Кто так ранил тебя?

Волк рассказал медведю о львице и добавил:

— Когда я кланялся ей и, как учила меня лиса, повторял: «Это мое дело», я думал, что речь идет о том, что я могу быть старостой над подчиненными, но львица пришла в ярость, стала рычать и скрежетать зубами. При этом она говорила что-то, только я не разобрал. Я уж хотел было повернуться и убежать, но тут она набросилась на меня. Аллах сжалился надо мной, и она захватила зубами только шкуру, а не мясо, не то лежать бы мне мертвым. Кое-как дотащился я до тебя, а ты вернул меня к жизни. Понять не могу, почему львица так поступила?

Тут медведь ему и говорит:

— Слишком ты простоват! Если бы до того, как идти к львице, ты посоветовался бы со мной, я бы тебе все объяснил. Ведь лиса сделала из тебя шута! Сама, подлая, сожрала львят, а свалила на тебя. Она тебя научила повторять: «Это мое дело», и получилось так, что ты говоришь львице: «Я сожрал твоих детенышей».

— Верно ты говоришь, — сказал волк. — Должно быть, так и есть. Вот поправлюсь немножко, увидишь, что я сделаю с лисой! В сказках об этом рассказывать будут!

А теперь поговорим о львице.

Видит она, что разорвала только шкуру волка и не коснулась мяса, и говорит лисе:

— Этот волк спасся! Он и на следующий год может сожрать моих детенышей. Отправляйся-ка, еще раз приведи его ко мне, на этот раз уж я его разорву.

— Хорошо, — ответила лиса и покинула львицу.

Она побродила день-два, вернулась и сказала:

— На другой же день живот волка распух, раны загноились, и он сдох.

Львица обрадовалась, что убийца ее львят наказан.

Шли дни, и лиса забыла о волке. Она и не подозревала, что ее ожидает, и думала, что волка уж и в живых нет. И вот как-то бежит она по степи, вдруг, откуда ни возьмись, появился перед ней волк. Лиса испугалась, ноги у нее подкосились. А волк сказал ей:

— Как ни хитра ты, а все-таки попалась мне! Что же ты натворила? Если бы не помог медведь, я давно бы умер!

Лиса стала льстить и хитрить:

— Львица невиновна. Когда ты кланялся, ей показалось, что ты смеешься над ней, — она и рассердилась. А она была огорчена смертью львят. Да ведь она только поцарапала тебя! Если бы львица хотела тебя убить, то уложила бы одним ударом лапы. Ну что теперь разговаривать — тебе просто надо больше есть, поправляться. Давай сегодня ночью пойдем в село. Там у кедхуды есть сарай, а в нем полным-полно хлеба, масла, мяса. Ты пробудешь там пару деньков — днем будешь прятаться за жбанами, а ночью есть хлеб, мясо и масло. Жди меня вечером, и мы пойдем вместе.

Волк с радостью согласился.

Ночью лиса повела волка по крышам, так чтобы собаки не видели, к дому кедхуды. Через дыру они спустились в сарай, и лиса показала волку припасы. Сама лиса поела в меру, а волк с первого же раза сожрал целый бурдюк каурмы*. Живот у него вздулся, и он не мог даже сдвинуться с места.

Между тем рассвело. Видит лиса, волк так объелся, что свалился в котел и не может двигаться. Тогда она продырявила круглую лепешку, просунула в нее голову, поднялась на крышу и давай плясать и кривляться.

* Каурма — небольшие куски мяса, пережаренные с маслом или салом. Каурму обычно запасают на зиму.

Увидели ее люди, сказали кедхуде. Тот созвал своих людей с палками и дубинами к сараю. Стали они там рыскать и вдруг увидели волка. Кедхуда закричал:

— Идите принесите цепь. Мы свяжем волка и выведем на майдан.

С палками наготове подошли они к волку. Видят: бедняга волк лежит без сил со вздутым животом. Они легко накинули ему на шею цепь и вывели наружу. Увидев, что волк безвреден, кедхуда закричал:

— Не трогайте его, ловите подлую лису. Это она, мерзавка, привела сюда волка!

Побежали за лисой, а ее уж и след простыл.

День или два волка держали в доме кедхуды и не давали ни есть ни пить. Совсем он отощал. Кедхуда, боясь упреков в убийстве беззащитного, снял с него цепь, отвел в степь и отпустил на все четыре стороны, чтобы он сдох на свободе.

Волк еле-еле дотащился до реки, напился воды и растянулся под деревом. Набрался немного сил и снова поплелся к медведю. Медведь и на этот раз пожалел его, принес немного меду, дал волку поесть и при этом сказал ему:

— Поклянись, что впредь не поддашься хитростям этой подлой лисы!

Волк вскоре поправился, стал понемногу ходить. И вот спустя некоторое время, когда уже начало холодать, он опять встретился с лисой. Волк воскликнул:

— На этот раз не проведешь меня! Ты повела меня в амбар кедхуды и предала в руки крестьян!

— Ты сам виноват, — отвечала лиса. — Я сделала тебе добро и научила, как добаться до припасов. Если бы ты жалел свой живот, то не ел бы так много: тогда, случись беда, — мог бы убежать! Но теперь не до разговоров. Наступают холода, и тебе надо подумать о шубе. Ты, видно, сам не сможешь сшить себе шубу, так я тебе сошью — и ты в эту зиму останешься жив. Но овчину придется тебе раздобыть самому. Ты принеси овцу, я сдери овчину и сошью тебе шубу.

— Я боюсь задрать овцу из здешнего стада, — отвечал волк.

— Я найду другое стадо, — перебила лиса, — и поведу тебя туда. Когда пастух уйдет, а овчарки заснут, ты задери пару овец — остальное я сама сделаю.

Волк согласился. На следующий день лиса стала искать стадо. На склоне горы наткнулась она на овец. Повела туда волка и заставила задрать двух баранов. Волк съел немного мяса, а остальное отдал лисе.

Тут наступили холода, пришел волк к лисе за шубой.

— Половина шубы готова, — сказала лиса. — Принеси еще пару овец, и я завтра закончу шубу.

Боясь холода, волк кое-как задрал не то двух, не то трех овец и отдал лисе.

Через несколько дней он явился к ней и спросил:

— Ну, готова шуба?

— Все готово, кроме рукавов, — отвечает лиса. — Принеси еще пару овец, и я пришью длинные рукава.

Опять бедняга волк всеми правдами и неправдами задрал двух овец и отдал лисе. А та поела немного мяса, а остальное отложила на черный день.

Спустя несколько дней волк снова пришел к лисе. Но ее не было в норе. Два дня и две ночи он сидел и ждал ее, и вот наконец лиса пришла. Идет, ничего не подозревает. Тут волк схватил ее со словами:

— Живей, отдавай шубу! Если сегодня не отдашь, то я убью тебя и сам возьму!

Лиса растерялась, смотрит по сторонам, куда бы сбежать, и вдруг видит крестьянина, который едет на коне. На плечах у него была шуба. Тут лиса волку и говорит:

— Смотри, вон твоя шуба. Я сшила ее, накинула себе на плечи и хотела нести к тебе, но этот крестьянин отнял ее у меня силой и надел. Вон он скачет!

Волк побежал за всадником и зарычал:

— Верни-ка поскорей, братец, мою шубу, которую ты отобрал у лисы.

— Сейчас, сейчас верну, — ответил крестьянин. Потом сошел с коня, вынул из-под шубы меч и разрубил волка надвое со словами: — Вот тебе шуба!

Волк свалился, а всадник привязал его за хвост к хвосту коня и поволок по камням. А лиса обрадовалась, побежала за ним и стала приговаривать над трупом волка:

— Хорошая тебе шуба досталась? Больше не будешь мерзнуть и кашлять!

Услышал крестьянин речи лисы и понял, что это она навлекла на волка беду. Он быстро соскочил с коня и распорол лисе живот. Отправилась лиса вслед за волком на тот свет. А крестьянин связал их хвосты веревкой, поволок обоих в деревню и объявил всем:

— Такова участь обманутого насильника и обманывающего подлеца.

Жила-была лиса, до того хитрая и ловкая, что все проклинали ее. Не одни только куры и петухи натерпелись от нее, все другие звери той округи тоже испытали на себе ее козни и плутни. Завидят только лису издали, сразу же разбегаются кто куда.

Так было в ее молодые годы. Но вот пришла лисья старость. Никогда раньше лиса не думала, что состарится, и в мыслях у нее не было, что наступят времена, когда она не сможет лакомиться курами и петухами. Но старость все-таки пришла, стало ей невозможно охотиться. Лиса уже не могла одним прыжком словить петуха или разорвать одним ударом лапы зайца.

Настали для лисы трудные времена, частенько приходилось ей голодать. Иногда целыми днями не могла она ничего раздобыть, чтобы хоть заморить червячка.

Стала лиса раздумывать, как бы обеспечить себе пропитание. Сколько ни ломала себе голову, ничего не придумала. Огорчилась лиса, расстроилась.

И вот как-то вечером шла она к городу, думала чем-нибудь поживиться: костью ли какой или падалью. Стоило ей только выйти на большую дорогу, что вела к городу, как ее увидели и стали кричать:

— Эй, люди! Лиса! Лиса! Прячьте кур и петухов!

Видит лиса: чего доброго, угодит она в руки людей, — свернула с дороги и поднялась на крышу городского базара. Прошла несколько шагов, да вдруг оступилась и провалилась через дыру внутрь. А там как раз была красивая мастерская, и она угодила прямо в чан с краской.

Побарахталась лиса в чане и с превеликим трудом выкарабкалась наружу. Каким-то чудом выбралась она через то же отверстие на крышу базара и пустилась наутек.

Взглянула она утром на себя и видит: шкура ее стала совсем другого цвета: синяя с зелеными отливами. Обрадовалась лиса, решила:

— Теперь все пойдет на лад!

Пошла она к селению, видит, сидит на каменной ограде петух, хлопает крыльями, петъ собирается. Вдруг увидел он лису, узнал ее сразу — ведь это она сожрала столько кур и петухов, столько цыплят сиротами оставила.

Петух уже собрался было улизнуть, да очень ему любопытно стало, что это у лисы за окраска. Спрашивает он:

— Эй, подлая! Что это за выдумки?

— О петух! — отвечает лиса. — Это не хитрость. Ведь я уже стара, мне пора готовиться к путешествию в тот мир. Вот я и раскаялась в грехах. Аллах простил меня и дал мне новое облачение. Теперь думаю совершить паломничество к Божьему дому, чтобы там покаяться по-настоящему.

Сказала она это, воздела лапы к небу и стала выкрикивать, будто молитву совершает:

Ведь я дала обет не совершать грехов
И больше не душить ни кур, ни петухов.
Пора от дел дурных к молитве обратиться,
Воздевши руки вверх, хочу я помолиться.
С молитвой припаду к Господним я стопам,
И двери грешнице раскроет неба храм.
И пусть идут со мной пернатые без страха,
Взывая к имени великого Аллаха.

Хитрость лисы удалась — петух поверил ей и говорит:

— Коли так, то и я пойду с тобой. И за мной ведь числятся кое-какие грешки. Я клевал садовых червячков, отбирал зернышки у цыплят-сироток. А бывало и так, что их самих заклевывал.

— Коли так, то пошли, — предложила лиса.

Петух слетел со стены и поплелся за ней. Шли они, шли и остановились у озера, а в озере плавала утка. Как увидела она лису, отплыла на середину озера и закричала:

— Эй, подлая! Это что еще за окраска? И как ты ухитрилась потащить за собой петуха?

Затем утка обратилась к петуху:

— О добрый белый петух, послушай утку! Не поддавайся хитрости этой старой ведьмы. Нет дома, где по ее вине не носили бы траура.

— Верно ты говоришь, — отвечал петух. — Но это уже не та лиса. Она раскаялась, и Аллах простил ей грехи. А теперь она совершает па-ломничество к Божьему дому.

Затем он захлопал крыльями и громко пропел:

Она дала обет не совершать грехов
И больше не душить ни кур, ни петухов.
Она от дел дурных к молитве обратится,
Воздевши руки вверх, решила помолиться.
С молитвой бы припасть к Господним ей стопам —
И двери грешнице откроет Божий храм.
Пусть с ней теперь идут пернатые без страха,
Взывая к имени великого Аллаха.

Утка тоже поддалась на обман и присоединилась к ним. Шли они, шли и пришли к зарослям тростника. Там на камышинке сидел удод. Увидел он их, остолбенел от удивления и спросил:

— Почему вы водите дружбу с этой негодяйкой?

Утка ответила ему так же, как ей отвечал петух. И вот лиса, петух, утка и удод двинулись в путь гуськом. Вдруг, откуда ни возьмись, навстречу им стая куропаток. Захотелось лисе прихватить с собой несколько куропаток, и она стала петь:

Ведь я дала обет не совершать грехов
И больше не душить ни кур, ни петухов.
Пора от дел дурных к молитве обратиться,
Воздевши руки вверх, хочу я помолиться.
С молитвой припаду к Господним я стопам,
И двери грешнице раскроет неба храм.
И пусть идут со мной пернатые без страха,
Взывая к имени великого Аллаха.

Пропела она это и упала будто без сознания. Тотчас же петух, утка и удод окружили ее, стали растирать, гладить и привели в чувство. Но куропатки только рассмеялись и улетели.

Так они шли до захода солнца и остановились у подножия горы. Тут лиса и говорит:

— Уже темно, надо нам где-нибудь переночевать. Тут неподалеку есть пещера, переждем там до утра. В ней ни дождь, ни ветер не будут нам страшны, ни львы, ни тигры, ни барсы не нападут на нас.

— Да будет так, как ты велишь, — ответили все разом.

Так она обманула их и повела к своей норе. Отошла лиса в сторону, пропустила их вперед, а когда все вошли внутрь, заняла выход. Она умерла с голоду и только и думала, чем бы закусить, успокоить наконец свою утробу.

И вот сказала она петуху:

— Эй, петух! Ты ведь знаешь, что я раскаялась в грехах и отправляюсь к Божьему дому? А ведь раскаявшегося грешника не подобает оскорблять. А ты, как увидел меня, так сразу крикнул «подлая»! Так, выходит, кто подлее — я или ты?

Не успела лиса промолвить это, как птицы смекнули, что приготовила им лиса, какова цена ее раскаянию.

— Я назвал тебя «подлая», не зная о твоём раскаянии, — ответил петух. — Но теперь я не считаю тебя подлой. Так в чем же моя подлость?

— Что может быть более подлого, чем портить людям кур, — сказала лиса. — Ты не признаешь дозволенного и недозволенного, садишься на всех без разбора — будь то мать или сестра. А среди ночи, когда все люди спят, ты начинаешь кричать и будишь людей.

— Ведь это я азан читаю и по воле Аллаха сообщаю о наступлении утра!

— Бог не любит лживых чтецов азана. Уж я тебя накажу по заслугам. Подойди-ка ближе, эй ты, подлец! — крикнула лиса.

Петух подошел, хотел ответить — тут лиса схватила его и оторвала ему голову. Затем она обратилась к утке:

— И ты не лучше петуха, пакостница, мутишь чистую воду. Подойди-ка, покажу я тебе.

С этими словами она оторвала голову и утке. И вот дошла очередь до удода:

— Эй, удод! Кто возвысил тебя?

— Я — посланец пророка Сулеймана, — отвечал удод. — Он меня и возвысил.

— Перестань болтать. Когда у Сулеймана не было воды и он страдал от жажды, ты был нужен ему, и он послал за тобой. А ты и внимания не

обратил, а отправился искать Балкис* в Сабу, сватать ее. Да разве у Сулеймана не было жен? А ты заставил его страдать от жажды и полетел разыскивать Сулейману красивую и богатую жену, как будто у него не было жен и богатств. Надо наказать тебя за это!

Схватила она тут удода, а он из пасти ее говорит:

— Дозволь мне сказать тебе пару слов!

— Говори скорей, в чем дело?

— Я — любимец Сулеймана. Когда ему приходилось туго, он посылал за мной. А венец, что у меня на голове, возложил сам Сулейман. Если не веришь, я могу привести в свидетели степных кур — тогда ты убедишься в правоте моих слов.

Захотелось лисе еще курочек, она и говорит:

— Отправляйся, приведи их!

Удод вылетел из пещеры на волю и видит: едут по степи всадники, а впереди — стройный юноша. Спрашивает удода:

— Далеко ли путь держите, чего ищете?

Юноша отвечает:

— Моя сестра, дочь падишаха, заболела. Лекарь сказал, что ее вылечит сердце зайца и желчь старой лисы. Сердце зайца мы уже раздобыли, нужно теперь найти желчь лисы.

Удод говорит ему:

— То, что вам нужно, — здесь неподалеку. Пойдемте, я покажу вам старую лису.

Полетел удода вперед, а всадники за ним поскакали. Остановились они у лисьей норы.

— Эй, лиса! Выходи, выслушай свидетелей! — закричал удода.

А шахзаде уже приготовился, натянул тетиву лука. Как только показала лиса, он выпустил стрелу и пронзил ей сердце. Собрал он лисью желчь и отвез сестре. Так все мелкие звери той округи избавились от коварной лисы.

Наша сказка кончилась, а галка до своего гнезда не долетела.

* Балкис — библейская царица Савская, возлюбленная царя Соломона (Сулеймана).

Содержание

Волшебные сказки	5
Мирза Масту-Хумар и Биби-Мехрнегар. <i>Перевод Н. Османова</i>	7
Говорящий тростник. <i>Перевод Н. Османова</i>	15
Дервиш-колдун. <i>Перевод Н. Османова</i>	19
Сын охотника. <i>Перевод Н. Османова</i>	24
Шах и везир. <i>Перевод А. Бертельса</i>	38
Сказка о дочери портного и сыне падишаха. <i>Перевод Н. Османова</i>	45
Сказка о пророке Мусе и водоносе. <i>Перевод Н. Османова</i>	49
Сказка о купеческой дочери и мулле. <i>Перевод Н. Османова</i>	53
Плешивый пастух и дочь кедхуды. <i>Перевод Н. Османова</i>	61
Лоточник. <i>Перевод Н. Османова</i>	70
Сказка о шахзаде Исмаиле и Араб-Занги. <i>Перевод Н. Османова</i>	78
Сказка о лентяе. <i>Перевод Н. Османова</i>	86
Наджма и царская дочь. <i>Перевод Н. Османова</i>	91
Камала и Шафанун. <i>Перевод Н. Османова</i>	97
Перстень Сулеймана. <i>Перевод Н. Османова</i>	101
Джастик из горошинки. <i>Перевод А. Бертельса</i>	104
Мугул-Дохтар. <i>Перевод Н. Османова</i>	109
Шахзаде и змея. <i>Перевод Н. Османова</i>	117
Корова с белой метинкой на лбу. <i>Перевод А. Бертельса</i>	120
Соловей-странник. <i>Перевод Н. Османова</i>	126
Ходжа Бу-Али. <i>Перевод Р. Алиева</i>	131
Заколдованный замок. <i>Перевод А. Бертельса</i>	139
Одежда, которую кто ни наденет — сто лет проживет. <i>Перевод А. Бертельса</i>	160
Упрямая ворона. <i>Перевод А. Бертельса</i>	166
Бу-Али Сина. <i>Перевод Р. Алиева</i>	171
Сказка о Малек-Джамшиде. <i>Перевод Н. Османова</i>	176
Книга — зеркало мира. <i>Перевод Р. Алиева</i>	188
Горошинка и див. <i>Перевод А. Бертельса</i>	193
Сказка о Лиловой бане, Лиловом городе и Масуде. <i>Перевод Н. Османова</i>	196
Эй-вай. <i>Перевод Р. Алиева</i>	208
Тыква. <i>Перевод Р. Алиева</i>	216
Бытовые сказки	219
Четыре женщины. <i>Перевод А. Бертельса</i>	221
Ярдан Кули-бек. <i>Перевод Н. Османова</i>	227
Три ахунда. <i>Перевод Н. Османова</i>	234
Сапожник Мешхеда-Карим. <i>Перевод Н. Османова</i>	237

Персидская кошка. <i>Перевод Н. Османова</i>	242
Намади. <i>Перевод А. Бертельса</i>	249
Сказка о купце и его сыне. <i>Перевод Н. Османова</i>	258
Сказка о кунице, кадии и Бохлуле. <i>Перевод Н. Османова</i>	262
Рассказ о сундуке. <i>Перевод А. Бертельса</i>	266
Упрямец. <i>Перевод Н. Османова</i>	273
Балхский суд. <i>Перевод Р. Алиева</i>	279
Ахмад и сын судьи города Балха. <i>Перевод А. Бертельса</i>	324
Рассказ о дервише и бездельнике. <i>Перевод А. Бертельса</i>	329
Рассказ о Беспечальном и Беззаботном. <i>Перевод А. Бертельса</i>	335
Воры и колодец. <i>Перевод А. Бертельса</i>	342
Падишах, судья и дервиш. <i>Перевод А. Бертельса</i>	345
Купец и Голандам. <i>Перевод Р. Алиева</i>	351
Глупцы. <i>Перевод Н. Османова</i>	357
Кто первый заговорит. <i>Перевод Н. Османова</i>	366
Бу-Али и медники. <i>Перевод Р. Алиева</i>	368
Бу-Али и больной. <i>Перевод Р. Алиева</i>	369
Больная кошка. <i>Перевод Р. Алиева</i>	371
Сумасшествие. <i>Перевод Р. Алиева</i>	372
Ученый Бу-Али. <i>Перевод Р. Алиева</i>	374
Глупая невестка и свекровь. <i>Перевод Н. Османова</i>	380
Сказки о животных	383
Лиса и петух. <i>Перевод Н. Османова</i>	385
Аист-хаджи и лиса-шейх. <i>Перевод Н. Османова</i>	387
Глупый медведь. <i>Перевод Н. Османова</i>	389
Шангул и Мангул. <i>Перевод Н. Османова</i>	391
Удод. <i>Перевод Н. Османова</i>	394
Тетушка Сверчок. <i>Перевод А. Бертельса</i>	396
Блоха упала в танур, а муравью — горе. <i>Перевод А. Бертельса</i>	400
Подтолкни меня, я и покачусь. <i>Перевод А. Бертельса</i>	403
Старушка. <i>Перевод Н. Османова</i>	406
Сила. <i>Перевод Р. Алиева</i>	409
Как мышке хвост пришили. <i>Перевод Р. Алиева</i>	411
Лев-охотник. <i>Перевод Р. Алиева</i>	414
Лиса-шейх. <i>Перевод Р. Алиева</i>	418
Ворона и лиса. <i>Перевод Н. Османова</i>	422
Коробочка. <i>Перевод Н. Османова</i>	425
Куцый шакал. <i>Перевод Н. Османова</i>	428
Воробушек. <i>Перевод Н. Османова</i>	433
Кровожадный волк и хитрая лиса. <i>Перевод Н. Османова</i>	435
Старая лиса. <i>Перевод Н. Османова</i>	441